

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южно-Уральский государственный университет»
(национальный исследовательский университет)

На правах рукописи

Зырянов Алексей Викторович

**СИНЕРГЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ
ГОСУДАРСТВОПОНИМАНИЯ**

Специальность: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Диссертация

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант –
доктор юридических наук, профессор,
Бабенко Андрей Николаевич

Челябинск – 2023

Введение	3
Глава 1. Теоретико-методологический потенциал синергетического подхода в государствоведении	20
1.1. Проблема государствоведения и парадигмальные основания его типов.....	20
1.2. Концептуальные основания синергетической парадигмы обществознания	61
1.3. Методологический потенциал теории самоорганизации в исследовании социально-политических систем	90
Глава 2. Синергетический подход к исследованию становления и развития системы государственной организации общества	122
2.1. Социосинергетический подход к проблеме государствоведения	122
2.2. Синергетический подход к закономерностям развития государственного строя	161
Глава 3. Синергетический подход к исследованию сущностно-функциональных характеристик государственного формообразования	196
3.1. Системно-синергетический подход к исследованию сущности государственной власти	196
3.2. Самоорганизационный подход к исследованию системы государственного управления	234
3.3. Синергетический подход к исследованию механизма правового регулирования	271
Глава 4. Синергетический подход к эволюционному моделированию системы государства	308
4.1. Переходное состояние государства в концепции Универсального эволюционизма	308
4.2. Принципы моделирования системы государственной организации общества и ее самоорганизационного развития	343
Заключение	368
Библиографический список	380

Введение

Каждая политико-правовая концепция, как модель реальности, является продуктом своего времени.

Анализ состояния современной социетальной действительности, с сопутствующими экономическими, политическими, социальными, геополитическими противоречиями и кризисами, позволяет сделать вывод о наличии тотальной проблемы связанной с актуализацией, оптимизацией и функционализацией идеи государственности, которая уже несколько тысяч лет выступает ключевым организационным инструментом развития человечества.

Многообразные формы государственных образований, изобретенные или приобретенные различными национально-культурными сообществами с целью обеспечения собственной жизнеспособности, самодостаточности и/или исключительности, равным образом сталкиваются с вызовами наполненного кризисными процессами алгоритмично глобализирующегося мира, заставляющими включать механизмы эволюционной и коэволюционной адаптации.

Так, перед современной юридической наукой стоит масштабная задача, связанная с поиском эффективных средств познания и понимания сущностных оснований всё усложняющихся и ускоряющихся процессов общественно-государственного уровня, созданием универсальной доктрины обеспечивающей прогнозируемость и управляемость данных процессов.

В современный период, как перед мировым сообществом, так и перед российским государством остро стоит проблема выбора пути дальнейшего развития, оптимизации политической, экономической и социальной сферы общественных отношений. Так, прогрессивным шагом можно считать уже сам факт признания указанных проблем на государственном уровне, в том числе, определение в качестве стратегического приоритета процесс стимулирования

новационно-научной деятельности, фундаментальных и практикоориентированных исследований.

В связи с этим, действительно, верным решением, усматривается выбор в виде отправной точки качественного анализа социальной действительности фундаментальной науки, изучающей общие закономерности развития и функционирования государства и права. Так, представляется, что в настоящее время, именно теория государства и права, требует определенного совершенствования в контексте современной динамики развития научной мысли, в том числе, путем синхронизации собственного подхода в исследовании государства с имеющимися достижениями в иных отраслях знания.

Определить и объяснить основные характеристики государства, указать его главные признаки и, тем самым, раскрыть природу государства, сформировать его понимание, – основные задачи, которые ставятся перед теорией государства. Познать природу государства – значит выявить определяющие аспекты в его функционировании и развитии, его социальную ценность и назначение, т. е. понять государство в единстве всех многообразных и противоречивых свойств, сторон и форм, как самостоятельное и целостное социальное явление. Вместе с тем, выявление и анализ закономерных связей, определяющих процесс развития государства, способствуют установлению тенденций, которые позволят прогнозировать функционирование этого системного феномена в будущем.

В силу сказанного, в процессе познания и понимания такого явления, как государство, представляется важным учет особенностей современного, постнеклассического этапа развития науки и рациональности, в частности синергетической парадигмы, включающей в себя идеи самоорганизации, открытости, сложности, нелинейности и эволюции организационных систем, которые в полной мере можно соотнести с действительностью политической системы общества и, собственно, государства.

Полиструктурность реального мира, динамика развития человеческого общества обуславливает понимание того, что политико-правовые явления в своей совокупности составляют сложную систему, характеризующуюся постоянным

движением, что предопределяет её комплексное и синергетическое исследование, выходящее за рамки детерминистской парадигмы. Можно сказать, что закономерности развития государственной системы представляют собой объективные, устойчивые, повторяющиеся связи, характеризующие сущностное единство и динамизм политических явлений на различных этапах истории человечества. Они, в конечном счете, есть объективные результаты общественно-исторической деятельности людей, выстраивающиеся сквозь множество случайностей и отклонений в конкретные устойчивые циклодинамические тенденции. Эти тенденции составляют внутренний источник саморазвития, посредством которого общество и государство способны приобретать новые качества, многократно переходя в своем развитии от одной системной формы организации динамической устойчивости социума к другой, необратимо обогащаясь опытом образцов организационной культуры.

Таким образом, выбранная тема диссертационного исследования позволяет с позиции постнеклассической научной рациональности, посредством синергетической методологии, теоретически осмыслить природу государства как общественно-политического, самоорганизационно-эволюционирующего явления, выявить его сущностные свойства и выработать адекватное современной действительности понимание генезиса и закономерностей развития его сущностно-функциональных характеристик и форм.

Проблема методологических исследований государства и права является достаточно актуальной в современной отечественной юридической науке. В данном аспекте, можно выделить вклад таких ученых, как А.Н. Бабенко, Н.А. Власенко, В.С. Горбань, С.А. Дробышевский, Д.А. Керимов, И.П. Кожокарь, Г.В. Мальцев, Г.И. Муромцев, М.В. Немытина, А.В. Петров, О.Ю. Рыбаков, К.Е. Сигалов, В.М. Сырых, А.Н. Тимонин и др.

Применение в процессе научного познания государства социосинергетического методологического подхода представляет собой достаточно новое течение в государствоведении. Надо отметить, что важный вклад в становление теории социальной самоорганизации внесли такие ученые,

как А.А. Самарский, С.П. Курдюмов, Е.Н. Князева, Н. Н. Моисеев, В.Е. Егоров, Г.И. Рузавин¹. Точки пересечения философии и синергетики были выявлены А.М. Ковалевым, К.Х. Делокаровым, Ф.Д. Демидовым².

Отдельные элементы социальной самоорганизации разрабатывались группой ученых Московского университета (С.Н. Кабанов, А.Н. Клепач, В.И. Кузнецов, В.М. Кульков, Г.М. Куманин, Ю.М. Осипов, В.Т. Рязанов, Ф. Стробел, И.Н. Шургалина). На основе синергетических принципов исследованы переходные периоды и механизмы развития социальных систем³. В социосинергетическом контексте рассматривается ноосферный подход к решению острейшей проблемы будущего человечества - управление устойчивым развитием - в работах А.Д. Урсула и Т.А. Урсул⁴. Эвристические возможности построения теоретической модели социальной самоорганизации и способы синергетической интерпретации социально-исторических процессов представлены в работе В.В. Васильковой.

¹ Самарский А.А., Галактионов В.А., Курдюмов С.П. Режим с обострением в задачах для квазилинейных параболических уравнений - М. 1987, Курдюмов С.П., Князева Е.Н. У истоков синергетического видения мира// Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. - М., 1994; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с Пригожиным// Вопросы философии - 1992. - №12; Князева Е.Н, Курдюмов С.П. Законы и эволюции сложных систем. - М. 1994; Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления/ Отв. ред. И.А. Ачкурин, В.И. Аршинов - М., 1994. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. - М., 1997. Моисеев П. Расставание с простотой. - М., 1998; Аршинов В.И. Синергетика как феномен постпеклассической науки. - М., 1999. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика. - М. 2000. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем. - М. , 1994; - Ростов-на-Дону - Белгород, 1999; Синергетическая парадигма - множество поисков и подходов/ Отв. Ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. - М., 2000, Рузавин Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества. // Вопросы философии. - 1995. - № 8. Рузавин Г.И. Парадигма самоорганизации как основа нового мировоззрения. // Свободная мысль. - 1993. - № 17-18. Егоров В.С. Философский реализм. - М., 1994, Рационализм и синергетизм. - М. 1997, Социальный реализм. - М. 1999, Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. - М.: Прогресс- Традиция, 2002.

² Ковалев А.М. Изменяющийся и самоорганизующийся мир. - М., 1999. - Т.1, 2; Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы: Синергетика. Философия. Научная реальность. - М., 1999.

³ Переходы и катастрофы. - М. 1994.

⁴ Урсул А.Д, Урасул Т.А. Синергетика и ноосферный подход к управлению устойчивым развитием// Синергетика и социальное управление. - М., 1998. - С 114 -128.

Методологические проблемы управления в контексте постнеклассической науки изучали: Н.Н. Моисеев, Г. И. Рузавин, С.П. Курдюмов, К.Х. Делокаров, Е.Н. Князева. Специфику управления в условиях социального кризиса и развития социальных процессов в режиме с обострением: В.Г. Буданов, О.Н. Козлова, информационный подход в управлении сложными самоорганизующимися социальными системами: К.К. Колин, Г.Г. Малинецкий, В.В. Тарасенко. Соотношение культуры и управления в синергетическом аспекте: В. К. Егоров, О.А. Астафьева, Г.Г. Богатырева⁵.

Отдельные аспекты связи государственного строя и управления с процессами социальной самоорганизации представлены в работах Ю.П. Аверина, О.В. Барышникова, Л. А. Василенко, А.Б. Венгерова, Г. А. Туманова, В.С. Егорова, А.В. Иванова, Л.А. Калиниченко, А.П. Назаретяна, В.К. Петрова, В.Н. Протасова, О.Ф. Шаброва, Л.В. Лескова, В.Л. Романова освещающих различные направления теории и практики государственной организации и управления в постнеклассическом представлении⁶.

Таким образом, можно сказать, что теоретическую базу исследования составляют работы по теории и истории государства и права, истории учений о государстве, проблемам теории государства и права, философии, философии науки, социальной философии, политологии, социологии, теории систем, тектологии и теории самоорганизации.

В своих трудах ученые исследовали проблемы понимания, развития и функционирования государства. Издан ряд работ, посвященных проблемам синергетики, синергетической парадигмы и возможности ее применения в различных областях научного знания, в том числе в юриспруденции и

⁵ Самоорганизация, организация, управление. - М., 1995. Методологические основы социального управления - М., 1995; Философские проблемы образования. - М. 1996; Информация и самоорганизация. - М., 1996; Теоретические проблемы государственного управления и государственной службы. - М., 1997; Синергетика и образование - М., 1997; Синергетика и социальное управление - М., 1998; Синергетика и учебный процесс. - М., 1999, Синергетика: человек, общество.- М. 2000; Синергетика, философия, культура. - М. 2001.

⁶ Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы. - М., 2000; Шабров О. Политическое управление: проблемы стабильности развития. - М. 1997.

государствоведении. Были исследованы некоторые аспекты природы государства в рамках социосинергетического подхода.

Многомерность и динамичность государственной организации, ее общественная роль и внутренние процессы в современном сложном, открытом, нелинейном мире обуславливают необходимость на основе последних методологических достижений теории эволюции и самоорганизации сложных неравновесных систем – синергетики, выработать целостное, концептуальное понимание государства, как самоорганизационного социополитического явления и ответить на актуальные вопросы, связанные с его становлением, функционированием и развитием.

Основная цель диссертационного исследования – научная разработка и обоснование синергетической концепции государствоведения. Речь идет о понимании государства как явления социальной действительности, сложной, открытой, нелинейной, динамичной системы публичного властвования, универсальной политической организации общества, формообразовании социополитической структуры, основанной на принципах глобального эволюционизма, законах самоорганизационного развития, раскрываемых посредством постнеклассического научного подхода на основе идей и методов синергетики, теории самоорганизации.

Цель исследования определила решение следующих задач:

- 1) определение категории «государствоведение», установление типов государствоведения, выявление соотносимости синергетической концепции с современным типом государствоведения;
- 2) определение концептуальных оснований синергетической парадигмы обществознания;
- 3) раскрытие методологического потенциала теории самоорганизации в исследовании социально-политических систем;
- 4) выработка социосинергетического подхода к проблеме возникновения государства;

- 5) выработка синергетического подхода к закономерностям развития государственного строя;
- 6) обоснование применимости системно-синергетического подхода к исследованию сущности государственной власти;
- 7) обоснование применимости самоорганизационного подхода к исследованию системы государственного управления;
- 8) обоснование применимости синергетического подхода к исследованию механизма правового регулирования;
- 9) раскрытие переходного состояния государства в концепции Универсального эволюционизма;
- 10) раскрытие принципов моделирования системы государственной организации общества и ее самоорганизационного развития.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе организации государственной системы – системы государственной организации общества.

Предметом исследования являются закономерности становления, развития и функционирования системы государственной организации общества, сущностные свойства государства, изучаемые на основе синергетического научного подхода.

Комплексный подход к объективному рассмотрению предмета исследования определяет использование методов теории государства и права, истории государства и права, истории учений о государстве и праве, проблем теории государства и права, социологии, философии науки. На базе общенаучного диалектического метода познания в работе применяется ряд специальных методов: формально-логический метод теоретического анализа (анализ, синтез, дедукция, индукция, абстрагирование, восхождение от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному), сравнительный, социологический, структурно-функциональный метод, метод историзма, и метод моделирования. Особая роль при выполнении работы принадлежит методу системного анализа и синергетическому методу, которые в свою очередь рассматривают окружающую действительность, как совокупность отношений

элементов системы систем, а любое явление реального мира, как способное к самоорганизации, сложное, открытое и нелинейное, соответственно.

Диссертация представляет собой первую в отечественном государствоведении попытку комплексного исследования и обоснования синергетической концепции государства соотносящуюся с типом государствовопонимания сообразного современной постнеклассической парадигме научной рациональности. Государство понимается, как явление социальной действительности – самоорганизационная система политических отношений, направленная на обеспечение жизнеспособности, устойчивости целеполагаемого развития пространственно определенной социальной общности, характеризующаяся нелинейной (альтернативной) эволюционной динамикой своей функциональной структуры и формы, обусловленной внешними и внутренними параметрами порядка, которые взаимосвязаны с волевыми установками индивидов и их групп посредством субъектно-объектной рефлексии сознания. На методологической основе синергетического научного подхода исследуется предметная область теории государства: проблема государствогенеза; вопросы, связанные с закономерностями формообразования и развития государственного строя; сущностно-функциональный анализ государственной власти, государственного управления, механизма правового регулирования; проблема переходного состояния государства и эволюционного моделирования государственно-политической системы.

Положения, выносимые на защиту:

1. Категория «государствовопонимание», вводимая в качестве предмета исследования теории государства, видится в качестве системообразующего элемента государствоведения, места приложения сил, связанных с онтологическими, гносеологическими, методологическими и типологическими изысканиями. «Государствовопонимание» – это определяемая типом научной рациональности, сложившаяся в юридической и политической теории совокупность концептуальных взглядов на сущность государства, причины и пути его возникновения и развития, форму организации, устройства и

функционирования государственной власти, роль в жизни общества, связь с правом.

Можно выделить следующие, имеющие собственную мировоззренческо-методологическую специфику, типы государствопонимания, соотносимые с типологией/хронологией парадигм научной рациональности (донаучной, классической, неклассической, постнеклассической): теологико-статический, антропоцентристско-механистический, позитивистско-исторический, системологико-альтернативистский.

Заявленная синергетическая концепция разрабатывается в рамках системологико-альтернативистского типа государствопонимания, соответствующего, в свою очередь, современной постнеклассической парадигме научной рациональности.

2. Принципы самоорганизации сложных систем такие, как гомеостатичность, иерархичность, открытость, нелинейность, случайность, неустойчивость, эмерджентность, необратимость, универсальность и др., открывают новые возможности в исследовании проблем общественного развития, демонстрируют междисциплинарные результаты, методологически применимые в процессе исследования социально-политических систем, государственной организации.

Синергетическая методология социального познания, развивая положения диалектики, теории систем, тектологии и кибернетики ведет к формированию теоретической модели политико-правового развития, понимающей человека, общество и государство как эволюционирующую целостность, которой свойственны детерминизм и случайность, устойчивость и неустойчивость, организация и дезорганизация, взаимопереходы динамического хаоса и динамической устойчивости на микро- и макроуровнях.

3. Познание процесса государствообразования предполагает исследование не только условий становления древнейших систем государствообразной организации общества, но и познание общих закономерностей возникновения

всех, когда-либо существовавших в прошлом и существующих в настоящем государств.

Применительно к проблеме государствогенеза, является эвристичным использование идеи самосохранения, как системообразующего фактора в котором отражена сущность, определяющая механизмы и закономерности системогенеза. Рассмотренный механизм лежит в основе государственной организации общества, как на заре человечества, так и в современный период.

Государство здесь, представляется универсальной самоорганизационной политической системой, продуктом социальной эволюции, возникшим в качестве института, который способен обеспечить самосохранение определенному контингенту людей – носителям воли целеполагания, и развивающийся в виде умозрительно-организационной формы системной устойчивости, периодически претерпевающей адаптивно-ситуационные преобразования.

4. Говоря о развитии государства во времени важно учесть, что «время», как мера исторического развития, представляется условной единицей системной трансформации энергии.

В свою очередь, воля отдельного человека усматривается в качестве первоисточника энергии государственно-правовой материи. Суммируясь, энергия индивидуальных волей оказывает на материю самоорганизационный эффект, проявляющийся в ее системно-структурном упорядочивании и преобразовании – государственно-правовом становлении и реформировании. Далее и далее, фиксируясь информационно, одна (достигнутая) система отношений, становясь объектом рефлексивно-волевых процессов, порождающих движение материи, сменяется другой, демонстрируя, тем самым, глобальный принцип государственного развития.

5. Закономерности развития собственно государственного строя можно сгруппировать в две основные структурообразующие тенденции, соответствующие процессам рождения нового политико-правового порядка и процессам сохранения этого порядка, соответствующие двум различным типам поведения социальных систем: первый – открытый, динамичный, далекий от

равновесия, порождающий усложненную структуру; второй – самоизолирующийся, ориентированный на статичность, близкий к равновесности, порождающий упрощенную структуру.

Эти две базовые тенденции обусловлены различными типами реакции систем на внешне- и внутрисистемные факторы и способами их переработки адаптации к ним. Смена указанных вариантов поведения социальных систем на разных этапах их эволюционного развития демонстрирует скрытый пульсирующий механизм волнового развития общества в контексте соответствующего государственного строя, которому свойственна цикличность процессов возникновения, относительно устойчивого существования и распада

6. Власть, как категория, понимается не в качестве «имущества» некоего субъекта или процесса повелевания, а в качестве системного феномена, рассматривается как свойство («гравитационное поле») социополитической системы, она воплощается в виде процесса структуризации отношений между людьми, координации и направления их действий в единое русло результирующего, целеполагающего волевого вектора (аттрактора), который, формируя систему ценностей, определяет порядок иерархического соотношения элементов в зависимости от их функционального предназначения.

Процесс самоорганизации в обществе идет посредством накопления, отбора и преобразования информации, её структуризации. На базе этого процесса осуществляется зарождение новых структур, т.е. организации дисциплинарных пространств предусматривающих определенный порядок мышления и поведения. Результатом обмена деятельностью, информацией, становится дифференцированная и иерархическим образом организованная структура государственно-общественных связей, а также производимый порядок отношений (именуемый демократия, автократия, олигархия, тирания и т.д.) через который человеческое общество конституируется как ассоциация политически организованных индивидов.

7. В синергетическом контексте государственное управление представляется процессом самоорганизации, берущим свое начало во множестве

микроуровневых образований социального пространства. Спонтанно возникающие в процессе преодоления кризисной ситуации или в момент выбора альтернативы развития параметры порядка согласовывают частные и общие интересы национального сообщества и приобретают значение направляющего и регулирующего движения, которое, в свою очередь, определяет характер связи, вид деятельности компонентов государственной системы, следующего и следующего организационных уровней, оптимизируя процесс решения базовых государственных задач.

Социальные изменения вносят коррективы в структурные и качественные характеристики субъектов и объектов управления, не противопоставляя при этом, а синергизируя субъект – объектные отношения. Целью управления определяется поддержание не состоявшегося статического порядка, а самоорганизации, проявляющейся длящимся процессом государственного становления, т.е. динамической организованностью.

В свою очередь, системный государственный кризис рассматривается не только как апогей дезорганизации, но одновременно как появление новой организации борющейся с возникшей дезорганизацией, в единстве значений деструктивного и конструктивного движения. Данная концепция управления учитывает альтернативность социальной эволюции и особенности поведения в критической области значений системы. Говоря о проблеме стратегий и тактик государственного управления, его отношении к кризисным (переходным) состояниям и процессам, подчеркивается, что не может быть таких внешних воздействий, которые могли бы «навязать» способ поведения не свойственный потенциальной структуре системы государства.

8. Описать особую связь государства с правом, при котором право представляется условием согласованности воли – функцией системы государственной организации общества, можно математически посредством следующей формулы: $y = f(x)$ (y – государственное регулирование; f – право; x – общественные отношения), где *право* есть символ некоторого преобразования, которому нужно подвергнуть *общественные отношения*, чтобы получить

государственное регулирование. Здесь, достижение тождества является показателем адекватности правотворческой и правореализационной деятельности.

В свою очередь, собственно право – это открытая нелинейная система, где постоянно происходит ввод и вывод необходимой информации, регулятивно-волевой энергии, юридических способов и средств упорядочения и охраны общественных отношений, в результате чего рождается множество потенциальных путей его развития.

Динамичный характер связей между элементами механизма правового регулирования является тем фактором, который обуславливает самосовершенствование данного механизма, который, выступая синтезирующим компонентом коэволюции человека, общества и государства, подтверждает положения синергетики о том, что процессы самоорганизации суть всегда результат взаимодействия микросистем, проявляющийся на макроуровне.

9. Человек – сложный продукт природных процессов – воплощение и носитель концентрированного опыта общеприродной эволюции, а государствообразная организация человеческого общества, переходность ее состояния, есть структурный элемент и результат имманентного процесса эволюции Универсума.

Так, универсальная эволюция, относительно системной формы организации государства, представляется в виде последовательности закономерно сменяющихся качеств материи политических отношений в обществе, выступающей ее содержанием. В процессе этой эволюции каждое последующее качество указанной материи зарождается в недрах предыдущего и в своем развитии проходит определенные фазы (диссипации, флуктуации, бифуркации, гомеостаза). Любой государственный строй уже в момент зарождения несет зачатки, которые впоследствии служат причиной его крушения. Переходный период, подготавливаемый фазой кризиса, представляет собой момент саморазвития – смену устаревшей формы развития новой, более функционально соответствующей моменту времени, способной обеспечить здесь и сейчас жизнеспособность (упорядоченность) общества.

Государство как система переходит на новый этап развития, выбирая один из вариантов, находящихся вблизи этого выбора. Однако последний не представляет собой «лучший» вариант возможного, не может учитывать дальнейшую перспективу развития, он совершается в силу, в основном, внутренних процессов.

10. Переводя в практическое русло идею применения синергетического подхода в исследовании государства, представляется важным решение вопроса связанного с выработкой соответствующей динамической (многофакторной и альтернативистской) модели самоорганизационного развития системы государственной организации.

Обозначенную динамическую модель (детально описанную в работе) соотношения качественных характеристик системы государственной организации общества (СГОО) можно выразить следующей общей формулой (где « x » – величина изменений параметров состояний ($a_1, a_2 \dots; b_1, b_2 \dots$) параметров порядка: $A, B, C \dots$): S (состояние СГОО) = $(A(xa_1 + xa_2 + xa_3 + xa_4) + B(xb_1 + xb_2 + xb_3 + xb_4) + C(xc_1 + xc_2 + xc_3 + xc_4) + D(xd_1 + xd_2 + xd_3 + xd_4)) - (E(e_1/x + e_2/x + e_3/x + e_4/x) + F(f_1/x + f_2/x + f_3/x + f_4/x) + G(g_1/x + g_2/x + g_3/x + g_4/x) + H(h_1/x + h_2/x + h_3/x + h_4/x))$.

Разработанная модель, которая допускает возможность своего описания посредством математического уравнения, являющегося основанием специальной, представленной в работе, компьютерной программы, закладывает основу междисциплинарных связей, способных обогатить и повысить эффективность юридической науки.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в работе оценки, положения и выводы дополняют и развивают теорию государства в части, касающейся системологии, методологии, понятия сущности государства, вопросов его генезиса, развития и функционирования. Осуществленное в рамках диссертационной работы, на основе синергетического подхода, исследование проблем познания и понимания государства, его признаков, форм и механизмов раскрывает важный аспект

современной теоретической науки, предлагает новое осмысление континуума «человек-общество-государство».

Практическая значимость исследования состоит в том, что собранный и обобщенный материал и сделанные на его основе выводы могут быть учтены в процессе оптимизации системы организации государственной власти и управления, а также в процессе выработки стратегии национального развития. Положения работы также могут быть использованы при подготовке дополнительных прогностических рекомендаций при разработке федеральных программ по различным направлениям деятельности государства.

Результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах, спецкурсах, при проведении семинарских занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права» «История и методология юридической науки», «Философия права», «История политических и правовых учений».

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Научные результаты выполненной работы обладают достаточной степенью достоверности, что обеспечивается глубиной исследования основных концепций отечественных и зарубежных ученых по вопросам изучаемой проблемы, творческим использованием современных методов научного исследования. Достоверность полученных результатов определяется полнотой рассмотренного материала на высоком научно-теоретическом уровне. Все положения, выдвинутые в диссертации, основательно аргументируются и доказываются.

Диссертационное исследование обсуждалось, и было одобрено на заседании кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета; обсуждалось в рамках специального семинара, проводимого кафедрой теории государства и права РУДН. Теоретические выводы и положения диссертации использовались соискателем в преподавании различных учебных дисциплин студентам Юридического института Южно-Уральского государственного университета. Они нашли отражение в монографиях: «Синергетический подход в исследовании государства» (Челябинск:

Издательский центр ЮУрГУ, 2015), «Синергетическая концепция государствовопонимания» (Москва: Юрлитинформ, 2019) а также в других научных публикациях автора в количестве 50 шт. Результаты диссертационного исследования нашли свою апробацию на научных конференциях проведенных на базе юридических факультетов университетов и институтов Москвы, Тюмени, Омска, Челябинска, Уфы, Томска, Краснодара, Тамбова, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону. Наиболее значимые положения исследования представлены в статьях, опубликованных в журналах рекомендованных ВАК для публикации основных положений диссертаций: «Государство и гражданин (синергетический подход)», «К вопросу о предназначении государственной власти (синергетический подход)», «Моделирование синергетического развития государственно-политической системы», «Государствовопонимание», «Интегративный подход в современных юридических исследованиях», «Синергетический подход в современных юридических исследованиях», «Универсальный эволюционизм как методологическая основа исследования переходного состояния государства», «Социосинергетический подход к проблеме государствогенеза», «Самоорганизационный подход к исследованию системы государственного управления», «Синергетический подход к проблеме циклодинамики государственного развития», опубликованных в Вестнике Южно-Уральского государственного университета; «Государство, как система с социорегулятивным признаком самоорганизации (синергетический подход)», «Формы реализации государственной власти (синергетический подход)», опубликованных в Вестнике Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; «Дискурс методологических подходов в современных юридических исследованиях», «О некоторых методологических подходах в юридических исследованиях (философский, натуралистический, позитивистский подходы)», опубликованных в Вестнике Томского государственного университета; «Системный подход в современных юридических исследованиях», опубликованной в журнале Правовое государство: теория и практика; «The idea of self-organization in the system of public administration», «System-synergetic

approach to studying the essence of state power», «Эволюция правопонимания в западной философии» опубликованных в журнале *RUDN Journal of Law*; «The Problem of State Understanding and Paradigm Bases of its Types» опубликованных в журнале *WISDOM* и др.

Структура диссертации определяется целями, задачами исследования и логикой изложения. Основная часть диссертации состоит из четырех глав, объединяющих десять параграфов. Работа включает также введение, заключение и библиографический список.

Глава 1. Теоретико-методологический потенциал синергетического подхода в государственном управлении

1.1. Проблема государственного управления и парадигмальные основания его типов

Интенсивная динамика развития и усложнение современной социетальной действительности в условиях глобально-цивилизационного информационного пространства порождает особое качество рефлексивного восприятия государственно-правовой сферы общественных отношений. Государство и право, в данном дискурсе, представляются сложными и открытыми системами, формируемыми и функционально структурируемыми посредством, как внешних, так и внутренних самоорганизационных факторов.

В данных условиях актуализируется прогностическая функция юридической науки непосредственно связанная с процессами политико-правовой оптимизации. В этой связи, является принципиально важным акцентирование внимания на предметной области исследования, касающейся не столько формально проявленной фактической данности – результирующего следствия, сколько, подчас, скрытых системообразующих процессов – основополагающих причин – факторов становления и развития государственно-правовой реальности.

Научная объективация, связанная с поиском эффективных средств познания и понимания сущностных оснований всё усложняющихся и ускоряющихся процессов общественно-государственного уровня, связана созданием универсальной доктрины обеспечивающей прогнозируемость и управляемость данных процессов.

Так, представляется важным, выработка адекватного специфике исторического времени ориентира научного познания для теории государства, ее усиление, путем создания, введения в качестве предмета исследования такой

категории, как «государствопонимание», призванной стать системообразующим элементом государственоведения, местом приложения сил связанных с онтологическими, гносеологическими, методологическими и типологическими изысканиями.

Предвосхищая вопрос о теоретическом соотношении проблемы государственствопонимания с проблемой правопонимания, хотелось бы подчеркнуть исключительно конструктивную направленность производимых изысканий, умышленно, с целью достижения необходимого качества, акцентированных на одной из предметных областей теории государства и права, однако, способных обогатить юридическую науку, предоставив правоведению, способствующие исследовательскому симбиозу, методологические ориентиры.

Итак, интересующее нас понятие государственствопонимания хотелось бы определить следующим образом. Государствопонимание – это определяемая типом научной рациональности, сложившаяся в юридической и политической теории совокупность концептуальных взглядов на сущность государства, причины и пути его возникновения и развития, форму организации, устройства и функционирования государственной власти, роль в жизни общества, связь с правом.

Важно отметить, что проблема государственствопонимания неразрывно связана с вопросом собственно понятия государства, который являясь краеугольным камнем юридической науки, открыт и актуален по сей день. Сложность данного вопроса, поливариантность его решения в различные исторические эпохи отдельными мыслителями, обусловлена сложностью познания и описания феноменов публичной, политической и государственной власти, которые выступая организационными явлениями социальной действительности, носят многомерный и динамичный характер.

Вместе с тем, научное исследование, понимание, определение понятия государству сопряжено, с массой негативных факторов объективного и субъективного свойства: включенность субъекта в объект познания, методологическая недостаточность, культурная изолированность, социальный

заказ, политическая и экономическая конъюнктура, политическая ангажированность, идеологическая зависимость и др.

Принимая во внимание научное наследие и тысячелетний исторический опыт, в контексте идеи государствопонимания, попытаемся фундаментализировать теорию государства, установить принципы и вектор ее развития во взаимосвязи с природой эволюционных трансформаций системных отношений государства и общества, выявляя, тем самым, ориентиры и возможности современной юридической науки.

Далее, обратим внимание на содержательную основу государствопонимания в виде специальной типологии, призванной определить классификацию отдельных типов государствопонимания в качестве смысловых моделей познания государства, включающих теоретическую конструкцию, предмет и метод соответствующих концепций.

Представляется возможным обосновать наличие, выделить следующие типы государствопонимания:

- 1) Теологико-статический;
- 2) Антропоцентристско-механистический;
- 3) Позитивистско-исторический;
- 4) Системологико-альтернативистский.

Наименование каждого указанного типа отражает вариант совокупного представления о сущности государства, как цивилизационного явления, основанного на синтезе идеологических и практических установок, свойственных определенному этапу развития общества, науки.

Предваряя дальнейшую характеристику указанных типов государствопонимания, важно сказать о её осуществлении в тесной взаимосвязи с разработанной В. С. Степиным⁷ типологией парадигм научной рациональности (донаучной, классической, неклассической, постнеклассической), отражающих исходную концептуальную схему, модель постановки проблем и их решения,

⁷ См.: Степин В.С. Теоретическое знание. / В.С. Степин – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

методов исследования, господствующих в течение определённого исторического периода в научном сообществе, с учетом поправки на факт определенного методологического отставания, в силу значительной консервативности, государствоведческих теорий относительно теорий естественнонаучных.

Сознавая факт государственной формы организации общества, формирования взглядов и мировоззренческих установок относительно сущности и назначения государства, в период времени более длительный, нежели период собственно истории науки (политико-правовой науки), необходимо обратить внимание на область (области) истории развития цивилизации, которой свойственна ненаучная (донаучная, протонаучная) рациональность, и соотнести плоды ее познания окружающей действительности с определенным типом государствовопонимания.

Так, в качестве познания ненаучного принято выделять, такие реликтовые формы познания, как мифологическую, религиозную, этическую.

Со времен древнейших цивилизаций вплоть до XVI в. н. э. доминирующую роль в вопросе описания и толкования государственно-правовых явлений играют религиозно-этические учения, которые схоластически объясняя природу государства и права, прямо или косвенно синтезируют идеологическую основу незыблемости существующего государственного строя, как инертной формы организации общества. Здесь государство представляется ниспосланной Богом данностью человеческого сосуществования во главе с богоизбранным, и в силу этого полновластным, правителем. Теоретическая мысль направлена на идеализацию, выявление исключительного эталона политической организованности общества. Возможность постижения первопричин государственной формы ставится под сомнение равно, как и возможность постижения божественного замысла. Статус человеческой личности, определяемый родовым происхождением, формируется на основе принципа предрешенности, покорности и смирения, что идеологизируется непреложными канонами поведения под эгидой ограничения грехотворения.

Представляется, что указанный тип рациональности можно соотнести с теологико-статическим типом государствовопонимания, характерными особенностями, которого будут являться следующие:

1) период генезиса – 2-е тысячелетие до н.э. – XV в. н.э;

2) определяющий тип рациональности – ненаучный, квазинаучный, протонаучный:

а) рефлексия знания – сверхобъект;

б) объект познания – данностно-воспринимаемый, цельно-статический, идеализируемый; однонаправленная структурная иерархия, неспособная быть постигнутой в полном объеме;

в) субъект познания – ограничен, самоограничен в силу обычая, традиции, веры, квазирационален, фаталистичен; логически подстраиваемый под объект;

г) метод познания – схоластический;

3) соответствующие политико-правовые концептуальные позиции:

а) Заратустра – государство – воплощение небесного царства, где монарх, как ставленник и служитель единого Бога, является защитником подданных от зла и источником добродетели;

б) Конфуций – государство – большая традиционная семья, основанная на сословном неравенстве (зависимости «младших» от «старших»), объединяемая под властью императора («сына неба»), призванного править на началах добродетели;

в) Платон – государство – сословная организация, являющаяся проявлением устремлений человеческой души, берущая свое начало в царстве идей за пределами неба, должна управляться мудрецами, причастными к вечному благу;

г) Аврелий Августин – государство – следствие греховной природы человека, основанное на вере средство выживания человечества в бренном мире, промежуточный этап перед вхождением в град Божий;

д) аль-Фараби – государство – модель естественного общения людей, управляемая высокопросвещенным и высокоморальным правителем во имя достижения человеком наивысшего блага;

е) Фома Аквинский – государство – подобно сотворенному и управляемому Богом миру, учрежденная, управляемая и олицетворяемая монархом организация, основанная на Законе Божьем во имя общей пользы.

Таким образом, в контексте изложенного типа рациональности, понимание государства можно выразить в виде безусловной, данностной, замкнутой системы политической организации общества, имеющей однонаправленную структурную иерархию с исключительно значимой функциональностью отдельных элементов.

Очевидно, что на протяжении человеческой истории исследованиями перспектив существования и развития государства занимались многие поколения ученых, правоведов и философов. В зависимости от уровня развития человеческой культуры менялись представления об обществе и государстве, принципах их функционирования и развития, возникали новые концептуальные структуры.

Далее, следуя заявленной логике изложения, мы обратимся к так называемому «классическому» типу научной рациональности и присущей ему спецификой государствовопонимания.

Так, классическая наука, наука эпохи Возрождения и Просвещения, «генетически» связанная с наследием античной натурфилософии и этики (в интересующем нас контексте, прежде всего с учением Аристотеля, Полибия и Цицерона), имея длительный период становления, явила миру собственный догматический арсенал знаний о природе и человеке.

Идейный образ механической системы был доминирующим в науке XVI-XVIII вв. и даже первой половины XIX столетия. Мир представлялся устроенным, как часы, которые однажды завел «создатель», а дальше они идут по объективным законам. Интенсивно развивалась философия механицизма, которая, по сути, определила категориальный аппарат описания малых систем. Как простую механическую систему рассматривали не только физические, но и биологические и социальные объекты.

Так, Т. Гоббс описывал государство как механизм, шестернями которой служат граждане государства. Мир – совокупность элементов, подчиненных

законам механического движения. К движениям и усилиям он сводит также духовную жизнь животных и человека. Они – сложные механизмы, всецело определяемые воздействиями извне. Он отрицал объективный характер качественного многообразия природы, считая его лишь продуктом человеческих восприятий, в основе которых лежат механические различия вещей.

П. А. Гольбах обосновывает законы классической механики, возводит их в ранг всеобщих философских законов. С их помощью он пытается познать все явления мира, включая психические явления, общественную жизнь и т.д.⁸

Характерно то, что категории классической науки здесь автоматически переносятся на описание социальных процессов. Конечно, всякие аналогии имеют свои границы, но в то же время они позволяют многое прояснить и найти новые пути их осмысления.

Объективность и предметность научного знания в классической науке достигается только тогда, когда из описания и объяснения убирается все, что относится к субъекту и процессам его познавательной деятельности. Идеалом было построение объективной картины природы. Особое внимание уделялось поиску очевидных, явных, «вытекающих из опыта» сущностных принципов, на основе которых можно строить теории, объясняющие и предсказывающие опытные факты. Разум, преодолевающий предрассудки, объективно и непредвзято исследующий этот мир, рассматривается в качестве наиболее достойного проявления человеческой природы. Его предназначение состоит в том, чтобы выявить природу разнообразных феноменов человеческой жизни и на этой основе определить, какими должны быть рациональное производственное развитие, истинное право и политика, нравственные установки и эстетические ориентации и т.п.

Человек понимался в качестве силы, противостоящей природе, вторгающейся в ее процессы, преобразующей объекты природы в необходимые для себя предметные формы. Природа воспринималась в этой системе ценностей, как поле приложения человеческой силы, как своего рода неисчерпаемый

⁸ Гольбах П. А. Избранные произведения: В 2-х т / П.А. Гольбах. – М., 1963. С. 100.

источник; из которого можно получать любые материалы и средства. Деятельность обеспечивает господство над окружающим миром, и условием этого господства являются объективные знания, которые должен получить человеческий разум, беспристрастно исследующий процессы и явления. А поскольку объективное и беспристрастное исследование является нормой классической науки, ей явно отдавалось предпочтение среди всех других видов познавательной деятельности человека.

Если мы обнаруживаем в процессе и итогах познания какие-то субъективные моменты, то это не может не свидетельствовать о том, что субъект перестал сводиться к априорной единице, что он трансформировался не меньше, чем предмет изучения, и что мы имеем дело уже не с классической парадигмой науки, а с какой-то другой. Поэтому, если ученый, философ хочет оставаться в рамках классической парадигмы науки, он не должен принимать позицию, связанную с субъективизацией предмета изучения и, соответственно, научного знания. Если шаг в сторону данной методологической модели сделан, то от классической науки Нового времени мало что остается, так как шаг этот чреват очень серьезными последствиями, связанными с пониманием истины, объективности, причинности, историчности и т.п.⁹

Природа рассматривалась как огромная консервативная детерминистическая система, в которой причинные связи могут быть предсказаны или прослежены до любого момента времени, как в прошлом, так и в будущем, если начальные условия точно известны. Это простой ресурс человеческой деятельности, некий рабочий материал, допускающий неограниченную возможность человеческого вмешательства, переделки и преобразования в интересах человека, который, как бы, противостоит природным процессам, регулируя и контролируя их¹⁰.

⁹ Маркова Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе / Л.А. Маркова // Вопросы философии. – 2003. – № 7. С. 18.

¹⁰ Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М., 2001. С. 40.

Так, антропоцентрическое мировоззрение, в отличие и вопреки религиозно-монотеистическому, схоластическому, создает благоприятную почву для научных изысканий, которой, однако, суждено было исчерпать себя в поиске законов природы и социальной реальности.

Крайним выражением классической науки: стал лапласовский детерминизм, утверждавший теснейшую взаимозависимость всего сущего в этом мире. При известных параметрах, определяющих состояние динамической системы в какой-то определенный момент времени, предполагалось возможным описать все ее прошлые состояния и предсказать все будущее.

В ее рамках мир жестко связан причинно-следственными, связями. По причинным цепям ход развития может быть просчитан неограниченно в прошлое и будущее. Развитие ретрасказуемо и предсказуемо. Настоящее определяется прошлым, а будущее – настоящим и прошлым.

Как писал о классической науке А. Койре. Современная наука разрушила границы, которые отделяли небо от Земли, она объединила и унифицировала Вселенную. Но в то же время, пишет А. Койре, она заменила нам качественный мир чувственных восприятий, мир, в котором есть место для всего, кроме самого человека. «Верно, – продолжает А. Койре, – что эти миры каждый день, и даже со временем все больше и больше, связываются между собой практикой. И все же в сфере теории они разделены пропастью»¹¹.

Как показывает анализ, из классических концепций случайность тщательно устранялась. Она считалась второстепенным, побочным, не имеющим принципиального значения фактором. Существовало убеждение, что случайности никак не сказываются, забываются, стираются, не оставляют следа в общем течении событий природы, науки, истории, культуры. А мир, в котором мы существуем, рассматривался как не зависящий ни от микропроцессов нижележащих уровней бытия, ни от влияний космоса. Здесь прочно укоренилось представление о том, что единичное человеческое усилие не может иметь

¹¹ Koyre A. The significance of the newtonian synthesis / A. Koyre // The Rise of modern Science / Ed. G. Bassala, Mass., 1968. – P. 103-104.

существенного влияния на ход истории, что деятельность каждого отдельного человека несущественна для макросоциальных процессов.

Неравновесность и неустойчивость систем воспринимались с позиций классического подхода как моментные отклонения, которые должны быть преодолены. Это нечто негативное, аномальное, сбивающее с пути, с «правильной» траектории. Развитие понималось как поступательное и линейное, без альтернатив. Считалось, что прошлое представляет лишь исторически необратимый процесс. Если и есть возвраты к старому, то они являют собой диалектическое снятие предыдущего уровня и имеют новую основу. Если и есть альтернативы развития, то они всего лишь случайные отклонения от магистральной траектории, определяемой объективными законами универсума. Все альтернативы, в конечном счете сводятся, вливаются, поглощаются главным течением событий.

Классический подход к управлению сложными социальными системами основывался на линейном представлении об их функционировании. Согласно этому представлению, результат внешнего управляющего воздействия есть однозначное и линейное, предсказуемое следствие приложенных усилий, что соответствует схеме «управляющее воздействие – желаемый результат». Однако оказывается, что многие усилия бывают тщетными или даже приносят вред, если, они противостоят собственным тенденциям саморазвития сложноорганизованных социальных систем.

В то же время люди строят прогнозы линейно, экстраполируя в будущее происходящее сейчас или бывшее, в ближайшем прошлом. Зачастую ожидания не оправдываются. Эта проблема актуализирует поговорку «история учит нас тому, что ничему не учит» – действительно, так как течение истории – нелинейный процесс, и ее уроки не должны сводиться к выработке условного рефлекса на происходящее. Но это не значит, что надо пренебрегать определенными формами линейного прогнозирования, этого эволюционно приобретенного стандарта нашего мышления. Необходимо осознавать относительность области его применения. Линейные стратегии мышления: экономны, и эффективны, но лишь

в ограниченных рамках статико-ориентированных состояний, вне которых они контрпродуктивны, а порой способны привести к опасным последствиям.

Еще одно предубеждение линейного мышления – достиженчество некой актуальной бесконечности. Но, надо заметить, что графики, построенные на основе линейных законов, уходят в бесконечность только в теории, а в действительности все, конечно, имеет свои границы, области трансформации, превращения. Одно из спорных, однако, господствующее по сей день положение линейного мышления – это представление о том, что процессы бурного роста происходят по экспоненте. На самом деле большинство процессов лавинообразного роста происходит не по экспоненте, а в так называемом режиме с обострением, когда рассматриваемые величины хотя бы часть времени изменяются по закону неограниченного возрастания за конечное время¹².

Многие поколения математиков и физиков пытались свести реальные задачи к линейному поведению. Образы такого поведения всем хорошо знакомы: малые (гармонические) колебания маятника, а также равномерное или равноускоренное движение тел, известные со средней школы. Как показывает анализ, высшая школа тоже учит решать, в основном линейные задачи (линейные дифференциальные уравнения), развивая у людей линейную интуицию, формируя иллюзорную мировоззренческую установку, опирающуюся на идею простоты и предсказуемости окружающей действительности. Самоподобное состояние системы соотносится с фактом ее существования в рамках определенных линейных колебаний, в пределах допустимых значений, поэтому так удобен в качестве предмета исследования простой линейный случай. Он экономит наши интеллектуальные усилия. Базовым методологическим признаком линейных систем является принцип суперпозиции: сумма решений есть решение, или иначе – результат суммарного воздействия на систему есть сумма результатов, так называемый, линейный отклик системы, прямо пропорциональный воздействию.

¹² Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 1992. – № 12. С.4.

Напомним, что для линейных динамических уровней можно складывать векторы начальных состояний, и решения также складываются. Но представить мир состоящим, из одних лишь линейных систем невозможно по одной простой причине: его просто некому представить, ибо в таком мире нет развития, нет человека¹³.

Для описания «простых» систем достаточно полагать, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого. Часть внутри целого и вне целого обладает одними и теми же свойствами, связи между элементами подчиняются лапласовской причинности, пространство и время предстают как нечто внешнее, по отношению к таким системам, состояния их движения никак не влияют на характеристики пространства и времени. Все эти категориальные смыслы составляли своеобразную матрицу описания механических систем, образцы «простых» систем.

Итак, предметно соотнесем, свяжем, вышеописанный классический тип научной рациональности с анонсированным ранее антропоцентристско-механистическим типом государствопонимания. В качестве характерных особенностей данного типа государствопонимания выделим следующие:

- 1) период генезиса – XVI в. – сер. XIX в.;
- 2) определяющий тип научной рациональности – классический:
 - а) рефлексия научного знания – объект;
 - б) объект познания – рационально устроенный, механически упорядоченный и линейно развивающийся согласно действующим в нем причинно-следственным закономерностям; отдельное явление, простая статичная (циклически замкнутая) система, существующая «сама по себе», представляющая собой механическую совокупность образующих ее элементов;
 - в) субъект познания – элиминируется в силу природной равнозначности; носитель чистого абстрактного знания, дистанцированный от объекта познания;
 - г) метод познания – онтологический;

¹³ Буданов В.Г. О методологии синергетики / В.Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. С. 87.

3) соответствующие политико-правовые концептуальные позиции:

а) Аристотель¹⁴ – государство – определяемая порядком правления, форма политического общения людей, состоящая из многих элементов.

б) Н. Макиавелли – государство – политическое состояние общества; определяемая циничными отношениями властвующих и подвластных организация;

в) Ж. Боден – государство – осуществляемое верховной (суверенной – неделимой) властью управление множеством собственников, домохозяйств и их общим достоянием;

г) Г. Гроций – государство – определяемый социальной природой человека, совершенный союз свободных людей заключенный ради соблюдения права и общей пользы;

д) Т. Гоббс – государство – искусственно созданный равноправными людьми, путем самоограничения собственной свободы для обеспечения мира и благополучия, механизм, обладающий абсолютным суверенитетом;

е) Дж. Локк – государство – совокупность людей, в целях обеспечения свободы, равноправия и защиты собственности, учредивших форму коллективности, наделенную правом издавать законы и обеспечивать их исполнение посредством специальных органов во имя всеобщего блага;

ж) Ш. Монтескье – государство – призванная обеспечить режим законности организация управления (продукт исторического развития общества), характеризующаяся порядком формирования и уровнем функциональной самостоятельности органов власти, обладающая специфической формой правления;

з) Ж.-Ж. Руссо – государство – созданный общим волеустановлением народа, являющимся первоисточником и носителем суверенной власти, политический организм призванный обеспечить гражданские права и свободы;

¹⁴ Указывается в данном периоде, в силу важнейшей роли учения Аристотеля в качестве методологической основы гуманитарного знания Нового времени.

и) Т. Пейн – государство – создаваемая на основе общественного договора организация с утверждаемой народом, обладающим верховной властью, формой правления;

к) И. Кант – государство – договорное, подчиняемое правовым законам, объединение людей (индивидуальных субъектов нравственного сознания) призванное обеспечить гражданские свободы путем согласования конституции с принципами права («категорическим императивом»);

л) Г. Гегель – государство – наивысшая самоцель состояния индивида, средство властной гармонизации гражданского общества (обеспечения свободы, безопасности, собственности), функционирующее в режиме законности идейно-политическое национальное единство.

Таким образом, в контексте изложенного типа рациональности понимание государства можно выразить в виде продуцируемой рациональным мышлением, механически упорядоченной, линейно развивающейся, жестко детерминированной системы политической организации общества свойства, которой равны сумме свойств ее элементов (индивидов, институтов) существующих «сами по себе».

Далее, двигаясь по заданному вектору аргументации эволюции государствовопонимания, обратимся к анализу следующего – неклассического этапа развития научной рациональности.

Со второй половины XIX в. «линейная» парадигма восходящего общественного развития (прогресса), с учетом объективизации исследований реального исторического процесса, стала вызывать определенные сомнения, приведшие в дальнейшем к ее последовательной критике.

Перемены, произошедшие в различных областях научного познания – в физике (создание теории относительности и квантовой механики), в космологии (концепция нестационарной Вселенной), в химии (квантовая химия), в биологии (синтетическая теория эволюции), возникновение кибернетики и теории систем, – сыграли важнейшую роль в становлении и развитии неклассической науки.

Категориальный аппарат классической науки перестал удовлетворять методологическим требованиям, связанным с эффективным изучением, как стало выясняться – сложных саморегулирующихся природных и социальных систем. Данные системы стало принято дифференцировать на относительно автономные подсистемы, в которых, на собственном уровне, происходит стохастическое (случайно-выборное) взаимодействие элементов. Целостность, как качество состояния системы, стала определяться исходя из наличия в ней особого блока управления, прямых и обратных связей между целостной системой и ее подсистемами. В рамках данного представления, сложные системы видятся гомеостатичными (самоуравновешивающимися) явлениями. Предполагается, что в них имеется «программа функционирования», которая определяет управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей.

В сложных саморегулирующихся системах (в отличие от простых) взаимосвязь частей и целого обретает новое содержание. Целое уже не исчерпывается свойствами частей, возникает новое системное качество целого. Часть внутри целого и вне его обладает разными свойствами.

Причинность же в саморегулирующихся системах не имеет фатальной связанности с «лапласовским детерминизмом», она связана главным образом с «вероятностными» и «целевыми» условиями существования. Первые характеризуют поведение системы с учетом стохастического характера взаимодействий в подсистемах, вторые – действие программы саморегуляции как цели, обеспечивающей воспроизводство системы.

В исследованиях сложных саморегулирующихся систем возникают новые смыслы, находящие выражение в их пространственно-временных описаниях, генезис данных процессов обязан развитию таких направлений научной мысли, как кибернетика, тектология, теория информации и теория систем.

В рамках неклассической научной парадигмы происходит отказ от прямолинейного онтологизма и понимания исключительной истинности теорий и картины мира, выработанной на предыдущем этапе развития науки. Идеалу единственно верной теории, противопоставляется допущение «истинности»

нескольких самостоятельных, отличных друг от друга, теоретических концепций одной и той же реальности (элемента окружающей действительности), поскольку каждая из них может содержать в себе элемент объективно-истинного знания. Если в классической науке идеал описания и объяснения предполагал характеристику объекта «самого по себе», без указания на средства его исследования, то в рамках неклассической парадигмы познания, в качестве необходимого условия описания и объяснения, выдвигается требование четкой фиксации особенностей средств исследования, которые взаимодействуют с объектом.

Познавательные идеалы и методы неклассической науки обеспечивают существенное расширение круга исследуемых объектов, открывая пути к пониманию и освоению сложных саморегулирующихся систем. В отличие от «простых» систем такие объекты, характеризуются уровневой организацией, наличием относительно автономных и вариабельных подсистем, стохастическим взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы.

Неклассическая наука привнесла значительные изменения в «идеальный образ» классической науки, прежде всего это касается включения субъектных элементов в научное знание. Однако, обычно, даже признание данного факта, не исключает сохранения представления об оппозиционном состоянии элементов рефлексии познания – «субъект – объект». На самом деле это выглядит противоестественно: если предмет научного познания изменился столь радикально, что приобрел субъектные характеристики, стал человекомерной системой, то и субъект не может остаться в своем прежнем качестве, отношение наблюдателя к окружающему миру радикально меняется¹⁵.

Посредством теретико-методологических принципов развитых в рамках неклассической науки сформировался иной образ естествознания и

¹⁵ Кочесоков З. Х. Дискурс современного этапа социальной эволюции в постнеклассической парадигме науки: дис. ... д. филос. н. / З. Х. Кочесоков. – Краснодар, 2010. С. 51.

обществознания, в котором доминируют идеи плюрализма, другой (нежели классический) тип научной рациональности.

В отличие от классической эпистемологии истину можно трактовать не как воспроизведение объекта в знании, а как характеристику способа познавательной деятельности с ним. Поскольку таких методов может быть много, возможен плюрализм истин и, следовательно, исключается монополия на одну истину.

Наука также меняет свое отношение к практике. Исчезает традиционное, идущее от древних греков, противостояние между эпистемой (производством знаний) и доксой (ее применением). Многие знания могут производиться одновременно с решением задачи их применения. Особенно это касается экспертного знания, которое находится на стыке научного знания, с одной стороны, и различных видов специализированной деятельности и повседневного опыта, которого никогда не существовало до экспертизы.

Существует также связь истины с интересом. Объективность знания состоит в нахождении наиболее адекватных интересам исследователя способов деятельности. Становится все более очевидным, что ненаучные идеи могут проникнуть в культуру не менее вероятно, чем научно обоснованные, и что идеи, допускающие отсутствие их научного обоснования, могут быть утверждены. Постепенно выясняется, что понятие «объективная истина» сохраняет свою нормативную значимость (аналогично категориальным моральным императивам), но практически истина (как и мораль) определяется в контексте различных типов научной рациональности.

Наряду с научными истинами появляется множество альтернативных представлений об истинном и ложном. Теоретический мир, в котором истина одна, а заблуждений много, оказался ограниченным. Прогресс науки привел к нивелированию ясности и простоты этого положения.

Неклассическая наука не умаляет огромных достижений классической науки. Признается логическое и историческое значение классической научной рациональности и существование определенных инвариантов эволюции науки. Как и в случае с классической наукой, было достигнуто истинное понимание

науки как таковой, когда наука каждой исторической эпохи не отменяется последующим развитием, она сосуществует со всей предшествующей и последующей научной деятельностью.

Однако проекты и конструкции исторического развития, построенные, в частности, политико-правовой мыслью классической науки, теряют статус доминантных, что (несмотря на дискомфорт вызываемый у ортодоксов) требует новых подходов. Эти подходы связаны с концепциями неклассической науки в области исследования социально-исторической эволюции, становления и развития общества и государства.

Так, в частности, Г. Спенсер рассматривает социальную эволюцию (эволюцию государства, как общественного организма), как автоматический, неустранимый процесс. «Процесс социального развития в целом настолько предопределен, – писал он, – что его последовательные этапы нельзя указать наперед, поэтому никакая доктрина и никакая политика не могут ускорить его выше известной нормы, которая ограничена скоростью органических изменений в человеке, но вполне возможно расстроить, замедлить или нарушить ход этого процесса... Процессы роста и развития могут быть, и очень часто останавливаются, или расстраиваются, но не могут быть улучшены искусственным образом»¹⁶.

Подчеркивая органический, постепенный характер эволюции, Спенсер утверждает, что общественная жизнь всегда стремится к равновесию, и решительно осуждает попытки революционного вмешательства в процесс развития.

Г. Спенсер прослеживает эволюцию от простого общества к более сложному, от однородного к гетерогенному и видит в это суть исторического процесса. Простое общество, по его схеме, состоит из семей, потом семьи объединяются в рода, рода в племена, племена в нации. Рост численности населения приводит к усложнению структуры общества и специализации социальных функций его членов.

¹⁴ Спенсер Г. Социология как предмет изучения / Г. Спенсер. – СПб., 1896. С. 403, 404.

Он считает, что прогресс «начал и продолжает свое движение от варварского племени, если не полностью, то с почти функционально однородными членами, к экономической агрегации всего человеческого рода, делаясь все разнороднее по различию функций, принимаемых на себя разными нациями, по различию функций, принимаемых на себя географическими отделами каждой нации, по различию функций, принимаемых на себя многочисленными разрядами хозяев и торговцев в каждом городе, и по различию функций, принимаемых на себя работниками, соединенными в производстве отдельного товара»¹⁷. Главным фактором общественного развития, таким образом, является разделение труда.

По мнению О. Конта, как и других социологов-позитивистов, общественное развитие подчиняется тем же законам, которым подчинено развитие всех природных систем. «Основной характер позитивной философии, – писал О. Конт, – выражается в признании всех явлений подчиненными неизменным естественным законам, открытие и сведение числа которых к минимуму и является целью всех наших исследований, причем нам представляется, недоступным и бессмысленным искание так называемых причин, как первичных, так и конечных»¹⁸.

Формационный подход, разработанный К. Марксом и Ф. Энгельсом связан с признанием следующего положения: история человечества обладает единством в том смысле, что она подчиняется единым законам, действующим на протяжении всей истории. К. Маркс утверждал, что понимание реальной истории человечества начинается с того момента, как оно открыло её диалектико-материалистические законы. В соответствии с этими законами мировое сообщество людей проходит исторический путь поступательного развития и проходит определенные этапы в этом развитии, которые называются формациями, имеющие, меж тем, собственную логику становления определяемую

¹⁷ Спенсер Г. Основные начала / Г. Спенсер. – СПб., 1897. С. 291.

¹⁸ Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт // Родоначальники позитивизма. – Вып. IV. – 1912. С. 6.

«неклассической» относительностью базиса производственных отношений. За первобытнообщинным строем следует строй – рабовладельческий, за ним – феодальный, после него – буржуазно-капиталистический, и далее коммунистический. Пролетариат с необходимостью совершает пролетарскую революцию и, свергая власть капиталистов, устанавливает социалистический (в более зрелой форме – коммунистический) общественно-политический строй, который ликвидирует всякую эксплуатацию человека человеком.

Однако убедительную критику данного прогрессистского подхода, мировоззренческой установке, касающейся безусловной предопределенности развития человеческой цивилизации, дал в своей работе «Проблема прогресса»¹⁹ Н. В. Устрялов. В ней он ставит два фундаментальных вопроса относительно исторического прогресса в обществе: что такое прогресс и является ли прогресс исторической реальностью?

В ответах на данные вопросы он указывает: «В этой жизни – сплошные гнёзда антиномий, клубки тупиков, конфликты ценностей. Прозрачен и чист логический облик идеала как формального принципа, тернист реальный жизненный путь. И при этом, в каком-то смысле, тернистость реального жизненного пути совершеннее и выше логической непогрешимости идеала. Больше всего нужно бояться «чистого» морального рационализма, суеверия абстракций. При отказе от суеверия, которое связано с верой в сплошной прогресс, стоит присмотреться и к представлениям о цикличности процессов в мироздании и человеческой судьбе на земле. Цикличность надо понимать как более богатый и содержательный процесс. В этом контексте исторический прогресс выглядит совсем иначе, чем это представляется в догматической философии.

Прогресс, – по утверждению Н. В. Устрялова, – не в беспрестанном линейном «подъёме», а в нарастающей бытийственности в растущем богатстве мотивов. При этом совсем не обязательно, чтобы последующий мотив непременно был «совершеннее» предыдущего. Но он всегда прибавляет «нечто» к

¹⁹ См.: Устрялов Н.В. Проблема прогресса / Н.В. Устрялов. – М., 1998. С. 23.

тому, что было до него. Только в этом условном понимании может быть усвоена идея «общего», «абсолютного» прогресса: она постулирует общую связь, при действительной реальности которой разрозненные в эмпирии акты осмысливаются как моменты становящегося высшего единства»²⁰.

Во второй половине XIX в. Н. Я. Данилевский, исследуя особенности становления и развития русской и западноевропейской культур как социально-исторических типов эволюции, в своей работе «Россия и Европа»²¹ ввёл понятие «культурно-исторический тип». Культурно-исторические типы, по Н.Я. Данилевскому, подобно живым организмам, находятся в непрерывной борьбе друг с другом и с внешней средой, а также как биологические виды проходят определенные стадии: возмужания – дряхления – неизбежной гибели. Культурно-исторические типы эволюционируют от этнографического состояния к государственному и от него к цивилизации. Примером данной теоретической конструкции выступает, в частности, цивилизация, созданная древними греками. Аналогичные закономерности соотносятся с китайской культурой и государственностью, развивающейся как специфический самостоятельный социальный организм на протяжении нескольких тысячелетий. Таким образом, по Н. Я. Данилевскому, не существует единого для всего человечества социально-исторического развития.

О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы» рассматривал не историю вообще, а историю развития того или иного (конкретного) общественного организма. Он заимствовал основные идеи концепции Данилевского, заменив термин «культурно-исторический тип» на термин «культура». «Культуры суть организмы, – писал О. Шпенглер, – а всемирная история – их общая биография. Однако вместо монотонной картины линейнообразной всемирной истории я вижу феномен множественности различных культур; с первобытной силой вырастающих из недр породившей их страны, и у каждой своя, собственная идея,

²⁰ Устрялов Н.В. Проблема прогресса / Н.В. Устрялов. – М., 1998. С. 48.

²¹ Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М., 1991. С. 12.

собственные страсти, собственная жизнь, желания и чувствования» и, наконец, собственная смерть»²².

Таким образом, «культура», по О. Шпенглеру, это «организм», который: во-первых, обладает морфологической целостностью; во-вторых, обособлен от других культур как подобных ему организмов, поэтому не существует единой общечеловеческой, в т. ч. политической, культуры, а обретаемый государственной общностью (общностями) статус цивилизации, в рамках которой фиксируется определенное качество (уровень) культуры, как правило, на этапе своего упадка и гибели, есть переход общественного развития от «творчества к бесплодию», от «героических деяний к механической работе». По существу, цивилизация – это мертвая протяженность, бездушный интеллект, массовое общество как предтеча заката и своей собственной гибели.

В русле неклассической науки, в частности, М. Вебер свою концепцию называет «концепцией идеальных типов». По М. Веберу, не существует объективной (единой) закономерности общеисторического развития. В связи с этим, не существует в истории человечества общественно-экономических формаций: античность, феодализм, капитализм и т.д. Все это идеальные типизации социальной, политико-правовой науки. Приоритет имеют лишь религиозные и этические факторы мировой истории как культуры.

Наиболее развернутую неклассическую концепцию человеческой истории мы находим в трудах А. Тойнби названную им «теорией круговорота локальных цивилизаций». Всемирная история, по А. Тойнби, представляет собой совокупность историй отдельных, своеобразных и относительно замкнутых цивилизаций. Парадигмальное представление о непрерывном поступательном движении человеческого сообщества как единого целого меняется, превалирующей становится идея циклического развития отдельных локальных цивилизаций. Сообразно данной тенденции, А. Тойнби не признает концепцию «единства цивилизаций», он говорит о том, что цивилизации представляют собой

²² Шпенглер О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. – Т. I: Образ и действительность / О. Шпенглер. – Минск, – 1998. С. 122.

общества с более широкой протяженностью, как в пространстве, так и во времени, чем национальные государства, города-государства или любые другие политические союзы. Каждая цивилизация проходит в своем развитии стадии возникновения – роста – надлома – разложения, после чего уступает место другой. Вместе с тем имеется определенная закономерность смен стадий каждой отдельной, по своему уникальной, цивилизации.

Движущей силой развития цивилизации является «творческое меньшинство» – элита. Творческая элита, отвечая на вызовы истории, увлекает за собой «инертное большинство» для решения возникающей проблемы. Своеобразие этих «вызовов» и «ответов» определяет специфику каждой отдельной цивилизации, иерархию ее социальных ценностей, философских, идеологических и политико-правовых концепций. Однако, оказавшись однажды неспособной (или нежелающей) решить очередную задачу (проблему вызова истории), «творческая элита» превращается в господствующее меньшинство, навязывающее свою власть силой, а не авторитетом. Отчужденная масса населения становится «внутренним пролетариатом», который совместно с варварской периферией (внешним пролетариатом) в конечном счете разрушает данную цивилизацию, если, она прежде не гибнет от войн или естественных катастроф.

Прогресс же человечества, предполагающий его финальное единение, А. Тойнби усматривает в, духовном совершенствовании, в религиозной эволюции от примитивных верований к единой синкретической религии будущего.

Таким образом, если О. Шпенглер в своей концепции исходил из отрицания смыслового единства истории, то А. Тойнби пытается достичь глобального, целостного видения, не отвергая идеи ее дифференциации на множество отдельных самостоятельных социальных организмов. Его внимание сконцентрировано на прогрессе распространения культурно-исторического опыта

в пространстве и во времени, взаимосвязи между особыми локальными цивилизациями, определяющей саму возможность общественного прогресса²³.

Базовым принципом концепции А. Тойнби полагается выраженная в явной форме идея о многовариантности и альтернативности человеческой истории, которая доктринально трансформируя политико-культурное мировоззрение, свидетельствует о становлении нового подхода в исследовании государственно-общественного развития, предвосхищает, в том числе, становление методологии постнеклассической науки.

Еще одна концепция, развивающая идею отрицания единой, predetermined истории всего человечества связана с именем Л. Н. Гумилева.

В своей концепции Л. Н. Гумилев апеллирует к процессам этногенеза и этноэволюции. В основу этногенеза положен принцип развития связанный с образованием регулярных диссипативных (по И. Р. Пригожину) структур из хаоса. Образование подобных социальных структур (коллективов людей как этносов) связано с деятельностью так называемых «пассионарных личностей», способных «поглощать» биохимическую энергию живого вещества биосферы. «Неравномерность распределения биохимической энергии живого вещества биосферы, – пишет в связи с этим Л. Н. Гумилев, – за длительное историческое время должна была отразиться на поведении этнических коллективов в разные эпохи и в разных регионах. Эффект, производимый вариациями этой энергии как особое свойство характера людей, мы называем «пассионарность». Пассионарность – это характерологическая доминанта, необоримое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленное на достижение какой-либо цели. Заметим, продолжает он далее, что цель эта представляется пассионарной особи иногда ценнее даже собственной жизни²⁴.

Сложный процесс этноэволюции включает в себя такие фазы, как подъем (скрытый или явный) – акматическая фаза – надлом – инерционная фаза –

²¹ Хапачев Ю.П. и др. Концепции современного естествознания / Ю.П. Хапачев. – Нальчик, 1997. С. 231-232.

²² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. – М., 2003 С. 282-311.

обскурация – мемориальная фаза (регенерация и реликт). Все эти фазы от подъема до резкого спада (надлома) и возможной гибели связаны с конкретными этносами (или суперэтносами), ибо, по Л. Н. Гумилеву, говорить об истории всего человечества не имеет никакого смысла. То, что называется единой историей всего человечества, есть лишь «механическая совокупность» знаний об истории различных этносов. Возникновение этносов в конечном итоге определяется «пассионарными толчками», которых Л. Н. Гумилев насчитывает девять.

Говоря же о соотношении социальной и этнической эволюции, Л. Н. Гумилев указывает, что социальная и этническая истории не подменяют друг друга, а дополняют наше представление о процессах, проходящих на поверхности Земли, где сочетаются «история природы и история людей». Теория «пассионарности», являясь по сути неклассической, содержит в себе, как и концепция А. Тойнби, элементы становящейся постнеклассической науки.

Далее, сосредоточив усилия на предметном соотношении обозначенных особенностей неклассического научного подхода с анонсированным ранее позитивистско-историческим типом государствовопонимания, выделим характерные черты последнего:

- 1) период генезиса – 2-я пол. XIX – сер. XX в.;
- 2) определяющий тип научной рациональности – неклассический:
 - а) рефлексия научного знания – средства – объект;
 - б) объект познания – относителен научно-исследовательской деятельности (виду научного описания), изменчив, зависим от условий существования, вовлечен в сеть взаимосвязанных событий; комплекс явлений, элемент мира сложных саморегулирующихся систем;
 - в) субъект познания – включен в объект познания, вовлечен в процесс получения знаний в качестве экспериментатора и интерпретатора;
 - г) метод познания – гносеологический;
- 3) соответствующие политико-правовые концептуальные позиции:
 - а) О. Конт – государство – общественная кооперация наделенных функциональными правами и обязанностями людей и социальных групп

необходимая для достижения общей цели, обладающая политической властью, качество которой эволюционирует (прогрессирует) во времени посредством нравственного и экономического совершенствования общественных отношений;

б) Г. Еллинек – государство – нормативное соотношение воли властвующих и подвластных основанное на психологической допустимости властного господства, признании правомерности функционально удовлетворяющей власти;

в) Г. Спенсер – государство – продукт эволюции общественного организма, детерминированный его взаимодействием с окружающей средой, исторически претерпевающий функционально обусловленные трансформации;

г) К. Маркс – государство – основанная на экономической структуре общества (производственных отношениях, которым соответствуют формы общественного сознания) форма организации политической власти экономически господствующего класса, исторически эволюционирующая, способная реагировать на кризис базисных отношений революционными изменениями;

д) Н. Данилевский – государство – определяемая культурно-историческим типом человеческого общества, цикличная в своем развитии, политическая форма существования народа;

е) О. Шпенглер – государство – состояние исторического движения народа, как национально-культурного сообщества, форма которого изменчива и определима только в конкретный промежуток времени;

ж) А. Тойнби – государство – локальное цивилизационное (культурно-духовное) явление, с учетом возможного альтернативного развития, проходящее предустановленные этапы жизни.

з) Л. Дюги – государство – человеческий коллектив, ставший результатом эволюции социума, в котором произошла политическая дифференциация, на основе различных сил у индивида в обществе, разница которых с другими членами общества и определяет, кто будет править, а кто будет подчиняться.

Таким образом, в контексте вышеизложенного типа рациональности понимание государства можно выразить в виде зависящей от условий существования, сложной (многоаспектной) эволюционирующей системы

политической организации общества, основанной на началах кооперации и predetermined историко-временными факторами.

Далее, следуя заявленной логике аргументации, обратимся к анализу следующего, современного – постнеклассического типа научной рациональности.

Надо сказать, что современная цивилизация столкнулась со многими глобальными проблемами. К тому же, как показывает анализ, в настоящее время развитие мирового сообщества вошло в режим, при котором непредсказуемость, альтернативность приобрела решающее значение для дальнейшей эволюции.

Для чрезвычайно уплотненного, насыщенного событиями (включающимися моментально в информационное поле общественных отношений) исторического времени, времени быстрых качественных перемен, широкомасштабных технологических инноваций, социальных, национальных кризисов и конфликтов, глобальных сдвигов и потрясений, сопутствующих формированию многополярного мира – это целая новая эпоха, которую Э. Ласло назвал «эпохой бифуркации». Нестабильность, изменчивость, бифуркационность (альтернативность развития) – наиболее устойчивые характеристики современности. Происходит интенсивная трансформация общественных институтов, изменение всей социокультурной среды обитания человека и параллельно его взглядов на смысл и цели бытия.

В настоящее время завершился переход большинства фундаментальных научных дисциплин к изучению нового типа объектов – самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. Результаты исследования сложных систем, способных к самоорганизации, привели к радикальной трансформации механистических представлений о природе и обществе.

Как уже отмечалось, специфика классического типа научной рациональности состояла в том, что он рассматривал развитие как процесс перехода от одного порядка к другому. Хаосно-деструктивные, переходные состояния при этом вообще не учитывались или рассматривались как некий побочный и потому несущественный продукт жестко детерминированных закономерностей.

Важнейшее обстоятельство, на которое здесь необходимо обратить внимание, это то, что человек был полностью вынесен за пределы природы и представлялся как субъект, ее познающий, конструирующий и одухотворяющий. Он только обеспечивает господство над природой, осваивает ее с целью удовлетворения своих потребностей.

С этим связан и методологический подход, а по сути, и вся идущая от Р. Декарта «новая философия», которая поставила разум, а следовательно, и человека – субъекта познания, в определяющее положение по отношению к объекту познания, в том числе к природе, и получила вследствие этого название «рационализм».

В настоящее время развитие теории самоорганизации, идей синергетики связано с философским осмыслением результатов естественнонаучных исследований необратимых, открытых термодинамических процессов и разворачивающейся на основе этого трансформации мировоззренческих и методологических принципов освоения и постижения мира.

Обосновывается положение о том, что жесткий детерминизм и редукционизм, служащие базовой установкой механистического взгляда на мир, не могут рассматриваться как универсальные принципы научного познания, так как обширный класс явлений и процессов не укладывается в рамки линейных, равновесных обратимых схем.

В природе существенную роль играет вполне реальная эволюционная необратимость, лежащая в основе большинства процессов самоорганизации. Обратимость и жесткий детерминизм в окружающей нас среде применимы только в простых предельных случаях. Необратимость и случайность отныне рассматриваются не как исключение, а как общее правило, как основа интеллектуальности.

Новая постнеклассическая картина мира включает в себя человека в качестве части, продукта Вселенной, где он призван осознать свою роль и ответственность в сотворчестве с природой, необходимость подчиняться законам коэволюции с ней. Для этого ему предстоит лучше понять мир и себя, свой

природный и социальный генезис, законы мышления, отразить, как он понимает и моделирует, реальность.

К тому же мы переживаем сегодня глубокие и радикальные изменения в развитии природы и в структуре человеческого общества. Эти изменения требуют новых отношений между человеком и природой, между человеком и человеком. Старое априорное различие между наукой и этическими ценностями неприемлемо²⁵.

Противостояние между этическими и научными ценностями связывается с проникновением идей нестабильности флуктуаций в гуманитарные науки, осознанием необычайной сложности человеческого общества, способного претерпевать огромное число бифуркаций, альтернативных сценариев государственно-правового развития, что создает новую ситуацию в мире, поскольку сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Данное обстоятельство вселяет в нас одновременно надежду и тревогу. Однако небезосновательным выглядит утверждение, что мир «навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов»²⁶.

В этих условиях такие категории, как стохастичность, неопределенность, нелинейность, поливариативность и др., «позволяют задать вопросы, на которые не может ответить традиционная наука. Куда течет история? Как должна строиться будущая организация элементов мира? В частности, какие формы приобретает единение различных областей науки, науки и искусства, прежних форм научно-теоретического знания и компьютерной науки? Как избежать неблагоприятных бифуркаций на сложных и запутанных путях творческого мышления? Как быстро выходить на желаемые организационные формы?»²⁷.

Синергетика, являясь методологической основой постнеклассической научной парадигмы, ищет ответы на все эти вопросы. Синергетика фокусирует свое внимание на таких ситуациях, в которых структуры или функции систем

²⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса / И. Пригожин. – М., 1989. С. 211.

²⁴ Там же. С. 386.

²⁷ Кочесоков З. Х. Дискурс современного этапа социальной эволюции в постнеклассической парадигме науки: дис. ... д. филос. н.: / З.Х. Кочесоков. – Краснодар, 2010. С. 46.

переживают драматические изменения на уровне макромасштабов. Как пишет Д.С. Чернавский²⁸, — «конечно диалектика Гегеля права, говоря, что количество перейдет в качество и возникнет скачок, но когда он возникнет, почему и каким образом знает синергетика». Синергетику интересует вопрос о том, как именно подсистема или ее части производят изменения, всецело обусловленные процессами самоорганизации²⁹. Таким образом, вопрос о формировании социосинергетики для исследования социальных явлений и процессов, государства и права, в частности, становится все более актуальным.

Синергетика исходит из того, что большинство систем, существующих в природе, это системы открытого типа. Между ними постоянно происходит обмен энергией, веществом, информацией, а поэтому для них характерна постоянная изменчивость, стохастичность. С понятием стохастичности тесно связаны явления флуктуации и бифуркации.

Если воспользоваться терминологией И. Пригожина, можно сказать, что все системы содержат подсистемы, которые постоянно флуктуируют. Иногда отдельная флуктуация или комбинация флуктуаций могут стать настолько сильными, что существовавшая прежде организация не выдерживает и разрушается.

В этот переломный момент, обозначаемый как точка бифуркации, принципиально невозможно предсказать, в каком направлении будет происходить дальнейшее развитие: станет ли состояние системы еще более хаотическим или она перейдет на новый, более высокий уровень организации, который И. Пригожин называет диссипативной системой, имеющей, по его мнению, следующие свойства:

- они когерентны, т.е. ведут себя как единое целое и структурируются так, как если бы, например, каждая частица, входящая в макросистему, была «информирована» о состоянии системы в целом;

²⁸ Чернавский Д.С. О методологических аспектах синергетики / Д.С. Чернавский // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. С. 50-67.

²⁹ Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М., 1980. С. 2-3.

- происходящие в системе флуктуации вместо того, чтобы затухать, могут усиливаться, и система эволюционирует в направлении «спонтанной самоорганизации». Модели «порядка через флуктуацию» открывают перед нами неустойчивый мир, в котором малые причины порождают большие следствия. Таким образом, хаос (здесь и далее, под хаосом понимается динамический (детерминированный) хаос, как процесс (состояние) причинной разупорядоченности, выступающий условием преобразования системы, ее нелинейной динамики) является конструктивным механизмом самоорганизации сложных систем, так как, рождение нового связано с нарушением привычной системы упорядоченности, с переструктурированием и достраиванием за счет элементов среды, с выходом за пределы исходной системы;

- диссипативные системы способны «запоминать» начальные условия своего формирования и, проходя через точки бифуркации, «выбирать одно из нескольких возможных направлений дальнейшей эволюции»;

- эволюция таких систем содержит как детерминистические, так и стохастические элементы, представляя собой сопряжение необходимости и случайности;

- неравновесность как исходное состояние представляет собой источник самодвижения системы;

- время, оказывается не безразличным для системы внешним параметром, как это было в классической или в квантовой механике, а внутренней характеристикой систем, выражающих необратимость процессов в этих системах.

Важно отметить, что свойства диссипативных систем проявляется в богатейшем опыте общественно-государственного развития. На протяжении, нескольких тысячелетий социально-политическая самоорганизация выступает как чередование двух универсальных процессов – «иерархизации» и «деиерархизации». «Иерархизация» представляет собой последовательное объединение элементарных диссипативных структур в диссипативные структуры более сложного порядка; «деиерархизация» – последовательный распад сложных диссипативных структур на более простые. Практически это проявляется, в

частности, в периодическом образовании грандиозных империй и их последующем катастрофическом распаде. Подобная картина наблюдается не только в сфере политических, но и любых социальных институтов. Однако в сфере политической жизни этот процесс выглядит драматически и поэтому привлекает к себе особое внимание.

Существенным является факт того, что в организационных структурах указанные процессы могут протекать одновременно в разных направлениях на разных уровнях, формаобразовывая специфические последовательности связей, в результате чего возникают иерархические системы разного типа. Аналогичная картина наблюдается и в случае «деиерархизации»: сложная диссипативная структура распадается на более простые разными вариативными способами, в зависимости от внешних и внутренних условий, в результате чего в качестве отдельных элементарных структур также выступают диссипативные структуры, имеющие собственные типовые особенности, в первую очередь связанные с «генетической памятью» наследуемой в силу опыта существования в рамках определенного образца организационной культуры.

Как показывает комплексный анализ, ход мирового развития, включая развитие государств и иных политико-территориальных образований, субъектов международных отношений, на всем протяжении истории был, есть и вероятно останется в целом стихийным, как, собственно, и ход жизни отдельно взятого человека. Человек способен осознанно ставить и преследовать свои интересы и цели в конкретном масштабе времени. Он постоянно раздвигает его рамки – от сиюминутных к средне- и даже долгосрочным, однако до сих пор не получил всего комплекса условий, которые позволяли бы сделать его деятельность осознанной и направляемой в историческом масштабе времени³⁰.

Спектр направлений, в которых может протекать «иерархизация» или «деиерархизация», задается природой той системы, которая претерпевает

³⁰ Косолапов Н.А. – Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу / Н.А. Косолапов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. С. 33.

эволюцию, и характером внешней среды. Другими словами, он определяется бифуркацией – разветвлением старого качества на конечное множество вполне определенных потенциально новых качеств. Это так называемая нелинейность, которая придает процессу самоорганизации «стохастический» характер. Переход системы (ее элемента) от одного состояния к другому требует выбора из множества возможных новых структур какой-то одной. Поэтому на место традиционного динамического детерминизма приходит новый «стохастический», или вероятностный детерминизм.

Картина самоорганизации этим не ограничивается. Цепочка бифуркаций может не только увести самоорганизующуюся систему от исходного состояния, но и вовлечь ее в определенное состояние. Для конкретной системы, взаимодействующей с конкретной средой, существует свой аттрактор – предельное состояние, достигнув которого, система уже не может вернуться ни в одно из прежних состояний. Процесс «иерархизации» в условиях взаимодействия со средой не может продолжаться бесконечно: достигнув некоторого предельного состояния, он завершается, разрешается «центробежной» динамикой. То же самое можно сказать и о процессе «деиерархизации» системы – появлении «центростремительной» динамики, при достижении некоторого предельного состояния.

Сказанное, в частности, соотносится, как с анализом проблемы циклодинамики отдельных государственных образований, так и глобальной системы международно-политической организации человеческого сообщества, включающей отдельные национальные системы государственной организации. Практика глобализирующегося мира актуальна, многовариантна по возможным траекториям ее эволюции; неизбежно сопряжена с самыми серьезными последствиями для безопасности и перспектив развития всех стран современного мира.

Сложные саморазвивающиеся системы требуют для своего постижения применение особого категориального аппарата. Такие категории, как «часть» и «целое» включают в свое содержание новые смыслы. При формировании новых

уровней организации, каждый раз, происходит изменение прежнего качества целостности, появление новых параметров порядка. Иначе говоря, необходимо помимо умозрительной фиксации наличного системного качества целого, синтезировать это понимание с идеей изменения видов системной целостности по мере развития системы. В рамках синергетической методологии, направленной на исследование саморегулирующихся систем, появляется новое понимание вещи и процессов взаимодействия. Вещь (система) предстает как саморегулируемый процесс. В саморазвивающихся системах эти представления дополняются новыми смыслами.

Традиционная для простых систем акцентуация (вещь как нечто первичное, а взаимодействие – это воздействие одной вещи на другую) сменяется представлениями о возникновении самих вещей в результате определенных взаимодействий. Вещь-система предстает в качестве процесса постоянного обмена веществом, энергией и информацией с внешней средой как своеобразный инвариант в варьируемых взаимодействиях со средой. А трансформация, усложнение системы в ходе развития, связанное с появлением новых уровней организации, выступает как смена одного инварианта другим, как процесс перехода от одного типа саморегуляции к другому. Процессуальность объекта (системы) проявляется здесь в двух аспектах: как саморегуляция и как саморазвитие³¹.

Освоение саморазвивающихся систем предполагает новое расширение смыслов категории «причинность». Оно связывается с представлениями о превращении возможности в действительность. Целевая причинность, понятая как характеристика саморегуляции и воспроизводства системы, дополняется идеей направленности развития. Эту направленность не следует толковать как фатальную предопределенность. Случайные флуктуации в фазе перестройки системы (в точках бифуркации) формируют аттракторы, которые в качестве своего рода программ-целей ведут систему к некоторому новому состоянию и изменяют возможности (вероятности) возникновения других ее состояний.

³¹ Кочесоков З.Х. Указ. раб. С. 56.

Спектр направлений эволюции системы после возникновения аттракторов трансформируется, некоторые ранее возможные направления становятся закрытыми, неактуальными. Возникновение нового уровня организации как следствия предшествующих причинных связей оказывает на них обратное воздействие, при котором следствие функционирует уже как причина изменения предшествующих связей (кольцевая причинность).

Неклассическая картина реальности, выросшая на основе релятивистской механики, сузила границы классического детерминизма. Вместе с тем неклассическая наука утвердила новый тип научности на основе вероятностных представлений.

Постнеклассическая наука, опираясь на результаты синергетики, теории диссипативных структур и др., дает новую интерпретацию детерминизма, поскольку в нестабильном, неравновесном состоянии малые воздействия (флуктуации) могут привести к большим последствиям. Это принципиальное положение имеет метафизический подтекст: мир теряет некий выделенный центр.

Усматривается, что в мире нет тех исключительных универсальных законов, которые делали возможным его познание в классическом и неклассическом смысле. Ведь именно универсальность причинно-следственных связей служила для ведущих представителей эпохи Просвещения онтологическим основанием их убеждения в грядущей победе разума, всеобщей рациональности. Теперь подобные суждения ставятся под вопрос. Таким образом, идея о том, что мир не имеет центра и универсальных причинных целей, связывающих все сущее, провоцирует радикальную переоценку ряда ценностей в науке, культуре и практике общественного развития.

Постнеклассическая наука сегодня позволяет увидеть мир в «другой системе координат», которая характеризуется открытостью, нестабильностью, неравновесностью, нелинейностью. Линейность, стабильность, равновесность оказываются лишь моментами этой нелинейности, нестабильности и неравновесности. Тем самым категориальная сетка, выступающая

методологическим основанием нового постнеклассического мира, становится принципиально иной.

Напомним, что представление о процессе самоорганизации в сложной системе возникло достаточно давно (в конце 50-х – начале 60-х гг. двадцатого столетия), но наибольшее влияние на научную мысль оно начало оказывать в 70-е годы, в частности, благодаря трудам И. Пригожина и Г. Хакена.

Г. Хакен, основоположник синергетики, пишет: «Я назвал новую науку синергетикой. В ней исследуется совместное действие многих подсистем, в результате которого на макроуровне возникает структура и соответствующее функционирование. С другой стороны, для нахождения общих принципов, управляющих самоорганизующимися системами, необходимо кооперирование многих различных дисциплин»³².

Заметим, что единая наука о самоорганизации имеет несколько названий. Так, в Германии она называется синергетикой. Во франкоязычных странах эта теория носит название диссипативных структур и развивалась в рамках бельгийской научной школы под руководством И. Пригожина. В США теория самоорганизации известна как теория динамического хаоса. В российской литературе преимущественно принято название «синергетика» как наука о самоорганизации физических, биологических и социальных систем.

Как показывает анализ, несмотря на то, что синергетика – это относительно молодая наука, уже накоплен существенный опыт изучения социальных, социально-политических, государственно-правовых систем с позиций данного научного направления.

И. Трофимова пишет, что «синергетику часто называют наукой о сложном, наукой о самоорганизации. Можно было бы назвать ее наукой об эволюции систем. Она анализирует универсальные закономерности развития сложных динамических систем, изменения состояния системы в условиях ее взаимодействия со средой. Сегодня эта наука широко охватила многие области

³² Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – С. 2.

знаний, и в первую очередь область поведения и развития человека и его групповых отношений, в том числе класса более сложных систем типа общества и цивилизаций. Она имеет собственный, широко отработанный метод анализа и моделирования сложных процессов, в основе которого лежит теория нелинейной динамики»³³.

Верно и то, что синергетика – это путь от парадоксального математического объекта к обнаружению новых природных закономерностей в самых разных областях окружающего мира; это наука управления хаосом, так как во множестве конкретных случаев становится ясно – порядок неотделим от хаоса. А хаос порой выступает как сверхсложная упорядоченность.

В настоящее время актуализация синергетической методологии связана с особенностями современной эпохи, где «нестабильность, изменчивость социального калейдоскопа парадоксальным образом становится чуть ли не наиболее устойчивой, объективной характеристикой современности»³⁴.

Парадигма постнеклассической науки нацелена не столько на существующее, сколько на возникающее, на моменты возникновения «порядка из хаоса». Для этого в ней постулируются различные типы хаоса: равновесный, динамический, неравномерный, турбулентный и статистический, а также специально вводится термин «бифуркация» – точка ветвления, на которой происходит выход из хаоса, через которую открывается несколько возможных путей развития, где нет ничего predetermined.

Уже одно перечисление базовых системообразующих понятий постнеклассической науки, в которую входят, такие категории, как нелинейность, самоорганизация, открытость, сложность, бифуркация, когерентность, аттрактор, хаос, порядок, случайность и другие, свидетельствует о принципиальном отличии постнеклассической науки не только от классической, но и от неклассической

³³ См.: Чистилин Д.К. Самоорганизация мировой экономики: Евразийский аспект / Д.К. Чистилин. – М., 2004. С. 18.

³⁴ Пугачев Е.Г., Соловьев К.Н. Самоорганизация социально-экономических систем / Е.Г. Пугачев. – Иркутск, 2003. С. 32.

модели бытия. Ведь новый язык заставляет мыслить по-другому, создает иной, более сложный мир.

Так, в частности, В. Г. Буданов видит научную задачу в том, чтобы конструктивно представить методологию синергетики, систему ее принципов в качестве ядра методологии постнеклассической науки; как методологию, которая еще только становится, но уже достаточно эффективна для того, чтобы успешно моделировать процессы самоорганизации и саморазвития человекомерных систем. Иными словами, в XXI веке человечество, теряя целостное представление о мире, пытается вновь его обрести и воссоздать тем самым целостность бытия. Эти попытки сопровождают становление постнеклассической науки, без которой, как представляется, не может сегодня сложиться новый образ мира.

К тому же, как уже подчеркивалось, глубокие и радикальные изменения, происходящие во всех сферах экономической, политической и культурной жизни современного общества, не укладываются в традиционные схемы объяснения и понимания сущности социальных систем. Поэтому возникает необходимость в поиске новой парадигмы научного исследования относительно развития и функционирования этих систем. Такая парадигма должна опираться на фундаментальные принципы самоорганизации и эволюции, которые оказались эффективными для объяснения природы других системных явлений. Однако важно учесть, что самоорганизация в системах разного уровня имеет свои специфические особенности. Речь идет не о простом перенесении закономерностей других систем на социальные, а об особом характере их проявления в таких сложноорганизованных системах, как общественные³⁵.

Вместе с тем, говоря о функциональности методологии постнеклассической науки относительно нашего предмета исследования, нельзя упускать из виду то, что синергетика строго различает понятия «организация» и «самоорганизация». Организация в рамках синергетики выступает как достижение системой структурной устойчивости за счет работы, произведенной над системой внешней

³⁵ Рузавин Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества / Г.И. Рузавин // Вопросы философии. – 1995. – № 8. С. 63.

средой. Специфическое внешнее воздействие навязывает системе набор структур вопреки вкладу в их формирование флуктуации³⁶.

В отличие от инициированных извне и линейно направленных процессов «самоорганизация» в первом приближении – это сама себя осуществляющая организация. Она соседствует с организацией как волевой организацией, идущей извне³⁷.

Таким образом, понятия «организация» и «самоорганизация» оказались связанными с воздействием качественно различных детерминирующих факторов. Можно сказать иначе: если линейные системы пассивны и могут эволюционировать только под воздействием внешних сил, то нелинейность – активна. Активность нелинейной системы проявляется в ее способности к самодействию, спонтанному самопорождению новых структур за счет внутренних ресурсов.

Как показывает анализ, в настоящее время синергетика, обосновывая концепцию универсального эволюционизма, снимает противостояние естественнонаучного и гуманитарного подходов к реальности. Вместе с тем, в отличие от других, претендующих на универсальность методологических концепций, синергетика предполагает возможность самоприменимости, самореферентности своими же методами. Это уникальная ситуация, требующая межтеоретических (междисциплинарных) согласований на уровне разных методологий, своего рода рефлексия над методологической рефлексией, которая в настоящее время только начинается.

Итак, соотнося вышеописанный постнеклассический тип научной рациональности с заявленным ранее системологико-альтернативистским типом государствовопонимания обратим внимание на характерные особенности последнего:

- 1) период генезиса – 2-я пол. XX – 1-я пол. XXI в. (настоящее время);
- 2) определяющий тип научной рациональности – постнеклассический:

³⁶ Хакен Г. Информация и самоорганизация / Г. Хакен. – М., 1991. С. 28-29.

³⁷ Осипов Ю. Принципы хозяйственной самоорганизации / Ю. Осипов. – М., 1993. С. 6.

а) рефлексия научного знания – субъект – средства – объект;

б) объект познания – относителен субъективной (ценностно-волевой) особенности понимания, открытая, сложная, нелинейная, самоорганизующаяся система; междисциплинарен, представляет единую системную картину реальности;

в) субъект познания – неделим с объектом познания, условие эволюции научного знания, условие антропного принципа, носитель социального целеполагания;

г) метод познания – методологический;

3) соответствующие политико-правовые концепции – на данный момент находятся в стадии становления (в частности, системно-синергетические концепции).

Авторская интерпретация понятия государства – государство – негэнтропийное явление социальной действительности, самоорганизационная система политических отношений направленная на обеспечение жизнеспособности, устойчивости целеполагаемого развития пространственно определенной социальной общности, характеризующаяся нелинейной (альтернативной) эволюционной динамикой своей функциональной структуры и формы, обусловленной внешними и внутренними параметрами порядка, которые взаимосвязаны с волевыми установками индивидов и их групп посредством субъектно-объектной рефлексии сознания.

Таким образом, в контексте изложенного типа рациональности понимание государства можно выразить в виде сложной, открытой, нелинейной, динамической системы (системы систем) политической организации общества, основанной на принципах глобального эволюционизма, законах самоорганизационного развития, включая закон синергии всего элементарного состава, где отдельный субъект выступает первоисточником целеполагания системного содержания и формы.

В завершении параграфа, хотелось бы еще раз подчеркнуть важность оформления и развития теоретического базиса государствоведения, в том числе

путем обращения внимания юридической науки на категорию государствопонимания, способную стать благодатной основой для выработки адекватного реалиям современной цивилизации подхода к месту и роли государства в жизни человека и общества, подхода к принципам его развития (соразвития (саморазвития)) и функционирования с дальнейшим выходом на уровень стратегических рекомендаций относительно практики политико-правовой оптимизации.

Как показал проведенный анализ, теория государства претерпевает определенную стагнацию, связанную с кризисом методологической (мировоззренческой) адаптации к современному уровню научной рациональности, который, в свою очередь, требуя фундаментального переосмысления классических догматических установок, предоставляя массу возможностей творческой реализации, способен стать ориентиром для определения эвристической ценности научных изысканий.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы акцентировать внимание на обозначенной проблеме государствопонимания, ее актуализации в современном мире. В рамках произведенного анализа, данная категория государствоведения была выявлена, определена и обоснована. Сформулированы и содержательно раскрыты типы государствопонимания, установлена основа их эволюционной динамики в виде смены парадигм научной рациональности. Актуализирована идея юридического исследования государства, его генезиса, развития, сущностно-функциональных характеристик, на современном, постнеклассическом этапе развития науки посредством синергетической методологии, с учетом ее предметной адаптации, чему и будет посвящено дальнейшее содержание диссертационной работы.

1.2. Концептуальные основания синергетической парадигмы обществознания

Современный масштаб противоречивых явлений проявляющих себя в окружающей действительности стимулирует поиски новой научной теории, парадигмы, которая учитывала бы нелинейные тенденции социетального развития. Действительно, сегодня в обществознании усиливается интерес к проблемам структуры и динамики социальных явлений и процессов, тем более что ускорение темпа мировой истории порождает угрозы и риски, усугубляющие, хаос, как на локальном, так и глобальном уровне, планетарном уровне всего мирового сообщества. Это формирует историческую потребность в новых социогуманитарных знаниях, адекватных вызовам времени, проблемам практики цивилизационного развития.

Так, краеугольная, в контексте нашего исследования, проблема взаимоотношений порядка и хаоса, актуализирующая себя в сфере обществознания, начала исследоваться особенно активно с середины XX в. В частности, было установлено, что фундаментальной основой эволюционных изменений в сложных открытых системах является самоорганизация.

Первоначальные концепции самоорганизации были сформулированы в кибернетике, став ее предметной областью исследования. В классической кибернетике была разработана модель кибернетического механизма самоорганизации, предусматривающая упорядочение структуры системы благодаря её обратной связи с окружающей средой. Подобные системы с точки зрения внутренних связей представлялись самосвязующимися, а по отношению к среде – самообучающимися. Собственно кибернетический механизм самоорганизации подразумевает наличие заранее заданной цели, к которой

система стремится самостоятельно и в силу этого является самоорганизующейся³⁸.

В то же время о самоорганизации заговорили физики и химики, изучающие нелинейные неравновесные системы. В 60-е годы брюссельская школа И. Пригожина исследовала процессы самоорганизации в физических и химических системах, образующие диссипативные структуры. В конце 60 – начале 70-х годов немецкий физик Г. Хакен предложил научному сообществу проект новой отрасли знания – синергетики, описывающей явления самоорганизации в неравновесных системах. Его работы положили начало активному изучению синергетических, кооперативных эффектов в процессах спонтанного формирования макроскопических структур.

Современная синергетика – междисциплинарное направление научных исследований, ставящее своей задачей познание общих закономерностей и принципов, лежащих в основе процессов самоорганизации в системах самой разной природы: от физических до социальных³⁹.

В настоящее время в разных областях знания, как естественнонаучного, так и гуманитарного, используются идеи и принципы синергетики, которая предлагает общенаучный подход к формулированию универсальных законов, релевантных для любых сложных систем. Важнейшей общей характеристикой таких систем является их способность при определенных условиях (как внешних, так и микроскопического уровня) путем самоорганизации существенно изменять свое макроскопическое поведение. Синергетика также исследует процессы самоорганизации, порождающие в сложных системах когерентность (согласованность) и новый макроскопический порядок⁴⁰.

³⁸ Герович В.А. Проблема самоорганизации в исследованиях по кибернетике и искусственному интеллекту / В.А. Герович // Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. – М., 1994. С. 126.

³⁹ Аршинов В.И. Синергетика / В.И. Аршинов // Современная научная картина мира. Словарь. – М., – 1997. С. 164.

⁴⁰ Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М., 1991. С. 231, 233.

Так, под самоорганизацией принято понимать процессы формообразования, возникновения пространственно-временных структур в сложных нелинейных системах, находящихся в состояниях, далеких от равновесия, вблизи особых критических точек (так называемых точек бифуркации), в окрестности которых поведение системы становится неустойчивым. Последнее означает, что в этих точках система под воздействием незначительных воздействий, или флуктуаций, может резко изменить свое состояние. Самоорганизация – это процесс, в котором создается и воспроизводится система, обладающая высоким уровнем сложности и большим количеством элементов, связи между которыми обладают нежестким, а вероятностным характером⁴¹.

Далее, обратим внимание на специальные положения, собственно, концептуальные основания синергетики, способные раскрыть явление и процесс самоорганизации в т.ч. в интересующей нас предметной области обществоведческих исследований. Описываемый ниже особый строй понятий, законов и принципов, сформировавшихся в ходе эволюции научного познания, носит характер важнейших эмпирических обобщений (т.е. близких к аксиоматичности, очевидности и всеобщности). Некоторые из них уже, назывным образом, упоминаемые в работе, здесь будут рассмотрены более подробно.

Итак, первое понятие, составляющее категориальный аппарат синергетической методологии – гомеостатичность. Гомеостаз – это явление поддержания программы функционирования системы в некоторых рамках, позволяющих ей следовать к своей цели. Согласно Н. Винеру, всякая система телеологична, т.е. имеет цель существования. При этом от цели-эталона-идеала (реальной или воображаемой) система получает корректирующие сигналы, позволяющие ей не сбиться с курса. Эта корректировка осуществляется за счет отрицательных обратных связей, подавляющих любое отклонение в программе поведения, возникшее под действием внешних воздействий среды. Цель-программу поведения системы в состоянии гомеостаза в синергетике называют

⁴¹ Печенкин А.А. Школа Андропова как один из источников синергетики в СССР / А.А. Печенкин // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М., 1994. С.259.

аттрактор (притягиватель). В пространстве состояний системы аттрактор является некоторым множеством, размерности меньшей, чем само пространство, к которому со временем притягиваются близлежащие состояния.

Аттрактор характеризует непроявленные цели системы, потенциальные пути ее развития, опирающиеся на реальный спектр конкретных непроявлено существующих в системе структур, становящихся, при определенных условиях, притягивающими центрами, заключающими в себе относительно устойчивое состояние.

Следующее, интересующее нас универсальное понятие – иерархичность. Наш мир иерархизован по многим признакам. Основным смыслом структурной иерархии является составная природа вышестоящих уровней по отношению к нижестоящим. То, что для низшего уровня есть структура-порядок, для высшего есть бесструктурный элемент хаоса, строительный материал. Например: в языке это слова, фразы, тексты; в мире идей это мнения, взгляды, идеологии, парадигмы; относительно государственного управления это вся полиструктурная материя политической системы общества. Аналогичные примеры обнаруживают себя на различных уровнях приближения микро- и макрокосмоса.

Всякий раз элементы, связываясь в структуру, передают ей часть своих функций, степеней свободы, которые теперь выражаются от лица коллектива всей системы, причем на уровне элементов этих понятий могло и не быть. Эти коллективные переменные существуют на более высоком иерархическом уровне, нежели элементы системы, и в синергетике, следуя Г. Хакену, их принято называть параметрами порядка – именно они описывают в сжатой форме смысл поведения и цели-аттракторы системы, в нашем случае, умозрительно соотносящиеся с процессом стратегирования, целеполагания государственного развития и правотворчества. Описанная природа параметров порядка называется принципом подчинения, когда изменение параметра порядка как бы дирижирует синхронным поведением множества элементов низшего уровня, образующих систему, причем феномен их взаимосогласованного сосуществования, иногда называют явлением самоорганизации.

Подчеркнем принцип круговой причинности в явлениях самоорганизации, выражающийся во взаимной обусловленности поведения элементов любых двух соседних уровней (своеобразный «общественный договор»): одни управляют, организуя согласованное поведение и порядок, другие подчиняются, передавая первым часть своих степеней свободы, и тем самым, участвуя в создании порядка. Замечательно то, что эти первые, управляющие элементы не персонифицированы, не являются новыми элементами, но распределены по всем элементам системы в качестве общих для всех коллективных степеней свободы – так называемое распределенное самоуправление. Например, такова в идеале роль законодательства в обществе, делегировавшего государству часть свобод своих граждан; так действует «невидимая рука» рыночной саморегуляции.

Важным свойством иерархических систем является невозможность полной редукции, сведения свойств-структур более сложных иерархических уровней, к языку более простых уровней системы. Каждый уровень (в том числе, уровень социальной общности: семья, племя, народность, община, государство) имеет внутренний предел сложности описания, превысить который не удастся на языке данного уровня. Так, в частности, представляется недостаточно эффективным, применяемый с древнейших времен, подход к анализу государства, связанный с его отождествлением с институтом (патриархальной) семьи.

Выделенную роль в иерархии систем играет время, и синергетический принцип подчинения Хакена формулируется именно для временной иерархии. Рассмотрим три произвольных ближайших последовательных временных уровня. Назовем их микро-, макро- и мега- уровнями. Принято говорить, что параметры порядка – это долгоживущие коллективные переменные, задающие язык среднего макроуровня. Сами они образованы и управляют быстрыми, короткоживущими, массовыми переменными, задающими язык нижележащего микроуровня. Последние быстрые переменные ассоциируются для макроуровня с бесструктурным хаотическим движением, неразличимым на его языке в деталях. Следующий, вышележащий над макроуровнем, мегауровень образован сверхмедленными «вечными» переменными (в общественной среде –

ценностными архетипами поведения), которые выполняют для макроуровня роль параметров порядка, но теперь, в этой триаде уровней, их принято называть управляющими параметрами или контрольными параметрами. Плавно меняя управляющие параметры, можно менять систему нижележащих уровней, иногда эти изменения выглядят весьма бурно, кризисно, и тогда говорят о критических (бифуркационных) значениях управляющих параметров⁴². Вместе с тем важно учитывать тот факт, что в рамках парадигмы кольцевой причинности, может возникать эффект противоположной детерминации – воздействие переменных нижнего уровня на вышестоящий уровень, аналогично воздействию содержания на форму.

Итак, на каждом уровне системы сосуществуют представления, идеалы, категории «хаоса» и «вечности», как атрибутов присутствия соседних микро- и мегауровней, как принципа открытости системы, принадлежности ее к иерархической цепи мироздания. Сами же переменные макроуровня или параметры порядка, «преодолевшие» хаос, задают онтологию, закон существования, порядок вещей, «порядок» бытия данного уровня.

Так, при рассмотрении двух соседних уровней принцип подчинения гласит: долгоживущие переменные управляют короткоживущими⁴³, вышележащий уровень – нижележащим.

С учетом вышесказанного, однако, важно отметить, что принцип подчинения справедлив не всегда, его не стоит абсолютизировать. Не всегда удастся указать способ возникновения параметра порядка, или управляющего параметра из переменных низшего уровня. Зачастую это формирование могло происходить очень давно и совсем не из этих переменных, и мы наблюдаем лишь наследованную либо кажущуюся иерархичность. Здесь следует иметь в виду связь

⁴² Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование, технологии и принципы синергетики / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма / ред. В.И.Аршинова, В.Г.Буданова, В.Э.Войцеховича. – М., 2000. С. 294.

⁴³ Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М., 1984. С. 121.

иерархичности бытия, и об этом будет сказано чуть ниже, с собственно процессом динамической иерархизации системы в фазе становления.

Далее, обратимся к анализу понятия – открытость. Открытость – исходное условие самоорганизации. Понятие открытости связано с представлением об отношениях системы или элементов системы с внешней средой, которую составляют другие системы или элементы и продукты их взаимодействия. Открытыми отношения считаются тогда, когда имеется многосторонний обмен веществом, энергией и информацией. Системы, не способные к обмену, определяются как закрытые. Абсолютно закрытых систем в природе нет. Каждая система реагирует на внешнее воздействие и что-то отдает среде, хотя бы в виде продуктов своего распада. К условно закрытым системам относятся строго отграниченные образования с жесткими внутренними и внешними связями, ограниченные в поведении и действиях столь же жестким регламентом. Синонимы закрытости – ограниченность, несвобода.

Оригинальное методологическое содержание понятия открытой и закрытой систем можно найти у А. А. Богданова, оперировавшего понятиями систематического прогресса и регресса. Первый, из которых характеризуется систематическим, устойчивым «завоеванием» меняющейся среды, в форме увеличения суммы и разнообразия соотношений системы с ней. Второй, – означает редуцирующее, приспособительное развитие системы к среде суживающейся, ограниченной в условиях своего существования.

Важнейшим моментом этих представлений является их диалектичность, ибо «чистый прогресс, несвязанный с регрессивными моментами, есть лишь предельное понятие, тектологическая схема»⁴⁴. Тем самым реальность предстает как самоорганизующийся процесс соотношения систем открыто-закрытого типа, целостных в своей внутренней и внешней дуалистичности и взаимодополнительности.

⁴⁴ Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука). В 2 кн / А.А. Богданов. – М., 1989. С.276-277.

Определенно, все живые, социальные структуры существуют лишь до тех пор, пока в систему подается поток вещества, энергии и информации – так называемые диссипативные (рассеивающие энергию) структуры далекие от равновесия, они умирают без постоянной прокачки вещества и энергии через систему, без обмена веществ. Аналогично, структуры мозга человека, не получающего информацию, деградируют, так же как умирает культура вне живой повседневной практики традиции. Данный принцип в полной мере можно соотнести и с сущностью государственного пространственного и организационного развития. Этот принцип объединяет многие идеи кибернетики, системного анализа и синергетики.

Здесь представляется уместным, вспомнить второй закон термодинамики, согласно которому, в закрытой системе энтропия (мера беспорядка) может только возрастать, то есть порядок со временем уменьшается и, наконец, исчезает. Соответственно, к саморазвитию такая, в том числе, общественно-государственная, система не способна. Она стремится только к самосохранению, но и эта возможность уменьшается по мере неизбежного разупорядочения.

Открытые системы способны к уменьшению энтропии за счет ее экспорта, т.е. вывода во внешнюю среду. Однако открытость – также понятие условное. Если система регулярно обменивается ресурсами (активностями) со средой и при этом их «приход» эквивалентен «выходу», такая система в равном соотношении обменивается и энтропией, которая в течение определенного времени остается в постоянном значении и, соответственно, повышение сложности и организованности системы не происходит.

Оптимально для жизнеспособности и внутреннего развития открыта та система, которая наращивает, как приток активностей, так и их внутреннее производство с обменом в пользу притока. Энтропия системы уменьшается и, соответственно, организованность возрастает. Однако возрастающая при этом сложность системы и нарастающий экспорт энтропии (дезорганизация среды) приводят и эту систему в неустойчивое состояние, и вынуждают ее трансформироваться. В состоянии предельной неустойчивости система

становится открытой в полном синергетическом понимании открытости, когда для обмена ресурсами система открыта в каждой своей точке и ее элементы готовы к кооперации в новых порядках⁴⁵.

Поскольку любая система, независимо от степени ее открытости в различных организационных состояниях, рано или поздно приходит в точку предельной неустойчивости, в этой точке, в момент трансформации все системы становятся открытыми.

Следующее понятие – нелинейность. Нелинейность – неэквивалентность прошлого будущему системы. Нелинейность есть динамичное свойство, характеризующееся неопределенным, неоднозначным поведением системы. Данное поведение может быть описано с помощью уравнений нелинейной математики, сущность которых в том, что они могут иметь несколько (более одного) качественно различных решений, когда множеству путей решений, соответствует множество путей эволюции системы, описываемой этими уравнениями. К базовым понятиям нелинейности относятся – неравновесность, стохастичность, случайность, флуктуация, и др.

К важнейшим свойствам нелинейности можно отнести принцип «разрастания малого» (или «усиление флуктуаций»), порождение дискретности путей эволюции нелинейных систем, связанное с наличием в нелинейной среде определенного спектра этих путей, а также возможность неожиданных, эмерджентных изменений направления течения процессов или стохастичность.

Являясь важнейшим фактором мироздания стохастичность, утверждает принципиальную недетерминированность всех процессов во Вселенной, существование в ней принципиальных неопределенностей. При этом синергетика вовсе не отрицает роли законов и «порядка», но отдает лишь должное фактору хаоса в мироздании. Фиксируя разрушающую роль хаоса, синергетическая

⁴⁵ Буданов В.Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Синергетика в образовании / ред. В.Г. Буданов. – М., 2006. С. 180.

методология и связанное с ней мировидение, подчеркивает и его созидательное начало, решая вопрос диалектически.

Дело в том, что выступая как «средство усложнения организации, как средство гармонизации темпов развития различных фрагментов сложной структуры, ведущее систему через бифуркационность к новым, более упорядоченным и сложным состояниям, хаос, приводит к тому, что иные системы (прежде всего более сложные), вблизи точек обострения (под воздействием малых флуктуаций), приходят к распаду, подчиняясь своеобразному принципу отбора наиболее совершенных в данных условиях систем»⁴⁶. Тем самым хаос – конструктивен.

Определяющим свойством линейных систем является принцип суперпозиции: сумма решений есть решение, или иначе, результат суммарного воздействия на систему есть сумма результатов, так называемый линейный отклик системы, прямо пропорциональный воздействию. Напомним, что для линейных динамических систем можно складывать векторы начальных состояний и решения так же складываются, можно складывать правые части-источники воздействий, и решения так же складываются.

Нелинейность же есть нарушение принципа суперпозиции в некотором явлении: результат суммы воздействий на систему не равен сумме результатов этих воздействий. Результаты действующих причин нельзя складывать. Результат суммы причин не равен сумме результатов причин. Это, в частности, следует из того факта, что в системе число связей между ее элементами растет быстрее числа самих элементов⁴⁷. Учет данных положений, в частности, является условием адекватности и эффективности государственно-управленческой деятельности, ее регулятивной функциональности.

С нелинейностью связано осознание «глубокой необратимости развития, его многовариантности и альтернативности, как в исторической ретроспективе,

⁴⁶ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. С.42.

⁴⁷ Буданов В.Г. – Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. - М., 2007. С. 68.

так и в перспективе...», в частности, и в мышлении, где нелинейность проявляет себя как готовность, к неожиданному разрастанию незначительных флуктуаций в макроструктуру. Проявляет она себя и в понимании возможности ускорения темпов развития, инициирования процессов быстрого нелинейного роста. Новое возникает в результате флуктуаций как эмерджентное, т.е. непредсказуемое и не выводимое из наличного, хотя оно при этом в определенном смысле и «запрограммировано» в виде спектра возможных, при данных условиях, путей развития, спектра относительно устойчивых структур-аттракторов эволюции»⁴⁸.

Сказанное не означает, что надо отказаться от быстрого линейного прогнозирования, этого основного стандарта нашего мышления, просто надо знать область его применимости, учитывать в т. ч. то, что коллективные действия не сводятся к простой сумме индивидуальных независимых действий.

Нелинейна всегда и задача принятия решения, выбора. Линейные стратегии мышления экономны и эффективны, но лишь в ограниченных рамках гомеостаза, вне которых они обманчивы, деструктивны. Так, в кризисных ситуациях, актуализирующих потребность стратегического прогнозирования, востребована именно нелинейная методология познания реального мира.

Случайность. Случайность – выражение важнейшего свойства мироздания, осмысление которого в синергетике носит характер его научной реабилитации. «Случайность, которая творит мир», таково ее синергетическое кредо. И хотя большое значение случайности отводили в своих построениях философы древности, связывавшие ее природу с возможностью возникновения нового, но лишь синергетике удалось во всей полноте раскрыть ее суть, заключающуюся в разрастании малых флуктуаций (отклонений от нормы, малых воздействий) до уровня макроструктур. При этом особенно велика роль случайности, как уже отмечалось, в периоды неустойчивого существования систем, вблизи точек бифуркации, когда она оказывается способной стать спусковым механизмом

⁴⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ С.42.

(«эффектом бабочки»), той силой, «которая выводит систему на аттрактор, на одну из собственных структур среды, на внутреннюю тенденцию ее организации»⁴⁹.

Диалектически решает синергетика вопрос и в области типологии случайного, выделяя порождающую случайность, приводящую к появлению качественно новых элементов развития, продуцирующую необходимость и порядок, и случайность губительную, конструктивную благодаря своей разрушительности, способную к самовыстраиванию необходимости, в рамках которой эта случайность и рождается. В обоих вариантах мы имеем дело со случайностью, которая строит и созидает и в момент выхода на аттрактор и в момент, когда этот выход уже состоялся⁵⁰.

Важно подчеркнуть, что, как показывает история развития форм рациональности, чем сложнее и многообразней мир, тем значительней роль случайности в нем. Данный логический вывод основывается на том, что «мир очень сложен, и человеческий разум не постигает его полностью, именно поэтому человек придумал искусственный прием – в сложной природе мира винить то, что принято называть случайным, – и таким образом смог выделить область, которую можно описать с помощью простых закономерностей»⁵¹. Принципиально осознать при этом, что детерминизм, методологическое господство которого разрушается, прежде всего, вхождением в науку случайности, опровергается и другими принципами бытия, в частности нестабильностью, выступающей в качестве важнейшей из его сущностей. В этой связи детерминизм предстает как «один из языков описания мира, притом один из самых упрощенных языков»⁵².

Развивая данную тему синергетика, тем не менее, подчеркивает огромную роль в развитии явлений и другого фундаментального фактора мироздания – необходимости. Детерминизм, тем самым остается мощным объяснительным

⁴⁹ Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) / Е.Н. Князева // В поисках нового мировидения: И.Пригожин, Е. и Н.Рерихи. – М., 1991. С. 19.

⁵⁰ Там же. С. 20.

⁵¹ Вагнер Е. Этюды о симметрии / Е. Вагнер. – М., 1971. С. 9.

⁵² Делюкаров К.Х. Рационализм и социосинергетика / К.Х. Делюкаров // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. С. 118.

принципом мира, реализующим себя в условиях уже состоявшегося выхода системы на определенный аттрактор. В основе такого прочтения факторов мироздания – принцип дополнительности, подчеркивающий сосуществование случайности, доминирующей в состояниях бифуркационности системы, и необходимости, доминирующей в периоды постбифуркационного, межбифуркационного, «остывающего» состояний системы, решающим образом включающей в себя деятельность законов детерминизма и причинно-следственных связей⁵³. Таким образом, происходит, в том числе, формирование методологической основы познания принципов циклодинамики общественно-государственного развития.

По существу, констатируя единство случайности и необходимости, также как и единство хаоса и порядка, обратимости и необратимости, равновесности и неравновесности, законов наследственности и изменчивости, отбора, положительных и обратных связей, синергетика пытается опереться на диалектическое восприятие действительности, в единстве и борьбе ее противоположных начал. В этом смысле чрезвычайно адекватно звучат слова Н. Н. Моисеева, отмечающего, что «Все развитие нашего мира выглядит сложной борьбой различных противоположных начал и противоречивых тенденций на фоне непрерывного действия случайных причин, разрушающих одни устойчивые (точнее, стабильные) структуры и создающих предпосылки для появления новых»⁵⁴. Сохранение в единстве столь различных объяснительных принципов позволяет в итоге считать синергетику одним из создателей своеобразной постнеклассической рациональности⁵⁵.

Неустойчивость. Неустойчивость – состояние готовности системы к изменениям и момент выбора их направления. Выполнение принципов нелинейности и незамкнутости, при определенных условиях позволяет системе

⁵³ Буданов В.Г. – Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. - М., 2007. С. 73.

⁵⁴ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М., 1984. С. 63.

⁵⁵ Делокаров К.Х. Рационализм и социосинергетика / К.Х. Делокаров // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. С. 119.

покинуть область гомеостаза и попасть в неустойчивое состояние. Состояние, траектория или программа системы неустойчивы, если любые сколь угодно малые отклонения от них со временем увеличиваются. Если это справедливо лишь для некоторых типов отклонений, то говорят о частичной неустойчивости.

Согласно И. Пригожину, архетипом, символом неустойчивости и вообще становления можно считать перевернутый маятник, который готов упасть вправо или влево в зависимости от малейших воздействий на материал маятника, ранее абсолютно несущественных. Таким образом, в состоянии неустойчивости система (даже замкнутая) действительно становится открытой, является чувствительным приемником воздействий других уровней бытия, получает информацию, ранее недоступную ей.

Такие состояния неустойчивости, выбора принято называть точками бифуркаций. Правильно говорить о неустойчивом состоянии, которому отвечает точка в пространстве управляющих параметров, именно ее и называют точкой бифуркации. Иногда говорят о моменте бифуркации, когда параметры проходят эту критическую точку. Они непеременимы в любой ситуации рождения нового качества и характеризуют рубеж между новым и старым.

Значимость точек бифуркации еще и в том, что только в них можно не силовым, информационным способом, т.е. сколь угодно слабыми воздействиями повлиять на выбор поведения системы, на ее судьбу. Данное обстоятельство в условиях современного информационного общества приобретает особое, практикоориентированное значение.

Открытие неустойчивости, непредсказуемости поведения в простых динамических системах (содержащих не менее трех переменных), в 60-е годы совершило революцию в понимании природы сложности нашего мира, открыло миры динамического хаоса, странных хаотических аттракторов и фрактальных структур. Именно свойство неустойчивости в критические моменты развития систем позволяет понять «роль личности в истории», позволяет расширять пространства состояний систем теория джокеров Г. Малинецкого (Г.

Малинецкий, А. Подлазов, 2002), генерировать информацию в перемешивающем хаотическом слое (динамическая теория информации Д. С. Чернавского, 1999).

Еще одна замечательная теория, описывающая скачкообразные изменения характеристик системы при плавном изменении ее параметров, – это теория катастроф Р. Тома и В. Арнольда. В случае динамических систем ее называют теорией бифуркаций, и она позволяет сказать нечто о точках бифуркации еще на подходе к ним. Учеными доказывается, что существуют два универсальных предкризисных симптома (предвестника катастроф) поведения системы. Первый признак грядущей катастрофы – это «затишье перед бурей» или предкритическое (предкризисное) замедление характерных ритмов системы, вторым признаком является увеличение «шумовых» флуктуаций в системе в окрестности точки бифуркации, т. е. увеличение хаотических отклонений характеристик системы от их средних значений. И при «распаковывании» точки бифуркации, т. е. рассмотрении ее с микроуровня, мы наблюдаем не точку, а целую область развитого динамического хаоса, субстанциональную основу выбора направления динамики развития⁵⁶.

Динамическая иерархичность (эмерджентность). Динамическая иерархичность – основной принцип прохождения системой точек бифуркации и формирования нового порядка. Этот принцип описывает возникновение нового качества системы по горизонтали, то есть на одном уровне, когда медленное изменение параметров порядка мегауровня приводит к бифуркации, неустойчивости системы на макроуровне и перестройке его структуры. Включение в схему микроуровня позволяет описать процесс исчезновения и рождения в точке бифуркации макроуровня. В этой точке коллективные переменные, параметры порядка макроуровня возвращают свои степени свободы в хаос микроуровня, растворяясь в нем. Затем в непосредственном взаимодействии мега- и микроуровней рождаются новые параметры порядка обновленного макроуровня. Процесс рождения параметров порядка: «управляющие сверхмедленные параметры мега-уровня» + «короткоживущие

⁵⁶ Буданов В.Г. Указ раб. С. 82.

переменные микроуровня» = параметры порядка, структурообразующие долгоживущие переменные мезо-(макро-) уровня». Мгновение между прошлым и будущим – точка бифуркации на микроуровне является целой эпохой перемен-трансформаций. Именно здесь происходит выбор альтернатив развития макроуровня.⁵⁷ Данная теоретическая конструкция, как уже отмечалось ранее, в полной мере соотносится с изысканиями в области познания принципов социальной взаимопричинности, начиная от уровня волевой направленности отдельного человека (микроуровня), реализуемой в рамках определенной системной формы государства (макроуровня), до уровня национальных, межнациональных идей, категорий описания сущности всей человеческой цивилизации.

Согласно Г. Хакену, принцип подчинения в ситуации «становления» инвертируется по сравнению с формулировкой для ситуации «бытия». Параметр порядка теперь не самый медленный, но, напротив, самый неустойчивый, самый быстрый. Наиболее полно и эффективно эти процессы рассмотрены в работах школы С. П. Курдюмова: так называемые режимы с обострением⁵⁸. Описываемый здесь процесс есть самоорганизация в режиме становления, и ее следует отличать, от самоорганизации в режиме бытия, т.е. от процессов поддержания гомеостаза стабильной диссипативной структуры. Таким образом, феномен самоорганизации принципиально по-разному проявляется в фазах бытия и становления.

Необратимость. Необратимость изменений – фактор развития и становления. Возникновение новых параметров порядка – события, которые не имеет обратного движения. Соединившиеся в кооперации элементы обретают новые качества, и их разъединение ведет также к новым качественным изменениям, т.е. исходное (до первичного соединения) качество невозвратимо (закон расхождения Богданова).

⁵⁴ Буданов В.Г., Мелехова О.П. Концепции современного естествознания / В.Г. Буданов. – М., 1999. С. 82-88.

⁵⁸ Ахромеева Т.С., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Самарский А.А. Нестационарные структуры и диффузионный хаос / Т.С. Ахромеева. – М., 1992.

С необратимостью связан закон дивергенции, описывающий непрерывный рост разнообразия путей эволюции, осмысляемый как непрерывный рост сложности «возможной организации образований»⁵⁹. При этом важно подчеркнуть, что необратимые, нелинейные процессы есть эмпирически фиксируемый в науке факт, столь же реальный, как и наличие в мире процессов линейного и обратимого характера. Принципиальная значимость первых, прежде всего в их фундаментально-конструктивной роли – быть основой когерентных процессов самоорганизации, которые протекая на микроуровнях способны приводить к драматическим (по определению Г.Хакена) изменениям на уровне макросистем⁶⁰.

Процесс самоорганизации, в том числе, общественной – это движение только в одном направлении – вперед. Это не значит, например, что вновь сформировавшаяся система государственно-политической организации будет в «лучшем», состоянии, по сравнению с прежним. Она становится тем, чем она может быть, переживая определенное событие или серию возникающих во времени событий. В этом смысл самоорганизации как процесса становления.

Универсальность. Универсальность – непрерывность и глобальность самоорганизации. Классическое представление об устройстве и процессе упорядочения мира ориентировано на то, что все сущее упорядочено, а возникающие беспорядки являются частными случаями порядка и устранимы действиями его законов. Синергетическая картина мира представляет иное. Все в природе, в том числе в человеке и обществе неравновесно. В самом бытии, где бы оно не проявлялось, постоянно включены состояния хаоса, которые являются источниками движения и самоорганизации в контексте глобального (вселенского) эволюционизма.

Таким образом, с учетом вышеизложенных концептуальных понятий, акцентируем внимание на том, что синергетика существенно изменила, в т. ч.

⁵⁹ Моисеев Н.Н. Пути к созиданию / Н.Н. Моисеев – М., 1992. С. 66.

⁶⁰ Делокаров К.Х. Рационализм и социосинергетика / К.Х. Делокаров // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. С. 120.

интересующее нас, понимание общественно-организационного развития (системного становления, формообразования), обогатив его нетривиальными представлениями о саморазвитии и самоорганизации открытых нелинейных систем, о выборе направлений социальной эволюции в точках бифуркации, о важной роли случайных факторов в этих процессах.

Если кибернетика и теория систем изучали в основном процессы гомеостаза, т.е. поддержания равновесия в разных, в том числе и социальных, системах посредством обратной отрицательной связи, то синергетика исследует нелинейные эволюционные процессы в системах, находящихся вдали от состояния равновесия. «По существу, нелинейность означает огромное разнообразие поведения и богатство возможностей, – пороговые эффекты, неединственность решений, существование хаотических траекторий, парадоксальный отклик при изменении внешних воздействий»⁶¹.

Можно сказать, что в начале третьего тысячелетия формируется новая, постнеклассическая наука, учитывающая актуальную реальность в области глобальных рисков и научного познания. По мнению В. С. Степина, «постнеклассическая наука расширяет поле рефлексии над деятельностью, в рамках которой изучаются объекты. Она учитывает соотнесенность характеристик получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и её ценностно-целевыми структурами»⁶².

Если классическая наука была ориентирована на постижение аналитически дифференцированных аспектов объективного мира, то постнеклассическая наука акцентирует внимание на комплексных исследовательских программах. Кроме того, объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся сложные нелинейные системы, в том числе «развивающиеся переходные, кризисные общества», характеризующиеся открытостью и самоорганизацией. Именно нетривиальные идеи синергетики являются наиболее

⁶¹ Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица. М., 2003. С. 45.

⁶² Стёпин В.С. Становление норм и идеалов постнеклассической науки / В.С. Стёпин // Проблемы методологии постнеклассической науки. – М., 1992. С. 15.

важным атрибутом современной общенаучной картины мира, пронизанной философией глобального эволюционизма. «Такая смена стратегических установок превращает человека в центральное звено научной картины мира. В рамках классической и неклассической науки присутствие человека в мире виделось допустимой случайностью. Напротив, в постнеклассической науке, проникнутой идеей самоорганизации, картезианский тезис «Я существую» принимается за эмпирически наиболее достоверный и исходный для построения универсальной теории – антропный принцип; отсюда любая масштабная научная модель, игнорирующая факт существования человека, трактуется как заведомо недостоверная»⁶³.

Постнеклассическая наука открыто включает социальные и гуманистические ценности в структуру научного знания, провозглашая восстановление аксиологического смысла и цели научного познания, а также утраченной связи науки с человеком и его экзистенцией.

В этой ситуации, претендующая на роль новой научной парадигмы, синергетика, или теория самоорганизации, придает современной картине мира новый тип рациональности, развивая собственные идеи такие, как нелинейность, неустойчивость, бифуркация, случайность, хаос, аттрактор и другие. Теория самоорганизации выступает в качестве методологической основы не только естественных, но и общественных наук. Синергетический подход ориентирован на поиск неких универсальных механизмов, принципов изменения и самоорганизации социальных систем (объективно открытых и нелинейных). Синергетика представляет собой новое мировидение, в котором основную гносеологическую роль играют идеи о становлении порядка через хаос, случайности, необратимости времени, бифуркационных изменениях, нестабильности. «Синергетика оснащает нас инструментами анализа сложного поведения в мире, она развивает нетрадиционные средства объяснения сложных явлений природы, человеческого поведения и общества. Синергетика вносит

⁶³ Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги / А.П. Назаретян // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. С. 92.

вклад в понимание относительно простых принципов организации и самоорганизации исключительно сложных образований»⁶⁴.

Надо отметить, что важным научным фактом, в этом смысле, является безусловное совпадение содержания и духа понятия «самоорганизации» в новых идеях синергетики и догматизированных положениях материалистической диалектики. В обеих научных парадигмах «самоорганизация» фиксируется как важнейшее свойство, способность природы (материи) к самопроизвольной активности, в направлении роста организованности явлений и процессов, в условиях непрерывно меняющейся среды их существования. Образно суть этого явления определил Н. Н. Моисеев: «Весь грандиозный процесс самоорганизации чем-то похож на турбулентное движение жидкости, в которой на время возникают более или менее стабильные структуры (вихри), которые однажды неизбежно разрушаются, давая материал для образования новых. Такая схема обладает большой общностью: она в равной степени подходит для описания процессов, протекающих в неживом и живом мире, и для характеристики процессов общественного развития»⁶⁵. При этом в мире господствует жесткий механизм отбора выживающих систем – принцип минимума диссипации энергии, согласно которому, наибольшими преимуществами в существовании и развитии обладают системы, способные к минимальному росту энтропии за счет роста эффективности (максимально более полного) использования внешней энергии, вещества и информации⁶⁶.

Тем самым на самоорганизацию оказывается способна вовсе не каждая система, а лишь обменивающаяся со средой (внутренней и внешней) энергией, веществом и информацией (а значит испытывающая на себе непрерывное давление этой среды, приводящее ее к неравновесности). Но способна на это, кроме того, лишь та система, которая способна ассимилировать, осваивать,

⁶⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева. – М., 2007. С 55.

⁶⁵ Моисеев Н.Н. Пути к созиданию / Н.Н. Моисеев. – М. Республика, 1992. С. 67.

⁶⁶ Моисеев Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1988. – № 4. С. 28.

развиваясь, изменяясь, эту непрестанно меняющуюся среду. Один из исследователей этого вопроса О. Ф. Шабров, отмечает, что «сложную развивающуюся систему отличает не сама по себе открытость, а наличие специальных механизмов самоорганизации и защиты», первые из которых используют внешние воздействия, вторые предохраняют от воздействий, которые система переработать не в состоянии⁶⁷.

Обоим требованиям, безусловно, отвечают социальные системы (в т. ч. система государственной организации общества), носящие, в сущности, открытый характер, способные к развитию в сторону более сложных форм организации, подтверждением чего, как уже отмечалось, служит вся история человеческого рода. В ней, «С позиций космического и глобального эволюционизма, развитие мира предстает как процесс непрестанной дифференциации и усложнения структур и форм...», как процесс постоянного развития и совершенствования форм самоорганизующейся Вселенной⁶⁸. В этой связи, ища пути прикладного использования понятия открытости, некоторые ученые считают наиболее важной задачей – научной и практической – не преподнесение открытости как панацеи, а поиск и реализацию «оптимальной меры открытости и закрытости в каждой сфере (в сфере общественной жизни в т. ч.) и по отношению к каждому роду воздействий»⁶⁹.

Так, замечательные идеи, связанные с феноменом самоорганизации, можно найти в тектологии А. А. Богданова, в понятиях «подвижного равновесия», «прогрессивного и регрессивного подборов» и др. Ученый отмечает, в частности, что «Сохранение является всегда лишь результатом того, что каждое из возникающих изменений уравнивается тут же другим ему противоположным, – оно есть подвижное равновесие изменений...». При этом,

⁶⁷ Шабров О.Ф. Политические системы: открытость, устойчивость, развитие / О.Ф. Шабров // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Материалы междунар.конфер. – В 4 т. – М.:Интеллект,1996. – Т.1. С.24.

⁶⁸ Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки / Б.В. Бирюков. – М.,1974. С. 14.

⁶⁹ Шабров О.Ф. Указ раб. С.25.

«динамическим элементом сохранения комплекса является возрастание его активностей за счет среды»⁷⁰.

Определяя сущность понятия «самоорганизация» нельзя не отметить стремление многих поколений исследователей научным образом обосновать глубокую генетическую связь, существующую внутри мирового процесса становления и гибели отдельных форм (материи, организации), при сохранении имманентной способности мира к непрерывному из себя порождающему развитию. В этой связи, чрезвычайную актуальность приобретает дарвиновская триада «изменчивость, наследственность, отбор», отражающая в себе основные механизмы самоорганизующегося мира.

По существу, самоорганизация, увенчанная принципом отбора (системой фильтров в мироздании), рассматривается в системно-синергетической методологии как судьба любых динамических систем. При этом «Из всего множества движений, согласных со связями, отношениями их друг с другом, в реальность «пропускаются» лишь некоторые исключительные движения»⁷¹. И хотя в целом, с позиций, например, тектологии А. А. Богданова, сущность подбора (носящего положительный характер) заключается в том, что экономя в конечных результатах, он идет путем колоссальной расточительности средств достижения. Первое выражает повышение организованности, второе – цену бесчисленных актов дезорганизации, которой оно достигается...»⁷². Но при этом лишь закон подбора (или отбора) дает возможность миру и обществу развиваться в сторону выживаемости наличных форм, а не в сторону их гибели.

Интересна в этой связи логика развития (самоорганизации) самой науки. Один из исследователей этого вопроса Е. В. Водопьянова отмечает, например, что «Наука как большая система выходит «на режим» самоорганизации постепенно. Саморазвитие в науке – это сложный многоуровневый процесс, в котором явления самоорганизации возникают не одновременно (и на уровне пространства, и на

⁷⁰ Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука) / А.А. Богданов. – М., 1989. С. 197, 201.

⁷¹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М., 1984. С. 27.

⁷² Богданов А.А. Указ раб. С. 206-207.

уровне времени)»⁷³. По ее мнению, «Установившаяся в границах конкретной научной парадигмы технология науки мало подвержена изменениям, а все найденное случайным образом новое «гасится» вдали от точек бифуркации, и, напротив, вблизи них может существенно усиливаться, случайным образом выступая в качестве необходимых условий становления новой научной парадигмы»⁷⁴.

Синергетика как новая научная парадигма подвергает критическому переосмыслению многие классические установки и представления, нетривиальным образом объясняя структуру и динамику общественного развития. «В последнее время становится все более очевидным, что с помощью парадигмы самоорганизации можно адекватнее понять и объяснить эволюционные процессы не только в природе, но и в обществе, начиная от формирования рыночного механизма и кончая становлением морали, языка и культуры в целом»⁷⁵. Синергетика, в частности, позволяет по-новому посмотреть на проблематику социальной динамики. Синергетический подход акцентирует внимание на исследовании уникальных, исторически развивающихся государственно-правовых систем, которые проходят через точки бифуркаций. Социосинергетика, в частности, исследует те аспекты социальной реальности, которые в классических теориях рассматриваются как второстепенные и случайные, хотя в кризисной ситуации, особенно в момент бифуркации, они могут сыграть решающую роль в её исходе.

Вместе с тем, социальная синергетика способствует формированию мировоззренческой установки, согласно которой сложноорганизованным системам нельзя навязать пути развития. Более эффективный метод воздействия на системы состоит в том, чтобы способствовать их собственным эволюционным тенденциям и выбору конструктивного пути развития. Также синергетика демонстрирует, что хаос присущ социальным системам как их неотъемлемое

⁷³ Водопьянова Е.В. Система научной деятельности: инварианты функционирования / Е.В. Водопьянова // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Материалы междунар. конф. – В 4 т. – М., 1996. – Т.2. С.73.

⁷⁴ Водопьянова Е.В. Указ. раб. С.75.

⁷⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин. – М., 1986. С. 386.

свойство. Хаос может выступать в качестве созидającego, конструктивного механизма эволюции. В моменты неустойчивости малые возмущения могут разрастаться в новые макроструктуры⁷⁶.

Так, например, в бифуркационной ситуации, где противодействуют друг другу различные альтернативы, резко усиливаются потенциальные риски политической борьбы. Это требует принципиально новых подходов в области государственного управления, особенно в период структурной перестройки социетальной системы. «...Синергетика дает знание о том, как надлежащим образом оперировать сложными системами и как эффективно управлять ими. Оказывается, главное – не сила, а правильная топологическая конфигурация, архитектура воздействия на сложную систему (общественную среду, как особую систему систем). Малые, но правильно организованные – резонансные – воздействия на сложные системы чрезвычайно эффективны»⁷⁷.

Как уже отмечалось, методологически важным для современного обществознания является представление о нелинейности. Сложные открытые системы способны проявлять нелинейные эффекты, тогда как в политико-правовой мысли и историософии до сих пор доминирует линейное мышление, которое игнорирует синергетические аспекты окружающего нас мира. Немецкий ученый К. Майнцер утверждает, что «линейное мышление и линейные действия могут привести к глобальному хаосу, хотя локально мы будем действовать с самыми лучшими намерениями»⁷⁸. Синергетика ясно показывает научную ограниченность линейного подхода и открывает, в свою очередь, принципы нелинейного мышления, рассматривая Универсум «как иерархию сред с разной нелинейностью»⁷⁹.

В условиях бифуркации нелинейность демонстрирует весьма необычные свойства. Прежде всего, благодаря нелинейности в нестабильном обществе

⁷⁶ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. раб. С.4.

⁷⁷ Там же. С. 5.

⁷⁵ Майнцер К. Сложность и самоорганизация Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 2. С. 55.

⁷⁹ Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Указ. раб. С. 65.

начинает действовать принцип «усиления флуктуаций». Нелинейность может резко интенсифицировать социальные флуктуации, которые порождают не только хаос, но и возможности макросоциальных изменений. Общество в неустойчивом равновесии проявляет и другое важное нелинейное свойство – пороговую чувствительность: ниже порога все уменьшается, например, в идеологии, политике, культуре, а выше порога, наоборот, все многократно возрастает. Это обеспечивает сравнительно быстрое утверждение в постбифуркационном социуме новой институциональной структуры, находящей впоследствии конституциональное выражение.

Нелинейность в нестабильном обществе означает возможность неожиданных изменений в направлении течения социальных процессов. Это вносит существенные помехи в процесс (линейного) прогнозирования. Экстраполяция становится проблематичной и ненадежной, поскольку она предполагает конкретную ситуацию, которая развивается только линейно. На самом деле социальное (социально-политическое) развитие носит нелинейный характер, причем выбор нового пути в момент бифуркации совершается через случайность, которая придает истории драматический характер. Хотя путей эволюции может быть много, их количество отнюдь не бесконечно. Возможны, реализуемы в данной нелинейной системе далеко не все те варианты, которые представлены идеологическими и утопическими доктринами⁸⁰.

Актуализируя положительную роль бифуркаций и кризисов в развитии социальных систем О. Ф. Шабров отмечает, что «Теперь уже выяснилось, что необходимы не просто даже революции, а кризисы и катастрофы, они – единственный способ развития, перехода на качественно более высокую ступень»⁸¹. Вместе с тем, в качестве констатации взвешенности и научной корректности понятия бифуркации (как впрочем, и развиваемого в рамках теории катастроф понятия катастрофы), может служить вывод ученого о том, что «работы

⁸⁰ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики / Е.Н. Князева. – СПб.: Алетейя, 2002. С. 132.

⁸¹ Шабров О.Ф. Указ. раб. С.23.

признанных авторитетов в области синергетики и теории катастроф, на которые охотно ссылаются авторы обоснований, куда глубже неуклюжей односторонней трактовки и не дают повода для крайностей»⁸².

Не менее теоретически значимым для обществознания является представление о неустойчивости. По мнению И. Пригожина, сегодня имеет место переход от детерминизма к нестабильности. В связи с этим он писал: «В детерминистическом мире природа поддается полному контролю со стороны человека, представляя собой инертный объект его желаний. Если же природе, в качестве сущностной характеристики, присуща нестабильность, то человек просто обязан более осторожно и деликатно относиться к окружающему миру, – хотя бы из-за неспособности однозначно предсказывать то, что произойдет в будущем»⁸³.

Социальная система как сложное взаимодействие множества элементов может находиться в различных состояниях. Устойчивость системы – это способность системы к самосохранению во взаимоотношениях с внешней средой. Однако, как отмечал Н. Н. Моисеев, «...устойчивость, доведенная до своего предела, прекращает любое развитие. Она противоречит принципу изменчивости. Чересчур стабильные формы – это тупиковые формы, эволюция которых прекращается». Система предстает как единство порядка и хаоса. Если же система, испытывая влияние флуктуирующих подсистем, отклоняется от стабильной линии развития и переходит порог устойчивости, то она оказывается в состоянии, далеком от равновесия, что чревато хаосом и бифуркацией.

Хаос разрушителен, если система достигает максимального развития и становится очень чувствительна к малым возмущениям на микроуровне. В этом случае система демонстрирует тенденцию к распаду из-за влияния хаотических флуктуаций. Но в то же время, как уже отмечалось, хаос может выступать механизмом самоорганизации системы, механизмом её выхода на новые пути исторического развития. Когда система оказывается в неустойчивом состоянии,

⁸² Там же. С.24.

⁸³ Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. С.80.

включается механизм нелинейной положительной обратной связи, т. е. механизм быстрого, самоусиливающегося роста. Находясь в таком состоянии, система может необычайно сильно реагировать на случайные события на микроуровне, и тогда микрофлуктуации способны неожиданно разрастаться в макроструктуры. Таким образом, хаос выступает в качестве позитивного, конструктивного начала⁸⁴.

Любой эволюционный процесс выражен чередой смен оппозиционных качеств – условных состояний порядка и хаоса в системе, которые соединены фазами перехода к хаосу (гибели структуры) и выхода из хаоса (самоорганизации). Из этих стадий лишь одну, стабильную, мы относим к бытию, гомеостазу системы, зачастую она наиболее протяженная по времени, остальные так или иначе связаны с хаосом и относятся к становлению или кризису. Условность такого разбиения связана с тем, что во всяком порядке есть доля хаоса и, наоборот, в хаосе можно найти элементы порядка, проблема в мере их смешивания. Относительную кратковременность глубоких кризисов можно объяснить мерами эволюционной безопасности, длительный кризис резко истощает адаптационные возможности системы, и она погибает, исчезает ее системная целостность.

В эволюции системы могут происходить неожиданные изменения вектора процессов, поскольку развитие совершается через бифуркацию, где роль случайности усиливается. В результате нарастания флуктуаций новое состояние возникает как эмерджентное, но в то же время оно запрограммировано в виде комбинации возможных путей развития, относительно устойчивых структур-аттракторов. Когда система оказывается в неустойчивом состоянии, возникают новые поля развития, формируемые аттракторами. В результате соответствующего воздействия определенного аттрактора, система движется к этой относительно устойчивой структуре. Тем самым финальное состояние системы как бы притягивает, организует, формирует и изменяет её настоящее состояние в соответствии с будущей моделью, которая существует в этот момент как

⁸⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Указ. раб. С. 18.

потенциальная реальность⁸⁵. Таким образом, можно говорить о том, что настоящее определяется не столько прошлым, сколько будущим.

Так, в частности, в момент общественной бифуркации идет непрерывная борьба между различными аттракторами, альтернативными приоритетами развития, один из которых в будущем станет доминирующим. Локально имеют место отдельные элементы, феномены переходных, промежуточных аттракторов. Это создает иллюзию множественности путей будущего развития, но в действительности промежуточные аттракторы обречены либо на коалицию с наиболее доминантным аттрактором, либо на борьбу с ним. В любом случае промежуточные аттракторы теряют собственную социальную и политическую индивидуальность и подчиняются победившей структуре, причем здесь возможен и фатальный вариант. Выход системы на относительно простую структуру-аттрактор означает свертывание сложного в результате затухания переходных процессов. Если система не переструктурируется, она обречена на дезинтеграцию, хаос, распад. В бифуркационной фазе спонтанный переход к новой структуре-аттрактору носит принципиально неопределенный характер. Тем не менее, несмотря на то, что невозможно предугадать точную траекторию системы, можно представить и предсказать базовую конфигурацию исторических альтернатив, которую со временем явит развивающаяся система общества и государства.

Социальная синергетика показывает, что люди объективно обречены на перманентную борьбу с всеобщей тенденцией к деградации, так как от этого зависит историческое выживание социума. Ключевую роль в противодействии социальной дезорганизации играют прямые и обратные связи. По сути, общество можно рассматривать как синергетическую социетальную систему, сохраняющую своё устойчивое состояние с помощью государственно-правовой подсистемы прямых и обратных связей.

Особенно важную роль в регуляции социальных процессов играет структура обратных связей. Рациональное соотношение положительных и отрицательных

⁸⁵ Князева Е.Н, Курдюмов С.П. Синергетика: Нелинейность времени и ландшафты коэволюции / Е.Н. Князева. – М., 2007. С 25.

обратных связей обеспечивает одновременно устойчивость и изменчивость социетальной системы, её адаптацию к среде и качественное развитие. С точки зрения Дж. Касти, «...адаптируемость, по-видимому, можно представить себе как определенную меру способности системы к поглощению внешних возбуждений, без резко выраженных последствий для её поведения в переходном или установившемся состоянии»⁸⁶. Динамическая устойчивость, включающая в себя адаптируемость и изменчивость, позволяет социетальной системе определенное время сохранять самоидентичность при всех переменах и, кроме того, генерировать инновационное саморазвитие, противодействуя той самой социальной деградации. Эволюционное развитие общества основано на его способности адаптироваться к условиям внешней среды. Динамические взаимодействия общества и окружающей среды создают возможности для его социально-исторического развития.

Таким образом, в современной науке и философии парадигма синергетики (самоорганизации) играет важную роль, интегрируя естественнонаучное и гуманитарное знание. «Синергетика может рассматриваться как позитивная эвристика, как метод экспериментирования с реальностью... Она дает возможность рассмотреть старые проблемы в новом свете, переформулировать вопросы, переконструировать проблемное поле науки». Синергетика наиболее полно выражает парадигмальный сдвиг к смене методологических установок и принципов современной науки. Именно синергетическая парадигма интегрирует основания «трансдисциплинарной единой теории»⁸⁷, предметом которой становится Универсум как целостная эволюционирующая макроструктура.

Социосинергетика позволяет отделить рационализм от механического детерминизма и обогатить исследование качества социальных систем и их изменений анализом нелинейных процессов. Социосинергетика, ее концептуальные основания (принципы самоорганизации: гомеостатичность,

⁸⁶ Касти Дж. Большие системы: Связность, сложность, катастрофы / Дж. Касти. – М., 1982 С. 79.

⁸⁷ Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло // Вопросы философии. – 1997. – № 2. С. 80.

иерархичность, открытость, нелинейность, случайность, неустойчивость, эмерджентность, необратимость, универсальность и др.), описанные в данном параграфе, открывают новые возможности в исследовании проблем общественного развития, демонстрируя нетривиальные междисциплинарные научные результаты, методологически применимые, в процессе исследования социально-политических систем, государственной организации.

1.3. Методологический потенциал теории самоорганизации в исследовании социально-политических систем

Предваряя содержательный анализ, обозначенного заглавием настоящего параграфа вопроса, отметим, что важный вклад в становление теории социальной самоорганизации внесли такие, отчасти уже упоминаемые, ученые, как А. А. Самарский, С. П. Курдюмов, Е. Н. Князева, Н. Н. Моисеев, В. Е. Егоров, Г. И.

Рузавин⁸⁸. Точки пересечения философии и синергетики были выявлены А. М. Ковалевым, К. Х. Делокаровым, Ф. Д. Демидовым⁸⁹.

⁸⁸ Самарский А.А., Галактионов В.А., Курдюмов С.П. Режим с обострением в задачах для квазилинейных параболических уравнений / А.А. Самарский – М., 1987. С. 44; Курдюмов С.П., Князева Е.Н. У истоков синергетического видения мира. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / С.П. Курдюмов. – М., 1994. С. 87; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с Пригожиным / Е.Н. Князева // Вопросы философии. - 1992. – № 12. – С. 52; Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы и эволюции сложных систем / Е.Н. Князева. – М., 1994. С. 92; Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / Отв. ред. И.А. Ачкурин, В.И. Аршинов – М., 1994. С. 118; Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица. – М., 1997. С. 174; Моисеев П. Расставание с простотой / П.Моисеев – М., 1998. С. 82; Аршинов В.И. Синергетика как феномен постпеклассической науки / В.И. Аршинов. – М., 1999. С. 92; Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика / Г.А. Котельников. – М., 2000. С. 152; Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем / Н.В. Поддубный. – Белгород, 1994. С. 21; Синергетическая парадигма – множество поисков и подходов/ Отв. Ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович. – М., 2000. С. 57; Рузавин Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества / Г.И. Рузавин // Вопросы философии. – 1995. – № 8. С. 227; Рузавин Г.И. Парадигма самоорганизации как основа нового мировоззрения / Г.И. Рузавин // Свободная мысль. – 1993. – № 17-18. С. 92; Егоров В.С. Философский реализм / В.С. Егоров. – М., 1994. С. 65; Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М., 2002. С. 114.

Отдельные элементы социальной самоорганизации разрабатывались группой ученых Московского университета (С. Н. Кабанов, А. Н. Клепач, В. И. Кузнецов, В. М. Кульков, Г. М. Куманин, Ю. М. Осипов, В. Т. Рязанов, Ф. Стробел, И. Н. Шургалина). На основе синергетических принципов исследованы переходные периоды и механизмы развития социальных систем⁹⁰. В социосинергетическом контексте рассматривается ноосферный подход к решению острейшей проблемы будущего человечества – управление устойчивым развитием – в работах А. Д. Урсула и Т. А. Урсул⁹¹. Эвристические возможности построения теоретической модели социальной самоорганизации и способы синергетической интерпретации социально-исторических процессов представлены в работе В. В. Васильковой.

Методологические проблемы управления в контексте постнеклассической науки изучали: Н. Н. Моисеев, Г. И. Рузавин, С. П. Курдюмов, К. Х. Делокаров, Е. Н. Князева. Специфику управления в условиях социального кризиса и развития социальных процессов в режиме с обострением: В. Г. Буданов, О. Н. Козлова, информационный подход в управлении сложными самоорганизующимися социальными системами: К. К. Колин, Г. Г. Малинецкий, В. В. Тарасенко. Соотношение культуры и управления в синергетическом аспекте: В. К. Егоров, О. А. Астафьева, Г. Г. Богатырева⁹².

Отдельные аспекты связи государственного управления с процессами социальной самоорганизации представлены в работах Ю. П. Аверина, Л. А. Василенко, В. С. Егорова, Л. А. Калиниченко, О. Ф. Шаброва, Л. В. Лескова, В. Л.

⁸¹ Ковалев А.М. Изменяющийся и самоорганизующийся мир. Т.1, 2. / А.М. Ковалев – М., 1999. С. 192; Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы: Синергетика. Философия. Научная реальность / К.Х. Делокаров. – М., 1999. С. 46.

⁹⁰ Переходы и катастрофы. – М, 1994. С. 98.

⁹¹ Урсул А.Д, Урасул Т.А. Синергетика и ноосферный подход к управлению устойчивым развитием / А.Д. Урсул // Синергетика и социальное управление. – М., 1998. С 114 -128.

⁹² Самоорганизация, организация, управление. – М., 1995. С. 98; Методологические основы социального управления – М., 1995. С. 94; Философские проблемы образования. – М., 1996. С. 67; Информация и самоорганизация. – М., 1996. С. 71; Теоретические проблемы государственного управления и государственной службы. – М., 1997, С. 223; Синергетика и образование – М., 1997. С. 113; Синергетика и социальное управление – М., 1998. С. 132; Синергетика и учебный процесс. – М., 1999. С. 145; Синергетика: человек, общество. – М., 2000. С 143; Синергетика, философия, культура. – М., 2001. С. 77.

Романова, освещающих различные направления теории и практики государственного управления в постнеклассическом представлении⁹³.

Однако, несмотря на то, что синергетическая парадигма развивается уже достаточно длительное время, социальная синергетика, как научный подход, еще не стал общеупотребимым у представителей гуманитарных наук. Это во многом объясняется его сложностью (междисциплинарностью), новизной. Безусловно, прежде чем заниматься применением общей теории самоорганизации к обществу и государству, производить анализ соответствующих процессов, необходимо логично и функционально структурировать методологию, систему основных понятий, мировоззренческих установок этой теории и их взаимосвязь.

Как показала В. В. Василькова, становление теории социальной самоорганизации должно пройти три последовательных этапа расширяющегося междисциплинарного синтеза: этап феноменологического отыскания синергетических аналогов в разнообразии социальных явлений и процессов; этап формирования целостного процессуального видения общества как самоорганизующейся системы, в рамках которого дедуктивные методологические посылыки синергетики дополняются интеграцией эмпирических данных и специфических исследовательских методов самых разных наук (экономики, социологии, истории, культурологии и др.); этап интерпретации идей социальной самоорганизации в мировоззренческом и социально-философском плане, выработка представлений о развитии общества как о составляющей всемирного процесса самоорганизации, сопрягающего природное, социальное и индивидуальное бытие человека⁹⁴.

Принципиально важным является то, что становление синергетической методологии социального знания дает возможность по-новому увидеть и исследовать объекты науки в области социального познания, позволяет

⁹³ Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы / Л.А. Калиниченко. – М., 2000. С. 65; Шабров О. Указ. раб. С. 121.

⁹⁴ Василькова В.В. Синергетика и теория социальной самоорганизации: автореф. дисс. д. филос.н / В.В. Василькова. – СПб, 1999. С. 11 – 13.

теоретически адекватно воспроизвести всю сложность интересующих нас социально-политических процессов в их стихийности и упорядоченности.

Именно в таком качестве, прежде всего, видит значение синергетической методологии для познания социальных явлений М. Кастельс, который утверждает, что наше общество построено вокруг потоков: капитала, информации, технологий, организационного взаимодействия, норм, изображений и символов. Потоки есть не просто один из элементов социальной организации, они являются выражением процессов, доминирующих в нашей экономической, политической и символической жизни. М. Кастельс создает описание модели «сетевого общества», новой динамичной социальной структуры. Под социальной структурой понимаются организационные образования людей по поводу отношений производства и потребления, опыта и власти, выраженные в смысловом взаимодействии, оформленные культурой. М. Кастельс считает, что теоретико-познавательная ценность синергетических идей могла бы прийти именно из признания изощренной сложности природы и общества. Сложностный (синергетический) подход, по мнению данного исследователя, запрещает построение любых системных, интегрирующих рамок. Сами правила создаются и меняются в непрерывном процессе преднамеренных действий и уникальных взаимодействий⁹⁵.

Здесь, отличие причинности по законам свободы и причинности по законам необходимости определяет водораздел между сферой природы и сферой социальных процессов. Разработка синергетической методологии познания социально-политических явлений и процессов, развивая идею синергетики свободы-несвободы, потребует актуализации научного анализа относительно понятия свободы в теоретическом и в практическом отношении.

В практическом отношении это означает разработку новых методов социально-политического управления, прежде всего ориентированных на самоорганизацию личности, ее рефлекссию, на активное включение всех

⁹⁵ Кастельс М. Информационная эпоха / М. Кастельс. – М., 2000. С. 79 – 80.

элементов иерархической системы управления в процессы самоопределения личности на уровне аксиологической сферы.

В теоретическом отношении реализация рефлексивно-синергетических методов в области гуманитарных наук позволяет преодолеть как точку зрения обыденного сознания, так и поверхностно-рационалистическую интерпретацию социальных событий⁹⁶.

Точка зрения обыденного сознания невольно мифологизирует социально-политические явления, абстрагируясь при этом от их динамики. Эта позиция основывается на том повседневном опыте, что основная часть социального и физического пространства остается в каждый последующий момент такой же, как и была до этого. Обыденное сознание оперирует с простыми причинными отношениями, которые могут определяться как линейные (условно говоря: «малая» причина – «малое» действие, «большая» причина – «большое» действие). Это настраивает на мысль, что при небольших изменениях в социальных системах никакие значительные трансформации (катастрофы) произойти не могут. Поэтому в кризисных ситуациях обыденный опыт ищет раз и навсегда правильное решение, которое, по его мнению, должно радикально упорядочить ход событий и однозначно вывести из кризиса. И здесь эту установку подхватывает традиционный рационализм с его жестким детерминизмом, продуцирующим теоретическую модель социальных процессов в виде застывшей (относительно реальной жизни) «трехмерной картинки», не включающей в себя рефлексию деятельности познающего субъекта и его взаимодействия с объектом социального познания.

Нужно отметить, что критика абсолютизации обыденного опыта и абсолютизации рационального начала в общественно-политической жизни имеет в русской социальной философии свои традиции. Можно вспомнить выводы П. И. Новгородцева о недооценке социальными дисциплинами элемента хаотичности, стихийности в жизни общества. Его ученик Н. Н. Алексеев так выражал эту точку

⁹³ Цыбенков Б.Ц. – Методологические возможности синергетики в познании социальных процессов: автореф. дисс. к. филос.н / Б.Ц. Цыбенков. – М., 2002. С. 18-20.

зрения: «Действительность права и государства во всем богатстве ее конкретного содержания не может быть вполне вылита в рационально-логические схемы. Некоторое иррациональное начало является ее стихийным признаком».⁹⁷ Несколько раньше, практически, ту же самую идею высказывал Е. Н. Трубецкой. Признание наличия в политико-правовых общественных отношениях некоторого иррационального начала, без которого не было бы свободы, стало одной из принципиальных идей теории П. И. Новгородцева, Н. Н. Алексеева и других, близких к ним по взглядам, мыслителей.

Существенно то, что преодоление ограниченного рационализма в гуманитарных науках виделось на пути актуализации рефлексивных методологий: сначала кантианских и неокантианских (П. И. Новгородцев), затем кантианско-фихтеанских и феноменологических (Н. Н. Алексеев). Н. Н. Алексеев формулирует задачу социальных наук, которую с отрицательной стороны составляет «критика существующего социально-научного сознания, поскольку проявляется оно в фактическом составе натуралистических социальных теории», а с положительной – создание теории, которая была бы строго научна и в то же время учитывала идею «невозможности полнейшей рационализации общественных отношений – той рационализации, вера в которую, с одной стороны, воплощается в мечтах о близком земном рае, с другой – связывалась с убеждением, что общественную науку можно вылить в математически-рациональные формулы»⁹⁸. Таким образом, научная программа Алексеева близка позиции современных обществоведов-синергетиков по двум основным пунктам: стремлению преодолеть примитивный натурализм в интерпретации социальных явлений и попыткам интегрировать в ткань рациональной науки представление о «хаотическом» элементе социальной жизни. Впрочем, в своих опытах решения этой исследовательской задачи он ни в коей мере не приближается к тем прасинергетическим парадигмам, которые наметились в науке середины XX столетия. В своей интерпретации феномена права, и особенно в исследовании

⁹⁷ Алексеев Н.Н. *Философия права* / Н.Н. Алексеев. – СПб., 1998. С. 43.

⁹⁸См.: Алексеев Н.Н. *Указ.соч.* С. 112 – 114.

феномена общественного идеала, Алексеев реализует рефлексивные методологические установки феноменологической философии, усматривая в них форму интеграции рационального и иррационального подхода.

Синергетика, по сути, отталкивается от сходных общетеоретических предпосылок, предполагающих неприятие сугубо рационального подхода к трактовке социальных процессов и явлений. Однако она не отдает и предпочтения иррационализму, просто меняя «плюс» на «минус». Скорее речь здесь идет о дополнительной фокусировке «ratio», ориентированной на обретение методологических средств теоретического выражения социальных процессов повышенной степени сложности, процессов, связанных нелинейной причинной зависимостью⁹⁹.

Не следует также забывать, что развитие синергетической методологии осуществлялось во второй половине XX века, т.е. после двух мировых войн и последовавшей за ними изрядной девальвации ценностей, связанных с моральными и политическими методами регулирования социальных процессов, которые понимались как внешние этим процессам регуляторы. Стремление общества к стабильности и устойчивому развитию сталкивалось с противоречиями и хитросплетениями нелинейных детерминаций. И в итоге попытки разобраться с механизмами саморегуляции общественных систем находили все больший отклик в научном сообществе. Причем, если в сфере естественных наук с самоорганизацией связывали преимущественно представления о стабильности и фиксации достигнутых результатов развития, то в области общественных явлений самоорганизация рассматривалась не менее часто как нечто, несущее угрозу социальному порядку, нечто трудно просчитываемое и непредсказуемое, выходящее за пределы контроля со стороны рациональных по форме и источнику происхождения государственно-правовых механизмов.

⁹⁹ Ребош В.А. Философско-синергетические основания концепции устойчивого развития: дис. ... д.филос.н. / В.А Ребош. – СПб., 2008. С. 163.

Самоорганизация социума, сознательно или нет, ассоциировалась со стихией, которая грозит превратиться в главный детерминирующий фактор развития общества, ввергающий его в пучину хаоса и смуты.¹⁰⁰ Она способна канализировать броуновское движение индивидуальных волей, придав им целенаправленную силу, при этом, вовсе не наделяя этот поток разумом. Синергетика, в данном контексте, явилась новым подходом, обещающим предложить пути познания закономерностей самоорганизации в обществе и разработку методов управляющего воздействия на эти процессы, исходя из приоритетных нравственных идеалов.

В принципе, здесь не было ничего принципиально нового. Традиционно, по крайней мере, со времен Адама Смита, представления о стихийности социальных процессов связывали с образом рынка. Новым было стремление экстраполировать на сферу социальных отношений образы механизмов, подобных рыночным, и интерпретировать их с учетом достижений теории систем и теории самоорганизации в сфере естествознания. В качестве примера можно указать на концепцию «социальных систем обмена» П. Каппельхоффа или концепцию «осуществления социального порядка» И. Колемана.

Наибольшую известность в этом ряду опытов построения теории социальной самоорганизации на основе экстраполяции экономических моделей рынка на социальные процессы приобрела идея Ф. Хайека о спонтанном социальном порядке. Все социальные явления можно понимать, согласно Хайеку, как явления особых «спонтанных порядков». Спонтанный порядок представляет собой результат свободного действия человека, но, отнюдь, не результат его проекта. Таким образом, субстанциальная свобода личности реализуется в системе спонтанного порядка только в сфере практического, но отнюдь, не теоретического отношения.

Для нашей концепции важно, что, согласно трактовке Хайека, все виды социального сотрудничества, которые принудительно не координируются и не

¹⁰⁰ См.: Кирвель Ч.С., Стрельченко В.И. Рациональность, глобализация и гуманизм / Ч.С. Кирвель // Философия человека и процессы глобализации. – СПб, 2006. С. 24.

организуются внешним субъектом управления, автоматически ведут к спонтанному социальному порядку, который возникает как результат общего соблюдения определенных неписаных правил (впоследствии нормативно фиксируемых фактически сложившихся (допускаемых) организационных образцов поведения) межличностного и межгруппового взаимодействия, а также индивидуального приспособления к обстоятельствам. Последнее задает основной акцент в детерминации непредсказуемости и стихийности социальных процессов в силу базовой автономии воли личности. Таким образом, управляющее воздействие на социальные процессы, имеющее ориентиром формирование параметров устойчивого развития, должно учитывать эту диалектику рационально-организованного и спонтанного социального порядка.

Представляется, что, несмотря на все сложности методологического характера, именно в сфере социального знания и социального управления синергетический подход должен будет, прежде всего, показать свою эффективность, именно здесь формируется наиболее значительный социальный запрос, обращенный к данной методологии. В свою очередь, разработка рефлексивных методологий синергетической интерпретации самоорганизации социальных процессов, исходя из базовых основоположений свободы, позволяет развивать саму синергетическую методологию до уровня, соответствующего степени сложности социальной формы развития, найти точки сопряжения классического и неклассического знания.¹⁰¹

Весьма показательным, что логика изложения методологических интенций синергетики в социальном познании приводит к мировоззренческим проблемам современного существования личности, общества, государства и права. В рамках анализа данных категорий проявляется комплексный, диалоговый характер нового знания и мировидения, который Хакен обозначил как синергизм, вложив в этот термин ключевое понимание кооперации, сотрудничества, содействия. Синергетика в социальном контексте ориентируется не только на изучение

¹⁰¹ Дебердеева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. автореф. дисс.. к. филос. н / Т.Х. Дебердеева. – М., 2005. С. 9.

когерентных (синергетических) процессов самоорганизации, но и на идеологию (и практику) сотрудничества, сознательного совместного действия индивидов и социальных групп, политических организаций в поисках универсального консенсуса, баланса позиций и интересов.

Говоря о смыслообразующем факторе, который придает социально-политическим исследованиям синергетика, важно подчеркнуть следующее. Взгляд на историю и современное общество сквозь призму процессов самоорганизации – это не «переделывание действительности», свойственное просветительской философии истории, а также прогрессистским линейным концепциям; это не «примирение с действительностью», в чем обвинялись циклические цивилизационные концепции (в первую очередь, Дж. Вико и О. Шпенглера); это не «погружение в действительность», постулируемое неклассической феноменологической традицией; это и не «игра с образами действительности», которой отчасти предается современный постмодерн. Но это более осторожная и бережная методологическая позиция, которую можно было бы назвать «вглядыванием в действительность и вживанием в нее», за которой стоит постоянный процесс корректировки смысложизненных ориентиров, синхронизирующий индивидуальное бытие человека с универсальным процессом мировой самоорганизации¹⁰².

Обратимся к описанию тех перспектив, которые задает синергетика в своем видении картины мира социополитических систем. Сформулируем некоторые положения.

Так, сама синергетическая постановка вопроса о рождении «порядка из хаоса» соотносится с базовой гуманитарной проблемой рождения спонтанных общесоциологических закономерностей (исторического детерминизма) и свободы воли отдельных индивидов.

Аксиоматически воспринимается тезис о том, что генеральные исторические тенденции складываются независимо от воли отдельных действующих в истории людей. Вспомним, в частности, высказывание Ф.

¹⁰² Дебердеева Т.Х. Указ. раб. С. 10.

Энгельса по этому поводу: «то, чего хочет один, встречает противодействие со стороны всякого другого, и в конечном результате появляется нечто такое, чего никто не хотел»¹⁰³. В интерпретации теории самоорганизации речь идет о том, что хаос разнонаправленных свободных волей (случайность) на микроуровне порождает порядок, генеральную согласованность исторической закономерности на макроуровне. Впрочем, синергетика вводит важный нюанс в понимание этого вопроса. Поскольку спонтанное порождение порядка возможно лишь в ситуации неустойчивости, когда социальная система становится чрезвычайно чувствительной к проявлению случайности, то возникает ситуация, когда малая случайность может иметь радикальное значение для судьбы конкретной социально-политической системы. В этом плане роль свободной воли отдельного субъекта или социальной группы перестает быть просто материалом для «надличностного творца» – она становится активным действующим лицом истории, начинает играть самостоятельную системообразующую роль, переходит с микроуровня на макроуровень.

В связи с этим, время, как мера исторического развития, представляется условной единицей системной трансформации энергии.

Здесь, воля отдельного человека является первоисточником энергии государственно-правовой материи – первичным элементом – частицей «квантового поля» общественных отношений. В свою очередь, суммируясь (актуализируясь) энергия индивидуальных волей (в полном соответствии с законом сохранения энергии) оказывает на материю синергетический (самоорганизационный) эффект, проявляющийся в ее системно-структурном упорядочивании и преобразовании – государственно-правовом становлении и реформировании. Далее и далее, фиксируясь информационно, одна (достигнутая) система отношений, становясь объектом рефлексивно-волевых процессов, порождающих движение материи, сменяется другой, демонстрируя, тем самым, глобальный принцип развития.

¹⁰³ Энгельс Ф. Энгельс – Й. Блоху, 21 (22) сентября 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. раб. 2-е изд. Т. 37. – М., 1959. С. 395.

Вместе с тем, отмеченная ранее созидательная работа случайности ограничивается рамками особых, периодически приходящих, эпох в развитии общества – эпох переходных, когда осуществляется бифуркационный перелом, рождаются новые структуры, меняется диспозиция социально-политических сил. В эпохи устойчивого, стабильного, более равновесного существования государственно-правовой системы господствует детерминизм, способный подавить случайную флуктуацию, направленную вопреки установившейся детерминистической тенденции.

Рождение нового социального порядка связано с нарушением исходной пространственно-временной симметрии. Во-первых, возникает временная неоднородность – один из возможных исторических путей развития общества становится более предпочтительным. Во-вторых, возникает новая структурная неоднородность – появляется новая социальная иерархия, т. е. некая политическая структура, центром которой становятся новые представители общества – вожди, элиты, социальные группы. Прежние социальные лидеры перемещаются на периферию предпочтений или претерпевают существенную трансформацию.

Еще один важнейший синергетический аспект социально-политического развития – введение фактора непредсказуемости в переходные бифуркационные эпохи, которая способна нарушить последовательно линейный ход событий. Открывается путь к пониманию альтернативности истории, поскольку в точках исторического перелома, благодаря целенаправленной воле субъектов, осуществляется выбор из спектра возможностей: либо система породит новую конфигурацию сил (новый социально-политический порядок), либо сконцентрируется на сохранении прежнего порядка, либо будет продолжать сохранять свою неустойчивость до новой бифуркационной развилки.

Рассмотрение социальных систем как открытых, способных эффективно перерабатывать поток внешних воздействий и источников развития (будь то природные ресурсы, потоки капитала, новые технологии, культурные и информационные новации и др.), расширяет наши представления о неравномерности исторического развития и о движущих силах государственно-

правовой самоорганизации, способных инициировать толчок к самоусложнению системы, ускорению темпов ее развития. Здесь наглядно проступает конструктивная роль хаоса как способность социальной системы «переработать» новационный потенциал, заключенный в потоке исторических флуктуаций.

Кроме того, поскольку детерминантами обновления политико-правового порядка выступают самые разные сферы социального бытия – от природных до идеологических, то возникает необходимость полидетерминистического, многомерного описания целостной самоорганизующейся системы, где будет учтено взаимовлияние и взаимоналожение детерминистических импульсов самой разной природы. Правда, здесь возникает определенная методологическая сложность – действие каждого из этих факторов имеет свою специфику, свои особые имманентные особенности. Однако такое препятствие в рамках нашей исследовательской задачи преодолимо, поскольку на первый план выступает общность тех законов, по которым эти различные факторы (детерминанты) организуют общество. Идея нелинейности социальной среды как важнейшего условия его самоорганизации предстает как объясняющий мотив многообразия исторического развития, как в эволюционном плане (существование различных социально-политических систем на различных уровнях цивилизационного развития), так и в поликультурном плане (разнообразие социально-политических систем в рамках близких по продолжительности эволюционных моделей).

И наконец, картина социальной организации была бы неполной без признания тезиса о необходимом циклическом чередовании режимов поведения политико-правовой системы – структур рождения порядка и структур сохранения порядка. Общество и государство как открытые системы, собственно, и могут существовать лишь в таком пульсирующем состоянии. Неравновесность делает их очень чувствительными к флуктуациям (как внутренним, так и внешним), которые создают поле вариаций для выбора будущего пути развития. Такой выбор совершается при создании новой структуры, которая, в свою очередь, не может оставаться неизменной опять же в силу своей открытости и способности

рождать в себе изменения. «Материя становится «активной»: она порождает необратимые процессы, а необратимые процессы организуют материю»¹⁰⁴.

Причем здесь важен эволюционный синтез поступательности и возврата, прогресса и регресса. Данное чередование этапов самоорганизации системы не может превратиться в природный маятник, т. е. не может стать подобным закрытой, равновесной системе с постоянным возвратом в исходную точку. Разомкнутость цикла обеспечивается феноменом бифуркации – непредсказуемости очередного поворота, хотя этот поворот осуществляется в рамках очередного этапа, т. к. выбор ограничен набором накопленных возможностей¹⁰⁵.

Такое представление об этапах системно-структурного упорядочения ставит вопрос о невозможности существования единого, идеального, универсального социально-политического порядка. Скорее существуют лишь единые, общие законы-пути, ведущие сначала к рождению некоего порядка (устойчивых структур), а затем к самосохранению и разрушению такового.

Далее, акцентируя внимание на прикладной направленности методологии теории самоорганизации в исследовании социально-политических систем, обратимся к анализу, ранее отмеченной, фундаментальной проблеме синергетики связанной с закономерностями самоорганизационного развития диссипативных систем.

Специфика последних состоит в том, что их существование поддерживается постоянным обменом со средой, веществом и/или энергией и/или информацией. Отсюда термин «диссипативный» (диссипация – рассеяние вещества и энергии). При прекращении такого обмена диссипативная структура (как состояние системы) разрушается и исчезает.

¹⁰⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин. – М., 1986. С. 37.

¹⁰⁵ Василькова В. В. Синергетика и теория социальной самоорганизации: дис. ... д. филос. н. / В.В. Василькова– СПб., 1999. С. 68.

Самая важная особенность диссипативной системы состоит в том, что она сочетает порядок с хаосом. Возникновение порядка в такой системе с количественной точки зрения выражается в уменьшении её энтропии, но последнее происходит за счет увеличения беспорядка в окружающей среде. Система не только возникает, но и существует за счет поглощения порядка из среды и, следовательно, усиления там хаоса.

Таким образом, синтез порядка и хаоса, осуществляемый диссипативной системой, состоит в том, что упорядоченная структура не может существовать без неупорядоченной, порядок без хаоса. Порядок и хаос, вместо того, чтобы исключать друг друга, как это наблюдается в случае «статичных» систем, теперь, оказывается, дополняют друг друга так, что ни порядок не может существовать без поддерживающего его хаоса, ни хаос без порождающего его порядка: «Хаос и порядок оказались связанными совершенно неожиданным образом»¹⁰⁶.

Помимо указанного аспекта, синтез порядка и хаоса в диссипативной системе имеет и другой аспект: упорядоченная реакция этой системы на хаотические воздействия внешней среды. Разные диссипативные системы оказываются устойчивыми по отношению к разным (в количественном и качественном отношении) классам взаимодействий со средой. Это обстоятельство наряду с масштабами экспорта энтропии (соответственно импорта негэнтропии) позволяет говорить о разных степенях синтеза порядка и хаоса.

Диссипативные системы различаются такими свойствами, как открытость, неравновесность и нелинейность, характеристике которых, был посвящен предыдущий параграф.

Подобно тому, как разные виды хаоса и разные виды порядка могут образовывать упорядоченные и неупорядоченные структуры, точно так же диссипативные системы, в свою очередь, способны формировать хаотические и упорядоченные структуры более высокого ранга. Причем упорядоченные системы, составленные из диссипативных систем, в свою очередь, могут

¹⁰⁶ Бранский В.11. Теоретические основания социальной синергетики / В. Баранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. С 12.

существовать лишь за счет специфического обмена со средой, в общем случае, веществом, энергией и информацией. Из этих систем можно образовать диссипативные системы еще более высокого ранга и т.д. При этом возможны и такие диссипативные системы, у которых элементы периодически заменяются подобными. Следовательно, иерархия диссипативных систем создает почву для возникновения разных степеней синтеза порядка и хаоса. И подобно тому, как существуют переходы между разными видами порядка, разными видами хаоса и разными видами порядка и хаоса, аналогично возможны переходы между диссипативными системами с неодинаковой иерархической структурой. Не все из этих переходов обладают одинаковой устойчивостью (с точки зрения стремления к максимальной устойчивости). Есть, однако, среди них такой переход, который соответствует принципу максимальной устойчивости. Этот переход и образует то, что с точки зрения теории диссипативных систем естественно назвать развитием¹⁰⁷.

Человек представляет собой типичную диссипативную систему, которая может существовать как физически, так и духовно только при условии постоянного обмена со средой веществом, энергией и информацией (питание, дыхание, теплообмен, выделение, размножение, познание, производство утилитарных и духовных ценностей, общение и т.п.). Множество таких систем образует ту или иную социальную организацию, или корпорацию (семья, предприятие, политическая партия и т.п.). Подобная корпорация, в свою очередь, является диссипативной системой, ибо существует лишь за счет специфического обмена со средой веществом, энергией и информацией. Корпорации одного ранга образуют диссипативные системы более высокого ранга, в результате чего формируется иерархическая диссипативная структура, совпадающая, в конечном счете, с государством (на следующем уровне – с межгосударственными образованиями), которая тоже может существовать лишь при условии обмена с

¹⁰⁷ Палатников Д.Е. Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений: дис. ... д. филос. н. / Д.Е Палатников. – Ярославль, 2009. С. 47.

окружающей его природной и социальной средой веществом, энергией и информацией.

Таким образом, любое государство представляет собой диссипативную систему, причем с периодически сменяемыми элементами, ибо диссипативная структура (политико-правовой строй) здесь в определенных пределах существует независимо от смены поколений (элементарных диссипативных систем).

С первого взгляда может показаться, что описание общества на языке диссипативных систем есть лишь переформулировка давно известных истин. Однако, применение к обществу «диссипативного» понятия развития приводит к весьма неожиданным и далеко идущим последствиям.

В отличие от природных диссипативных структур в социальных их формах этот синтез порядка и хаоса еще более неравновесен и сильнее подвержен динамическим колебаниям. Его механизм усложняется в многоуровневых самоорганизующихся государственных образованиях. Обобщение исторического опыта человечества свидетельствует о том, что в этих образованиях (цивилизациях, империях и других более мелких локальных формах) чередуется объединение простых диссипативных структур в более сложные, на этапе их расцвета, и распада сложных структур на более простые, на этапе их упадка.

Рассмотрим механизм этого чередования сначала на феноменологическом, а затем на сущностном уровне.

На первом уровне решается проблема, как происходит социальная самоорганизация и как в социальных системах чередуется усложнение социальных диссипативных структур с их распадом и упрощением и соответствующим изменением соотношения упорядоченности и хаоса в их динамическом синтезе.

На протяжении истории человечества зарождались, расцветали и приходили в упадок десятки цивилизаций, нередко оформлявшиеся в громадные империи. На их обломках возникали государственности нового, как правило, более высокого, уровня упорядоченности. Процессы усложнения и упрощения локальных составляющих социально-политической материи при этом сменяли друг друга, но

так, что всё-таки в исторически длительных тысячелетних периодах преобладали процессы её усложнения. Временные промежутки между этими пульсациями составляли десятки и сотни лет. Эта периодичность взаимопереходов от упорядоченности к хаосу и обратно проявляется, по мнению В. П. Бранского¹⁰⁸, в чередовании двух процессов – иерархизации и деиерархизации.

Иерархизация социальной системы состоит в преобладании процесса последовательного объединения элементарных диссипативных социальных структур в диссипативные структуры более высокого порядка. А динамическое взаимодействие последних друг с другом и образует сложнейшие системы – государств, империй, цивилизаций. Преобладание процесса образования сложных, многоуровневых иерархически взаимодействующих друг с другом диссипативных структур увеличивает плотность этого взаимодействия, усиливает их прямые и обратные связи со средой, метаболические процессы с ней, а также устойчивость социальной системы в целом и преобладание её упорядоченности над хаосом.

Деиерархизация состоит в преобладании распада сложных диссипативных структур на более простые, и это ведет к переходу от преобладания упорядоченности социальной системы к преобладанию её хаотического состояния. Следовательно, в чередовании этих процессов проявляется более сложный по сравнению с элементарными диссипативными структурами механизм динамического синтеза порядка и хаоса, так как он включает еще и взаимопереход объединения диссипативных структур в более сложные, иерархизованно взаимодействующие друг с другом, и распада сложных их разновидностей на элементарные, деиерархизованно, хаотично взаимосвязанные друг с другом.

Чередование преобладания процессов иерархизации и деиерархизации определяется характером аттракторов. Преобладание иерархизации определяется

¹⁰⁸ Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // *Общественные науки и современность*. – 1999. – № 6. С. 117-127.

простыми аттракторами, деиерархизации – странными аттракторами¹⁰⁹ (притягивающими множествами неустойчивых траекторий в динамической системе). Вообще, на быстрой (мутационной) стадии эволюционного процесса самоорганизации социально-политическая материя динамически балансирует между определяющей ролью простых и странных аттракторов. Предполагается, что это происходит следующим образом. Каскад микробифуркаций может, как увести самоорганизующуюся систему от исходного состояния, так и вернуть её к прежнему состоянию. Но когда из множества флуктуации организуется простой или странный аттрактор, такой возврат становится невозможным, и в системе начинает преобладать иерархизация или деиерархизация. Формирование в зоне макробифуркаций простого или странного аттрактора случайно, вероятно и непредсказуемо, что определяет нелинейность движения системы – разветвление путей её прогресса или регресса.

Сложный бифуркационный механизм эволюции диссипативных структур наряду с рассмотренными его составляющими включает еще и взаимодействие дифференциации и интеграции. Включение в этот механизм новых составляющих позволяет уяснить взаимосвязь таких понятий, как «социальная самоорганизация» и «общественный прогресс». Социальная самоорганизация при этом предстает как «сложное и тонкое взаимодействие дифференциации и интеграции общественных институтов с дифференциацией и интеграцией социальных идеалов. Поэтому, в отличие от природы, в развитии общества объективный порядок и объективный хаос переплетаются уникальным образом с интуитивным («субъективным») порядком и хаосом. В силу этого не существует «объективного» критерия общественного прогресса, независимого от социальных идеалов»¹¹⁰. Поэтому прогресс системы включает в себя усиление её устойчивости путем повышения степени сложности и плотности динамического синтеза объективного порядка и хаоса и взаимодействие этого объективного синтеза с субъективным синтезом

¹⁰⁹ Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. С. 119.

¹¹⁰ Бранский В.П. Указ. раб. С. 112-129.

порядка и хаоса. А так как общественный идеал включает в себя динамику его политических, экономических, этических, эстетических и мировоззренческих аспектов, то степень общественного прогресса определяется наряду с объективными процессами и уровнем гармонизации всех без исключения указанных сторон общественного идеала.

Отсюда вытекает практический вывод относительно субъектов политической системы общества, определяющих ключевые направления своей деятельности. Одно из них состоит в поиске оптимальной для данных исторических условий формы динамического синтеза порядка и свободы, где свобода, меж тем, выступает в качестве необходимого условия негэнтропийных процессов. Практически такой синтез означает достижение определенного баланса между либерализацией в одних сферах деятельности и регламентацией – в других. Этот баланс на онтологическом уровне состоит в нахождении приемлемой для данных условий «золотой середины» между крайностями тоталитаризма (культы порядка) и анархизма (культы свободы). Результаты такого поиска и принятие правильных решений могут быть особенно эффективными тогда, когда система проходит зону бифуркации.

Надо отметить, что чередования в процессе развития общества процессов иерархизации и деиерархизации, дифференциации и интеграции, по своей сути, схожи с одним из фундаментальных законов развития материи в целом, называемым первым началом термодинамики. Первое начало термодинамики выражает закон сохранения энергии при её взаимопревращениях, который определяет, в конечном счете, вечность и неуничтожимость материи. При преобразованиях энергии из одного вида в другой, её общее количество, в соответствии с первым началом, сохраняется постоянным, но изменяется её качество.

Можно сказать, что в теории социальной синергетики действует аналогичный закон, формирующий «первое начало социальной синергетики». Переходы политического сообщества от одного состояния (иерархизации) к

другому (диерархизации) являются лишь формами перехода от одного состояния социальной материи к другому без её уничтожения.

В термодинамике мы находим очень сходное описание процесса трансформации энергии. Согласно первому закону термодинамики вся энергия в системе остается неизменной. Энергия в системе подлежит трансформации. Во многих случаях в результате взаимодействий между компонентами системы высвобождается тепло. Это тепло распространяется в окружающей среде в случае открытой системы и не может быть использовано в дальнейших трансформациях. Более того, в результате трансформаций энергии может производиться работа, выраженная, например, в движении механизма.

Как было выше замечено, в социальной системе также наблюдается трансформация энергии и, следовательно, производство работы. Такая трансформация связана с реализацией политическими субъектами потенциальных представлений о должном устройстве государства и общества, которые таким образом становятся актуальными формами структурирования социальной материи. Мы можем определить работу через актуальные политико-правовые построения, действие государственного механизма т.к. именно они являются конечной целью (продуктом) указанной трансформации.

Помимо работы процесс трансформации энергии имеет своим результатом издержки, т.е. потенциальные политико-правовые конструкции, не реализованные оптимальным образом. Такие издержки могут быть вызваны несовершенством методов реализации, внешними воздействиями.

Однако первое начало социальной синергетики не указывает направление происходящих в обществе процессов. Направление социальных процессов устанавливает «второе начало социальной синергетики»¹¹¹.

Второе начало социальной синергетики коррелирует со вторым началом термодинамики – законом неотвратимого роста энтропии в закрытых системах – определяющим суть движения разных форм материи в процессе микроэволюции.

¹¹¹ Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 64.

По большому счету, второе начало социальной синергетики уже было определено выше, когда описывались механизмы перехода общества в поисках более устойчивого состояния.

Так, смысл всех переходов социальной системы от порядка к деструкции, и наоборот, состоит в поиске устойчивости (достижении такого состояния, при котором переходы системы из одного состояния в другое прекращаются). Естественным свойством любой системы является стремление к переходу от менее устойчивого к более устойчивому состоянию и, в конечном счете, к достижению максимально устойчивого (при данных условиях) состояния. Этот поиск проявляется в двух противоположных тенденциях: 1) стремление к максимально неупорядоченному состоянию (хаосу) в замкнутых (изолированных от внешних взаимодействий) системах; и 2) стремление к тем или иным формам упорядоченности (при определенных условиях) в открытых системах. Так как мерой беспорядка (дезорганизации) является величина, называемая энтропией, а мерой порядка (организации), естественно, отрицательная энтропия, называемая негэнтропией, то второе начало социальной синергетики выражается в законе возрастания энтропии в изолированной социально-политической системе, и в законе её уменьшения, т.е. увеличения негэнтропии, в открытой социально-политической системе (за счет работы, произведенной над системой внешней средой).

Таков рассмотренный на феноменологическом уровне механизм самоорганизации социально-политической материи в процессах взаимоперехода друг в друга и динамического синтеза порядка и хаоса. Однако этот механизм не отвечает на вопрос, – каков характер той движущей силы, которая вынуждает диссипативные структуры усложняться в процессе иерархизации или упрощаться в процессе деиерархизации. Ответ на этот вопрос возможен только на основе перехода от феноменологического уровня рассмотрения процесса самоорганизации к сущностному.

Если предположить, что в основе развития лежит процесс отбора, то тогда для объяснения надо ответить на три вопроса: 1) из чего производится отбор; 2)

кто его осуществляет; 3) с помощью чего отбор осуществляется. Воспользуемся предложенными В. П. Бранским для обозначения этих вопросов соответствующими понятиями: тезаурус; детектор; селектор.

Тезаурус – множество вариантов для отбора. Чем богаче множество, тем больше шансов найти что-нибудь действительно ценное. Возникает вопрос: каким образом возникает это множество и какова природа его элементов? Ответ на этот вопрос дает такое важное понятие теории диссипативных систем как бифуркация. Уже отмечалось, что каждая диссипативная система имеет свои специфические величины («управляющие параметры»), характеризующие фундаментальные свойства этой системы. Каждый параметр имеет своё критическое (пороговое) значение, при достижении которого в количественной эволюции системы происходит качественный скачок – точка разветвления эволюционной линии, которая и получила название бифуркации. Разветвление исходного качества на новые качества. Число ветвей, исходящих из данной бифуркационной точки, определяет дискретный набор новых возможных диссипативных структур, в любую из которых скачком может перейти данная (актуально существующая) структура. Каждая из таких структур соответствует возможным корреляциям между элементами системы. Эти корреляции способны возникать спонтанно в результате комбинирования внутренних взаимодействий в системе с внешними взаимодействиями системы со средой. Важно обратить внимание на то, что указанные структуры могут очень существенно отличаться от исходной. Из сказанного ясно, что именно бифуркация определяет набор возможных путей развития, т.е. тезаурус для отбора¹¹².

В роли социально-политических бифуркаций выступают периодически наблюдаемые в любых обществах кризисные явления, протестные движения, революционные ситуации («социальные взрывы»). Такой кризис играет роль глобальной бифуркации, которая подготавливается обычно в течение кризисных состояний (локальных бифуркаций), затрагивающих отдельные общественные институты, слои населения, отдельных людей. Хаотическое множество локальных

¹¹² Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 47.

кризисов, связанное с критической общественной рефлексией демонстрирует несоответствие старой системы отношений (в общем случае, форма власти и собственности) новым параметрам развития (новые люди, потребности, ценности и новые корпорации) порождает в общественном сознании совокупность представлений о возможных вариантах («сценариях») иного структурирования общества, систематизирования государства. Такие представления (или хотя бы часть из них) обычно отражают с той или иной степенью точности реальные возможности перестройки общественно-государственной системы. Следовательно, кризисное состояние общества предполагает объективное возникновение набора новых возможных социальных структур, реализация каждой из которых может восстановить утраченное соответствие между общенациональной системой политических отношений и её элементами.

С первого взгляда, кажется, что выбор из указанных альтернатив является делом чистого случая. Создается впечатление, что бифуркационный скачок от одной диссипативной структуры к другой ничем не детерминирован. Однако при ближайшем рассмотрении такое мнение оказывается ошибочным: ответственность за выбор в действительности ложится на внутреннее взаимодействие противодействующих причин (часть из которых находится в состоянии конкуренции, а другая – кооперации), которое и играет роль *детектора*¹¹³.

Здесь сразу обращают на себя внимание три момента. Во-первых, борьба идеалов отнюдь не сводится к чисто мысленному столкновению неких субъективных образов, а предполагает социальную конфронтацию их носителей в виде живых людей, готовых ради реализации своих идеалов пойти подчас на крайние жертвы. Во-вторых, результат социального отбора бифуркационных возможностей (исторических альтернатив) зависит не только от количественного, но и качественного соотношения сил носителей разных идеалов. Поэтому результат отбора может быть совершенно неожиданным для носителей всех идеалов, поскольку он в общем случае определяется равнодействующей всех

¹¹³ Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 97.

социальных сил, участвующих во взаимодействии, и может не соответствовать ни одному из идеалов.

В-третьих, то обстоятельство, что социально-политический отбор всегда осуществляется с помощью борьбы идеалов, ясно показывает его принципиальное отличие от биологического отбора: если всю ответственность за последний, несет борьба за существование, то за первый – отнюдь не она, а борьба за преобразование (или то, что Ф. Ницше назвал «борьбой за господство»). Если борьба за существование нацеливает на конформизм (приспособление к среде), то борьба за преобразование – на трансформизм (изменение среды).

С первого взгляда может показаться, что тезауруса и детектора уже достаточно для однозначного выбора. Более глубокий анализ, однако, показывает, что это не так. Дело в том, что (как следует из реальной практики отбора) один и тот же детектор может выбирать из одного и того же тезауруса совершенно разные элементы, если он руководствуется разными установками; и, напротив, разные детекторы из разных тезаурусов могут выбрать один и тот же элемент, если их установки совпадают.

Итак, третий фактор отбора – селектор – представляет собой руководящее правило, на основании которого делается выбор.

В случае произвольного внутреннего взаимодействия в диссипативной системе любой природы в качестве такого правила выступает объективный закон, которому подчиняется это взаимодействие. Когда речь идет о диссипативных системах, таким законом, о чем уже упоминалось выше, является соответствующий принцип устойчивости: в диссипативных системах поиск устойчивости играет роль естественного отбора. Бифуркация представляет собой неустойчивое состояние системы. При этом разные бифуркации порождают разные виды неустойчивости. В свою очередь, разные типы внутренних взаимодействий могут быть связаны с разными критериями устойчивости. Поэтому, принцип отбора (селектор) подчиняется второму началу социальной синергетики и означает определение того состояния, в которое система должна перейти, чтобы её состояние стало при данных условиях максимально

устойчивым¹¹⁴. При этом, данный принцип в зависимости от политической ситуации, а также от характера детектора, может иметь несколько разновидностей: 1) фундаментализм (непримиримость); 2) компромисс; 3) арбитраж (нейтрализация); 4) конвергенция (синтез).

Первый вид принципа стремления к достижению устойчивости проповедует культ победы. Полная победа предполагает полную и безоговорочную капитуляцию побежденного, причем не только в физическом, но и в духовном смысле. Духовное поражение побежденного означает отказ его от своего идеала, ради которого было принесено так много жертв, и принятие идеала победителя. Второй – компромисс – предполагает поиск взаимных уступок и готовность «поступиться принципами», т.е. отступить от каких-то нормативов борющихся идеалов. Арбитраж означает взаимную нейтрализацию альтернативных идеалов и передачу выбора «третьей силе» (альтернативному идеалу, отличному от участвующих в борьбе). Наконец, конвергенция требует для выхода из критической ситуации формирования нового идеала на основе синтеза борющихся идеалов.

Нетрудно заметить, что успех в использовании того или иного вида принципа в качестве политического селектора зависит от соотношения сил между носителями противопоставляемых идеалов. Если носитель идеала А значительно превосходит по силе носителя идеала В, то принцип непримиримости принесет ему успех, а принцип компромисса – по крайней мере, частичную неудачу. Напротив, для В пытаться делать выбор исторических альтернатив, руководствуясь принципом непримиримости, равносильно самоубийству, тогда как принцип компромисса способен обеспечить ему самосохранение. При одинаковой силе А и В принцип непримиримости становится бессмысленным (патовая ситуация) и даже опасным для обоих (взаимное истощение).

Акцентируя внимание на применимости изложенных суждений к государственно-правовой сфере, можно отметить, что самоорганизация общества в точках бифуркации ставит порожденную социальным отбором политическую

¹¹⁴ Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 109.

власть перед выбором одного из многих вариантов дальнейшего развития. Осуществив выбор, эта власть действует в соответствии с избранным ею вариантом. Самоорганизационные начала системы вступают во взаимодействие с реализуемыми властью организационными началами. Соответствие последних внутренним тенденциям бифуркирующей системы максимизирует их эффективность. Несоответствие – минимизирует.

В конечном счете, самоорганизация реализуется посредством динамического синтеза самоорганизационных и организационных начал. Такой выбор и динамический синтез самоорганизации и организации присущи властным институтам на макроуровне. На микроуровне в повседневных жизненных ситуациях он присущ каждой личности. Каждый человек за свою жизнь тысячи раз осуществляет этот акт творческого синтеза самоорганизации и организации в стольких же по количеству точках жизненных бифуркаций.

Таким образом, необходимым и достаточным условием для социально-политического системно-эволюционного отбора является сочетание тезауруса, детектора и селектора. Общая же картина действия отбора такова. Случайные количественные изменения, накапливаясь и достигая критического порога, создают для отбора новый в качественном отношении материал (бифуркационные структуры); взаимодействие («борьба») противодействующих причин осуществляет саму процедуру выбора конкретных элементов из этого материала; а закон устойчивости, которому это взаимодействие подчиняется, производит предварительную сортировку материала, играя роль селекционного фильтра. Результатом отбора является мутация, или флуктуация, т.е. реализация одной из бифуркационных структур, системных форм государственно-правового строя.

Обращает на себя внимание необычайно сложный и тонкий характер механизма отбора, который маскируется тем, что все селекционные факторы (тезаурус, детектор и селектор) действуют совместно и сливаются в процессе отбора в нечто единое¹¹⁵. Последнее придает всему процессу качественного новообразования далеко непредопределенный вид. Поэтому, неудивительно, что

¹¹⁵ Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 113.

для того, кто не учитывает описанных факторов отбора и не представляет себе их взаимоотношения, рождение нового качества как замысловатой комбинации необычных элементов и произвольной структуры кажется произвольным, непостижимым, иррациональным актом.

В свете сказанного синергетику можно рассматривать как теорию образования новых качеств социально-политических систем. Основанием для этого является, в частности, то немаловажное обстоятельство, что синергетика объясняет математически (с помощью систем нелинейных дифференциальных уравнений), каким образом происходит разветвление старого качества на новые (теория бифуркаций). Механизм бифуркаций делает понятным, как может чисто количественный рост приводить к качественно новому выбору.

Подводя итог, можно сказать, что из вышеизложенных суждений вытекают два вывода.

Первый. История человечества, или в определенной её абстракции – история развития социально-политической материи состоит в пульсационном чередовании прохождения ее через преобладание порядка и разупорядоченности как различные формы собственного существования. При этом согласно первому началу социальной синергетики, не происходит гибели материи, а лишь её переход от одного состояния к другому (разрушение одного государства, империи, цивилизации сопровождается становлением нового). Фундаментальной скрытой основой этого подтверждаемого историей чередования является всё более плотный и сложный динамический синтез порядка и хаоса в формируемых и развиваемых в ходе этого чередования диссипативных политико-правовых структурах, синергично взаимодействующих и системообразующих в ходе этого взаимодействия всё более сложные и, более глобальные формы. Значит, содержание развития общества, и государства не сводится ни к одностороннему росту его упорядоченности, ни к одностороннему росту его хаотического состояния.

Пульсационный переход социально-политических систем от порядка к разупорядоченности и обратно в существенной мере вызывается взаимодействием

прямых организационных действий политических сил, пришедших к власти в результате социального отбора, и самоорганизационных обратных связей и действий саморазвития социальных структур. Когда политико-правовая, государственная система общества пронизана критически острыми противоречиями, которые тормозят её прогресс, тогда, вопреки организационным усилиям власти к упорядочению системы, она неизбежно проходит через частичный или полный бифуркационный кризис, чтобы разрешить самые острые противоречия и «очиститься» от всего устаревшего. В этом случае обратные связи, соответствующие внутренней тенденции развития самоорганизующейся системы, оказываются более сильными, чем прямые организационные воздействия власти, так как они не соответствуют реальной внутренней тенденции системы. В такой пульсации самоорганизационного прохождения системы через дезорганизацию к более высокому порядку проявляется реактивная нелинейность эволюции системы. Её суть не только в способности социальных систем к самодействию и самовыживанию, к самоочищению и самообновлению в указанных пульсационных нелинейных переходах, в способности к созидательному разрушению при прохождении через хаотические состояния, но и в способности сохранять и совершенствовать на каждом новом цикле чередования порядка и хаоса все положительные свойства разрушенных предшествующих системных качеств, организационных образцов. Тем самым социально-политические системы учитывают прошлый свой опыт или, иначе говоря, извлекают (генетически наследуют) исторические уроки из динамики и факторов качественного изменения своего содержания. Сохраняя в этом содержании все, что способствует росту устойчивости, как локальных национальных систем, так и мировой цивилизационной материи в целом.

Второй вывод. Бифуркационный механизм эволюции диссипативных структур очень сложен. На элементарном уровне анализа диссипативных структур он состоит в динамическом синтезе в них порядка и хаоса, порождаемого взаимодействием этих структур со средой. На феноменологическом – в чередовании их усложнения и упрощения в ходе

иерархизации и деиерархизации системы. На сущностном – в спонтанно-субъективном функционировании детектора и селектора социального отбора ведущей политической силы, превращающейся в аттрактор нового структурирования политико-правовой системы. А также – в пульсационных переходах системы от порядка к деструкции и обратно, в ходе которых особенно быстро повышается степень сложности и плотности динамического синтеза порядка и хаоса в заново возникающих диссипативных структурах.

Из сказанного ясно, что синергетический подход к социально-политическим явлениям и процессам отнюдь не сводится к перефразировке известных истин. В результате такого подхода формируется новая система понятий, теоретико-методологических конструкций и обнаруживаются новые государственно-правовые закономерности, открыть которые без учета этих понятий было бы невозможно. Благодаря же учету указанных закономерностей, такие актуальные проблемы государствоведения, как условия возникновения развития и трансформации системы государственной организации общества, функционирования политической системы общества и государственной власти, проблема народовластия и социального детерминизма, проблема критериев общественного развития и природы социально-политических кризисов, проблема перспектив развития цивилизаций и другие получают существенно новое конструктивное решение.

Обобщая сказанное, можно констатировать, что синергетические идеи о неравновесности, нелинейности открытых, сложных самоорганизующихся систем, о соотношении порядка и хаоса, соотнесенные с социальным познанием, трансформируют и обогащают наши представления о соотношении случайности (свободы воли) и детерминизма в политико-правовых процессах, о роли многофакторности (многомерности) и полидетерминизма, о проблеме альтернативности и неравномерности исторического развития, об особом значении переходных эпох в развитии социально-политических систем, об источниках исторических новаций и движущих силах социальной эволюции, о циклическом чередовании в общем эволюционно-структурном процессе различных типов социального порядка

(отражающих этапы его становления и его сохранения), об условиях предсказуемости и непредсказуемости в социальном познании и социальном управлении.

Используя синергетическую метафору о познании как «диалоге с природой», можно говорить о новациях в социальном познании как «диалоге с обществом», когда исследователь преобразует прежде второстепенные, находящиеся на периферии научного знания процессы и явления в новую исследовательскую позицию, придает им новый смысл, за которым проступает новая диспозиция между познающим и познаваемым¹¹⁶.

И. Пригожин и И. Стенгерс, говоря о последствиях проникновения в гуманитарные науки синергетических идей, отмечают этот мировоззренческий тренд: «Ныне мы знаем, что человеческое общество представляет собой необычайно сложную систему, способную претерпевать огромное число бифуркаций, что подтверждается множеством культур, сложившихся на протяжении сравнительно короткого периода в истории человечества. Мы знаем, что столь сложные системы обладают высокой чувствительностью по отношению к флуктуациям. Это вселяет в нас одновременно и надежду, и тревогу: надежду на то, что даже малые «флуктуации могут усиливаться и изменять всю их структуру (это означает, в частности, что индивидуальная активность вовсе не обречена на бессмысленность); тревогу – потому, что наш мир, по-видимому, навсегда лишился гарантий стабильных, непреходящих законов. Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь чувство умеренной надежды»¹¹⁷.

Суммируя принципы социального познания, инициированные синергетическим мировидением, важно еще раз подчеркнуть, что они синтезируют подходы к описанию как «становящихся», изменяющихся процессов общества, так и к описанию стабильных констант общественного бытия, выраженных в классиче-

¹¹⁶ Палатников Д. Е. Указ. раб. С. 117.

¹¹⁷ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин. – М., 1986. С. 383.

ской и неклассической парадигмах познания. Так, применительно к обществу работает принцип, высказанный И. Пригожиным: «Мы считаем, что бытие и становление должны рассматриваться не как противоположности, противоречащие друг другу, а как два соотнесенных аспекта реальности»¹¹⁸.

В этом плане синергетический стиль мышления и соответствующая ему методология социального познания ведут к формированию теоретической модели социально-политического развития, понимающей человека, общество и государство как эволюционирующую целостность, которой свойственны детерминизм и случайность, устойчивость и неустойчивость, организация и дезорганизация, взаимопереходы хаоса и порядка на микро- и макроуровнях. За расширение наших представлений о социальном мире мы должны рассчитывать на осознание того, что жить в таком мире и управлять им становится значительно сложнее и ответственнее.

Таким образом, синергетика инициирует совершенно новые подходы к исследованию проблем становления, организации и развития социально-политических систем, в т.ч. сущностно-функциональных характеристик государства, его места и роли в жизни общества, чему и будут посвящены следующие главы диссертационного исследования.

¹¹⁸ Там же. С. 384.

Глава 2. Синергетический подход к исследованию становления и развития системы государственной организации общества

2.1. Социосинергетический подход к проблеме государствогенеза

Актуализируя вопрос возникновения (происхождения) государства, являющийся краеугольным камнем государствоведения, основой мировоззренческой установки в познании сущности и принципов развития данного социального явления, представляется, что спустя более 130 лет после выхода в свет «Происхождения семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, вдохновляемого исследованиями американского этнографа-эволюциониста Л. Г. Моргана, юристам-теоретикам контрпродуктивно ограничиться методологической базой, основанной на переосмысленной моргановской концепции.

Так, в современных зарубежных политантропологических (однако не в теоретико-юридических, чем подчеркивается факт проблемной области теории государства) исследованиях определились два основных неэволюционистских подхода к проблеме происхождения государства: интегративно-управленческий и конфликтологический.

Концептуальные идеи первого подхода находят свое выражение в работах Э. Сервиса, в которых значительное внимание уделяется вопросу направленной социальной интеграции. Говорится, что на одном из этапов общественного развития «властная структура вступает на путь к цивилизации». Последний, в свою очередь, был «...путем развития, на который вступили несколько простых бюрократий, образованных наследственными руководителями и их родственниками». По его мнению, в основе возникновения «классических цивилизаций» находились «организационные выгоды», которые «обеспечили

непрерывное функционирование общества, его оборону и непрерывный рост самой бюрократической организации».

Итак, возникновение бюрократии оказывается делом рук самой бюрократии. Она обладала и политической, и религиозной властью, которая была настолько абсолютной, что «не нуждалась в такой основе, как экономическое преимущество». Полемизируя с М. Фридом, Э. Сервис подчеркивает: «...нигде, даже в самых простых, наиболее примитивных случаях, слои общества не были основаны на различиях в богатстве, форме собственности или «различном доступе к стратегическим ресурсам»¹¹⁹. При таком подходе социальная стратификация не причина государствообразования, а его следствие.

Решение вопроса об историческом соотношении государства и социальной стратификации, предложенное Э. Сервисом, было охарактеризовано М. Фридом (приверженцем конфликтологического подхода) как «почти диаметрально противоположное» тому, которое было представлено им самим. В ходе полемики с Э. Сервисом он высказал предположение, что «некоторые из наиболее видных авторитетных ученых... выйдут на позиции, которые будут близки другой стороне дискуссии, которая отводит ведущую роль стратификации и рассматривает ее в качестве предшествующего условия». Надо сказать, что помимо М. Фрида по этому пути идет большая группа зарубежных исследователей. Сторонниками мнения об обусловленности возникновения государства стратификацией общества на классы производителей и управителей считаются: Р. Адаме, Л. Крэйдэр, Т. Эрл, Т. Паттерсон и др.¹²⁰. Однако по собственному признанию М. Фрида, «ни археологических, ни исторических свидетельств все же недостаточно для решающих выводов относительно природы первичного государства, особенно роли стратификации в таком развитии»¹²¹.

¹¹⁹ Service E.R. Classical and Modern Theories of the Origins of Government // *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution* /Ed. by R. Cohen and E.R. Service. – Philadelphia, 1978. P.32.

¹²⁰ Загорюлько А.В., Крадин Н.Н // *Этнографическое обозрение*. – 1993. – № 6. С. 159. – Рец. на кн.: *Early State Economics* /Ed. by. H.J. Claessen, P. Velde. new Brunwik; London,. – 1991. P.122.

¹²¹ Fried M.H. *The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First* // *Origins of the State*. 2010. – № 12. – P. 38, 46.

Учитывая это обстоятельство, многие другие ученые не спешат солидаризироваться ни с Э.Сервисом, ни с М. Ф. Фридом. Для них более привлекательной оказывается «синтетическая» позиция, которой придерживаются Р. Коэн, Х. Д. Клэссен, П. Ван де Вельде. Определив свое отношение к данному вопросу, Р.Коэн утверждает: «Факты способны разочаровать каждого, кто подчеркивает одну причинную связь вопреки другой. Теперь становится ясно, что имеется множество путей к государству...»¹²². Не менее четко та же мысль выражена Х. Д. Клэссеном и П. Ван де Вельде: «Различные парадигмы не должны исключать друг друга»¹²³.

Несколько иная ситуация сложилась в отечественном общественном знании, в котором произошло четкое размежевание двух взаимно противоположных теоретико-методологических подходов. Одни исследователи – В. А. Попов, М. Б. Свердлов, Ю. И. Семенов, З. М. Черниловский, Е. М. Штаерман и др. – придерживаются позиции теории классового происхождения государства. Другие – Л. С. Васильев, В. П. Илюшечкин, Д. М. Бондаренко, М. А. Виткин, Н. Н. Крадин, Н. Б. Кочакова, И. Я. Фроянов, С. А. Дробышевский – отстаивают идею доклассовой природы государства.

В течение многих десятилетий сторонники классового подхода претендовали на монополию в трактовке марксистского учения о происхождении государства (в силу определенных политико-идеологических факторов достаточно узко интерпретируя соответствующие идеи). Положение усугублялось еще и тем, что в канонизации Энгельсова «Происхождения семьи, частной собственности и государства» приняли участие многие авторитетные философы, историки, этнографы и юристы. Подавляющее господство классового подхода в отечественном общественном знании привело к известной деградации и исторических, и теоретических исследований. Идеи, заложенные в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», стали абсолютизироваться, превращаться в догмы. В подобных условиях общая теория происхождения государства не

¹²² Cohen R. Introduction / R. Cohen // Ibidem. 2015. – № 1. -P.8.

¹²³ Цит. по: Загорюлько А.В., Крадин Н.Н. Указ.соч. С. 159.

получила и не могла получить подобающего развития. Незаработанность общей теории происхождения государства привела к тому, что она на долгие годы оказалась неотъемлемой составной частью исторического материализма¹²⁴. (К слову, нынешняя датировка основания Гёбекли-Тепе 9600 г. до н.э. позволяет уверенно говорить о том, что первое в истории сложное общество возникло не после, а до становления производящего хозяйства¹²⁵).

Серьезные изменения в познании генезиса государства наметились лишь к середине 60-х годов XX в. Они самым тесным образом были связаны с происходившей в это время дискуссией об общественно-экономических формациях, в ходе которой широко обсуждался вопрос о возможности возникновения государства до классов. Эффект данной дискуссии распространился, в том числе, и на воззрения традиционалистов. Под давлением критики часть сторонников классового подхода фактически признала невозможность идентификации социальных страт, сложившихся в ранних государствах, с классами рабовладельцев и феодалов. Но в дальнейшем эта группа исследователей разделилась на приверженцев узкого и широкого классопонимания. Первые не стали вносить каких-либо изменений в понятие «общественный класс». Отказ от расширительной трактовки этого понятия повлек за собой их переход на позиции концепции позднего возникновения классов и, соответственно, государства¹²⁶.

Иначе поступили вторые: они сохранили идею раннего государствовозникновения, поступившись традиционным пониманием категории «общественный класс». Расширив её объем, эти исследователи получили возможность отождествить

¹²⁴ Тимонин А.Н. Исторический генезис Древнерусского государства: теоретико-методологический аспект: дис. ... д.ю.н. / А.Н. Тимонин. – М., 2007. С. 20.

¹²⁵ Берёзкин Ю. Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 206.

¹²⁶ См.: Никифоров Н.Н. Восток и всемирная история / Н.Н. Никифоров. – М., 1977. С. 117; Королев А.И., Мушкин А.Е. Диалектика возникновения классового общества и государства / А.И. Королев // Правоведение. 1977. – № 1. С. 43; Страхов Н.Н. Основные закономерности возникновения и развития государства в странах Древнего Востока: автореф. дисс. ... д.ю.н. / Н.Н. Страхов. - Харьков, 1973. С. 42; Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? / П.Л. Белков // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995. С. 117.

ранние социальные страты с классовыми, точнее, с раннеклассовыми структурами¹²⁷. Но при этом само понятие «общественный класс» стало неопределенным и нечетким. Позиция сторонников «раннеклассовой» природы государства выглядит гибкой: заключается в попытке соединить идею раннего государствообразования с классовым подходом. Однако по мере углубления в суть проблемы становится ясно, что концепция «раннеклассовой» природы государства оставляет без ответа важнейший вопрос: какие именно классы породили ранние государства.

Наибольшее развитие идея доклассового происхождения государства получила в работах Л. С. Васильева¹²⁸. Он исходит из противопоставления двух моделей исторического генезиса государства: восточной и западной. Первая модель была правилом в историческом развитии человечества, вторая – исключением. Восточная модель основывалась на власти-собственности, западная – на частной собственности. Обратившись к исследованию происхождения государства в неевропейском мире, Л.С.Васильев главное внимание уделяет возникновению, организации государственной власти.

Итак, длительное сосуществование в отечественном обществознании двух взаимно противоположных подходов, что само по себе является основой возможности их критического анализа, – это реальность, с которой сталкивается каждый исследователь происхождения государства. Расхождения между подходами настолько велики, что снятие существующих противоречий, во благо объективизации теории происхождения государства, путем их синтеза не представляется возможным. Вероятно, что в этой ситуации наиболее актуально и

¹²⁷ См.: Массон В.М. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке / В.М. Массон // Вопросы истории. - 1967. - № 5. С. 12; Киселев Г.С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества / Г.С. Киселев. – М., 1985. С. 45; Коротаев А.В., Кузьминов Я.И. Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ / А.В. Коротаев // Народы Азии и Африки. - 1989. – № 3. С. 77; Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / Ю.В. Павленко. - Киев, 1989. С. 17; Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси / Л.В. Данилова. – М., 1994. С. 172.

¹²⁸ Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура / Л.С. Васильев // Народы Азии и Африки. - 1980. - № 6. С.157-175; Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М., 1982. С.60-99; Проблемы генезиса китайского государства. – М., 1983. С.3-57.

перспективно вести речь о попытке выявления, выработке альтернативной методологии государствогенеза.

Безусловно, проблема происхождения государства настолько сложна и многогранна, что о ее монополизации какой-либо одной научной дисциплиной не может быть и речи. При ее изучении ученый постоянно сталкивается с целым рядом трудностей, одна из которых прямо связана с комплексным характером самого предмета исследования. Приходится постоянно иметь дело не только с отдельными процессами, путями и формами государствообразования, но и с обществом в целом и его различными подсистемами. Не случайно в изучении обозначенного вопроса принимают участие представители самых разных общественных наук – философы, социологи, социо- и политоантропологи, этнографы, историки, археологи и юристы.

Научное знание о происхождении государства представляет собой конгломерат различных подходов, теорий, представлений, разработанных в рамках разных гуманитарных наук. Сама природа проблемы происхождения государства такова, что она способна создать практически непреодолимые препятствия на пути «узкого» специалиста. Однако на сегодняшний день жесткая дисциплинарная ориентация ученых, занятых в данной сфере, все еще остается достаточно весомым фактором, создающим дополнительные трудности на пути создания целостной картины процесса возникновения государства.

В частности, по причине неразработанности понятийно-категориального аппарата общей теории происхождения государства в работах, написанных юристами-теоретиками, еще довольно высока роль тех пластов знания, которые принято относить к истории политических и правовых учений.

В течение длительного времени отечественные ученые вынуждены были главное внимание уделять историко-социологическому аспекту проблемы генезиса государства. Засилье подобного подхода сказалось негативным образом на развитии не только юридико-теоретических, но и историко-правовых исследований. В научно-юридической среде долгое время существовало прочное убеждение в том, что данная проблема давно и окончательно была решена общей

историко-социологической теорией (историческим материализмом). Поэтому многие представители юридической науки видели свою основную задачу в детализации и конкретизации положений данной теории.

Кардинальные изменения, происшедшие в общественно-политической жизни нашей страны в 90-е годы XX в. поставили под вопрос догматические положения исторического материализма, а проблему возникновения государства из числа давно решенных, выдвинули в ряд наиболее актуальных. Трудями отечественных и зарубежных ученых на сегодняшний день накоплен значительный эмпирический и теоретический материал, который может послужить основой для формирования новых теоретических и методологических подходов к исследованию указанной проблемы.

В связи с этим, актуальным представляется, в т.ч., вопрос о соотношении общей теории происхождения государства и теории общественно-экономических формаций. Следует, прежде всего, отметить то обстоятельство, что в качестве фундаментальной теоретической схемы первой едва ли могут быть использованы законы и категории второй. Фундаментальную теоретическую схему общей теории происхождения государства должна представлять собственная система понятий и категорий. Дело в том, что длительное господство формационного подхода привело к тому, что общая теория происхождения государства надолго оказалась составной частью теории общественно-экономических формаций, лишенной сколько-нибудь самостоятельного познавательного значения¹²⁹.

В результате сложилась ситуация, когда одни понятия и категории общей теории происхождения государства так и не были сконструированы, а другие – не сформулированы четко и однозначно. Поэтому не только в исследованиях эмпирического, но и общетеоретического профиля понятия и категории теории происхождения государства подменялись основоположениями других общих концептуальных построений – «теории переходного общества», «теории переходного периода», «теории социальной революции», «теории

¹²⁹ Тимонин А.Н. Исторический генезис Древнерусского государства: теоретико-методологический аспект: дис. ... д. ю. н. / А.Н. Тимонин – М., 2007. С. 33.

раннеклассового общества», которые прямо, непосредственно переносились на характеристику различных составляющих общества переходного периода. Подобные теории были ни чем иным, как перенесением теории общественно-экономических формаций, категории которой были облачены в терминологию «теории переходного общества», на характеристику различных аспектов процесса перехода от первобытного общества к цивилизации.

Такого рода приемы, вероятно, дезориентировали исследователей и не способствовали созданию главного познавательного инструмента общей теории происхождения государства – логически выверенной системы иерархически соподчиненных абстракций, развертывающихся в строго определенном порядке, начиная с исходной категории. Системы, способной явится инструментарием познания объективных условий процесса государствогенеза безотносительно времени и места его реализации.

Как указывает А. Н. Тимонин, «...отсутствие подобной категориальной системы свидетельствует о неразработанности целого ряда основных методологических проблем теории государства, в том числе и самого понятия «возникновение государства». При исследовании данного понятия до сих пор не сложилось общепринятой позиции по ряду вопросов принципиального характера: большинство исследователей древних обществ, в полном соответствии с традициями формационного подхода, вовсе не склонны рассматривать процесс возникновения государства в качестве своего рода самостоятельной «силовой линии». Они освещают этот процесс не как таковой, а с учетом его места в парадигме перехода общества от первобытности к цивилизации»¹³⁰.

Несмотря на обилие литературы, посвященной проблеме государствообразования, остается еще немало нерешенных, противоречивых и спорных моментов. С целью более глубокого и всестороннего исследования в данной области научного знания и реконструирования соответствующей теории предстоит решить целый ряд теоретически и методологически важных задач.

¹³⁰ Там же. С. 33.

Методологически важным представляется самый первый вопрос, который традиционно стоит перед любым общетеоретическим исследованием, обратившимся к самопознанию – это вопрос о предмете соответствующей теории. Казалось бы, что на этот вопрос должен последовать не менее традиционный ответ: предметом общей теории происхождения государства являются закономерности возникновения государства. Однако ситуация с предметом общей теории происхождения государства не так проста, как она выглядит на первый взгляд.

Дело в том, что после ознакомления с результатами научных изысканий зарубежных исследователей, обобщенных в работах Л. С. Васильева, Н. Б. Кочаковой, Н. Н. Крадина, выяснилось, что предельно общая конфликтно-классовая схема государствообразования, господствовавшая в течение долгого времени в общественном сознании, не только дополнилась целым рядом новых концептуально значимых положений, но и подверглась переосмыслению¹³¹.

В свете нового теоретического и фактического знания во многих отраслях научного знания происходит отказ от ряда устаревших элементов прежней схемы. Прежде всего, это относится к уже упоминавшимся антагонистическим классам и частной собственности, которые ранее считались общими закономерностями процесса возникновения государства. Поскольку последние еще предстоит выяснить, то задача установления предмета общей теории происхождения государства, из давно решенной, становится вновь актуальной¹³².

Вместе с тем, убеждаясь, что изучение происхождения государства в юридической науке производилось главным образом представителями историко-

¹³¹ Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства / Л.С. Васильев. – М., 1983. С. 55.; Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации / Н.Б. Кочакова. – М., 1986. С. 112.; Крадин Н.Н. Политогенез / Н.Н. Крадин // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Ч.И.М., 1991. С. 67.; Кочакова Н.Б. Размышления по поводу раннего государства / Н.Б. Кочакова // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М., 1995; Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения / Н.Н. Крадин // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. Ч.И.М., 1991. С. 23.

¹³² Тимонин А.Н. Указ. раб. С. 58.

юридического, историко-теоретического профиля, не вдаваясь в полемику о достаточности и эффективности данной исследовательской практики, хотелось бы подчеркнуть теоретико-юридическую, теоретико-методологическую направленность, собственно, нашего исследования проблемы государствогенеза.

Так, представляется объективной позиция Д. А. Керимова по мнению, которого «...общая теория государства и права, изучая общесоциологические, специфически социологические и конкретно-исторические закономерности государства и права, преследует цель сформулировать тенденции их логического развития в целом, безотносительно к их проявлению в условиях определенного места и времени...». Касаясь истории государства и права, Д. А. Керимов подчеркивает, что она «...изучая те же закономерности, имеет своей целью в хронологической последовательности отобразить те исторические факты, события и процессы, в которых эти закономерности воплощаются как во всемирной истории, так и в тех или иных исторических периодах отдельных стран»¹³³.

Так, теория происхождения государства, как и любая другая теория, должна иметь свой собственный понятийно-категориальный аппарат, свою систему понятий и категорий, при помощи которой в логически очищенной от разного рода фактологических деталей форме обеспечивается воспроизведение познаваемых ею явлений и процессов. В качестве главного объекта этой теории выступает сущностная, внутренне необходимая сторона государствообразования. Среди основных задач, которые стоят сегодня перед общей теорией происхождения государства, можно выделить: выявление условий, движущих сил государствообразования; раскрытие структуры и этапности данного процесса.

Вместе с тем, познание процесса государствообразования предполагает исследование не только условий становления древнейших систем государствообразной организации общества – первичных образцов организационной культуры, фиксируемых памятью поколений в виде «генома» отвечающего за форму коллективного сосуществования, но и исследование

¹³³ Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – М., 1986. С.70-71.

общих закономерностей возникновения всех, когда-либо существующих в прошлом и настоящем государств.

Представляется, что концептуализация данного знания возможна путем создания логической системы абстракций, которые должны выводиться посредством теоретической переработки данных, полученных в т.ч. в результате философских, социологических, политологических, сравнительно-исторических, а также естественнонаучных исследований, соотносимых с современной постнеклассической научной парадигмой.

Далее, начиная определение собственной методологической позиции, предполагающей рассмотрение государства в качестве универсальной самоорганизационной системы, политической организации общества с соответствующими принципами генезиса и развития, хотелось бы обратиться к альтернативной, относительно вышеизложенных, точке зрения на эволюцию политико-юридических феноменов, свойственной некоторым современным политологам и юристам, согласно которой «Общество на всех этапах и во всех формах своего развития является политическим образованием»¹³⁴, а «право есть социальный институт, обнаруживаемый во всех обществах и демонстрирующий ядро одинаковых черт»¹³⁵. Иными словами, политическая организация общества и право имманентны всякому человеческому общежитию, возникли вместе с человечеством и останутся до тех пор, пока будут жить люди.

Это мнение до недавних пор было распространено в основном среди западных ученых различных политических ориентаций. Теми, кто его придерживается, государство зачастую определяется в качестве развитого вида политической организации общества, более примитивные разновидности которой, присутствуют на всех этапах догосударственного развития человечества. А

¹³⁴ Гаевой В.С. Основы политологии: Реф. Академич. Пособия «Наука о политике»/ Под. Ред. А. Боднара. Варшава, 1988 / В.С. Гаевой. – М., 1990. С.16.

¹³⁵ Issues in Contemporary Legal Philosophy. The Influence of H.L.A. Hart. Ed. By Ruth Gavison / Oxford: Clarendon Press, 1987. P. 28.

именно оно рассматривается «как представляющее собой определенную «развитую» стадию в политической эволюции общества»¹³⁶.

Кроме того, в западной политико-правовой науке существует концепция возникновения государства, вместе с самим человечеством. Методологическая установка данной позиции основана на том, что «там, где есть, политическая организация имеется и государство. Поскольку политическая организация является универсальной,... универсальным является и государство»¹³⁷. Оно представляет собой «всякую организованную социальную систему, ... всякую человеческую группу, занимающую или контролирующую территорию»¹³⁸.

Следует различать в соответствии с характеризуемым мнением первобытный и цивилизованный типы государства, второй из которых сменяет первый в ходе исторического развития¹³⁹. Догосударственная и доправовая история – это уже период развития не человечества, а животных предков человека. Так, в частности, М. Х. Фрид пишет о возникновении политической организации общества в результате трансформации стада приматов в человеческий коллектив¹⁴⁰.

Следствием обозначенных позиций может служить вывод о становлении концепции, в рамках которой политическая организация общества и государство рассматриваются в качестве явлений социальной эволюции. Подразумевается, что политическая организация общества (или, как ее еще называют, всеобъемлющей, максимальной либо суммарной политической организацией, а также государством, политией, политическим телом, режимом, политической системой и т.д.) – это реализующее совокупность потребностей своих членов общественное объединение, которое складывается из социальных организаций, удовлетворяющих отдельные нужды этих людей.

¹³⁶ Haas J. The Evolution of the Prehistoric State. – N.Y., 1982. P. 3-4

¹³⁷ Hoebel E.A. Man in the Primitive World. – N.Y.: McGraw Hill, 1949. P. 376.

¹³⁸ Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution. Ed. By R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978, 1978. P.2.

¹³⁹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С.А. Дробышевский. – Красноярск, 1991. С. 132.

¹⁴⁰ Fried M.n. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. – N.Y.: Random House, 1967.P. X-XI, 66-67, 90-94, 145, 237.

Надо сказать, что для обозначения общественного объединения, удовлетворяющего совокупность нужд своих членов и поэтому существующего территориально и в иных отношениях отдельно и независимо от подобных социальных целостностей, наиболее широко в современных политологии и юриспруденции употребляется термин «государство». В этом значении само «слово «государство» (и его эквиваленты в других языках) было введено в европейский словарь ассоциаций ... в XVI веке»¹⁴¹.

Так, возникновение политической организации общества, государства – аспект социогенеза, а не процесс, который совершился в уже сложившихся человеческих коллективах на одном из этапов эволюции. Политическая организации общества не только функционируют на протяжении всей человеческой истории (с момента социогенеза на всех этапах общественного развития), но и имеют с человечеством общую судьбу¹⁴², специфицируясь или актуализируясь относительно отдельных сообществ на определенных этапах их исторического развития.

Отметим, что решение поставленного вопроса о происхождении государства исследователями политико-правовых явлений в каждую эпоху общественного развития происходило на основе тех знаний о ходе исторического процесса, которыми они обладали. Причем уже в Древней Греции и Древнем Риме эти сведения носили такой характер, что на их фундаменте вырастили взаимоисключающие друг друга теоретические представления о временных рамках функционирования политической организации общества и права: и точка зрения о существовании политико-юридических феноменов на протяжении лишь части истории человечества¹⁴³, и уже отмеченное мнение о том, что без политики и права человеческое общество невозможно.

¹⁴¹ Oakeshott M/ On Human Conduct. – Oxford, 1976. P. 116-117, 127/

¹⁴² Дробышевский С.А. Указ. раб. С. 7.

¹⁴³ Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты / А.О. Маковельский. – Баку, 1946. С.69-71; Разумович Н.Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции / Н.Н. Разумович. – М., 1989. С. 188-189; Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С.А. Дробышевский. Красноярск, 1991. С 75-80, 142-146.

Так, согласно взглядам Аристотеля, политическая организация общества «есть естественная форма общежития, и человек по природе своей существо политическое»¹⁴⁴, поскольку должен удовлетворять систему свойственных ему потребностей, а это возможно лишь в имеющей такую цель ассоциации и вызывает к жизни последнюю¹⁴⁵. Она то и является политической организацией общества¹⁴⁶.

Марк Аврелий обосновывая существование единой для всех людей логики политико-правовой системы, утверждает: «Если духовное начало у нас общее, то общим будет и разум, в силу которого мы являемся существами разумными. Если так, то и разум, повелевающий, что делать и чего не делать, тоже будет общим; если так, то и закон общий, если так, то мы граждане. Следовательно, мы причастны какому-нибудь гражданскому устройству, а мир подобен Граду. Ибо кто мог бы указать на какое-нибудь другое общее устройство, которому был бы причастен весь род человеческий? Отсюда-то из этого Града, и духовное начало в нас, и разумное и закон»¹⁴⁷. Характеризуя идею повторяемости событий, подразумеваемую влиятельной в Древней Греции и Древнем Риме концепции цикличности и кругооборота исторического процесса, он констатирует: «Куда ни повернись, всюду найдешь одно и то же: оно составляет содержание истории древней, средней, новой, к нему же сводится в данный момент жизнь государств и отдельных домохозяйств. ...Оглянись на прошедшее: сколько переворотов пережили уже государства! Можно предвидеть и будущее. Ведь оно будет совершенно в том же роде и не выйдет из ритма происходящего ныне. Поэтому... безразлично, будешь ли ты наблюдать человеческую жизнь в течение сорока лет или же десяти тысяч лет. Ибо что увидишь ты нового?»¹⁴⁸

Так, постепенно в науку пришло и завоевало широкое признание философов, историков, политологов и юристов осознание того, что «передовые»

¹⁴⁴ Аристотель. Политика / Аристотель. – Соч.: В 4 т. – Т. 4. – М., 1984. С. 6-7.

¹⁴⁵ Аристотель. Политика. С.1,6. Arnhart L. Political Questions. Political Philosophy from Plato to Rawls. – N.Y.: Macmillan Publishers, 1987. P. 54-55.

¹⁴⁶ Аристотель. Указ. раб. С. 97.

¹⁴⁷ Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий. – М., 1914. С.41.

¹⁴⁸ Там же. С.91, 100.

народы в целом (хотя и не каждый из них в отдельности) некогда пережили те этапы развития, на которых находятся современные им отсталые социальные организмы, и что, изучая неразвитые общности людей, возможно получить информацию об истории развитых¹⁴⁹.

В частности Э. Б. Тейлор, известный сторонник точки зрения о функционировании политической организации общества и права уже в древнейших человеческих коллективах¹⁵⁰ говорит: «Тот, кто поддерживает мнение, что мышление и поведение людей были в первобытные времена подчинены законам, существенно отличным, от законов современного мира, должен подтвердить такое аномальное положение веским доказательством, иначе надлежит отдать в этой области предпочтение учению о неизменном принципе»¹⁵¹.

Действительно, со второй половины 70-х гг. XX в. по мере прогресса археологических и этнологических исследований «стадиалистские пережитки» (группа, племя, вождество, государство) в понимании социополитической эволюции, равно, как и постулат раннего эволюционизма — представление о необратимости движения по восходящей, сходят на нет¹⁵².

Как отмечает С. А. Дробышевский: «Реализующее систему потребностей своих членов и поэтому самостоятельное от человеческих общностей за пределами его границ социальное объединение со сложной структурой, которая включает ряд организаций и нормативных систем, упорядочивающееся как целостность усилиями особых органов управления посредством нормативного регулирования на основе общеобязательных правил поведения и характеризующееся отклонениями от идеала полной материальной и формальной справедливости (то есть политическая организация общества с действующей в

¹⁴⁹ Никольский В.К. Место Эдуарда Тейлора в исследовании первобытной культуры / В.К. Никольский // Тейлор Э. Первобытная культура/ под ред. В.К. Никольского. – М.: Соцэкгиз, 1939. С. XII.

¹⁵⁰ Никольский В.К. Указ. раб. С XIX; Тейлор Э.Б. Первобытная культура / В.К. Никольский. – М.: Политиздат, 1989. С. 230, 505; Итс Р.Ф. Введение в этнографию. – Л., 1991. С. 134.

¹⁵¹ Тейлор Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тэйлор. – М.: Политиздат, 1989. С. 40.

¹⁵² Берёзкин Ю. Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С 189-190.

ней системой права, согласно словоупотреблению очень многих известных специалистов в области политико-правовой теории), – феномен всей истории всего человечества вплоть до настоящего времени, а не только развитых форм общественной жизни».

«В соответствии с этим воззрением генетически первые политические организации общества, характеризующиеся наличием правовых систем, функционировали в локальных группах кочующих охотников-собирателей, то есть каждая предпринимающая правовое регулирование политическая организация общества распространялась всего на несколько взаимосвязанных семейных коллективов. Безусловно, признание столь небольшого социального объединения политически организованной общности людей, обладающей правом, противоречит давней традиции политико-юридического мышления, разделявшейся, в частности, Л. Г. Морганом. Однако оно соответствует иным традициям политологии и юриспруденции, которые как раз и нарушила моргановская трактовка политической организации общества».¹⁵³

Например, о том, что для конструирования политической организации общества вполне достаточно независимо существующего союза нескольких семей, а именно хотя бы трех, насчитывающих в общей сложности, по меньшей мере, пятнадцать человек, писал еще Ж. Боден¹⁵⁴. Данное суждение было подхвачено Ш. Л. Монтескье¹⁵⁵ и оказало известное влияние на теоретические представления о количестве людей и семей, минимально необходимым для образования политической организации общества, ряда других крупнейших авторитетов политологии и права¹⁵⁶. Так, Д. Остин в своем основном теоретическом труде постулирует: политическая организация общества и право имеют место всегда, когда функционирует самостоятельная социальная система,

¹⁵³ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1995. С. 47.

¹⁵⁴ Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч.1 / Б.Н. Чичерин. С.424-425; Bodin J. The Six Books of a Commonweale. Ed. with an Introduction by K.D. McRae. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 9-10.

¹⁵⁵ Монтескье Ш. Избр. произв. – М., 1955. С. 167.

¹⁵⁶ Мэн Г.С. Древнее право / Г.С. Мэн. – М., 1982. С.98-99; Pospisil L.J. Anthropology of Law. – N.Y., 1990. P. 145.

удовлетворяющая, в силу самой своей отделенности от окружающих общественных ценностей, совокупность нужд ее членов¹⁵⁷.

Д. Локк и Р. Филмер считали возможным функционирование политической организации общества в рамках более узкого круга людей – по мнению Р. Филмера, даже двух, если это супружеская пара¹⁵⁸. Вообще же, как учил Д. Локк, в политическую организацию общества может объединиться «любое число людей»¹⁵⁹. Д. Локк полагал, что «государственный строй повсюду предшествует летописям, и литература редко появляется у народа, прежде чем длительное существование гражданского общества при помощи других более необходимых искусств обеспечило безопасность, удобства и изобилие народа.»¹⁶⁰.

Таким образом, исследователи сторонники сформулированных во второй половине XX в. научных выводов об имманентности политико-юридических явлений всякому человеческому обществу прошлого и настоящего – соответственно таким заключениям используют термины универсальная политическая организация общества, полития, государство и т.д.¹⁶¹ Придерживаясь распространенного в политологии и юриспруденции воззрения, согласно которому «в политической и правовой культуре остается некоторая преемственность от самых первых форм ее организации»¹⁶², эти обществоведы доказывают, что наиболее общие закономерности функционирования универсальной политической организации и права, установленные на протяжении всего развития политико-правовой мысли, действуют с момента завершения

¹⁵⁷ Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Third Edn. In Two Vols. London: John. – Murray, 1869. P. 237-239.

¹⁵⁸ Локк Д. раб. в 3т. Т.3. – М., 1988. С. 194,322-323.

¹⁵⁹ Локк Д. Указ. раб. С. 317.

¹⁶⁰ Локк Д. Указ. раб. С. 320.

¹⁶¹ Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право: историческое место и начало эволюции / С.А. Дробышевский. - М., 2010. С. 150; Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. – М., 1998. С. 79.

¹⁶² Ойгенблик С.Н. К вопросу об исторических формах взаимосвязи политики и права / С.Н. Ойгенблик. – Волгоград, 1989. С. 2; Тэйлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации Пг / Э.Б. Тэйлор. – М., 1924. С.317-318.

социогенеза и вплоть до нашего времени¹⁶³. Причем речь идет и о закономерностях, выявленных учеными, которые разделяли некогда или разделяют ныне иное мнение об историческом месте политико-правовых феноменов либо другие, более ранние, представления о повсеместном наличии политики и права в социальных организмах, начиная с самых древних. Одновременно мыслители, отстаивающие возникшую теоретическую позицию об универсальном присутствии политики и права во всех известных истории человеческих обществах, предпринимают попытки углубить исследование всеобщих, необходимых и существенных связей в политико-правовой системе на основе имеющейся ныне научной информации¹⁶⁴.

Далее, в контексте, интересующей нас социосинергетической методологии, определяя государство, как универсальную систему политической самоорганизации общества, складывающуюся в процессе социальной эволюции, попытаемся выявить сущность, собственно, системообразующего фактора, а также установить условия, принципы и этапы становления и развития системы государственной организации.

Вновь возвращаясь к основам заявленного методологического подхода, надо отметить, что и материалистическая диалектика и синергетика рассматривают мир как единое целое, как самоорганизующуюся систему. Единство мира отражено в диалектике в принципе «единство в многообразии», т.е. в субстанциональной организации материи. Это же означает и восхождение в познании от абстрактного к конкретному, а действительная конкретность, как пишет В. П. Кохановский, «... состоит в том, чтобы вывести все стороны данного предмета из его основания, проследить «преломление» общего в единичном и диалектику этих противоположностей, учесть все многообразные условия и обстоятельства возникновения, существования и развития предмета, исследовать

¹⁶³ Дробышевский С.А. Указ. раб. С.150; Lewellen T.C. Political Anthopology. An Introdaction.. – South Hadley, Mass., 1983. P. 10-41.

¹⁶⁴ В том числе и в рамках философии права как политико-юридической науки, которая «включает идеи фундаментальной природы относительно права как института, общего для всех человеческих обществ» (My Philosophy of Law. P. VII).

последний как целое, в единстве всех его сторон...»¹⁶⁵. В материалистической диалектике субстанция выступает основой внутреннего единства и взаимодействия составляющих целое частей (Э. В. Ильенков, М. С. Орынбеков, В. П. Кохановский).

Субстанция выступает как внутреннее единство целостных развивающихся систем и, следовательно, должна служить основным принципом их познания. В этом сущность монистического подхода. Он требует при построении модели и теории минимизации исходных принципов, сведения их к одному, из которого выводятся все основные закономерности, принципы и понятия, поэтому идеальная модель должна быть центрированной. Но чтобы понять единство в многообразии, субстанциональный принцип должен быть соединен с принципом развития¹⁶⁶.

Монистический, субстанциональный подход как нельзя лучше отражает суть системного рассмотрения предмета – его саморазвитие. Философская категория субстанции является одной из важнейших в установлении взаимосвязи между философией и синергетикой, так как, во-первых, она означает имманентность саморазвития, самоорганизации системы и, во-вторых, единство процесса этого саморазвития, что фактически и изучается синергетикой. Проблема становления самоорганизующихся систем является главной в синергетике. Поэтому категория «взаимодействия», как акт возвратного причинения, является основной единицей, а также исходным и конечным пунктом научного анализа процессов самоорганизации. Здесь, под самоорганизующейся системой понимается система, которая сохраняет свою устойчивость благодаря взаимодействию с внешней средой и способна к самостоятельной перестройке своей организации, как под воздействием внешней среды, так и процессов, происходящих в самой системе.

¹⁶⁵ Кохановский В.П. Диалектика против софистики и эклектики / В.П. Кохановский. – Ростов-на-Дону, 1984. С.90.

¹⁶⁶ Развитие как регулятивный принцип. – Ростов-на-Дону, 1981. С. 79.

Представляется, что субстанциональной основой самоорганизующихся систем, в т. ч. системы государственной организации общества, является определенный системообразующий фактор, то есть то, ради чего несколько элементов объединены в единое целое, систему, что лежит в основе ее функционирования и определяет законы развития. Системообразующий фактор – это конечная причина как внутреннего, так и внешнего взаимодействия системы. «То, ради чего», подчеркивает Е. Я. Режабек, становится подлинной причиной формообразования¹⁶⁷.

Понятие системообразующего фактора было введено в науку П. К. Анохиным. Обсуждая суть системного подхода, он писал: «Таким обязательным положением для всех видов и направлений системного подхода является поиск и формулировка системообразующего фактора. Эта ключевая проблема определяет как само понятие системы, так и всю стратегию его применения в исследовательской работе»¹⁶⁸.

Рассмотрение системообразующего фактора позволяет объяснить самоорганизацию системы, взаимосвязь между ее структурными уровнями, механизмы и логику развития.

Понятие системообразующего фактора для нас будет исходным понятием теории возникновения государства, ее началом.

Как отмечает М. С. Орынбеков, пока не обосновано фундаментальное понятие теории, невозможно говорить о теоретическом познании¹⁶⁹. Поэтому основной является проблема правильного понимания и обоснования исходного принципа теоретического познания. Этот исходный принцип и должен отражать всеобщее основание единства системы, ее субстанцию.

Согласно П. К. Анохину, универсальным, общим системообразующим фактором является результат деятельности системы, но который для различных систем различен. Вместе с тем, у П. К. Анохина можно увидеть противоречие между

¹⁶⁷ Режабек Е.Я. Становление понятия организации / Е.Я. Режабек. – Ростов-на-Дону, 1991. С. 76.

¹⁶⁸ Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М., 1975. С. 24.

¹⁶⁹ Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем // Развитие как регулятивный принцип / М.С. Орынбеков. – Ростов-на-Дону: РГУ, – 1991. С. 73.

формальным и содержательным (субстратным) рассмотрением системообразующего фактора. Так, например, рассматривая возникновение жизни вообще, как самоорганизующейся системы, он пишет: «... первичной могла быть только какая-то стабильная система процессов, для которой вначале единственно полезным результатом, очевидно, была сама ее устойчивость» и далее, говоря о дальнейшем развитии жизни: «Здесь уже не только устойчивость как таковая является результатом системы, но и сам конкретный продукт сам себя поддерживает в конкретной среде на определенном уровне его концентрации»¹⁷⁰.

В этих высказываниях отражены важные для нас мысли: во-первых, отождествляется устойчивость системы и результат деятельности системы на этапе ее исторического возникновения, т.е. устойчивость выступает как системообразующий фактор; во-вторых, с развитием системы системообразующим фактором становится не только устойчивость, но и конкретный результат, что немаловажно для понимания развития системы и образования иерархических уровней и их взаимосвязи; в-третьих, в последней цитате раскрывается смысл соотношения (связи) стабильности и результата деятельности системы – результат деятельности системы есть фактор, способ поддержания стабильности.

А. Н. Аверьянов в своей классификации системообразующих факторов хотя и не выделяет явно самосохранение (стабильность системы) в качестве ведущего фактора, однако признает, что в основе объединения элементов лежит тенденция к самосохранению¹⁷¹. Если данную мысль А. Н. Аверьянова рассматривать в контексте понимания системообразующего фактора П. К. Анохиным, то самосохранение является системообразующим фактором всех самоорганизационных систем. В данном случае мы используем понятия самосохранение и устойчивость системы как тождественные, хотя при анализе развития системы учитывать различие между ними необходимо, так как система

¹⁷⁰ Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1975. С. 336-338.

¹⁷¹ Аверьянов А.Н. Системное познание мира / А.Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. С. 54.

может иметь различную степень устойчивости; самосохранение системы находится в определенном диапазоне устойчивости.

С точки зрения системологии, мир в целом представляет собой метасистему – систему систем и, как замечает Н. Н. Моисеев, любые гипотезы несистемного характера Вселенной непроверяемы, в принципе, и поэтому должны быть отброшены¹⁷².

Мир, как целое, как система, имеет предельно всеобщий характер, поэтому имеет место самообоснование и самодетерминация через ее атрибут – движение, которое выступает единственным способом существования мировой системы, включающей и человеческое общество, и государственную организацию.

Понятие «система» отражает форму организации существования материи. Следовательно, само существование материи, мира является системообразующим фактором. Еще Ф. Шеллинг заметил: «Изменение, обращенное на самое себя, приведенное в покой, – это как раз и есть организованность... Покой является выражением органического образования (структуры), хотя постоянное воспроизведение такой успокоенности возможно лишь благодаря непрерывно идущему внутри изменению»¹⁷³. В подтверждение субстанциональности принципа сохранения говорит и его непосредственная, внутренняя связь с принципом причинности, который способствовал открытию закона сохранения и превращения энергии. Принцип сохранения является субстанцией причинных отношений, так как он отражает постоянство в изменениях.

Ю. А. Урманцев считает атрибутивным признаком стремление любой системы к самосохранению, ее главной целью¹⁷⁴. Это находит отражение в принципе Ле Шателье-Брауна, согласно которому внешние воздействия, выводящие систему из равновесия, вызывают в ней процессы, стремящиеся ослабить результаты этого воздействия. Принцип этот имеет универсальный

¹⁷² Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – п3. С. 6.

¹⁷³ Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма / Ф. Шеллинг // Соч. в двух томах. – М.: Мысль, 1987. – т. 1. С. 209-210.

¹⁷⁴ Урманцев Ю.А. Природа адаптации / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. – 1998. – № 12. С. 26.

характер, но различную форму своего проявления на разных уровнях развития материи.

А. П. Назаретян, рассматривая движущие силы прогрессивной эволюции материи, приходит к выводу: «... необходимую и в основном достаточную предпосылку феноменов самоорганизации составляют два диалектически противоположных фактора: законы сохранения и активность материи»¹⁷⁵. Исходя из приведенных постулатов, он построил междисциплинарную теорию прогресса, охватывающую неживую, живую и социальную формы материи.

В синергетике в изучении процесса самоорганизации акцент сделан на моментах перехода системы из неустойчивого состояния в устойчивое («порядок из хаоса») и наоборот, т.е. на процессах становления систем, что позволяет некоторым авторам считать процесс становления систем единственно заслуживающим внимания исследователей. Однако перенос акцента в исследовании не затрагивает сущности процесса самоорганизации, т.е. тенденции системы к сохранению устойчивости. Во всех исследованиях по синергетике идея направленности системы на сохранение своей устойчивости имплицитно присутствует при объяснении механизмов становления системы. Это отражено в синергетике и в содержании одного из основных понятий – аттракторе, как зоне наиболее устойчивого состояния системы. В погоне за сложностью природа занимает «прагматическую» позицию, в которой существенную роль играет поиск устойчивости, считают Г. Николис и И. Пригожин¹⁷⁶. В. П. Бранский также развивает свою концепцию социальной синергетики на основе идеи о том, что система в своем развитии стремится к максимальной устойчивости в конкретных условиях¹⁷⁷. Подобной позиции придерживаются и многие другие авторы¹⁷⁸. Так,

¹⁷⁵ Назаретян А.П. Интеллект во вселенной / А.П. Назаретян. – М., 1991. С. 64.

¹⁷⁶ Николис Г., Пригожин И. Познание сложного / Г. Николис. – М.: Мир, – 1990. – С.88.

¹⁷⁷ Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Петербургская социология. – 1997. – № 1. С. 148-179.; Бранский В.П. Социальная синергетика как новая "философия" истории / В.П. Бранский // Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса. Санкт-Петербург. – 1997. – Т.5. С.15-17.; Бранский В.П. Искусство и философия / В.П. Бранский. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – С. 117.; Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. С. 117-127.

К. Х. Делокаров и Ф. Д. Демидов подчеркивают: «Методологически важно иметь в виду, что в синергетике анализируются не неустойчивость или неупорядоченность сами по себе, а процесс образования устойчивых, упорядоченных, организованных структур из неустойчивого, неупорядоченного состояния¹⁷⁹.

Не определив основы процесса самоорганизации как направленности системы на сохранение устойчивости, нельзя принципиально понять развитие системы, механизм отбора ею одного из направлений развития в поле возможностей. Понятие становление системы, в этом случае, лишается всякого смысла, как и другое ключевое понятие синергетики – точка бифуркации, неустойчивости. И более того, без тенденции системы к сохранению устойчивости само состояние неустойчивости системы становится устойчивым. Так образуется логический круг. Такие механизмы самоорганизации, как когерентность, синхронизация элементов системы имеют в своем основании также устойчивость. Все сказанное позволяет утверждать, что в синергетике аналогом системообразующего фактора выступает определенная область устойчивого состояния самоорганизующейся системы, называемой аттрактором. Аналогичную точку зрения высказывает и Е. Я. Режабек¹⁸⁰. Структуры-аттракторы выглядят как цели эволюции, которые как бы притягивают к себе все множество «траекторий» системы, определяемых разными начальными условиями¹⁸¹.

На уровне отдельного человека или общества в целом, государства такими аттракторами выступают умозрительные идеалы, как жизненные цели, ценности.

¹⁷⁸ Азроянц Э.А. Новая мировоззренческая парадигма: ориентиры будущего / Э.А. Азроянц // Формирование новой парадигмы. – М., 1997. С.4-30.; Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы / К.Х. Делокаров. – М., 1999. С. 44.; Зальцман Л.И. Модель пятимерного мира. Формирование новой парадигмы / Л.И. Зальцман. – М.,1997. С.58-80; Марутаев М.А. Гармония как закономерность природы / М.А. Марутаев. – М., 1990. С. 130-232.; Харитонов А.С. Симметрия хаоса и порядка при изменении организации / А.С. Харитонов // Формирование новой парадигмы. – М.,1997. С. 123-138.

¹⁷⁹ Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы / К.Х. Делокаров. – М., 1999. С. 62.

¹⁸⁰ Режабек Е.Я. Перспективы эволюционизма с позиций синергетики / Е.Я. Режабек // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 4. С.47.

¹⁸¹ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева. – М.. – 1994. С. 39.

Они возникают с неизбежностью закона и выполняют интегрирующую, стабилизирующую функцию¹⁸².

Итак, сущностью системообразующего фактора любой самоорганизационной системы является ее тенденция к самосохранению, максимальной устойчивости. Идея сохранения системы постепенно становится не просто научным обобщением, а превращается в эффективный инструмент построения самых широких теорий, в частности, интересующей нас теории государствогенеза.

Следует подчеркнуть, что развивая такое понимание системообразующего фактора, мы ни в коей мере не абсолютизируем устойчивое состояние системы, так как пребывание в нем есть лишь момент становления. Абсолютна лишь сама тенденция к этому состоянию, означающая общую направленность на завершенность, законченность, форму и структуру, достижение которой носит вероятностный характер. Не противоречит данное содержание системообразующего фактора и установленному положению синергетики о том, что новое качество системы возникает только из ее неустойчивого состояния. Более того, именно тенденция системы к максимальной устойчивости придает состоянию неустойчивости статус необходимого условия развития, так как, возникающее новое качество характеризует как раз новое устойчивое состояние, новое «самотождественное бытие» системы. Устойчивость как самосохранение возможна лишь через свое собственное отрицание – неустойчивость, т.е. изменение. Это диалектическое противоречие и снимается в понятии развития, становления системы¹⁸³.

Дальнейшая задача исследования заключается в том, чтобы конкретизировать смысл системообразующего фактора и показать, что им обусловлены все законы, как возникновения, функционирования, так и развития

¹⁸² Давидович В.Е. Теория идеала / В.Е. Давидович. – Ростов на-Дону, 1983. С. 90.

¹⁸³ Поддубный Н.В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дис. ... д.филос.н. / Н.В. Поддубный. – Ростов-на-Дону, 2000. С. 125.

самоорганизационной системы любой природы, в т.ч. политической организации общества, государства.

Как было отмечено, в основе самоорганизационной системы лежит системообразующий фактор, он же и определяет объединение элементов в систему при ее образовании, если имеются необходимые условия. Каковы же эти условия? Частично этот вопрос уже затрагивался, но сейчас рассмотрим их, более подробно проанализировав мнения некоторых авторов.

И. Пригожин и И. Стенгерс относят к условиям возникновения самоорганизационной системы неравновесное состояние системы, возникающее под действием внешней энергии, и нелинейный характер взаимосвязи элементов. Нелинейность означает, по сути, разнородность, многообразие элементов системы, но так как связи без потери качественной индивидуальности могут устанавливаться только между относительно однородными элементами (в социальном контексте, в силу схожести потребностей, ценностей, целей), то можно говорить о взаимодополняемости элементов.

М. М. Камшилов выделяет пять условий возникновения сложного, из относительно простого¹⁸⁴:

1. Наличие массы относительно простых компонентов.
2. Принципиальная способность компонентов к образованию связей.
3. Источник энергии, обеспечивающий взаимодействие между компонентами.
4. Условия, благоприятствующие некоторой стабильности вновь образующихся систем.
5. Сохранение возможности участия вновь возникшей организации в дальнейших эволюционных преобразованиях.

Кроме существенных свойств имеются еще и функциональные, которые определяются способом связи предмета (системы) с окружающей средой. Функциональные свойства есть проявление сущностных, в конкретной среде, т.е. имеет место диалектика сущности и явления, содержания и формы. Указанное различие

¹⁸⁴ Камшилов М.М. Эволюция биосферы / М.М. Камшилов. – М., 1979. С. 19.

свойств отражает иерархичность строения, организации материального мира, материи в целом, один из ее атрибутов. Отсюда ясно, что взаимодополнение между элементами основано на иерархичности признаков и бывает тогда, когда в одном элементе отсутствует или менее развит тот необходимый специфический признак (свойство), который имеется в другом.

В. А. Энгельгард, рассматривая силы, действующие при интеграции элементов, пишет: «На первый план выступают взаимодействия, в основе которых лежит принцип комплементарности, взаимного дополнения начал, обладающих неодинаковыми свойствами».

С учетом вышесказанного, к общим условиям образования самоорганизационной системы можно отнести:

1. Определенную степень концентрации элементов будущей системы, возникающую в результате их относительной изолированности.
2. Общность существенных признаков элементов.
3. Различие второстепенных, функциональных признаков.
4. Непрерывное поступление определенного количества энергии, вещества и информации.
5. Относительное постоянство внешней среды системы.

Указанные условия можно разделить на внешние и внутренние. К внешним относятся четвертое и пятое условия, а к внутренним – второе и третье. Первое условие – степень концентрации элементов – является результатом действия внешних или внутренних сил или их взаимодействия. К внешним силам можно отнести определенные ограничения в пространстве нахождения элементов, т.е. относительную изолированность их, которая возникает по различным причинам¹⁸⁵.

Так, для образования самоорганизационной системы политической организации общества необходимо наличие всех пяти указанных условий одновременно и общий смысл их заключается в том, что их наличие позволяет в максимальной степени проявляться системообразующему фактору. Именно при

¹⁸⁵ Поддубный Н.В. Указ. раб. С. 128.

данных условиях взаимодействующие компоненты образуют наиболее устойчивую структуру.

Теперь, от условий перейдем к рассмотрению процесса собственно возникновения самоорганизационной системы.

Как мы выяснили, в основе объединения элементов в систему лежит системообразующий фактор – тенденция к устойчивости, самосохранению. Возникновение самоорганизационной системы проходит два этапа: скрытый и явный. На первом этапе происходит постепенное увеличение количества элементов, т.е. их концентрация и количественные изменения энергетических состояний элементов, что в совокупности приводит ко второму этапу – скачку, суть которого в образовании новой структуры, новой организации, объединении элементов в самоорганизационной системе. Это момент перехода количественных изменений в системе в качественные. В. Д. Могилевский также считает, что объединение элементов в новую структуру происходит под действием функциональной необходимости в целостности, устойчивости системы, а факт появления системы сопровождается достижением минимума ее энергетических и информационных характеристик¹⁸⁶.

Так, говоря о процессе достижения обществом (социальной общностью) такой качественной характеристики, как государственнообразная организация, самостоятельная единополитическая организованность (учитывая, что «иерархичность» является фундаментальным свойством Вселенной), можно усмотреть следующие тенденции.

На первом этапе (пространствоориентированно) определяется, естественно социально ассиметричная, совокупность людей, испытывающих сходное ощущение материального и/или морального дискомфорта в силу неудовлетворенности жизненно важными потребностями (возбужденные элементы, носители свободной энергии (информации)), что является основой их целеполагаемого (аттрактивного) взаимодействия, условием.

¹⁸⁶ Могилевский В.Д. Методология систем / В.Д. Могилевский. – М., 1999. С. 26-27.

Частичная реализация потребностей частично увеличивает устойчивость связей членов сообщества, но только частично, поэтому возбуждение (в т.ч. в силу внешних условий) сохраняется т.к. цели еще не достигнуты.

Это этап идейно-волевого воздействия членов общества (элементов) друг на друга. Наступает момент, когда количество людей и практика их взаимодействия достигает такого предела, что люди начинают чувствовать себя более комфортно в силу взаимодополнения, а значит и более устойчиво. В этот момент происходит объединение в единую систему (универсальную организацию политической власти), имеющую свою организационно-иерархическую форму – конфигурацию, основанную на взаиморасположении точек социального пространства, специфика, которой соотносится с аттрактором целеполагания, предъявляемыми к ней функциональными требованиями.

Таким образом, момент скачка – это момент большего упорядочивания взаимоотношений между людьми, членами общества. Скачок – это результат перехода энергии (информации) на более качественный уровень, связанный с властной иерархизацией отношений, возникновением информационно-управляющей системы, где сущность власти (анализу чего будет посвящен отдельный параграф настоящего исследования) проявляется в возможности (допустимости) вменения, волевых установлений, направленных на поддержание устойчивости системной формы.

При этом субстрат общества (приобретая самотождественность) не прекращает собственные тенденции самоорганизационного развития, проявляющие себя в новых аттрактивных направленностях, связанных с возникающими потребностями. Здесь, общество приобретает качество микроуровневой среды относительно собственной системной формы властно-иерархических связей, функциональность которой в целом, и элементного состава, а также отдельных субъектов, замещающих (временно) диспозицию конкретного элемента иерархической структуры, в частности, воспринимается в качестве внешнего условия (благоприятного или неблагоприятного) существования. Неблагоприятность, в свою очередь, соотносится с

дискомфортностью, порождая неустойчивость, выступающую причиной генезиса нового компонентного состава, структуры или общей системной формы властной иерархии, государственно-властных отношений.

Существенным для раскрытия процесса государственного становления (развития) является представление двух способов существования социально-политической реальности – в качестве потенциальной возможности и действительности. Под первым – имеются в виду внутренние тенденции, семена или зародыши будущего, способности, возможности, «силы» и т. д.; под вторым – процессы, трансформации, развитие, поведение, деятельность и т.д. Потенциал структур раскрывается в оперировании, потенциал деятеля – в действиях, включенных в операции. Государственным структурам и их операциям свойственен определенный консерватизм. Социальные индивиды, напротив, более подвижны и пластичнее в своих действиях. Они обладают большей свободой выбора, могут двигаться «против течения», быть анахроничными или нацеленными в будущее.

Структура и деятели связаны между собой деятельностью (потенцией), которая реализуется в событиях практики общественных отношений, воздействующих в порядке обратной связи, как на структуры, так и на деятелей, изменяя тем самым, социально-политическую реальность. Соответственно изменяется потенциал и общностей, и индивидов, изменяется способ операций, действий и деятельности. Далее изменяется практика общественных отношений и т.д. и т.д.

Так, в предельно сокращенном представлении, раскрывается процесс государственного становления, который не столько проектируется кем-то, но реализуется в результате совокупных целенаправленных операций и действий структур и индивидов, в их единой и не прекращающейся в социетальном континууме деятельности. Эффект эмерджентности (неожиданного возникновения) структур по отношению к индивидам, действий субъектов по отношению к структурам, событий по отношению к деятельности, характеризует процесс государственного становления, как самоорганизующийся.

Противопоставление этих интересов продуцирует противоречия между стремлением человека – индивида к свободе жизнеустройства и потребностью государственно-политической системы ограничивать эту свободу в целях самосохранения. Дихотомическое разрешение этих противоречий предполагает либо либеральный произвол, либо связывание свободы человека путями социального контроля, вплоть до диктаторского его воплощения. И первой и второй путь недолговечны (хотя потенциально возможны) и в равной мере тормозят процесс формирования и человека как личности и общества как среды становления человеческого рода. Социальная самоорганизация в историческом континууме вносит свои коррективы.

В этом смысле, свобода – главное условие творчества, актуализации потенциалов, активизации социальных процессов (положительная обратная связь). Но либеральный (хаосоемкий) произвол питает единицы, подавляющие большинство. Подавление – закрытие в жестких рамках. Закрытие большинства – сдерживание общего продвижения, накопление социальной энтропии. Результатом этого следует либо катастрофа истощения, либо социальный взрыв. Властное связывание общей свободы (тоталитаризм) – запредельное выражение обратной отрицательной связи. Результат – тот же, продуцируемый теми же механизмами¹⁸⁷.

Государственное становление – объективный самоорганизующийся процесс. Несмотря на периодически повторяющиеся в социуме перепады от прорыва к свободе к ее тотальному связыванию, жизнеустройство общества не останавливается в своем продвижении. Более того, каждый такой перепад, происходит ли он в глобальном масштабе или ограничен локальными, вплоть до микроуровня, проявлениями, продуцирует параметры порядка, определяющие вектор эволюционного развития. Обретение знания закономерностей образования этих параметров – единая задача теории социальной самоорганизации и теории государствогенеза с выходом на теорию и практику социальной инженерии,

¹⁸⁷ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственное управление: дис. ... д.социалог.н. / В.Л. Романов – М., 2001. С. 82.

государственного управления. Надо сказать, что рассматриваемый процесс может трактоваться в качестве структурогенеза в рамках уже существующей государственной системы, а элементы, меж тем, могут быть представлены в виде самостоятельных систем (подсистем, институтов) – носителей энергии разного качества, определяющей характер их взаимодействия (взаимовоздействия). Возникновение системы есть или возникновение новой формы движения или нового вида определенной формы движения.

Указанная теоретическая конструкция способна объяснить не только процесс возникновения государства на заре человечества, его видовые отличия, условия и причины трансформации, но и принципы государствогенеза в современном мире.

Заметим, что рассматривая условия возникновения самоорганизационных систем с точки зрения синергетики, Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов отмечают универсальное значение 2-го закона термодинамики: «... диссипативные процессы и рассеяние являются, по сути дела, макроскопическими проявлениями хаоса на микроуровне. Хаос, стало быть, – не зло, не фактор разрушения, а сила, выводящая на аттрактор, на тенденцию самоструктурирования нелинейной среды»¹⁸⁸.

Так, при образовании государственной системы устойчивость элементов систем восстанавливается, но на другом уровне за счет укрупнения (усложнения) элементов, возникновения организационных государственно-правовых институтов нового уровня. Укрупнение элементов есть механизм развития системы. Укрупняемые элементы, в свою очередь, формируют собственный механизм внутренних и внешних связей, созданию которого способствует некий «строительный материал», который может быть представлен в виде умозрительных образцов организационной культуры. Данные образцы, возникающие стихийно, закрепляются в общественном сознании в качестве положительного или отрицательного опыта и передаются из поколения в

¹⁸⁸ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева. – М., 1994. С. 81.

поколение, постоянно обновляя и пополняя культурно-политическое наследие. Образно говоря, после разрушения, трансформации систем и/или системных элементов их организационные образцы не исчезают, а как бы поступают в общий фонд цивилизационного наследия, повышая уровень (качество и количество) потенциальных возможностей общественного развития.

В свою очередь, укрупнение (экспансия) уменьшает стохастичность системы, вероятность случайных столкновений элементов, а значит и рассеивания энергии. Происходит упорядочивание элементов на новом уровне, перераспределение качества энергии, источником которой выступает совокупность индивидуальных волей. В соответствии с новым устойчивым состоянием устанавливается новый тип и порядок симметрии. Этот механизм составляет основу фрактальности систем. Как отмечает Э. М. Сороко: «Неравновесные системы – это системы несимметричные (асимметричные, дисимметричные), и возврат их в высокосимметричные состояния есть форма их структурного движения»¹⁸⁹. Симметрия в структуре (уравновешенность социально-политических институтов) возникает вследствие стремления системы к равновесию, устойчивости.

Нарушение устойчивости, симметрии приводит к возникновению нового варианта равновесия, устойчивости, симметрии. Как отмечает И. Пригожин: «... увеличение энтропии отнюдь не сводится к увеличению беспорядка, ибо порядок и беспорядок возникают и существуют одновременно. ... Порядок и беспорядок, таким образом, оказываются тесно связанными – один включает в себя другой»¹⁹⁰. Равновесие является предельным случаем нестационарного состояния, когда потоки энергии, вещества и информации на входе и выходе системы отсутствуют. Возникновение самоорганизующейся системы есть диалектический синтез двух противоположных абстрактных полюсов-состояний.

¹⁸⁹ Сороко Э.М. Структурная гармония систем / Э.М. Сороко. – Минск, 1984. С. 217.

¹⁹⁰ Пригожин И. Философия неустойчивости / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. С.49.

Итак, соотнеся рассмотренные закономерности возникновения самоорганизационной системы государства с заявленной универсальной сущностью соответствующего системообразующего фактора, мы описали кратко лишь этапы процесса образования и почти совсем не затронули рассмотрение качественных изменений, происходящих во взаимоотношениях между элементами и в самих элементах системы государственной организации общества в контексте их дальнейшего сущностного, структурно-организационного развития.

Рождением новой системы считается образование связей между составляющими ее элементами, т.е. возникновение организации. Что происходит с системой после образования взаимосвязей между ее элементами?

Каждый элемент – член общества (а также фрактально соотносимые с ним социальные институты) приобретает большую устойчивость, что достигается взаимодополнением элементов и уменьшением свободной энергии каждого. Тождественность элементов по существу делает их объединение – государственную организацию принципиально возможным, а их различие делает это объединение более прочным, гармоничным и перспективным. Надо отметить, что утрата элементами тождественного аттрактивного целеполагания, равно, как и их тотальная унификация, ведет к деградации, уязвимости, дезорганизации системы – кризисному, бифуркационному состоянию.

Основным фактором, определяющим взаимодействие элементов после образования государственной системы, является системообразующий фактор. Им, в соответствии с индивидуальными особенностями элементов – граждан и условиями существования, задается направление установления между ними связей и их иерархия. Он же определяет и функциональную дифференциацию элементов внутри системы с учетом внешних условий. Таким образом, организация самоорганизационной системы, как единство структуры

(упорядоченность) и функции (направленность), определяется системообразующим фактором и является его отражением, как сущности системы¹⁹¹.

Г. А. Югай по этому поводу пишет: «Принцип экономии энергии как основной детерминирующий фактор эволюции нужно рассматривать в более общем плане – с точки зрения внутреннего механизма обеспечения такой организации энергии, которая направлена на ее экономию» и далее: «Принцип наименьшего действия как основной принцип организации получает конкретизацию и в концепции гомеостаза...»¹⁹².

Общее направление развития организации самоорганизационной системы также задается системообразующим фактором и состоит в более экономном использовании внешней энергии, что конкретно проявляется в развитии четырех взаимосвязанных процессов: функциональной дифференциации, интеграции, иерархизации и универсализации строения и функций, составляющих систему элементов (элементов-систем). Указанные процессы нас интересуют, как в полной мере соотносимые со структурогенезом общества в целом, и структурогенезом организации органов государственной власти, проявляющим себя в становлении определенного формообразования государственного устройства в частности. Рассмотрим эти процессы подробнее.

Дифференциация. Ее основу составляют изначальные функционально-целевые различия элементов системы. Взаимодействуя, элементы системы вступают в противоречивые отношения друг с другом. С одной стороны, объединение сделало их более устойчивыми, чем они были раньше, так как произошло их взаимодополнение по основным функциям, но, с другой стороны, возникло противостояние, конкуренция по другим функциям, причем, более острая, чем когда они были самостоятельными. Разрешается это противоречие возникновением и развитием функциональной дифференциации элементов, увеличивающей степень взаимодополнения, а значит и устойчивости системы, как основного направления ее развития. Таким образом, суть возникающей

¹⁹¹ Поддубный Н.В. Указ. раб. С. 169.

¹⁹² Югай Г.А. Общая теория жизни / Г.А. Югай. – М., 1985. С. 96-97.

дифференциации – приспособление, адаптация элементов системы друг к другу путем функциональных (и/или морфологических) изменений. Дифференциация делает элементы взаимозависимыми, а систему в целом более интегрированной. Изменение одного элемента влечет за собой изменения в других, происходит постепенное подчинение элементов целому, что является одним из признаков становления системы. Дифференциация и интеграция составляют двуединый процесс – без интеграции не может быть дифференциации и, наоборот, интеграция осуществляется только на основе дифференциации¹⁹³.

Дифференциация элементов выступает как формой их существования и развития в составе системы, так и формой взаимодействия между собой. А так как система имеет тенденцию к сохранению своей целостности, устойчивости, через адаптацию к внешней среде, то, следовательно, дифференциация – это продукт как приспособления элементов друг к другу, так и приспособления системы в целом к внешней среде. Эти два вида адаптации имеют сложное взаимодействие и их влияние на дифференциацию может быть различным в разных периодах и условиях развития государственной системы. Во-первых, приспособление системы в целом к внешней среде влияет на дифференциацию элементов не прямо, а через их функцию в системе, совершенствуя ее, кроме того, степень влияния определяется значением элемента. Во-вторых, оба вида адаптации не связаны полностью друг с другом.

Так, внутренняя дифференциация может происходить независимо, без влияния адаптации к среде. Компьютерное моделирование развития системы при сохранении параметров внешней среды подтверждает данную мысль. Е. Н. Князева и С. П. Курдюмов отмечают: «Парадоксально, что в одной и той же среде, без изменения ее параметров, могут возникать разные структуры как аттракторы, асимптотики, цели разных путей ее эволюции. Более того, изучая разные стадии развития процессов в открытой нелинейной среде, можно ожидать качественное изменение картины процессов, в том числе переструктурирование – усложнение и деградацию – организации среды. Причем это происходит опять-

¹⁹³ Поддубный Н.В. Указ. раб. С. 173.

таки не при изменении констант среды, а как результат саморазвития процессов в ней»¹⁹⁴.

Если основные условия внешней среды после образования системы будут оставаться достаточное время стабильными, то процесс дифференциации, развития системы будет обусловлен, главным образом, внутренними факторами – приспособлением элементов друг к другу – и он будет продолжаться до момента наибольшей стабильности системы, поддерживаемой наименьшими энергетическими затратами.

Так, изменение внешних условий заставит государственную систему вновь перестраивать свою организацию, формировать новые органы-структуры, а значит производить дальнейшую дифференцировку элементов, которая, в свою очередь, запустит вновь и внутренние факторы дифференцировки, т.е. внешняя адаптация повлияет на внутреннюю. Отсюда можно сделать вывод о том, что результаты внутренней адаптации элементов друг к другу обеспечивают ее устойчивое функционирование, а адаптация к внешней среде является фактором развития системы.

Вместе с тем, необходимо различать потенциально возможную и актуальную дифференциацию государственной системы. Уровень актуальной, реальной дифференциации системы определяется конкретными условиями ее нынешнего существования, которые могут не требовать всей возможной, потенциальной дифференциации. Ведь смысл функционирования системы – уравнивание со средой, т.е. сохранение себя в конкретной среде, а изменение последней заставляет систему развиваться дальше, дифференцироваться. А так как приспособление происходит за счет поглощения из нее энергии и выделения в нее, то и все функции системы можно свести к трем и вся дифференциация элементов по функциям – это совершенствование этих трех функций в зависимости от конкретной среды. Первая функция – это обеспечение взаимодействия с внешней средой (представительные органы публичной власти),

¹⁹⁴ Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева. – М., 1994. С. 23.

вторая – обеспечение взаимодействия между внутренними элементами (исполнительные органы публичной власти). Третья – это функция катализатора: обеспечение взаимодействия между структурами первой и второй функций, функция ядра системы (главенствующий орган публичной власти).

Иерархия элементов. Иерархия – это соподчинение, доминирование одних элементов над другими – «власть» – направление в распределении энергии и информации, это уровни стабильности системы. Но иерархия определяется качеством энергии, т.е. степенью ее упорядоченности, и этот же критерий лежит в основе иерархии развития систем. Таким образом, суть государственно-политической иерархии – взаимосвязь между элементами, имеющими различную степень упорядоченности, т.е. обладающими различным качеством энергии (функциональной компетенции) и информации.

Следовательно, иерархия означает, что самый важный элемент обладает большей энергией (информацией), а элементы, которыми он управляет, имеют меньшую энергию (информацию) каждый в отдельности, но в совокупности они уравнивают его, делая систему в целом устойчивой. Если система не уравновешена, то она возбуждена, так как одна часть не уравновешивается другой. Таким образом, в основе иерархии лежит тенденция системы к максимальной устойчивости. Поэтому после образования элементов развитие государственной системы, ее дифференциация, идет, сначала в направлении снятия возбуждения на наиболее энергетически заряженных уровнях, иерархически более высоких, и только потом – на менее важных.

Важно отметить, что возникающее противоречие между двумя элементами системы снимается появлением (проявлением) третьего, о функции которого говорилось выше, что происходит под влиянием системообразующего фактора. Этот третий элемент и становится ядром системы. Как видим, механизм образования иерархии тождественен механизму образования самоорганизующейся системы и раскрывает глубинную сущность ее организации, строения – трехчленность¹⁹⁵.

¹⁹⁵ Поддубный Н.В. Указ. раб. С. 182.

Ядро системы – это понятие, отражающее определенное функциональное положение одного из элементов системы, заключающееся в упорядочивании им как внутрисистемных отношений, так и отношений системы со средой, в силу чего этот элемент имеет двойственное строение, является носителем основной информации о системе и занимает доминирующее положение, выступая гарантом ее стабильности. Безусловно, обретение подобных качеств является целевой установкой для любого главы государства (главенствующего органа публичной власти).

Развитие системы, проходящее через ее иерархизацию, идет в направлении укрупнения (увеличения функциональности) ее элементов (безусловно, не бесконечно (до момента кризиса, вызванного неспособностью системы эффективно взаимодействовать с окружающей средой)). Этот процесс называется фазовыми переходами, которые отражают движение системы от одного устойчивого состояния к другому. Как уже отмечалось, развитие системы, ее иерархия – это результат разрешения противоречия между системообразующим фактором и организацией. Возникновение (создание) нового уровня, более подвижного, разнообразного в поведении элемента, заставляет связанные с ним другие элементы (также под действием системообразующего фактора) приспособливаться к нему, а это значит – становиться более гибким, что, в свою очередь, влияет на поведение первого элемента, так как взаимодействие подвижных элементов требует еще большей гибкости, и так процесс самоускоряется. А так как во взаимодействии участвуют не два элемента, а множество, то ускорение развития идет за счет их дальнейшей дифференциации внутри самих элементов, подсистем. Концентрация дифференциации осуществляется за счет развития иерархии.

Вместе с тем, надо отметить, что анализ процессов дифференциации и иерархизации невозможен без учета универсального синергетического принципа нелинейности (относительности устойчивости) применение, которого связано с утверждением наличия периодически возникающих неустойчивых, разрушающих структуру состояний, которые, в свою очередь, каждый раз, выступают причиной генезиса нового компонентного состава, структуры или общей системной формы властной иерархии, государственно-властных отношений.

Итак, подводя итог всему вышеизложенному, важно отметить теоретическую эффективность использования идеи самосохранения (устойчивости), как системообращующего фактора для анализа процессов, происходящих в системе, ибо в нем отражена ее синергетическая сущность, субстанция, определяющая все механизмы и закономерности, как возникновения, так и развития системы. Можно сделать вывод, что рассмотренный механизм лежит в основе государствогенеза, становления государственной организации общества (его содержания и формы) и составляет суть его системного развития.

Государство здесь, представляется универсальной самоорганизационной политической системой, продуктом социальной эволюции, возникшим в качестве института, который способен обеспечить самосохранение определенному контингенту (контингентам) людей – носителям воли аттрактивного целеполагания, и развивающийся в виде умозрительно-организационной формы системной устойчивости, периодически претерпевающей адаптивные преобразования.

Вместе с тем, важным остается вопрос, касающийся раскрытия (социальной выраженности) в глобально-исторической перспективе особенностей, закономерностей самоорганизационной динамики качества государственного формообразования – его строя, складывающегося, специфицирующегося посредством внешних и внутренних факторов, анализу чего и будет посвящен следующий параграф работы.

2.2 Синергетический подход к закономерностям развития государственного строя

В предыдущем параграфе исследования мы уже начали работу по идентификации различных проявлений структурной эволюции системы государства в плане выявления социальных аналогов процессов самоорганизации.

Так, осуществленный анализ, положенный в основу изложенной ниже аргументации, позволяет утверждать, что различные явления политико-правовой организации («монады») могут быть сгруппированы в два основных структурных направления-периода, соответствующие процессам: 1) зарождения нового порядка – тип поведения «открытой» общественно-государственной системы далекой от равновесия; 2) сохранения порядка – тип поведения «закрытой» общественно-государственной системы близкой к равновесию.

Определив основные направления самоорганизации в абстрактной форме, зафиксируем их проявления в политико-правовой сфере жизни общества, в целях дальнейшего выявления признаков альтернативного доминирования каждого из них на разных этапах единого процесса самоорганизации государственного строя, который, в свою очередь, позволит увидеть скрытый пульсирующий механизм волнового развития общества в рамках соответствующей системной формы государства.

Можно сказать, что две обозначенные базовые тенденции связаны с различными типами реакции политико-правовой системы на внешние воздействия и способами переработки этих воздействий.

Однако возникает вопрос, почему открытая по своей сути социальная система по-разному ведет себя по отношению к внешним источникам развития? Почему и каким образом она в определенные периоды времени интенсивно перерабатывает эти воздействия, а в другие периоды – как бы закрывается от них, гасит внешние раздражители? Иными словами, почему общественно-государственная система (государственный строй) может вести себя как самозамыкающаяся, временно становится «закрытой», рискуя своим негэнтропийным потенциалом?

Приступая к рассмотрению данного круга проблем, стоит обратить внимание на их чисто терминологический ракурс, тем более, что термины «открытое общество» и «закрытое общество» вошли в широкий научный и идеологический оборот и часто используются как метафоры, лишаясь своего строгого понятийного

каркаса. В связи с этим необходимо вкратце остановиться на проблеме эволюции этих терминов.

Впервые понятия открытого и закрытого типов общества были введены А. Бергсоном в его поздней работе «Два источника морали и религии». Бергсон исходит из дихотомии двух видов природы – сотворенной и творящей. Сотворенная природа – источник закрытого общества, закрытой морали и статической религии. Творящая природа – источник открытого общества, открытой морали и динамической религии.

Закрытое общество Бергсон отождествляет с примитивными типами общества – маленькими, неподвижными (неизменяемыми) коллективами, управляемыми природными инстинктами людей, подобно инстинктивным коллективам муравейника или пчелиного улья¹⁹⁶. Характерные и неуничтожимые черты такого «естественного» общества – замкнутость, сплоченность, иерархия, абсолютная власть вождя, принуждение, дисциплина. Закрытому обществу «внутренне присуще воспроизведение общества, стремящегося только к самосохранению: кругообразное движение, в которое оно вовлекает вместе с собой индивидов, происходящее на одном месте, отдаленно, через посредство привычки, имитирует неподвижность инстинкта»¹⁹⁷. В сознании это состояние переживается, как ощущение индивидуального и социального благополучия, близкого к тому, которое сопровождает нормальное функционирование жизни.

Открытое общество и открытая мораль, по Бергсону, являются «человеческими, а не только социальными». Здесь есть место индивидуальному, свободному, творческому самопроявлению человека – надприродному по своей сути. Место привычки и инстинкта занимает умственное напряжение и сила творческого порыва, что является условием порождения нового, в конечном счете, условием социальной эволюции, общественного развития.

¹⁹⁶ Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М., 1994. С. 24-30.

¹⁹⁷ Там же. С. 53.

При этом социальная эволюция носит непредсказуемый, нефатальный, самопроизвольный характер, поскольку она зависит от воли, усилий, творческой инициативы людей.

И хотя Бергсон специально оговаривает, что данные два типа общества в своих конечных проявлениях почти никогда не достигаются в действительности, тем не менее, его модели открытого и закрытого общества предстают не как прототипы реальных исторических видов государственного строя, но скорее как исходная и конечная точки в общественной макроэволюции, обозначающие само направление такой эволюции.

Еще более явно такое понимание открытого и закрытого общества прослеживается в работах К. Поппера, у которого эти понятия становятся теоретическим основанием и своеобразным кредо современной либеральной идеологии. В книге «Открытое общество и его враги» он характеризует переход от закрытого общества к открытому, (который начался еще в античной Греции) как одну из глубочайших революций в истории человечества. Для человечества, по мнению Поппера, невозможен путь назад – «к мнимой невинности и красоте закрытого общества». Перед нами только один путь – путь в открытое общество. «Мы должны продолжать двигаться в неизвестность, неопределенность и опасность, используя имеющийся у нас разум, чтобы планировать, насколько возможно, нашу безопасность и нашу свободу»¹⁹⁸.

Представляется, что для понимания целостного и поливероятностного процесса государственной самоорганизации следует говорить об открытом и закрытом обществе не только как о различных типах государственно-политических режимов, но и как о различных состояниях одного общества на различных этапах его исторического развития. При этом понятие «закрытое» общество (даже в контексте его трактовки Бергсоном) было бы точнее заменить понятиями «самозамыкающееся» или «самоизолирующееся», поскольку последние более адекватно передают способность общества (государства) как открытой системы к временному (или ситуативному) ограничению возможных внешних контактов.

¹⁹⁸ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / К. Поппер – М., 1992. С. 248.

Как было показано прежде, за этими двумя состояниями политико-правовой системы кроются две основные тенденции самоорганизации системы через изменение ее структуры – строя.

Обозначим основные формы открытого (динамического) и самозамыкающегося (статического) поведения политико-правовых систем на разных этапах их эволюционного развития. Начнем рассмотрение с анализа тех феноменов и процессов, которые могут быть идентифицированы как проявление тенденции рождения нового общественного порядка в условиях нелинейности, неравновесности существования открытой системы, поскольку именно эта тенденция обеспечивает эволюционный динамизм государственного строя.

Собственно, сам характер государственно-правовой эволюции связан со способностью социальных систем быть открытыми, использовать для своего развития и самоусложнения механизмы положительной обратной связи. (В этом плане социальная эволюция вообще и государственно-правовая в частности, есть продолжение эволюции живой природы.) Действие этих механизмов описывается принципом минимума диссипации энергии. Его формулировка есть универсализация принципа минимума производства энтропии И. Пригожина. Как обобщенная эволюционная закономерность он был осмыслен и сформулирован Н. Н. Моисеевым: «Если... в конкретных условиях возможны несколько типов организации материи, согласующихся с другими принципами отбора, то реализуется та структура, которой отвечает минимальный рост (или максимальное убывание) энтропии. Поскольку убывание энтропии возможно только за счет поглощения внешней энергии и (или) вещества, реализуются те из мысленно возможных (виртуальных) форм организации, которые способны в максимальной степени поглощать внешнюю энергию и (или) вещество»¹⁹⁹.

Таким механизмом является «социальный метаболизм» (внутри- и межсистемный обмен), который представлен тремя основными потоками: обмен природными богатствами, территориями, сферами жизненного пространства, человеческими ресурсами (ресурсная сфера); обмен товарами, капиталом

¹⁹⁹ Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М., 1987. С. 28.

(экономическая сфера); обмен идеями, информацией, ценностями (информационно-культурная сфера)²⁰⁰.

Если взглянуть на крупномасштабные изменения, происходящие в истории, то бросается в глаза одна неоднократно возникающая зависимость: то или иное сообщество делает рывок в своем развитии, когда оно «открывается миру», интенсифицирует свои контакты с другими сообществами. По законам самоорганизации, усиление таких контактов создает задел неравновесности, необходимый для рождения новых структур. Внешние факторы при определенных критических условиях «включают», стимулируют внутренние источники государственного динамизма, а именно – борьбу возникших центров структурной неоднородности, которая в политико-правовом контексте проявляется, как обострение социальных (классовых) противоречий и конфликтов.

Первый исторический рывок в этом направлении был связан с возникновением рынка, сложившегося и расширяющегося сообразно с углублением разделения труда. Именно рынок с момента начала человеческой истории и по сию пору является основным эквивалентом обменных процессов в обществе.

Вместе с возникновением рынка родились и формы ускорения (катализаторы) самого социального метаболизма. Одной из наиболее ранних и динамичных форм оказалась, как это не парадоксально, – война.

Традиционно в истории человечества оценка войны была связана с мерой ее разрушения. С позиций гуманизма война справедливо порицается как фактор упадка и дезорганизации. Однако постоянное возникновение войн в различные исторические эпохи заставляет исследователя искать их устойчивые причины. Таким образом, помимо наиболее очевидного объяснительного мотива (война как способ разрешения накопившихся противоречий между сообществами и внутри них) в истории человеческой мысли появился и другой: война является по своим последствиям, в первую очередь, формой межсистемной кооперации, формой

²⁰⁰ Василькова В.В. Указ. раб. С. 184.

обмена различными ресурсами, формой объединения народов, драйвером технологического прогресса²⁰¹.

Такое объяснение содержится, в частности, в работах русских философов. Так, В. Соловьев в работе «Россия и Европа» причину рождения всечеловеческого единения в рамках мировой религии христианства усматривал в имперских завоеваниях Древнего Рима, объединивших различные страны, культуры, верования²⁰². Аналогичный взгляд высказывает на природу мировой войны Н. Бердяев в работе «Национализм и империализм»: «Расы и народы братаются в кровавой борьбе. В войне есть выход из партикуляристического и замкнутого бытия народов»²⁰³.

Следующий рывок, в частности, в западноевропейском историческом развитии связан с эпохой Возрождения, которая являет собой ярчайший пример социального метаболизма. Во-первых, раннебуржуазное развитие связано с возникновением национальных рынков, размыканием мелких обособленных натуральных хозяйств феодального типа. Во-вторых, культура эпохи Возрождения – исторический образец чрезвычайно плодотворной диалоговой культуры, когда произошло переплетение и взаимообогащение средневековой и античной традиций, история и культура открылись, разомкнулись в прошлое и будущее, создав феномен общего для разных эпох исторического времени. Здесь мы имеем дело с еще одной разновидностью (эквивалентом) обменных процессов – культурным взаимопроникновением различных национальных сообществ, разделенных не только в пространственном плане, но и во временном.

Характерно, что наиболее динамично в эпоху раннебуржуазного общества развивались те страны, в которых создание внутреннего общенационального рынка сопровождалось политикой расширяющей границы и возможности экономического и культурного обмена.

Конструктивная роль колониальной провинции в период становления нового социального порядка определяется еще одним важным законом самоорганизации:

²⁰¹ Василькова В.В. Указ. раб. С. 187.

²⁰² Соловьев В. С. раб. В 2 т. Т. 1. – М., 1989. С 356-358.

²⁰³ Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М., 1918. С. 118.

если процессы, происходящие в центре формирующейся системы, отражают тенденции прошлого развития всей структуры, то процессы на периферии есть индикатор ее будущего развития. В период бурного общественного развития провинция в силу своего местоположения, обречена быть форпостом различных новаций, поступающих в систему извне. Она становится полигоном апробации таких новаций, почвой для их «вживления» в новый общественный организм, дабы впоследствии передать такого рода адаптационный опыт новых форм организационных решений в центр государственной системы.

Рассмотренные характеристики социального метаболизма и исторического динамизма присущи и отечественной истории. Известно, что наиболее быстрое развитие страна переживала после отмены крепостного права и создания общенационального рынка. При этом, как в дорыночные (точнее, неразвитые рыночные), так и в более поздние времена поступательный эффект в нашем национальном развитии был связан с усилением контактов с другими странами. Начало положили византийское и скандинавское влияния на заре становления нашей государственности. Затем они сменились западноевропейским влиянием²⁰⁴.

Ссылка на данный феномен служила важнейшим аргументом в споре западников и славянофилов в определении ими будущей судьбы России. Пытаясь примирить противоположные позиции в идее «великого синтеза» Запада и Востока, В. Соловьев считал, что «утверждаясь в своем национальном эгоизме, обособляясь от прочего христианского мира, Россия всегда оказывалась бессильною произвести что-нибудь великое или хотя бы просто значительное. Только при самом тесном, внешнем и внутреннем общении с Европой русская жизнь производила действительно великие явления»²⁰⁵.

Объективности ради, отметим, что обозначенный эффект развития, соотносится не только с практикой добрососедских, взаимовыгодных межгосударственных отношений, но и с практикой конфронтационной борьбы, в процессе выработки средств доминантного положения.

²⁰⁴ Василькова В.В. Указ. раб. С. 184.

²⁰⁵ Соловьев В. С. Указ. раб. С. 353.

Говоря об общественно-государственных проявлениях и последствиях периодов исторического динамизма, следует сказать, что такой динамизм продуцирует драматические процессы. Поскольку социальный метаболизм увеличивает разнородность, стохастичность возможных альтернатив в развитии социально-политической системы, то оборотной стороной ускорения общественного развития всегда бывает набор явлений, характеризующих растущий хаос на макроуровне, – социальные потрясения, перевороты, болезненная по своему ходу и последствиям социальная мобильность, требующая все нового и нового передела благ и привилегий, усиливающаяся социальная дифференциация (классовое и идеологическое расслоение) и т. п.

В государственно-правовой сфере социальный динамизм проявляется, как правило, в усилении демократических начал, парламентаризма. В законотворческом плане закрепляется такая особенность самоорганизующейся системы, в условиях формирования нового порядка, как тенденция к самоопределению частей системы, к обособлению их внутри целого. Эта тенденция обретает, в частности, такие формы как тяга к федерализму, автономии, местному самоуправлению вплоть до принятия собственного законодательства субъектами государства в рамках единого конституционного пространства. В ряде случаев данная тенденция обретает черты сепаратизма – выраженного идейного, политического и конституционного стремления отдельных территорий к обособлению вплоть до отделения от целостного государства и образования собственной государственности.

Эти явления также обозначают опасность распада целостной системы, которым может окончиться растущий хаос на макроуровне в период неравновесной ситуации зарождения нового общественного порядка.

В идейно-политическом плане периоду социального динамизма в наибольшей степени соответствуют идеи либерализма, а именно следующая группа ценностей: свобода, равенство (как индивидуальная независимость), толерантность, частная собственность, справедливость, прогресс. Данные ценности выступают знаком и условием обеспечения социального разнообразия и закрепления соци-

альной неоднородности. Толерантность (терпимость) выступает гарантом свободы (как свободы выбора и автономии индивида), равенства (как равенства перед законом, обеспечивающего само сосуществование различного) и многообразия (как формы «свободной» игры общественных сил), что, в свою очередь, является движущей силой государственно-правовой динамики.

Несмотря на то, что сам термин «либерализм» вошел в широкое употребление лишь в первой половине XIX в., исторически возникновение идей либерализма относят эпохе буржуазных революций XVII-XVIII вв., когда складывались и формулировались основные принципы буржуазного общественного устройства в их противостоянии замкнутому бытию феодальных сообществ с их всеобщей регламентацией экономической и политической жизни. Так А. Смит, провозглашая и обосновывая принцип «не мешайте действовать!» – принцип либерального устройства общества, разрабатывает «систему естественной свободы», которая предполагает предоставление полного простора частной инициативе, освобождение экономической деятельности из-под опеки государства, обеспечение условий для свободного предпринимательства и торговли.

Что касается сферы общественной морали, история показывает, что в периоды социального динамизма и обострения социальной неоднородности в этой сфере особо востребовались качества личности (культурные стереотипы), которые помогали бы человеку или социальной группе держать высокий темп социальной мобильности, а именно: инициатива, пренебрежение к авторитетам, творческий поиск; а также качества и стереотипы, закрепляющие разнородность социальной структуры, культивирующие непохожесть, нестандартность – индивидуализм, эгоцентризм, гуманизм, как признание самобытности и самопроявления личности и др.²⁰⁶

Подытоживая сказанное, отметим, что рассмотренные характеристики «открытого» способа существования государственного строя можно интерпретировать как социальные проявления синергетического режима рождения порядка, когда действие энергетических (негэнтропийных) источников сильнее действия раз-

²⁰⁶ Василькова В.В. Указ. раб. С. 184.

мывающих, инерционных факторов. В качестве аналогов негэнтропийных источников, подпитывающих процесс порядкообразования, выступают разнообразные формы социального метаболизма, позволяющего обеспечить общественно-государственной систему дополнительными ресурсами, обновлять ее организационный, экономический, культурный и информационный потенциал.

Важно, однако, отметить, что указанный режим, имеющий определенный период существования, соотносится с хаотизированными, эмерджентными условиями бытия системы, которая начинает балансировать в поиске оптимального соотношения (горизонтально ориентированной) широты и эффективности организационной структуры, где кризисные факторы объективно продуцируют альтернативную тенденцию развития.

Далее, перейдем, собственно, к характеристике противоположной тенденции – установлению единообразных самосохраняющихся структур, обеспечивающих гомеостатическое воспроизводство общественного бытия.

Организационные процессы, происходящие в таком государственном строе, идентичны синергетическим процессам, развивающимся в системах, близких к равновесию, – закрытым системам с присущим им ростом энтропии. Еще раз оговоримся, что применительно к обществу и государству как принципиально открытым системам речь может идти лишь об относительной замкнутости – искусственном ограничении контактов, их локализации в разных формах. В любом случае речь может идти о временном или частичном «закрытии» системы в сравнении с более открытым, более метаболическим ее состоянием. Система, безусловно, продолжает развиваться, но как бы тормозится, в своем саморазвитии.

Причины (а потому и последствия) такой замкнутости, самоизоляции могут быть различны. Однако основным смыслом их существования является сохранение и воспроизводство своего прежнего статуса в неблагоприятных условиях отторгающей их (внешней и/или внутренней) среды, происходит осознание, что добиться этого можно лишь кардинальной замкнутостью, изолированностью от этой среды. Здесь, как правило, регламентируется или даже карается контакт с посторонними людьми, организациями и влияниями, перекрываются каналы

информации. Расплата за этот добровольный отказ от положительной обратной связи – диссипативное остывание, застой, стагнация.

В этой модели ясно видно, что замкнутость рождает тип статической системы, который препятствует ее развитию. Доведение такой устойчивости до логического конца, когда режимное существование из ситуативного средства превращается в самоцель, означает эволюционный тупик (деградацию).

Чрезвычайно часто встречается в истории и ситуативная замкнутость – усиливающаяся сплоченность нации в условиях внешней угрозы. Клич «Отечество в опасности!», даже если эта опасность мнимая, временно примиряет общественные разногласия, устанавливает классовое единство (согласие), возрастает специфическое структурное единообразие нации, когда все равны перед угрозой в ненависти к противникам.

В плане государственного строя такой тип самоорганизующихся процессов свойственен для стран с антидемократическим, тоталитарным (авторитарным) режимом, являясь причиной специфики их режимного существования. Надо заметить, меж тем, что истоки указанных режимов, вне зависимости от содержания лозунгов политической элиты, усматриваются в фактической неразвитости, стагнации или деградации внутренних и внешних оппозиционных сил.

В частности, обозначенные процессы на государственно-политическом уровне, проявляются в феномене автаркии (от гр. – «достаточность, самоудовлетворенность, довольство собой»). Сам этот термин в античной культуре первоначально имел этический смысл (независимость, отстраненность от потребностей и желаний). Но уже у Фукидида он означал политическую и экономическую независимость страны от других государств²⁰⁷.

В современной практике международных отношений политика автаркии – это политика (преднамеренная или вынужденная) экономического, социального и культурного обособления страны, изоляции ее от международных, культурных, политических и экономических связей, от мирового рынка, международной кооперации. Теоретически в этом контексте идея автаркии была развита в работе

²⁰⁷ Словарь античности. – М., 1989. С. 11.

И. Г. Фихте «Замкнутое торговое государство», вышедшей еще в 1800 г. Данная идея легла в основу экономической политики режимов в Италии и Германии начала XX в., а также проявилась как политика «опоры на собственные силы» в странах с коммунистическим режимом, что было связано с потребностью защитить от окружающего мира исключительный социальный эксперимент, не принимаемый другими странами.

В последние десятилетия автаркия, как отмечает А. П. Огурцов, в ряде случаев становится «принципом экономической политики государств, которые ставят перед собой задачу ускоренного экономического развития, однако в условиях современного международного разделения труда и глобальных социальных, научных и культурных взаимосвязей она не может дать сколько-нибудь серьезного и долговременного эффекта»²⁰⁸.

Однако в истории XX в. законы самоорганизации, ведущие к самосохранению государственной системы, в наиболее полной форме были представлены в практике тоталитарных типов государственного устройства и режимов военной диктатуры. Не останавливаясь в данном случае на специфических отличиях между различными национальными моделями таких государственных форм, выделим общие для них структурные признаки существования.

Тоталитарные режимы в структурном плане имеют свои генетические истоки в имперских формах государственности. С позиций синергетики эту общность можно обозначить как внутреннее противоречие в плане ресурсного обеспечения социальной системы. С одной стороны, им свойственно стремление к экспансии и саморасширению, с другой стороны, установление централизованных форм правления отражает потерю ресурсного потенциала и является способом реагирования государственной системы на такую потерю. Именно стремление обеспечить ограниченным числом ресурсов возросшее в результате экспансии население, порождает специфическую социальную иерархию – пирамиду равномерного распределения (баланса), когда минимальное число индивидов

²⁰⁸ Современная западная социология. Словарь. – М., 1990. С. 5.

располагает максимумом экономического и властного ресурса, а максимальное число индивидов – минимумом такого ресурса.

Тоталитарные и авторитарные системы государственной организации (как всякие «остывающие», самоцельно стремящиеся к равновесности) – это системы с единственным иерархическим центром, который обозначает оформление власти господствующей элиты, представленной, как целостный военно-бюрократический аппарат, возглавляемый лидером. Создание такого центра есть следствие борьбы государственной системы с существующей неравновесностью и разнородностью – борьбы с различными центрами неоднородности (уничтожение враждебных режиму социальных групп) или идеологическими флуктуациями (плюрализмом и инакомыслием) при установлении своего рода «идейного абсолютизма», присвоении права на обладание высшей и окончательной истиной.

Собственно, эта планомерная борьба системы с неоднородностью и флуктуациями (как на макроуровне, так и на микроуровне системы), обеспечивающая самоорганизующий режим самосохранения порядка и равновесности, и порождает главную отличительную особенность тоталитарных и авторитарных режимов – государственное принуждение и контроль за всеми сферами жизни общества (экономической, политической, духовной и бытовой). Назовем такие проявления данной тенденции как огосударствление всех легальных организаций (и уничтожение нелегальных), дискреционные (т. е. не ограниченные законом) полномочия властей, запрет (или создание псевдо) демократических организаций, существенное ограничение прав и свобод граждан, репрессии к оппозиционерам и инакомыслящим вообще.

Поскольку пространственный центр данного типа системы в своей политике установления всеобщего порядка развивается быстрее провинции (инициирует социально-политическое формообразование), он, по законам самоорганизации, является индикатором будущего развития, в то время, как периферия системы в этот исторический период есть носитель информации о прошлой картине государственного развития. В этом плане реформаторскому центру всегда угрожает «призрак Вандеи» – контрреволюционные настроения провинции.

Поэтому централизованное государство ведет перманентную войну с политической независимостью собственной провинции (хотя и позволяет ей сохранять культурную самобытность в пределах политической и идеологической лояльности к власти).

Для укрепления своего властного влияния централизованное государство с особой тщательностью выстраивает систему вертикальных связей, которые доминируют над горизонтальными и подчиняют их себе. Создается эффективная система передачи «властного сигнала» из центра напрямую, минуя властных посредников на местах (система «приказов из центра») ²⁰⁹.

Формы социального насилия (принуждения) в период создания авторитарного порядка отличаются от проявлений социального насилия, которыми сопровождаются общественные беспорядки открытого общества. В последнем случае насилие носит спонтанный, непредсказуемый с позиций обывателя характер и обусловлено меняющимся балансом противостоящих сил и группировок. Насилие же тоталитарных режимов воспринимается обывателем как борьба за общественный порядок, так как, во-первых, оно легализовано государственной властью, а во-вторых является «плановым», т. е. последовательно и поэтапно уничтожает (нивелирует) те группировки и слои, которые, по мнению государственной власти выражают отклонения от стратегической линии развития.

Уничтожение внутренних врагов, как правило, сопровождается мотивацией их связи с внешними врагами – носителями «внесистемных флуктуаций». В этом проявляется еще одна характерная для данных режимов черта – стремление к экономической, политической и идеологической изоляции, как способу сохранения устойчивости.

Поскольку ведущей и доминирующей формой общественных отношений в условиях тоталитаризма является политика, основанная на принуждении, доминировании силовых структур, то политизация тоталитарного общества неизбежно сопровождается его милитаризацией. Милитаризация, как форма государственного самоструктурирования выполняет две функции – внешнюю и

²⁰⁹ Василькова В.В. Указ. раб. С. 235.

внутреннюю. Внешняя функция связана с потребностью данного типа системы в ее новом ресурсном пополнении (это своего рода знак, признание «энергетического угасания» системы).

Но еще более существенную функциональную роль играет милитаризация в плане внутренней самоорганизации общества. Здесь под милитаризацией понимается не столько наращивание объема вооружений, сколько более глобальный и глубокий по своим последствиям процесс – переструктурирование общественных отношений согласно внутриармейской иерархии и вследствие этого, проникновение специфики внутриармейских отношений в мельчайшие элементы «штатской» жизни, включая культуру и быт.

Стиль отношений, который стоит за этим феноменом, – «команда и подчинение» или «неподчинение и наказание», что делает эти отношения максимально контролируемыми и управляемыми.

Одним из наиболее болезненных и трудноизлечимых впоследствии проявлений военно-приказного стиля общественных отношений является тотальная регламентация, т. е. масса обязанностей, ограничений и запретов во всех сферах деятельности. Такие запреты перекрывают «неуставную» социальную инициативу и поэтому чрезвычайно способствуют единообразию и замедлению темпов общественного развития. В этом качестве, в частности, выступает моральный эталон данного типа общества. В организационном плане следование такому эталону представляет собой своеобразный неинституциональный каркас государственно-правовой структуры. Данный эталон является одной из форм контролируемых государством ограничений (борьба с отклонениями от определенного социального статуса), он строится по канонам моральных запретов, т. е. обозначает не только и не столько то, что следует делать, сколько то, что не следует делать²¹⁰.

Обязательным условием и одновременно следствием самоорганизационных процессов сохранения порядка, является унификация и упрощение ее структуры. Она закрепляется как ранговая (иерархическая) уравнительность – старательно

²¹⁰ Василькова В.В. Указ. раб. С. 240.

культивируемая государственной элитой и послушно принимаемая населением одинаковость в доходах, образе жизни и образе мысли. В структурно-организационном плане такая унификация, как уже было отмечено, достигается за счет перераспределения ресурсов по принципу от большего к меньшему, что соответствует социальной операции имущественного передела.

Эволюционная редукция в структурных преобразованиях тоталитарных государственных систем, являясь следствием ресурсной минимизации, осуществляется не только в сфере экономического распределения, но и в области идеологии. Господствующие идеологии авторитарных режимов отличаются простотой схем и установок. Это вполне объяснимо с организационно-структурной точки зрения: как только определенная идеология претендует быть тоталитарной (всеобщей, массовой), она спонтанно начинает строиться (самоструктурироваться) из информативно облегченных феноменов, так как познавательная простота является необходимым условием их успешного распространения и усвоения среди широких масс разноориентированных людей.

Итак, с позиций теории самоорганизации, тоталитарные и авторитарные режимы можно идентифицировать как способ существования государственной системы, близкой к равновесности, которая в неблагоприятных условиях потери ресурсного обеспечения, путем минимизации (минимизации разнообразия) внешних воздействий, погашения «ненужных» флуктуаций и выравнивания социальных неоднородностей, создает внутри себя устойчивую (оптимизированную) иерархическую структуру, обладающую единственным контролирующим центром и способную к самоподдержанию (самосохранению) собственного существования.

При определенных условиях, именно такой государственно-правовой строй (структурное направление развития) воспринимается, как оптимальный общественный порядок в противовес нестабильному и малопредсказуемому существу демократических режимов.

Однако, как показывает история, такая система становится заложницей самой себя. Возникает эффект замкнутого круга – для сохранения и поддержки такого

рода организации, наиболее приспособленной к неблагоприятным условиям, системе становится выгодным поддерживать такие условия. С трудом сохраняя установившуюся равновесность, она не способна выстоять, когда поток внешних изменений (в том числе и ресурсного обогащения) становится сильным. Объективно стремясь к ресурсному пополнению за счет усиления социального метаболизма (в частности, в форме захватнических действий), такая система стремится навстречу своей гибели. Поэтому судьба тоталитарных режимов (как, впрочем, и либерально-демократических) оказывается не столь долговечной, как это представляется их создателям и приверженцам. Начало их конца полагается политикой экспансии, структурно обусловленной и поэтому внутренне неизбежной для таких типов систем.

Стоит отметить, что идентификация законов самоорганизации, приводящих государственную систему к режиму сохранения порядка, была бы неполной без анализа их идеологических проявлений.

Так, если условиям социального динамизма в идейно-политическом плане наиболее соответствует либерализм, то условиям замедления социального динамизма соответствуют различные формы консервативных идеологий.

Расширительно термин «консерватизм» можно трактовать, как систему идей, направленную на оправдание и стабилизацию любой общественной структуры, независимо от ее объективного значения и места в социально-историческом процессе²¹¹. В этом контексте, в качестве консервативных моделей государственной идеологии, выступают такие разнообразные ее представители, как традиционализм (и фундаментализм), идеологии правого радикализма, официальные государственные идеологии тоталитарных режимов, различные национальные формы неоконсерватизма²¹².

²¹¹ Философский энциклопедический словарь. – М., 1983. С. 273.

²¹² Осипова Е., Соколова Р. Кризис цивилизации и неоконсерватизм / Е. Осипова // Общественные науки и современность. – 1993. – № 3. С. 45; Панарин А.С. Стиль "ретро" в идеологии и политике: Критические очерки французского неоконсерватизма / А.С. Панарин. – М., 1989.; Рормозер Г., Френкин А. Консервативная революция / Г. Рормозер // Полис. – 1992. – № 1-2. С. 22.

Прежде всего, консервативные идеологии открыто заявляют о своей любви к порядку: одни – во имя «великого» будущего, другие – в ностальгическом ожидании возврата «славного» прошлого. Способ наведения общественного порядка, преодоления нестабильности здесь тоже общий: это стремление развести различные социальные силы по иерархическим нишам общественной структуры и закрепить их на месте. Стабильность в данном случае выступает как уменьшение социальной мобильности (горизонтальной и вертикальной) или принудительная, государством определяемая и контролируемая, социальная дифференциация. Этому способствует система вертикальной мобильности в тоталитарных режимах, где заслуги перед системой (преданность) выдвигают гражданина в иной, более высокий ранг. В более мягких формах эта тенденция закреплена и в неоконсервативных идеологиях «тоталитарного капитализма», которые пропагандируют модель стабильности через примирение нации с порядком «естественного буржуазного неравенства». «Приучению» граждан к объективности социальной стратификации служит вся стратегия и тактика неоконсерваторов – курс на полную рыночную свободу предпринимательства, устранение государственно-бюрократического вмешательства. Неприятие же политики социальной опеки так называемых «социальных государств» с их стремлением перераспределить общественное богатство между конкурирующими группами интересов объясняется тем, что такая политика рассматривается как опасность роста иждивенческих настроений, получение «незаработанного трудом», т. е. как нарушение «естественного» социального порядка²¹³.

В консервативных идеологиях находит свое идейное обоснование и такая черта, как стремление к самоизоляции. Это, в первую очередь, создание и внедрение в массовое сознание «образа врага» – как внешнего, так и внутреннего, а также тотального «заговора» врагов. Провозглашение повсеместной окружающей опасности имеет целью не только гарантировать замкнутость системы от потенциального врага, но и структурно консолидировать общество в действиях и помыслах.

²¹³ Василькова В.В. Указ. раб. С. 244.

Итак, подведем некоторые итоги. Выше были охарактеризованы два различных способа существования государственной системы (государственного строя): первый – открытый, динамичный, далекий от равновесия, порождающий усложненную структуру; второй – самоизолирующийся, ориентированный на статичность, близкий к равновесности, порождающий упрощенную структуру. Подчеркнем, что никакая социо-политическая система не обречена на фатальную привязку к одному из этих способов существования. Напротив, каждая развивающаяся система (коей, безусловно, является система государственной организации общества) время от времени переживает то одно, то другое состояние – как в крайних, так и в мягких, промежуточных формах.

При переходе государственного строя из одного состояния в другое меняется характер социального упорядочения, меняется тип процессов самоорганизации, выражающих одну из двух основных тенденций самоорганизации, обозначенных нами, как тенденция порождения нового общественного порядка и тенденция сохранения порядка.

Акцентируя внимание на проблеме общественного порядка (специфике качества общественных отношений), отметим, что синергетический подход предлагает науке нетривиальное видение этой проблемы: в открытой эволюционирующей системе не может быть «единого на все времена» структурного порядка (гипотетическое наличие такового – тезис, на котором часто спекулируют государственные идеологии). Общественный порядок в синергетике предстает в виде развивающейся по законам самоорганизации, структуры – становящейся, но не ставшей.

Как бы ни была жестко структурирована общественная среда в ситуации близкой к равновесности, открытый характер государственно-правовой системы вынуждает ее к восприятию внешних воздействий, что неизбежно (рано или поздно) предвещает новый этап самоорганизации – этап смены сложившегося порядка, рождения новых структур.

Таким образом, процесс общественно-государственного упорядочения разворачивается по законам циклического чередования структур (режимов)

рождения порядка и сохранения порядка, что проявляется как периодическая смена относительного преобладания демократизма и авторитаризма, либерализма и консерватизма, рыночных и этатистско-тоталитарных тенденций, традиционного коллективизма и индивидуализма и т. д.

Причем, целостное, процессуальное видение процессов упорядочения, динамики государственного развития было бы неполным, если не учитывать тот факт, что историческое бытие каждой конкретной политико-правовой системы представляет собой сложное переплетение различных направлений развития, соединение комплексов, как более открытого, так и более замкнутого типа, динамизма и стагнации. При этом, на различных уровнях системы эти соотношения живут своей жизнью, они могут быть не только разнонаправлены, но и разнотемпоральны.

Все это заставляет обратить более пристальное внимание на тематику циклических теорий политико-правовой сферы общественного развития, которые, в плане их синергетической интерпретации представляют целостный взгляд на чередование структур упорядочения в различных временных периодах.

В связи с этим, основная задача заключается в том, чтобы выявить общий алгоритм циклодинамики – чередование двух основных типов структурной упорядоченности государственного строя, в котором проявляет себя процессуальная логика законов социальной самоорганизации.

В данном контексте, лежащая на поверхности проблема связана с тем, что принимая логику циклических концепций с их жесткой периодичностью за логический ориентир, можно столкнуться с существенным методологическим противоречием между этой периодичностью (а значит предсказуемостью и ритмичностью) и нелинейным характером общественного развития (с его непредсказуемостью, стохастичностью), которое провозглашает синергетическое мировидение.

Так, возникает первичный вопрос о принципиальной возможности совмещения теорий циклической динамики с синергетической моделью общественного развития. Здесь стоит отметить несколько важных аспектов.

Во-первых, нелинейный характер социальной среды, неравномерно стимулирующей развитие на разных ее участках, делает волновую и циклическую динамику столь пестрой и несинхронизированной, что картина развития государственно-правовой системы в целом предстает как нелинейная, поливероятностная и труднопредсказуемая. Ведь волновые и циклические процессы, как следует из соответствующих исследований, обладают существенной спецификой своего проявления в разных социальных сферах, а также различной амплитудой колебаний. Иными словами, эти процессы разворачиваются на разных уровнях системы как параллельно, так и перекрещиваясь (гася друг друга в процессе аннигиляции), обладая различной периодичностью – все это и создает определенную историческую вариационность, усложняет общую картину самоорганизации общества и государства.

Во-вторых, волновая и циклическая динамика не исключает спонтанности и стохастичности развития, подобно тому, как в синергетической интерпретации порядок на макроуровне не исключает хаоса (случайности) на микроуровне. Циклы проявляют себя с особой точностью и последовательностью на большом совокупном объеме показателей (в макромасштабах), в то время как при рассмотрении аналогичных закономерностей при уменьшении их масштаба (например, перенос внимания с масштаба страны на уровень отдельных групп населения, с общегосударственного уровня системной функциональности на уровень качества показателей отдельных функций государства) возможны существенные отклонения от выявленной общей динамики.

По этому поводу можно привести высказывание Л. Н. Гумилева: «При сборе первичных сведений степень точности мала, но при прослеживании долгоидущего процесса случайные ошибки взаимно компенсируются, благодаря чему можно получить описание, удовлетворяющее практической задаче – пониманию эпохи. И чем шире охват, тем выше точность»²¹⁴.

В-третьих, траектория самого социального цикла имеет, как зоны бифуркации стохастического (случайного) выбора (моменты перелома тренда

²¹⁴ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли /Л.Н. Гумилев. – Л., 1990. С. 341.

цикла (самая низкая и высшая точки «волны»)), так и более устойчивые, конституированные, детерминированно предопределенные области развития, когда разворачивается очередной тренд самоструктурирования²¹⁵.

Таким образом, общий ход волновой (циклической) динамики политико-правового развития, выявленный в соответствующих понятиях, не противоречит основанному на синергетической методологии представлению о принципах цивилизационной эволюции, так как наряду с моментами обратимости (периодической рецидивности), детерминизма и предсказуемости, присутствуют моменты нелинейности, стохастичности, непредсказуемости, альтернативности.

Данный вывод соотносится с мыслью Е. Князевой и С. Курдюмова о том, что: «Мир пульсирующий, мир, имеющий свои «ритмы жизни», подверженный периодическим колебаниям типа инь-янь, предположительно – в большей или меньшей степени – на всех уровнях его иерархической организации, – такая картина мира соответствует синергетическому видению»²¹⁶.

Рассмотрим подробнее, как в логике волновых (циклических) процессов, представленных в теориях некоторых авторов, проявляют себя законы социально-политической самоорганизации.

На данном этапе исследования нас будет интересовать тот общий логический алгоритм, обосновывающийся в соответствующих теориях, который обеспечивает самовоспроизводящуюся природу любого социального цикла. Собственно, сама суть цикла, как мы уже отмечали ранее, связана с ритмическим повторением схожих процессов, происходящих на разных этапах циклического развития и предопределенных логикой биполярного диалектического развития.

Так Г. Спенсер, посвящая ритмам, целую главу в своих «Основных началах», высказал мысль, что «ритм возникает повсюду, где происходит борьба двух неуравновешивающих одна другую сил»²¹⁷, показав тем самым, что ритмическая

²¹⁵ Василькова В.В. Указ. раб. С. 251.

²¹⁶ Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е. Князева // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. С. 44.

²¹⁷ Спенсер Г. Основные начала / Г. Спенсер. – СПб., 1897. С. 215.

динамика является сущностным проявлением диалектического характера развития явлений любой природы.

В синергетической интерпретации цикл предстает как структурно-организационный феномен, позволяющий рассматривать развитие, как саморазвитие (процесс перманентного становления). С точки зрения самоорганизации, любой государственно-правовой цикл – это полный цикл организационной эволюции определенных структур, их спонтанного возникновения (самозарождения), относительно устойчивого существования (сохранения) и дезинтеграции (переструктурирования).

Исходя из этой теоретической установки, постараемся осуществить анализ циклических теорий политико-правовой жизни общества в контексте синергетических идей.

Сама идея «круговорота государственного устройства» родилась еще у античных философов. Так, Полибий в своей «Всеобщей истории», исходя из мысли о развитии и изменчивости всего существующего, развивал идею политических циклов, каждый из которых состоит из шести сменяющих друг друга форм правления – монархии, тирании, аристократии, олигархии, демократии и охлократии. Более того, каждая из этих форм, добиваясь определенной полноты и завершенности, создает условия для самоизживания (самоотрицания) и тем самым имманентно предуготовливает появление последующей формы правления.

Демонстрируя преемственность взглядов, развивая античное учение о формах правления (возрождаемое после многовекового доминирования церковно-схоластической государственной идеологии), Н. Макиавелли взял за основу политического цикла, естественный ритм укрепления и ослабления государства, поскольку только сильная государственная власть, по его мнению, способна поддерживать внутренний порядок и осуществлять экспансию по отношению к другим народам, что является показателем ее устойчивого положения, обеспечиваемого жесткостью иерархических связей. Вот как видится ему чередование периодов порядка и беспорядка в обществе в соответствии с циклическим характером эволюции государственной власти: «Переживая

бесперывные превращения, все государства обычно из состояния упорядоченности переходят к беспорядку, а затем от беспорядка к новому порядку. Поскольку уж от самой природы вещам этого мира не дано останавливаться, они, достигнув некоего совершенства и будучи уже не способны к дальнейшему подъему, неизбежно должны приходить в упадок, и наоборот, находясь в состоянии полного упадка, до предела подорванные беспорядками, они не в состоянии пасть еще ниже и по необходимости должны идти на подъем. Так вот всегда все от добра снижается ко злу и от зла поднимается к благу»²¹⁸.

Однако наиболее активное развитие изучения проблемы циклов политико-правовой динамики было связано с американской политико-правовой наукой и социологией, в рамках которых уже с начала XIX в. происходило теоретическое осмысление бурно развивающейся практики демократической формы правления, ее динамики, сравнения с другими формами государственно-политического регулирования общественной жизни. За последние два века в науке возник целый ряд циклических теорий политической динамики. Каждая из таких теорий различает две основные противоположные тенденции в развитии политической жизни общества и условия их периодической взаимосменяемости. Такими противоположностями являются, например, консерватизм и реформизм (Р. Эмерсон), централизация и диффузия национальной энергии (Г. Адамс), консерватизм и либерализм (А. Шлезингер), цели личного и общественного счастья (А. Хиршман) и др.

Поскольку ранее мы уже идентифицировали данный ряд политических феноменов, как проявление двух основных тенденций социальной самоорганизации, не останавливаясь на этом вопросе еще раз, обратим внимание на те, специальные аргументы – нюансы, которые ученые вносят в картину государственно-политических колебаний.

Р. У. Эмерсон, с которого начинается отсчет циклическая традиция американской политологии, рассматривал действия партии консерватизма и партии обновления как воплощение мирового закона, движущего миром с самого его сотворе-

²¹⁸ Макиавелли Н. История Флоренции / Н. Макиавелли. Л., - 1973. С. 175.

ния, как проявление двух универсальных тенденций мирового развития. Обновление все время толкает вперед, консерватизм все время сдерживает развитие. Если обновление – это вырывающаяся наружу энергия, то консерватизм – это остановка в ритме движения. Однако приложение социально-философских воззрений Эмерсона к динамике конкретной политической жизни вызывает ряд возражений и требует соответствующих уточнений.

Первым из мыслителей, кто пытался хронологически определить политические колебания, в частности, американской истории, был Г. Адамс. Взяв за методологическую основу образ маятника, он выявил 12-летний период чередования тенденций централизации и распыления энергии нации, соотнеся данные процессы с принципами 2-го закона термодинамики.

Начиная с 30-х гг. XX века, изучение циклических процессов в политической жизни связано с именем А. Шлезингера-старшего. Рассматривая политическую историю, он выявил определенный цикл последовательной смены волн консерватизма и либерализма, как смену периодов озабоченности правами меньшинства и озабоченности бедствиями многих.

При этом Шлезингер отвергал, используемый Адамсом образ маятника, поскольку последний предполагал колебания между двумя неподвижными точками. Цикл, по Шлезингеру, не есть возвращение нации к предыдущему положению. После возвращения консерваторов к власти либеральные реформы обычно не сводятся на нет. Поэтому более приемлемым является образ спирали, когда на каждом новом витке развития происходит процесс аккумуляции изменений. (Заметим, что за этими методологическими трансформациями прослеживаются изменения естественнонаучных представлений о необратимости.)

Несколько особняком стоит оригинальная циклическая теория Ф. Клинберга, который в 50 – 60-е гг. разрабатывал идеи о чередовании двух фаз внешней политики государства. Первая фаза, названная им экстраверсивной, характеризуется прямой дипломатией, стремлением к военному и экономическому давлению на другие страны. Для второй фазы – интроверсивной – свойственна замкнутая, осторожная политика сохранения национальной общности. (С точки

зрения теории самоорганизации, такой ракурс рассмотрения открывает возможность для логического увязывания характеристик открытой и самозамыкающейся систем с соответствующими внутренними структурными изменениями.)

Американский экономист А. О. Хиршман в своей работе «Смещающаяся заинтересованность» (1982г.) изложил еще одну циклическую теорию, касающуюся периодических чередований ценностных (идеологических) ориентаций в связи с политическими изменениями в стране. Он, распространяя теорию потребления на внутреннюю политику, заметил, что начиная со времен промышленной революции, западное общество поочередно устремляет свою заинтересованность к одной из двух противоположных целей – либо индивидуальному, либо общественному счастью. В цикле Хиршмана чередуются периоды поглощенности делами частных лиц («частным интересом») и периоды занятости общественными проблемами («общественной активностью»).

Однако наиболее влиятельной и полновесной среди подобного рода циклических теорий, аккумулирующей разноаспектные характеристики общественной жизни, является концепция А. Шлезингера-младшего. Он, беря за основу идею своего отца А. Шлезингера-старшего о циклическом 30-летнем чередовании либерализма и консерватизма в истории, а также идеи других циклистов, выстраивает свою оригинальную концепцию цикла как непрерывного (спиралевидного) перемещения точки приложения усилий нации (национальных приоритетов) между целями общества и интересами частных лиц.

Он исходит из понимания имманентной, самовоспроизводящейся природы цикла по законам структурной организации, – из понимания, чрезвычайно близкого синергетической трактовке данных процессов. Вот как пишет он об этом в своей книге «Циклы американской истории», вышедшей в 1986 г.: «Если это подлинный цикл, то объяснение следует искать, прежде всего, в его внутренней природе. Каждая новая фаза должна вырастать из состояния предыдущей и присущих ей

противоречий, в них находя и подготавливая условия для очередного поворота. Другими словами, истинный цикл является самовоспроизводящимся»²¹⁹.

Независимость политического цикла подтверждается тем, что у него не прослеживается, по мнению Шлезингера, прямого соотношения с экономическим циклом. Более того, Шлезингер не усматривает и абсолютной привязки периода общественной целеустремленности к либерализму, а периода господства частного интереса – к консерватизму, хотя, безусловно, в целом образ двух выявленных им периодов определяют именно эти две идеологии (что он сам неоднократно подтверждает логикой своих аргументов). Однако действие более глубинных, по мнению автора, чередующихся тенденций к общественной целеустремленности и частному интересу может вносить существенные коррективы в политику и идеологию традиционного либерализма и традиционного консерватизма.

В качестве демонстрации обоснованности указанных положений и возможности их универсального применения может, в частности, выступать пример разрития государственного строя, политического режима России в рамках показательного 30-летнего исторического периода – 1993-2023гг.

Итак, как было отмечено, каждый период в цикле, порождает свои особые противоречия. Возникшая ориентация на общественную целеустремленность имеет целью улучшить существующее положение и вызывает значительные перемены, следующие одна за другой в сжатые сроки. В конце концов, политико-правовая система ощущает адаптивную перегрузку от потока нововведений, ей требуется время для структурного упорядочивания. Способность нации к осуществлению политических преобразований, требующих от нее высокого напряжения, ограничена. Человеческая природа требует отдыха. «Люди неспособны более заставлять себя продолжать героические усилия. Они жаждут погрузиться в свои личные житейские дела. Издерганные постоянными боевыми призывами, истощенные непрерывной общенациональной активностью, разочарованные полученными результатами, они стремятся к освобождению от взятых обетов, передышке

²¹⁹ Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / А.М. Шлезингер-младший. – М., 1992. С. 46-47.

для отдыха и восстановления сил. Так сходят на нет публичные акции, страсти, идеализм и реформы»²²⁰.

Период подвигов и жертв сменяется периодом затишья, примирения и успокоения, когда общественные проблемы передаются на попечение «невидимой руки рынка», а в обществе усиливаются настроения материализма и гедонизма. «Политическая деятельность на классовой и групповой основе затухает, а политическая деятельность, формируемая факторами культурного характера – по этническому, религиозному, моральному признаку, по признаку социального статуса, – выходит на первый план. В это же время часто происходит процесс консолидации, в рамках которого усваиваются и узакониваются нововведения предыдущего периода»²²¹.

Однако эпоха доминирования частных интересов также порождает противоречия. «Такие периоды характеризуются скрытыми под поверхностью течениями неудовлетворенности, критики, брожения и протеста. Целые группы населения оказываются позади в гонке приобретательства. Интеллектуалы отчуждаются. Загнанные внутрь проблемы обостряются, грозят стать неразрешимыми и требуют вмешательства. Людям надоедают эгоистические мотивы и перспективы, они устают от погони за материальными благами в качестве наивысшей цели. Период отдыха от бремени общественных забот восполняет национальную энергию, «подзаряжает батареи» нации. Люди начинают искать в жизни смысл, не замыкаясь на самих себе. Они спрашивают «не что их страна может сделать для них, а что они могут сделать для своей страны». Наконец, что-то играющее роль детонатора – какая-либо проблема, значительная по масштабам и по степени опасности, и которую не способна разрешить невидимая рука рынка, – ведет к прорыву в новую эпоху в политической жизни страны»²²².

Итак, в контексте заявленной нами методологической установки, представляется, что процессы, происходящие в первой фазе шлезингеровского

²²⁰ Денбиг К. К вопросу об энтропии, беспорядке и дезорганизации / К. Денбиг // Знание – сила. – 1995. – № 9. С. 48-49.

²²¹ Василькова В.В. Указ. раб. С. 257.

²²² Шлезингер-младший А. М. Указ. раб. С. 49.

цикла, можно идентифицировать, как процессы зарождения нового порядка. Они разворачиваются в неравновесной ситуации стремительного социального динамизма, неоднородности и политического противостояния классов и социальных групп. Рождение нового политико-правового порядка фиксируется в сознании и политической идеологии, как общая национальная цель – общественная целеустремленность к улучшению жизни. Но стремительная социальная динамика приближает систему к опасному рубежу, когда хаос прорывается с микроуровня на макроуровень. Единственным шансом спасения системы становится перевод ее функционирования в более равновесный режим сохранения порядка.

Этому новому состоянию системы структурно соответствуют процессы, характеризующиеся замедлением новационной деятельности, социальным примирением и консолидацией, «естественнотекущей» рыночной деятельностью (без драматических социальных переделов и реформ). Как в каждой близкой к равновесию системе, здесь возникает рост энтропии, усиливается хаос на микроуровне (доминанта разнонаправленных частных интересов). Дабы избежать энтропийных неприятностей своего окончательного угасания, общество начинает искать объединяющий общественный интерес (цель) – прообраз будущего нового порядка, вектор государственного развития, на макроуровне. Переход к нему наступает, в тот момент, когда внутренние накопившиеся противоречия (напряжения) вводят нацию в столь неравновесное, нестабильное состояние, что любое событие, связанное с осознанием общей цели (аттрактора эволюции), может сыграть роль «детонатора», т. е. той самой флуктуации, которая в этих самоорганизационных условиях может привести к рождению нового порядка.

Надо отметить, что задавая себе вопрос о первичном, базовом социобиологическом факторе, определяющем 30-летний колебательный ритм политической истории, Шлезингер приходит к выводу, что таким фактором является естественная смена поколений. Этот объяснительный прием не является открытием и используется в научной литературе со времен О. Конта и Д. С. Милля, которые измеряли исторические перемены интервалом в одно поколение. О. Шпенглер считал длительность жизни поколения величиной почти «мистического

значения», придающей постоянную периодичность циклам культур. Эту гипотезу разрабатывал К. Маннгейм, а также Х. Ортега-и-Гассет, который рассматривал каждое новое поколение как форму «очередной интеграции социального организма» и «точку опоры», от которой зависит сам ход исторической эволюции. Следуя позиции этих авторов, Шлезингер полагает, что каждое новое поколение, став политически совершеннолетним, в течение первых 15 лет бросает вызов властвующему поколению, а затем само приходит к власти, после чего его политическая активность заметно спадает. Причем элемент исторической повторяемости обеспечивается тем, что в течение своей жизни люди склонны формироваться под воздействием событий и идей, преобладающих на момент обретения ими политического самосознания²²³.

С позиций развиваемого нами методологического подхода важно подчеркнуть следующее: помимо того, что общая концепция Шлезингера соответствует методологической парадигме социальной самоорганизации, она также дает обширный эмпирический материал для подтверждения законов синергетики в политико-правовой и идеологической сфере.

Так, любопытна попытка Шлезингера соотнести его циклические ритмы с циклами внешней политики Ф. Клинберга. Хронологический и периодический анализ показывают, что какой-либо очевидной корреляции между ними нет, что, по мнению Шлезингера, свидетельствует лишь о том, что оба эти цикла являются в значительной степени самогенерирующимися, а поэтому – истинными. Однако сравнительный анализ внешнеполитических и внутривнутриполитических циклов обнаруживает интересные устойчивые закономерности. Например, «на внешнюю угрозу нация реагирует определенным образом в фазе интроверсии и совсем другим – в фазе экстраверсии. То, к чему на интровертной фазе могут отнестись равнодушно, на экстравертной фазе расценят как опасность, требующую решительнейшего ответа»²²⁴.

²²³ Василькова В.В. Указ. раб. С. 259.

²²⁴ Шлезингер-младший А. М. Указ. раб. С. 72.

Сам этот вывод и примеры, подтверждающие его, являются своеобразной иллюстрацией к одной из синергетических закономерностей (точнее ее социальному проявлению). Система, близкая к равновесности, которой соответствует более замкнутая на саму себя фаза интроверсии, слабо чувствительна к внешним флуктуациям, в определенной степени «игнорирует» их. Но в условиях сильной неравновесности, в которую попадает общество в открытой внешним воздействиям фазе экстравертности, роль случайной флуктуации (опасности) может быть иной, она может мобилизовать систему (нацию) на активные действия.

Другая закономерность, замеченная Шлезингером при сопоставлении внешнеполитических и внутриполитических циклов, выглядит так: «...на каждой фазе внутреннего цикла национальный интерес формулируется согласно присущим этой фазе ценностям. На каждой фазе внешняя политика используется для продвижения этих ценностей за рубеж. В периоды общественной целеустремленности существует тенденция к включению во внешнюю политику идей реформ, прав человека, гражданских свобод, социальных перемен, активной роли государства. В такие периоды отдается предпочтение странам с демократическими левоцентристскими режимами. В периоды частного интереса включается и действует тенденция, заставляющая осмысливать международные дела сквозь призму капитализма, частных инвестиций, защиты корпораций, занятых бизнесом в зарубежных странах. В такие периоды предпочтение отдается странам с правыми и консервативными режимами, обещающими обеспечить безопасность для частного капитала.

Таким образом, внешняя политика пронизана духом изменений во внутриполитическом цикле, в то время, как интенсивность, с которой этот дух навязывается миру, зависит от фаз во внешнеполитическом цикле»²²⁵.

В плане теории самоорганизации данный пример не только показывает, как коррелируют между собой внутрисистемные и внешнесистемные признаки в зависимости от режима существования системы, но и демонстрирует, как эта система может достраивать себя (свои структурно-организационные характеристики)

²²⁵ Шлезингер-младший А. М. Указ. раб. С. 73.

до целостной формы режимного функционирования в условиях зарождения порядка и в условиях сохранения порядка.

Помимо прочего, ритмическая периодичность двух противоположных состояний политической системы, захватывающая соответствующие процессы в идеологической и моральной сферах подтверждает эффективность практики двухблоковой (в частности двухпартийной) политической системы (политической системы допускающей наличие оппозиционных сил), объединяющей в одно неразрывное целое две противоположные, разнонаправленные тенденции ее развития. Именно такая политическая модель позволяет системе, с одной стороны, сохранять свою внутреннюю идентичность, а с другой стороны, обновляться, искать новые источники развития и плодотворно перерабатывать их. Вот, как пишет об этом Шлезингер: «...консерватизм и реформаторство, капитализм и демократия, частный интерес и общественная целенаправленность объединяют свои силы в деле формирования определенной политической традиции. Два соперничающих направления в национальном мышлении чаще приходят к соглашению, нежели спорят... Оба имеют взаимодополняющие функции, направленные на сохранение политической системы. Оба играют собственные и абсолютно необходимые роли в диалектике политической жизни общества»²²⁶.

В контексте синергетической интерпретации практика двухблоковых политических систем, как и выводы исследующих их научных теорий, подтверждают постулируемую закономерность: в социальной сфере (в экономических, политических, идеологических процессах) две основные тенденции самоорганизации, ведущие к рождению нового порядка и его сохранению, разворачиваются в рамках одной саморазвивающейся эволюционирующей системы как две чередующиеся фазы единого процесса общественного упорядочения.

Далее, обуславливая практическую значимость вышеизложенного, можно сказать, что если в обобщенном виде перевести имеющиеся концептуальные положения в плоскость прикладного моделирования развития определенной социально-экономико-политической системы, в частности, относительно российской

²²⁶ Шлезингер-младший А. М. Указ. раб. С. 77.

государственности в рамках некоего исторического периода, можно получить следующие интерпретационные выводы.

Если взять за методологическую основу предлагаемый некоторыми учеными (в частности, Г. Адамсом) 12-летний глобальный цикл развития с соответствующими 6-летними циклами противофазного превращения, и взять в качестве точки отсчета начало «перестроечного» периода новейшей отечественной истории, а именно 1985 год, то представив волнообразную диаграмму, можно выявить определенные, показательные закономерности становления качества обратнопропорциональных состояний общества и государства, где тенденция общественной диссипации соответствует тенденции централизации власти.

Так, интересующие нас временные интервалы – это 1985 г. («верх волны» начало системной фиксации, самосохранения власти) – 1991 г. («низ волны», начало трансформации, разупорядочивания властных институтов) – 1997 г. (вновь, и далее по аналогии «верх волны») – 2003 г. (вновь, и далее по аналогии «низ волны») – 2009 г. – 2015 г. ... Соответственно, равнонаправленные точки отсчета: 1985 г., 1997 г., 2009 г., 2021г. (одна группа) и 1991 г., 2003 г., 2015 г., 2027г. (другая группа) имеют одногрупповую схожесть тренда режимного существования государственного строя.

Представляется, что ценность изложенных тезисов может заключаться в выработке методологической основы для осуществления прогностических изысканий относительно циклодинамики государственного развития.

Итак, подведем итоги осуществленной синергетической интерпретации цикличности социальной динамики, исследуемой в различных политико-правовых теориях. В рамках проделанной работы мы пытались показать, что любой социальный цикл, при его структурно-организационном рассмотрении, демонстрирует проявление единого, общего алгоритма (закона) становления – последовательного чередования процессов, соотносимых, в том числе, с процессами, зарождения нового государственно-правового порядка и сохранения этого порядка, аналогичного смене синергетических режимов: один из них – это режим «разбегающейся волны», когда элементы структурной локализации

размываются; второй – режим с обострением – это режим «сбегающей волны», режим локализации и интенсивного роста процессов в более или менее узкой области около максимума. Данное структурно-эволюционное чередование разворачивается в рамках одной саморазвивающейся социально-политической системы, как два способа ее самоорганизации, как две фазы единого процесса ее структурного упорядочения.

Если исходить из принципа мультикаузальности циклических и волновых процессов (как этого требует синергетическое мировидение), то социальная динамика во всем ее разнообразии и поливероятности предстанет, как единый, универсальный и многоуровневый процесс самоорганизации, где в разных формах и на разных уровнях социальной системы разворачиваются одни и те же (аналогичные) структурно-организационные закономерности. Данный методологический ракурс рассмотрения позволяет увидеть, что законы социальной самоорганизации, лежащие в основе циклического развития сфер общества (экономики, политики, культуры), а, следовательно, и государственного строя, идентичны законам социальной самоорганизации, по которым осуществляется глобальный культурно-цивилизационный круговорот.

Вместе с тем, отдельный научный интерес представляет анализ коэволюции социосинергетических процессов государственного системообразования (формообразования) и развития (трансформации) с соответствующими сущностно-функциональными характеристиками системной формы государственной организации общества, чему и будет посвящена следующая глава исследования.

Глава 3. Синергетический подход к исследованию сущностно-функциональных характеристик государственного формообразования

3.1. Системно-синергетический подход к исследованию сущности государственной власти

Власть – одно из центральных понятий государствоведения, социальной философии и политической теории. Осмысление сущности государственной власти, направленности и механизмов функционирования составляет предмет изучения теории государства. Однако, несмотря на весьма существенную востребованность и актуальность, рассматриваемый научный термин чрезвычайно многозначен. Власть, к примеру, понимают и как способность определения социального пространства других²²⁷; и как вид, управления, регулирования и контроля, способ овладения и направления энергии²²⁸; и как средство упорядочения социальных отношений, обладающее мощным негэнтропийным эффектом²²⁹; и как «возможность одного человека или группы людей реализовать свою собственную волю в совместном действии» даже вопреки сопротивлению других людей, участвующих в указанном действии»²³⁰; и как форму влияния, устанавливающую нормы и цели²³¹; и как коммуникацию и кооперацию в отношениях между людьми²³². Количество примеров можно существенно расширить.

²²⁷ Тишков, В.А. Что есть Россия? (перспективы нации-строительства) / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1995. – № 2. С. 6.

²²⁸ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Куббель. – М., 1988. С. 16.

²²⁹ Гаджиев К.С., Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.В. Философия власти / К.С. Гаджиев. – М., 1993 С. 24.

²³⁰ Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. С. 147.

²³¹ Болл Т. Власть / Т. Болл // Полис. – 1993. – № 5. С. 36.

²³² Гаджиев К. С., Ильин В. В., Панарин А. С., Рябов А. В. Указ. раб. С. 40.

Несмотря на всю многозначность и видимую разнонаправленность приведенных формулировок, из них логично вытекает, что любому властному отношению присущи, как минимум, два аспекта, а именно: управленческий (организационный) и социальный (потребность во властной регуляции задается многообразием субъектов, разновидностей связей и интересов, имеющих место в конкретных социально-политических сообществах)²³³. В данном случае, власть действует, как принудительная форма снятия порождаемых различиями интересов, противоречий и конфликтов, как универсальный механизм унификации и структурирования человеческих сообществ.

Эффективность использования власти в значительной степени предопределяется ее социальным содержанием, т.е. способностью действовать в согласии или же, напротив, вопреки интересам равно управляющих и управляемых (в зависимости от обстоятельств). Таким образом, управленческая эффективность оказывается неразрывно связанной с социальной сущностью власти. Власть структурирует социальные отношения, делает их более целенаправленными, эффективными, служит причиной взаимной мобилизации поведения, как властителей, так и подвластных, значительно снижая, тем самым, степень неопределенности их практической жизнедеятельности. Можно предположить, что именно власть становится ключевым фактором обеспечения эволюционного преимущества того или иного социального организма, снижая для него вероятность всякого рода случайных отклонений от магистрального пути развития.

Сложность исчерпывающего определения понятия «власти» заключается в многомерности самого общественного феномена, неоднозначности существующих в его отношении взглядов и подходов. Зачастую власть определяется посредством фиксации какого-то одного ее базового качества, той или иной отличительной особенности. Если попытаться систематизировать имеющиеся в наличии представления, можно условно выделить следующие опорные понятия, от которых отталкиваются исследователи власти: «влияние»,

²³³ Демидов А.И. Учение о политике: философские основания / А.И. Демидов. – М., 2001. С. 30.

«воля», «нормативность», «обмен», «ограничение», «отношение», «принуждение», «ресурс», «связь». Вполне естественно, что подобная неоднозначность в определениях требует анализа имеющейся системы воззрений²³⁴.

На основании указанных выше базовых понятий, используемых при определении власти, выделим три аспекта исследований (исторически сложившихся уровня теоретических установок), проводимых по данной тематике:

1) Первый аспект понимания власти – субстанциальный, здесь основания власти, а именно, способность, воля, личностные качества, рассматриваются, как принадлежащие субъекту действия. Власть, тем самым, предстает в качестве способности индивида подчинять кого-либо или что-либо своей непосредственной воле;

2) Второй аспект - релятивный, здесь делается акцент на понимании власти как определенного отношения между субъектами. В данном случае, власть предстает в виде вполне сформировавшегося и устойчивого социального отношения;

3) Третий аспект понимания власти (являющийся наиболее актуальным, в контексте нашего исследования) – системный, феномен «власти» анализируется здесь, исходя из определения «системы», в рамках которой на власть возлагаются функции связи и регулирования общественных отношений. В результате, власть рассматривается как свойство или функция социальной, в частности, государственно-политической, системы, необходимость существования которой обусловлена наличием самого общества и задачей поддержания его целостности.

Остановимся более подробно на каждом из трех указанных выше аспектов и рассмотрим, какие именно базовые понятия положены в их основание.

Классическим можно считать истолкование власти как способности и возможности осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность и поведение других людей, используя при этом какие-то конкретные

²³⁴ Носков Э. Г. Онтология власти: тотальность и символический характер властеотношения: дис. ... д. филос. н. / Э.Г. Носков Самара, 2011. С. 28.

средства. В качестве исходной здесь выступает модель взаимоотношений, где А воздействует на В с целью подчинения его своей индивидуальной (или коллективной в том случае, если речь идет о субъекте коллективного действия) воле и, в конечном счете, добивается желаемого результата.

Такой директивный аспект власти, как правило, считается ее важнейшим отличительным признаком. Он позволяет рассматривать власть как некое внутренне присущее субъекту свойство, способность, выражение его личностных качеств. Сама же власть предстает, в данном случае, исключительно в субстанциальных характеристиках, как, например, в концепциях Т. Гоббса и М. Вебера.

В частности, согласно Т. Гоббсу, власть как природное могущество человека обеспечивается его силой и умом. Естественный закон дает человеку право использовать свою власть по своему усмотрению, что, однако, грозит обернуться бесправием по отношению к другим. Выход из данного противоречия заключается в наделении властью государства и, как следствие, заключении общественного договора, призванного ограничить стремление людей к осуществлению своей индивидуальной власти.

Власть, отчужденная от «естественного человека», обретает тем самым самостоятельное существование как абсолютное верховенство суверена. Такая общая власть «...может быть воздвигнута только одним путем, а именно путем сосредоточения всей власти и силы в одном человеке или в собрании людей, которое большинством голосов могло бы свести все воли граждан в единую волю»²³⁵. Мыслитель определял власть как средство достижения блага в будущем, а потому ставил на первое место такую склонность человека, как «вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью»²³⁶.

Гоббсовскую идею «общественного договора» разделял также Ж.-Ж. Руссо. Однако, в отличие от своего идейного предшественника, он наделял властью не

²³⁵ Гоббс Т. Левиафан. раб. в 2 т. – Т. 2 / Т. Гоббс – М., 1991. С. 132.

²³⁶ Там же. С. 74.

единоличного государя-суверена, а народную ассоциацию, выражающую общую волю всего народа как своего рода равнодействующую частных волей конкретных людей. Договор, таким образом, заключается в отчуждении каждого человека и его прав в пользу всей общины. Хотя к «верховой власти» у Ж.-Ж. Руссо относятся не монарх или правительство, а общество в его коллективной законодательной правоспособности, все же его концепцию можно отнести к субстанциальным, т. к. общество мыслится в ней в качестве самостоятельного субъекта власти.

Анализ воззрений Ж.-Ж. Руссо и иных субстанциальных представлений демонстрирует, что при определении власти все они исходят из таких понятий как «воля», «влияние», «ограничение», «принуждение» и т.п. В результате, в рамках данных представлений фигурируют, по преимуществу, две базовые разновидности властеотношений, а именно: 1) власть, опирающаяся на силу или возможность её использования; 2) влияние, основывающееся на ненасильственных средствах воздействия.

Недостаточность подобного истолкования власти раскрывается в целом ряде реляционных определений. В их рамках власть уже не рассматривается как изначально данное качество, ибо без другого субъекта, без отношения к нему, она, по сути дела, остается нереализованной. Иными словами, потенциальная власть проявляется только в действии, в отношении. Невозможно быть сувереном самому по себе, равно как и государственная власть не может обладать абсолютными субстанциальными качествами. В этом смысле власти самой по себе как самостоятельной субстанциальной сущности не существует. В действительности существуют лишь специфические отношения, неотъемлемым свойством которых является власть, или же среди которых можно обнаружить отношения власти²³⁷.

Общим моментом реляционных концепций власти, разработанных в рамках западной политической мысли, становится интерпретация властных отношений

²³⁷ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 47.

как отношений двух или более партнеров, оказывающих друг на друга определенное воздействие в процессе совместного социального бытия.

В качестве соответствующих теорий можно выделить следующие:

1) теория «сопротивления» (Д. Картрайт, Б. Рейвен, Дж. Френч) описывает такие властные отношения, в рамках которых субъект власти подавляет сопротивление ее объекта;

2) теория «обмена ресурсами» (П. Блау, Д. Хиксон, К. Хайнингс), согласно которой неравное распределение ресурсов между участниками социального отношения порождает острую потребность в них со стороны тех, кто их лишен;

3) теория «раздела зон влияния» (Д. Ронг) учитывает момент изменчивости ролей участников взаимодействия. Если в одной ситуации властью обладает один субъект по отношению к другому, то с трансформацией сферы влияния позиции участников также изменяются. Определяющим критерием общественных отношений является, в данном случае, взаимность влияния.

Так, основанием власти в ее реляционном понимании выступает легитимность, то есть признание права одного субъекта предписывать другим субъектам определенные варианты социального поведения. Последнее опирается на традиции, на принятие данной структуры социально-политических отношений и, кроме того, предполагает наличие границ, за рамки которых субъект власти оказывается не в состоянии выйти.

В противоположность реляционным, в системных определениях властное взаимодействие раскрывается в рамках особых социальных (и, прежде всего, политической) систем. Причем акцент здесь делается на власти как на свойстве системы. При этом признается наличие своего рода границ, имеющих между политической системой и ее непосредственным окружением (средой). А поскольку данное окружение, т.е. то, что лежит за пределами политической системы, существует практически всегда, это позволяет говорить о существовании обмена между системой и ее окружением.

Можно сказать, что политическая система как таковая представляет собой совокупность взаимодействий, осуществляемых индивидами в рамках

признанных ими ролей и направленных на распределение ценностей в жизни общества. Способность власти к распределению ценностей и принятию общих решений является необходимым условием существования и выживания системы. Это дает основание заключить, что функция власти, в данном случае, сводится к регулированию конфликтов и осуществлению коммуникации внутри самой системы.

Так, по определению Н. Лумана, власть – это символическое средство социальной коммуникации, дающее ее обладателю определенные преференции перед партнерами, например, в выборе наиболее выгодного способа социального действия. У К. Дейча власть представлена как одно из платежных средств, применяемых в сфере политики, – там, где не срабатывают влияние, привычка или добровольное согласование действий. В концепции Т. Парсонса власть предстает в виде своеобразного «обобщенного посредника», действующего в политической системе аналогично деньгам, применяемым в системе экономической.

В духе данного подхода сформулирована концепция М. Крозье, в рамках которой акцент делается на усилении динамического аспекта властных отношений. Обладание властью, согласно взглядам М. Крозье, напрямую связано со способностью субъекта овладеть источником неопределенности. Чем больше индивид, пользуясь свободой своего поведения, может повлиять на ситуацию партнера, тем менее он сам становится уязвимым, и тем большей властью над партнером он обладает.

В указанных концепциях власть выступает средством всеобщей связи, используемым при достижении каких-либо конкретных целей, своего рода символическим посредником, обеспечивающим выполнение взаимных обязательств. Последние составляют функциональное понимание власти как такого рода деятельности, содействующей приведению системы в оптимальное состояние, поддержанию и повышению уровня ее организованности. При этом, как правило, подчеркивается значимость функциональной связи элементов системы, обобщенным свойством которой выступает власть. Таким образом,

властью, с точки зрения сторонников системного подхода, обладает только политическая система как единое целое²³⁸.

В особом измерении власть предстает в учениях М. Фуко и так называемых «новых философов»: она воспринимается как некий безличный принцип, где субъект власти не рассматривается как суверенный. Он задается в качестве субъекта определенным «сцеплением» языковых и материальных знаков, существующих вне и помимо его сознания. Возможное присвоение власти субъектом объявляется иллюзией и, напротив, стать субъектом означает принять необходимые правила подчинения²³⁹.

Подобные представления позволяют интерпретировать власть в качестве особой системы отношений, однако, в отличие от большинства системных концепций, в рамках которых власть считается неотъемлемым свойством системы, в данном случае власть сама выступает в качестве системы с соответствующими принципами функционирования и развития (саморазвития).

Надо сказать, что системные концепции, в основной своей массе, основываются на понятии «политической системы», предложенном Д. Истоном. Политическая система рассматривается им как открытая и приспособляющаяся к изменениям среды, следствием чего становятся принимаемые в ее рамках решения по распределению ценностей. Реагируя подобным образом на чрезвычайные вызовы среды, политическая система поддерживает в обществе в равной степени изменение и стабильность. В результате, посредством приспособления к среде и изменения ценностей, система сохраняет себя как единое целое.

Формирование ценностно-целевых установок предстает, в данном случае, как необходимый процесс упорядочивания общества, фиксирующий нормативные аспекты власти. Ведь именно ценности определяют, в конечном счете, формирование тех или иных социальных норм, следование которым являет собой

²³⁸ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 63.

²³⁹ Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко). Власть: очерки современной политической философии Запада / В.А. Подорога. – М., 1989. С. 226-227.

подчинение, тогда как нарушение неизбежно влечет за собой наказание. В этом смысле социальная норма является обязательным правилом поведения, соблюдение которого обеспечивается санкционным (или поощрительным) принуждением со стороны существующей системы власти. Все это дает основания заключить, что в системных концепциях власти действительно учитываются понятия «связи» и «нормы».

Указанные понятия, в свою очередь, определяют институционализацию такого явления, как государство, выраженного в виде специальной метасистемы (подсистемы политической системы общества) реализующей волю социальных сил, являющихся носителями политической власти (функционально доминирующих элементов системы).

Проведенный выше анализ дает основание констатировать, что в большинстве современных концепций осуществляется последовательный отказ от традиционного истолкования власти как результата субъектно-объектных отношений, где субъект власти – это активное, деятельностное начало, а объект – исключительно то, что претерпевает воздействия. В противовес позиции традиционализма сегодня проявляется тенденция трактовать власть как сложную полисистему, пронизывающую всю социальную структуру жизни общества. При таком подходе негативные трактовки власти автоматически теряют свое значение, и становится актуальным переосмысление властеотношений в их позитивной интерпретации.

Представляется, что данный подход методологически необходим, в том числе, при изучении проблемы демократических начал государственного управления, проблемы понимания источника власти в лице всего народа и, что еще более важно, в лице каждого отдельного человека – личности (которая сама, в свою очередь, является продуктом совокупности общественных отношений, находящихся под влиянием государственного регулирования).

Так, традиционно принято считать, что властью наделен «субъект», но в рамках современных представлений вопрос о том, что именно представляет собой субъект, и не является ли он сам результатом воздействия властных механизмов,

становится все более проблематичным. В целом же, подобные представления позволяют интерпретировать власть, как систему, которая организует, воспроизводит связи и отношения, выполняя тем самым репродуктивную функцию. Такое понимание власти позволяет, в частности, утверждать, что «природа государственно-властных отношений выявляется более полно, если рассматривать их как элемент более широкой системы отношений, организации сложных социальных систем, эволюция которых подчинена действию фундаментальных системных закономерностей»²⁴⁰.

В реальной практике представить какой-либо объект, как систему возможно посредством описания его в следующих ракурсах: 1) как процесс 2) как функциональную структуру 3) как организованность материи.

Так, в системологическом контексте, субъект не существует сам по себе в своей замкнутости, он всегда включен в структуру деятельности. При взаимодействии субъектов вполне закономерным является проявление их разнонаправленных волеизъявлений, при упорядочении которых власть переносит волю конкретных субъектов на социальный объект. Иллюстрируя данную ситуацию, Г. П. Щедровицкий справедливо отмечает: «...Поскольку воля в научно-рациональном истолковании представляет концентрированное выражение потребностей и интересов в способности выбора цели деятельности и внутренних усилиях по их реализации, то при взаимодействии людей естественно проявление разнонаправленных волевых ориентации»²⁴¹.

Отсюда, если власть рассматривается, как волепродуцирование деятельностного порядка, она воплощается в деятельности по упорядочению отношений между людьми, координации и направлению их действий в единое русло результирующего, целеполагающего волевого вектора (аттрактора). А это, в свою очередь, означает, что власть действительно связана с переносом и наложением воли субъекта власти на социальный объект, с отношениями других

²⁴⁰ Демидов А.И. Власть в единстве и многообразии её измерений / А.И. Демидов // Государство и право. – 1995. – № 11. С. 6.

²⁴¹ Щедровицкий, Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого / Г.П. Щедровицкий. – Т. 4. – М., 2000. С. 27.

людей, а также с организационной фиксацией (как то, формой государственного правления), в рамках которой субъекту задается вполне определенное место в социальном времени-пространстве²⁴². Этот уровень организации материала можно представить в виде особого силового поля, созданного всей совокупностью социальных отношений.

Но субъект, и это представляется важным отметить, не существует как некий изначальный субъект, вступающий в социальные отношения; напротив, он изначально включен в них, результатом чего является обретение им собственной субъективности, выявление атрибутивных свойств. В качестве примера здесь можно привести знаменитое марксово определение сущности человека, как совокупности всех общественных отношений. Вероятно, именно этот тезис, развитый впоследствии М. Фуко, позволил говорить об универсальной природе властных отношений, о власти, порождающей самого субъекта. Так же как и К. Маркс, М. Фуко идет в своем истолковании власти не от субъекта к социальным отношениям, а от социальных отношений как целого к субъекту. При этом он не говорит о субъекте как некой суверенной сущности, но лишь как о точке приложения различных техник, нормативных установлений «производящих» субъекта.

Попадая в этот мир, человек сразу же попадает в конкретную социальную структуру и, прежде чем начинает осознавать самого себя, уже в ней функционирует, занимая определенное место. На определенном уровне системного анализа это позволяет говорить о власти как о структуре функциональной. Занимая определенное место в жизни общества, субъект наделяется свойствами-функциями, возникающими за счет связи элементов системы, а также властных потенциалов субъектов, обладающих свойствами-атрибутами²⁴³.

²⁴² Рожков В.П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания / В.П. Рожков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998. С. 81.

²⁴³ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 82.

Таким образом, власть на уровне функциональной структуры представляет собой конфигурацию связей, очерчивающих внутреннее строение и структуру общества, которой свойственно претерпевать изменения, трансформироваться на уровне государственной системы.

Подобное структурирование реальности, в основании которого лежит необходимость нового объединения после разделения и распада или, иными словами, переструктурирования, представляется целевой причиной существования власти. На уровне процесса (действия) здесь осуществляется реализация субъектами своих функциональных свойств или обмен ресурсами.

Власть, однако, представляет собой не сам процесс и даже не результат обмена, а, скорее, условие, позволяющее ему состояться. В этом смысле, власть не есть различие потенциалов субъектов, иначе она могла быть редуцирована к сумме частей (властных потенциалов субъектов) системы, а то, что позволяет соотноситься одному элементу с другим. В качестве структурно-синергетического эффекта системы, власть не является свойством ее отдельного элемента, так как каждый элемент должен непременно соотноситься с другими единицами данной системы. Власть представляет собой внутрисистемную соотнесенность всех элементов. Как структурный принцип власть реализуется на основе эквивалентного обмена, означающего не равноценность обмениваемых элементов, а ситуацию, в которой один элемент немислим без другого, т.е. одно существует относительно другого, соразвивается с ним.

Власть, таким образом, действительно выполняет функцию упорядочения социально-политических связей, делает целесообразным их разделение и дифференциацию. Власть, стало быть, это системообразующий фактор – начало, созидающее структуры, наращивающее неоднородности в сплошной общественной среде и связывающее их между собой.

С точки зрения системно-синергетического понимания власти, процесс властеотношений охватывает всех участников социального взаимодействия, что вполне закономерно исключает поиск некоего автономного источника производящего действия и потому отождествляемого с исключительным

субъектом власти. В этой связи, логичнее было бы говорить о полисубъектной природе властных отношений.

С учетом вышеизложенного, государственная власть может быть определена как структурный принцип, в соответствии с которым элементы системы соотносятся между собой в зависимости от своего функционального предназначения. Значимость последнего напрямую зависит от той или иной системы ценностей, а само функциональное значение определяется, в конечном счете, занимаемым в ней местом²⁴⁴.

Необходимо подчеркнуть, что с появлением новых качественных свойств элементов возможны и даже необходимы варианты иного структурирования социальной реальности. Так, если нарушается соответствие структуры социально-политической системы ее элементам, возникает набор новых возможных (альтернативных) структур, происходит борьба различных социальных идеалов. Так, выбор структуры и ее воплощение в действительности осуществляется согласно системному принципу, взаимодействию элементов системы между собой в соответствии с законом устойчивости системы как целого. В результате, власть предстает как процесс всеусложняющегося упорядочения связей во взаимодействиях и, вместе с тем, как процесс становления саморегуляции и саморазвития общества.

Помимо этого можно утверждать, что, в частности, государственная власть выступает основой процессов эволюции социокультурной реальности, свидетельством их необратимости. Именно она задает вектор изменений, т.е. вектор исторического развития общества, в основе которого лежит генезис механизма власти. Процесс самоорганизации в государственно-правовой системе идет посредством накопления, отбора и преобразования информации, её структуризации. На базе этого процесса осуществляется зарождение новых структур, т.е. образование и становление нового из самого процесса. Власть, таким образом, оказывается связанной с внутренней самоорганизацией системы. Последняя имеет тенденцию в одних случаях к стабилизации, в других – к

²⁴⁴ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 87.

неустойчивости, разрешению существующего миропорядка и, в результате, к переструктуризации всей системы, осуществляющейся, например, посредством переоценки ценностей.

Власть не только сохраняет устойчивость системы, но и развивает, повышает уровень её организации, т.е. является началом, поддерживающим структурную неустойчивость в обществе, делая его открытой и неравновесной системой. Накопленная информация, опыт, знания формируются в определенные структуры, позволяющие повышать уровень организации системы государства. Результатом обмена деятельностью, информацией, энергией становится дифференцированная и иерархическим образом организованная структура государственно-общественных связей, а также производимый порядок ценностей. В этой связи, логично будет согласиться со следующим высказыванием Ф. Феды: «Под властью мы понимаем ту специфическую структуру, которая господствует в человеческом обществе как таковом, т.е. тот порядок, через который, каким бы ни был его специфический облик (демократия, монархия, олигархия, тирания и т.д.), человеческое общество конституируется как ассоциация объединяющихся индивидов»²⁴⁵.

Определяя власть как структурный принцип, следует обязательно иметь в виду, что структура определяет систему дифференцированных отношений и элементов. Власть, в свою очередь, воспроизводит данную дифференциацию, т.е. те функциональные места, значимость которых соответствует определенным ценностям системы, и связывает их в единое целое. Указанные ценности не столько привносятся извне, сколько являются продуктом самой системы, демонстрируя соответствующий самоорганизационный механизм²⁴⁶.

Не случайно признавая власть механизмом саморегуляции политической системы, бихевиористы усматривали ее аналог в системе рыночных отношений. Так, вступая в отношения рыночного обмена, индивиды всегда опираются на

²⁴⁵ Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Феды Ф. Воображаемое. Власть / Ф. Везен. – М.. С. 120.

²⁴⁶ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 94.

свою индивидуальную шкалу ценностей и потребностей, выстраивая собственные предпочтения по степени их важности. В результате, социум предстает в качестве своеобразной сети тесно переплетающихся между собой частных интересов. В завершение взаимодействия множества индивидуальных шкал возникает тот никем не запланированный спонтанный порядок, который и выражается в установлении равновесной цены. Рыночная цена определяется, в конечном счете, как равнодействующая сталкивающихся на рынке субъективных оценок конкретного товара или же той вещи, в которой выражается его цена.

Разумеется, в рамках определенной системы общественных отношений существуют и расхождения между индивидуальными целями и действиями конкретных индивидов и их результатами, возникающими на надиндивидуальном уровне, т.е. присущими самой системе. Это позволяет рассматривать действующие законы и ценности как результат самоорганизации соответствующей социально-политической целостности. Объективируясь, ценности воздействуют на содержание сознания и конструирование образа и способа восприятия, который был бы адекватен существующей системе отношений в обществе. Подобное представление, что вполне очевидно, позволяет трактовать власть как принцип функционирования государственной системы: если государственной системе при помощи некоторого ценностного полагания удастся воспроизвести соответствующее ей содержание сознания, то она функционирует вполне стабильно.

Признаком же перехода государственно-политической системы в режим нестабильного существования можно считать появление критических взглядов на господствующую систему ценностей. Власть, в этом случае, предстает как результат объективно сложившихся отношений и является попыткой закрепления и упорядочивания структур, которые, в свою очередь, обуславливают содержание субъективных представлений.

Итак, власть действительно может быть представлена в качестве структурного принципа, согласно которому элементы системы соотносятся друг с другом в соответствии со своим функциональным значением, т.е. с местом,

занимаемым в рамках данной структуры. При этом до заполнения мест (точек социального пространства) реальными индивидами они существуют как бы в символической форме, и сама значимость функционального значения зависит, в первую очередь от ценностей системы. Если же принять известный тезис Ф. Ницше о том, что власть и есть полагание ценностей, устраняя тем самым зазор между существованием ценностей и властью, то цепочка, фактически, замыкается: власть производит функциональные места, значимость которых определяется ценностями системы, которые соответствуют данному порядку власти²⁴⁷.

Таким образом, функционируя, власть воспроизводит саму себя, не имея, однако, в действительности своего непосредственного референта. Именно поэтому есть все основания говорить о власти как об абстрактной категории; реальное же её функционирование осуществляется лишь через превращенные формы – силу, богатство, знание, желание и т.п. Последние приобретают облик тех ценностей системы, относительно которых происходит процесс их структуризации. В результате общество и государство предстает как открытая неравновесная система, необходимым условием существования и функционирования которой являются изменения и нестабильность.

В качестве важнейшего фактора социального бытия нестабильность проявляется на личностном уровне посредством конфликта как своеобразной формы социализации. В частности, по мнению большинства современных конфликтологов, никакая социальная группа и никакие отношения не могут быть полностью гармонизированы именно в силу наличия конфликта как необходимой составляющей процесса социального становления и его устойчивого существования. С одной стороны, конфликт задает границы между группами внутри социальной системы, что происходит благодаря усилению самосознания групп и их представлений о собственной отдельности и специфичности, – так осуществляется самоидентификация групп внутри системы. С другой стороны,

²⁴⁷ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 128.

взаимное «отталкивание» позволяет сохранить целостность социальной системы, устанавливая равновесие между ее различными группами²⁴⁸.

Конфликт, лежащий в основании развития общественных отношений, их перестройки и стабилизации, является основой становления и коррекции правовых норм: он создает и видоизменяет нормы, необходимые для перестройки отношений. «Внутригрупповой конфликт часто помогает актуализировать уже принятые нормы или способствует возникновению новых. В этом смысле социальный конфликт является механизмом приспособления норм к новым условиям. Гибкое общество выигрывает от конфликтных ситуаций, потому что подобное поведение, помогая создавать и изменять нормы, гарантирует его выживание в изменяющихся условиях. В жестких системах такой механизм отсутствует; подавляя конфликт, они глушат полезный сигнал тревоги, тем самым, увеличивая опасность катастрофического раскола»²⁴⁹.

Поскольку начало конфликта автоматически означает отказ от однажды достигнутого равновесия, а сам конфликт позволяет соперничающим сторонам продемонстрировать собственные силы, тем самым открывается возможность для достижения нового равновесия, и в дальнейшем отношения развиваются уже на этой новой основе. Можно заключить, что политико-правовая структура, оставляющая место для конфликтов, располагает такими важными средствами, которые позволяют избегать нарушения равновесия или, в случае если оно все же произошло, его восстановления путем изменения соотношения сил. Таким образом, социальный конфликт помогает структурировать социум, фиксируя позиции различных подгрупп внутри государственной системы и помогая тем самым определять властные отношения между ними.

Власть, в данном контексте, выступает как всякое взаимоотношение сил, как действие, порождающее действие, где важны не столько субъект и объект власти, сколько сила, проходящая через все силовые центры.

²⁴⁸ Зиммель Г. Избранное. Философия культуры / Г. Зиммель. – Т. 1. – М., 1996. С. 53.

²⁴⁹ Там же. С. 182.

Подобное взаимоотношение сил, образующее внутриполитическую структуру государственной организации общества складывается в определенную диспозицию. Эта диспозиция, как внутренняя организация конкретных взаимодействий образует систему, предписывающую субъекту следовать ее положениям, осуществляя конкретные действия в ответ на другие действия согласно определенной модели. Именно поэтому власть представляет собой не определенные отношения между субъектами, а совокупность поведений, которые производят и трансформируют поведения других индивидов.

Итак, власть является своего рода процессом в борьбе, множественности, противоречиях, упорядочивающим возникающее многообразие, выполняя функцию его единения. Власть проявляется в момент распада (деструкции, деградации) единого как своеобразная компенсация за утрату единства и самоидентичности, как установление порядка в многообразии. Следовательно, о власти вполне можно говорить как об онтологической структуре, которая воспроизводит новое единство, возникающее после разделения и распада, в рамках которого производится новая сборка реальности. Приведенные выше рассуждения позволяют говорить, что власть являет собой неотъемлемое синергетическое свойство множества, реализующееся в процессе создания новых условий единства множественного и разделенного²⁵⁰.

Все это, в свою очередь, позволяет охарактеризовать государственную власть как имманентную социуму функцию «собирания» и установления целостности разъединенного. В этой связи, власть предстает, как форма, организующая материю общества. Оформление реальности становится возможным посредством организации дисциплинарных пространств, что позволяет говорить о конституировании социокультурной реальности и порождении в человеческом сообществе определенных типов поведения или социальных функций. Таким образом, дисциплина, как механизм власти предустанавливает определенный нормативный порядок мышления и поведения –

²⁵⁰ Носков Э. Г. Указ. раб. С. 131.

право (детальному анализу чего, будет посвящен отдельный параграф настоящей работы).

Так, вместе с общественными отношениями, проистекающими из социальной общности, возникают властеотношения, как их неотъемлемый и необходимый элемент. Они придает обществу целостность, управляемость, служит важнейшим фактором организованности и порядка. Иными словами, это систематизирующий элемент, обеспечивающий обществу жизнеспособность. Под воздействием власти общественные отношения становятся целенаправленными, приобретают характер управляемых и контролируемых связей, а совместная жизнь людей становится организованной.

В свою очередь, в понятиях «государственная власть», «властеотношения» преломляются важнейшие стороны бытия человеческой цивилизации, отражается суровая логика борьбы классов, социальных групп, наций, народов, политических партий и движений. Будучи разновидностью социальной власти, государственная власть обладает всеми признаками последней. Вместе с тем она имеет немало качественных особенностей. Важнейшая особенность государственной власти заключена в ее политической природе. Основоположники марксизма характеризовали государственную (политическую) власть как «организованное насилие одного класса для подавления другого». Однако любую государственную власть, тем более демократическую, вряд ли допустимо сводить к «организованному насилию». Функционирующая на правовой основе, вне дискурса «тирании большинства» и «диктатуры элит», подлинно народная власть в рамках социокультурного сообщества – великая созидательная сила, обладающая реальной возможностью управлять действиями и поведением людей, разрешать социальные противоречия, согласовывать индивидуальные или групповые интересы, подчинять их единой властной воле.

В частности, в демократическом обществе возникает тенденция юридического сближения субъекта и объекта власти, ведущая к их взаимообусловленности. Диалектика этого совпадения состоит в том, что каждый гражданин является не только подвластным (допускающим вменение воли

должностных лиц и органов государства); как член демократического общества он вправе быть (и, по сути, является) индивидуальным первоносителем и источником власти (меж тем, относительно всех второпорядковых понятий: народа, нации, государства – равно как солнце, являясь второпорядковым понятием источника энергии, по сути, является гравитационным условием синтеза отдельных ядер водорода, высвобождающих энергию).

Вместе с тем, надо отметить, что применение для анализа государственной власти системно-синергетического подхода позволяет объективизировать исследования касающиеся, в том числе, проблемы социального генерирования антидемократических политических режимов, способных быть понятыми в качестве не менее естественной, эволюционно приходящей системы иерархических связей обеспечивающей общественный компромисс относительно организационных средств достижения (исторически изменчивого) ценностного полагания.

Далее, с учетом вышеизложенного, обозначив методологические ориентиры, касающиеся подхода к сущности государственной власти, двигаясь умозрительно от познания власти-субстанции к познанию власти-функции, переведем ракурс исследования на проблемную область, связанную с практикой реализации государством властной функции, соотносимую, в том числе, с актуализацией концептуальных основ стратегирования общественного развития.

Так, выделяя систематизирующее, организационное для системы государства значение феномена власти, удобно, с целью обособления предметной области исследования, воспользоваться специальным термином – кратология (от греческих слов *kratos* – власть и *logos* – слово, учение). Основной задачей кратологии в этом понимании является разработка теории и обоснование методологии определения и проведения в жизнь такого комплекса властных функций, практическая эффективность которого будет максимальной и, соответственно, минимальным окажется риск ошибок и непредугаданного выхода на неоптимальные или тупиковые эволюционные сценарии вследствие этих ошибок. Если еще более кратко обозначить целевую функцию кратологического

анализа, то можно сказать, что его основная практическая задача состоит в том, чтобы указывать, чего нельзя делать, иными словами, формулировать априорные правила запрета перехода на тупиковые эволюционные тренды государственного развития при реализации воли социальных сил, являющихся носителем политической власти²⁵¹.

Объективно, что в условиях наполненной кризисными процессами исторической эпохи, традиционные методы поиска, обоснования и проведения в жизнь государственных решений не редко дают сбой и способны привести к нежелательным и непредвиденным результатам²⁵². Естественной реакцией юридической науки на данные явления должен стать теоретический анализ особенностей современного эволюционного этапа цивилизационного развития и соответствующих социо-политико-правовых процессов, а также поиск новых методологических подходов к пониманию детерминации причинно-следственных связей системы реализации государством властных функций.

Если наиболее укрупненно оценивать имеющиеся в этой области современные теоретико-инновационные научные достижения, то целесообразно обратить внимание на перспективность теории саморазвивающихся систем, или, собственно, синергетику, с соответствующей главной отличительной особенностью синергетической кратологии, ее идей и методов, состоящей в том, что в её основе лежит принципиально новый тип рациональности – синергетическая рациональность, или сложно-системное нелинейное мышление.

Так, если исследуемый объект нельзя рассматривать в отрыве от других объектов, поскольку связи с этими объектами влияют на его качество, то надо исследовать всю совокупность этих объектов, как единую систему (систему систем), в нашем случае систему ценностно-целевых установок граждан, политическую систему общества, системную форму государства и государственный механизм.

²⁵¹ Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти / В.Ф. Халипов. – М., 1999. С. 74.

²⁵² Лесков Л.В. Возрождение России: Синергетический подход / Л. В. Лесков // Россия и современный мир. – 1996. – № 4.(13). С. 48.

Следует отметить, что синергетика исследует не только сами изучаемые системы, но и их теоретические модели (углубленному анализу эволюционной динамики, которых, относительно государственно-политической системы, будет посвящен отдельный параграф). Так, для построения моделей, которые достаточно удовлетворительно описывают свойства самих реальных систем, решающее значение имеет концепция регулировочных параметров развития, или порядка.

При построении теоретической модели развивающейся системы целесообразно вводить минимальное количество этих регулировочных параметров развития. Функции этих регулировочных параметров в рамках реализации государственной власти состоят в том, что они определяют асимптотическое поведение эволюционирующей системы, её переход к тому или иному новому устойчивому аттрактору (виду организационной формы, вектору властного целеполагания). Все это позволяет рассматривать синергетику как современную парадигму развития, стратегическую методiku властеотношений.

В частности, предсказательную силу (предвосхищение результатов деятельности связанной с реализацией государственной власти) этой парадигмы можно понимать следующим образом. Асимптотически предельные состояния – это аттракторы. Единственно ведущий к ним путь обязательно проходит через зону бифуркаций, кризисных или катастрофических разрывов монотонного эволюционного процесса. Аттракторы притягивают процессы: будущее влияет на настоящее. Однако неизбежность бифуркации лишает это будущее однозначности. Тем не менее, его нельзя считать непредсказуемым, за бифуркацией следует система путей возможного развития.

Как понимать, исходя из этих представлений, такой сущностный признак власти, как свобода воли – необходимое условие существования гражданского общества и правового государства? Принцип классического детерминизма требует дать на этот вопрос хорошо известный однозначный ответ: «свобода есть осознанная необходимость». Однако принимая принципы нелинейного

мышления, лежащие в основе синергетики, мы получаем следующую конструкцию.

В заданных условиях, характеризующих общественную среду, структурирующую систему государства, задан и набор виртуальных альтернативных аттракторов. Превращение одной из этих виртуальных альтернатив в реальность может происходить по законам случая. Но может быть обусловлено и сознательным выбором. Задача кратологии состоит в том, чтобы научиться управлять этим выбором, рационально реализовывать государственную власть. Такой аспект государственной власти, социальная воля, составляет коренное содержание современной «бифуркации» общественного процесса, требующей выбора альтернативы, очерчивающей возможные пути позитивного преобразования²⁵³.

Анализируя, ранее изложенные, методологические возможности социосинергетики, отметим основные задачи, которые могут быть исследованы кратологией в интересах теории государства: выявление факторов, позволяющих рассматривать бифуркационный кризис как системный либо как структурный; выявление принципа влияния будущего на настоящее с помощью анализа инвариантов социально-политического, исторического процесса; построение иерархического ряда систем и подсистем, взаимно влияющих на собственный эволюционный процесс; построение на основании концепции регулировочных параметров развития моделей социально-политических систем, учитывающих одновременно производственные, технологические, экономические, экологические, идеологические, правовые, субъектные и другие факторы; оценка относительной вероятности альтернативных виртуальных сценариев эволюции в функции внешних и внутренних факторов, а также стратегии и программы проводимых государственных реформ; построение синергетических моделей национальной безопасности и перехода к устойчивому развитию; критический анализ и оценка практической эффективности догматических положений теории

²⁵³ Халипов В.Ф. Указ. раб. С. 79.

государства; синергетическое моделирование развития глобальной цивилизации, выявление потенциальных центров зарождения новых кризисных ситуаций.

Рассмотренный спектр методологических возможностей синергетической кротологии к настоящему времени реализован лишь отчасти, и его следует оценивать скорее как возможную программу научного поиска в рамках этого научного направления на предстоящий период времени.

Далее отметим, что целостное (сущностно-функциональное) понимание власти как социального явления (способного претерпевать цивилизационные превращения), а также принципов стратегической реализации властных функций государства, невозможно без учета особой концепции исторического времени, где определенное историческое время, соотносясь с характером мировоззренческих установок (в т. ч. с типом государствопонимания), является базисом формирования целеполагания общественного развития (воли) выражаемого посредством действия специального механизма государственной власти.

Так, ретроспективно представляется, что архаичному мифологическому сознанию, а затем и античной философии была свойственна идея циклического хода исторического времени. Концепция цикличности, постоянного круговорота человеческой истории в частности, и судеб Универсума в целом, хорошо прослеживаются и в восточной философии (например, в буддийском учении о Калачакре, что на санскрите означает «колесо времени»). Однако для античного мировоззрения важна не столько идея цикличности мирового процесса, сколько принцип фатума, неизбежной и предзаданной череды исторических событий. Этот принцип прослеживается не только у Платона, который был сторонником концепции цикличности, но и у Гесиода, мышление которого основывалось на представлении о последовательной смене общественных состояний, протекающих в линейном времени. Эта идея космической предопределенности придавала мироощущению человека эпохи античности черты трагизма. Человек понимал, что он никогда не сможет противостоять велениям судьбы. Против них бессильны даже боги. Отсюда делался парадоксальный вывод: значит, можно поступать, как

угодно. Можно сказать, что античная культура представляет собой абсолютизм фаталистически-героического космологизма²⁵⁴.

Вместе с тем эпоха между 800 и 200 годами до нашей эры ознаменовалась поворотом к осознанию бытия в целом, границ человеческого мира, формирования высших целей и ценностей. Знаменательно, что эти процессы практически синхронно шли во всех центрах мировой культуры – в Греции, Палестине, Индии, Китае.

С падением последнего оплота античности – Рима – христианские идеологи нашли выход в утверждении веры как основного ориентира для человека в этом мире, ставшем столь неблагополучным. Утвердилась концепция линейного времени, окончательно обоснованная блаженным Августином. Идея истории была переформулирована как идея провиденциализма, свободного промысла Всевышнего. Новый смысл получила деятельность человека: она знаменовала собой лишь смиренную и благочестивую подготовку к посмертному переходу в Град Небесный.

Конец средневековому эсхатологическому взгляду на историческое время положило наступление эпохи Возрождения. На смену универсалиям Небесного Града пришли идеи гуманизма. Д. Вико и Помпонацци возрождают античную идею вечного круговорота времени. Психология человека эпохи Возрождения ориентирует его на восприятие в первую очередь конкретного текущего времени. Новый подход к исторической перспективе был развит в трудах Ф. Петрарки, в которых угадывалась идея чередующихся исторических циклов. Время переосмысливалось как исторически содержательная категория, а вновь постигаемые духовные ценности могли получить право на жизнь лишь путем их включения в «дней связующую нить». Однако эта «цепь времен» не воспринималась как линейная длительность – этому мешала неизменность человеческой природы, впитавшей в себя противостоящие полюсы первозданного добра и зла, порожденного грехопадением. А потому исторический процесс приобретал характер колебаний маятника – добродетельные и порочные периоды

²⁵⁴ Лесков Л.В. Указ. раб. С. 52.

времени последовательно сменяли друг друга. Естественным продуктом гуманистического мировоззрения явился тот «капиталистический дух», который, как показал М. Вебер, стал важнейшей предпосылкой возникновения капиталистических форм хозяйства. Исследуя проблему исторической причинности, Вебер предпринял попытку раскрыть её в двух аспектах: собственно историческом и социологическом. Проводя каузальный анализ последовательности конкретных исторических событий, Вебер подошел к концепции построения виртуальных альтернативных исторических сценариев, которую позже развил А. Тойнби.

Переходя к эпохе Просвещения, отметим заслуги Ш. Монтескье, распространившего принцип детерминизма на исторические явления и процесс становления общества. Другая основополагающая идея большинства всех последующих концепций историцизма принадлежит М. Кондорсе, который утверждал, что причиной изменения общества является прогресс разума человека.

В начале XIX века О. Конт использовал обе идеи – жесткого исторического детерминизма и неукротимо восходящего научно-технического прогресса, – положив их в основу концепции геликоидального исторического паттерна, иными словами, циклического развития общества, сопровождаемого инновациями. Проходя последовательные этапы эволюции, человеческое общество, в конце концов, неизбежно достигнет стадии социального совершенства. Альтернативную концепцию исторического времени предложил современник Конта Г. Гегель. Исходный постулат концепции Гегеля гласит: существует Абсолютная идея, которая сама себя мыслит. Этот разум, утверждает Гегель, господствует в мире, так что, следовательно, всемирно-исторический процесс совершался разумно. Историческое время в этом понимании есть не что иное, как земное отражение циклоидального самодвижения мирового духа, который в конце истории возвращается к самому себе²⁵⁵. При полном различии исходных предпосылок, концепции Гегеля и Конта сходятся в одном: течение всемирно-исторического времени строго детерминировано и ориентировано в направлении некоего идеала

²⁵⁵ Гегель Г. Феноменология духа. Сочинения / Г. Гегель. – Т. IV – М., 1959. С. 277.

общественного состояния. Объединяет эти концепции также и сведение к минимуму роли отдельного человека в истории: смысл исторического времени оказывается вовсе не в человеке, а в самой истории.

Используя разработанную Гегелем систему диалектики, «коперниканский» переворот в осмыслении проблемы исторического времени совершил К. Маркс. После его работ в общественные науки вошел постулат о первичности экономических отношений в жизни общества, о жизненных потребностях людей в системе производственных отношений как реальном базисе социальной структуры общества в её историческом самодвижении.

Следующий важный шаг в раскрытии природы исторического времени связан с трудами русских циклистов Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, а позднее и независимо выполненными исследованиями О. Шпенглера и А. Тойнби. В этих работах провозглашалось отрицание всемирно-исторического процесса и постулировалось расщепление исторического времени на автономные ветви. Логическим завершением такого подхода стала теория локальных цивилизаций, развитие которых осуществляется в соответствии с циклоидальными закономерностями. Этими работами было завершено формирование современных альтернативных базовых концепций исторического времени, основанных на линейном приближении²⁵⁶.

Эта классификация структурных типов исторического времени лежит в основе современных концепций исторического развития, как основание различных подходов к типизации государств (формационного, модернизационного, цивилизационного и др.) с присущей каждому типу, и интересующей нас, совокупностью методов и способов осуществления государственной власти. Вместе с тем следует отметить, что в современных исследованиях базовые модели исторического времени чаще используются не в чистом виде, а как те или иные их комбинации.

²⁵⁶ Лесков Л.В. Регулируемое равновесие России: Принцип хрупкости хорошего / Л.В. Лесков // ОНС: Обществ, науки и современность. – М., 1996. С. 144.

Важная задача современности – прогноз грядущего хода человеческой истории, формирование направленности определяющего (властного) воздействия, перед опасностью последствий кризисных процессов. Предсказание будущего, выработка стратегии организации и реализации государственной власти, оказывается возможной только в том случае, если выявлены наиболее общие факторы, определяющие ход исторических процессов. А решение этой задачи, в свою очередь, предполагает априорный выбор соответствующей модели исторического времени.

Именно в этом пункте возникает серьезная методологическая проблема. В контексте современной постнеклассической научной парадигмы, конкурирующей с мировоззренческими установками антропоцентрического рационализма и классического детерминизма, человеческое общество и государство следует рассматривать как открытую систему с нелинейными обратными связями. Эволюционный процесс таких систем оказывается сильно нелинейным. Он сопровождается многочисленными флуктуациями, возникновением неустойчивостей и возвратных движений, чередующихся с периодами стагнации. Неотемлемой проблемой прогрессивного развития системы являются кризисные состояния. Явления именно этого типа характеризуют реальные исторические процессы: войны, социальные и политические перевороты, научно-технические революции, религиозные и идеологические преобразования, и т.п. Ход исторического времени утрачивает монотонное, линейное течение, которое только и могло бы сделать надежным эволюционный прогноз, основанный на экстраполяции.

Здесь необходимо отметить также то, что, говоря о катастрофах, или бифуркациях, как явлениях присущих любой системной организации, в том числе государству, мы до сих пор не пытались ввести их классификацию. Между тем, имеется один момент принципиальной важности. Катастрофа, или кризис, который испытывает система, в т. ч. система государственной власти может носить структурный либо системный характер. В первом случае среди альтернативных виртуальных сценариев, следующих за бифуркацией, имеется, по

крайней мере, один, при переходе, к которому система сохраняет свои основные признаки и функциональные особенности, происходит лишь её структурная перестройка. Во втором случае виртуальная альтернативистика не содержит ни одного такого сценария. Это означает, что за границей бифуркации исходная система уже не сможет существовать, на её месте возникает нечто принципиально иное. Различать эти два типа кризисов очень важно при прогнозировании динамики социально-политических процессов²⁵⁷.

Так, принципы синергетической рациональности позволяют совершить переход к качественно новому этапу в теоретическом отображении исторических процессов – нелинейной концепции исторического времени. Применяя синергетический подход, сформулируем основные отличительные особенности этой концепции, в полной мере соотносимые с интересующей нас проблемой понимания сущностных и функциональных характеристик государственной власти.

Ход нелинейных исторических процессов цикличен: периоды стабильного развития – аттракторы – сменяются бифуркациями, иными словами кризисами, после которых неизбежно возникает целый спектр виртуальных альтернативных эволюционных сценариев. Как уже отмечалось фундаментальным свойством системы в режиме аттрактора является влияние будущего на настоящее. В этом состоянии система активно сопротивляется переменам (положительным обратным связям) и стремится устойчиво воспроизводить, собственные функции и структуру, обеспечивающие (когда-то эффективно) качество ее властеотношений. Нарушение устойчивости исторического процесса качественно меняет состояние системной формы государства. Утратив устойчивость и оказавшись в состоянии бифуркации, эволюционирующая система проявляет следующие фундаментальные свойства. Во-первых, её последующее развитие перестает быть однозначным – происходит его виртуальное расщепление на ряд альтернативных эволюционных сценариев. При этом из-за утраты системой способности активно противодействовать возмущениям фундаментальную роль в

²⁵⁷ Лесков Л.В. Знание и власть: Синергетическая кратология / Л.В. Лесков. – М., 2001. С. 74.

реальном переходе к одному из этих сценариев начинают играть второстепенные факторы, случайности. Фундаментальная роль случайностей – вторая отличительная особенность исторического паттерна в зоне бифуркации. Третье свойство нелинейной концепции исторического времени состоит в том, что альтернативные сценарии, лежащие в виртуальном эволюционном пространстве в области, которая примыкает к бифуркации, существенно различаются между собой, а их число в случае социальных систем не очень велико. Эта особенность нелинейного исторического процесса объясняется тем, что аттракторы, даже оставаясь виртуальными, сохраняют потенциальную устойчивость. Четвертая отличительная особенность состояния бифуркации состоит в том, что в силу фундаментальной роли случайных факторов последующий ход исторического процесса носит вероятностный характер. В виртуальном эволюционном пространстве, существующем за порогом бифуркации, темп исторического времени резко возрастает, становится весьма неравномерным. Используя синергетическое моделирование альтернативных эволюционных сценариев, можно даже говорить, что само историческое время становится многомерным. Важное преимущество такого моделирования состоит в том, что в число параметров регулирования могут быть включены факторы, учитывающие эффективность курса государственного строительства и проводимых реформ. И, следовательно, процесс прохождения зоны бифуркации и перехода к оптимальному эволюционному сценарию может быть взят под властный контроль²⁵⁸.

Синергетический взгляд на ход истории означает, таким образом, что наше будущее многовариантно, но не predetermined, однозначного эволюционного вектора не существует, а выбор нашей судьбы в значительной мере зависит от нас самих, от нашего разума, нашего чувства ответственности перед будущим и от нашей воли, реализуемой посредством государственной власти. Решающий залог успеха синергетических принципов нелинейного мышления состоит в преодолении монопричинных догматов историцизма и социального прогресса,

²⁵⁸ Левашов В.К. Указ. раб. С. 17.

прочно усвоенных общественными научными дисциплинами от классической научной парадигмы, а еще ранее переданных ей теологией. Синергетический подход к анализу государственных процессов связанных с реализацией власти требует построения моделей динамических социальных констелляций как открытых систем, встроенных в иерархический ряд подсистем и систем более высокого ранга²⁵⁹.

Как уже говорилось, ключевым элементом синергетики является концепция регулировочных параметров развития, которая может служить основой синтеза альтернативных теоретических моделей исторического процесса социокультурной динамики и государственного развития. Первый шаг, который необходимо сделать, обращаясь к синергетической методологии, состоит в построении соответствующих моделей, достаточно адекватно описывающих реальные социальные системы и их эволюцию.

Чтобы правильно отразить в теоретической модели реальные свойства исследуемой системы организации государственной власти, необходимо подобрать соответствующий комплекс регулировочных параметров. Эти параметры, которым следует придать безразмерную форму, должны отразить экономические, социальные, экологические, политические и другие аспекты, характеризующие жизнь общества, а также его взаимодействие с окружающей действительностью. Конструируя на этой основе социосинергетические модели, мы одновременно получаем возможность учесть достаточно полную совокупность факторов, роль каждого из которых на том или ином отрезке исторического бытия может быть различной в зависимости от конкретных условий. Отсюда становится ясным преимущество синергетического моделирования эволюции государственных образований как саморазвивающихся систем (детальному анализу, которого будет посвящен отдельный параграф).

Синергетический подход означает преодоление как редукционизма, ведущего к необходимости обработки почти неподъемных количеств частной

²⁵⁹ Данилов-Данийлян В.И. Проблемы устойчивого развития человечества / В.И. Данилов-Данийлян, К.С. Лосев // Россия в окружающем мире. – М., 1998. С. 42.

информации, так и монопричинного холизма, основанного на излишнем упрощении реальной картины. Концепция регулировочных параметров позволяет сжать объем анализируемой информации до приемлемого уровня без существенных потерь в точности прогноза.

Как уже отмечалось, приближаясь к бифуркации, система теряет устойчивость, а затем переходит в новое состояние. Когда такой переход совершает социальная самоорганизующаяся система, то построение модели этого перехода облегчается в связи с тем обстоятельством, что для его адекватного описания обычно достаточно использовать лишь очень небольшое количество регулировочных параметров. В состояниях, близких к переходу на новый эволюционный сценарий, система как бы упрощается, становится менее сложной, происходит сжатие, компактификация, свертывание управляющих потоков информации – «или-или» – это следствие, ранее описанного, синергетического принципа влияния будущего на настоящее. Неустойчивости, развивающиеся в зоне бифуркации, выводят, в конце концов, систему в окрестность одного из альтернативных эволюционных сценариев. И тогда срабатывает синергетический принцип «подчинения»: начинают работать главным образом те немногие регулировочные параметры, которые и обеспечивают «притягивание» эволюционирующей системы именно к этому сценарию как к новому аттрактору²⁶⁰.

Интерпретация феномена человеческой культуры, в том числе, моделей организационной культуры – кратологической культуры, как фундаментального антиэнтропийного эволюционного процесса, развивающегося в координатах многомерного пространства и нелинейного времени, делает естественным понимание заявленной неизбежности катастроф и бифуркаций, сопровождающих этот процесс. И, следовательно, первоочередной задачей синергетического моделирования этих процессов является поиск ограничений и средств сдерживания, способствующих смягчению разрушительных ударов энтропии (пагубного превращения) на соответствующих фазах эволюции.

²⁶⁰ Лесков Л.В. Чего не делать? Футуросинергетика России / Л.В. Лесков. – М., 1998. С. 38.

Антиэнтропийная направленность социокультурной эволюции позволяет заметить еще одну важную фундаментальную закономерность этого процесса. Из второго начала термодинамики следует, что платой за каждое очередное повышение уровня структурной организованности открытой саморазвивающейся системы (государственной организации) являются все возрастающие выбросы энтропии в среду (общество, мировое сообщество). А это означает автоматическое и неизбежное возрастание уровня требований к системам управления и регулирования, необходимость постоянного поиска и введения в действие все более эффективных средств сдерживания обратных энтропийных разрушительных воздействий. Согласно этому закону, каждый исторический «вызов» требует не просто адекватного «отклика» на очередной эволюционный надлом, но и в рамках реализации государством своей власти, опережающей технической, организационной, интеллектуальной реакции на новый натиск энтропии. Промедление с таким «откликом» неоднократно приводило в истории к гибели государств, этносов и цивилизаций.

Известен способ решения трудной проблемы, который состоит в том, чтобы научиться использовать её, превратив в принцип. Именно такой подход предлагает теория самоорганизующихся систем: проблему мифосемантики следует переформулировать на новом языке – языке синергетики. Тогда появляется возможность реализовать аналитические и прогнозные преимущества социосинергетики, которые состоят в конструировании спектра альтернативных виртуальных сценариев эволюции и функций, определяющих параметры государственного регулирования²⁶¹.

С учетом вышесказанного, актуализируя проблематику эффективности инструментария определенного государственно-политического режима, надо отметить, что в современном мире особое значение приобретают своевременное выявление проблем, обнаружение точек роста и точное управляющее воздействие. Последнее должно согласовываться с внутренними свойствами

²⁶¹ Лесков Л.В. Возрождение России: Синергетический подход / Л. В. Лесков // Россия и современный мир. – 1996. – № 4.(13). С. 53.

общественной среды, тогда управляющее воздействие будет способно инициировать желательные тенденции (желательную стратегию развития) не вследствие своей силы, а благодаря правильной пространственно-временной организации: «воздействия в нужное время и в нужном месте». Этот подход способствует научному поиску и созданию такой системы организации власти, которая соответствовала бы основополагающим тенденциям развития самой социальной реальности. Речь, следовательно, идет не об умалении роли органов государственной власти и управления (данные системно-организационные феномены являются наследием эволюции человеческой цивилизации), а о качественно новых требованиях к ним, которые выдвигает динамичный и взаимосвязанный современный мир.

Более того, синергетика отнюдь не выступает в качестве исчерпывающего знания о развитии систем (всех типов систем на всех стадиях их эволюции). Она вносит значительный вклад в понимание динамики самоорганизации сложных нелинейных систем на этапе их перехода в новое состояние и показывает, что особую роль в становлении новых уровней организации при состоянии неустойчивости системы (неравновесности) играют случайные отклонения (концепция динамического хаоса). Но мир представляет собой отнюдь не только набор нелинейных сред. Он выступает также как сложнейшая иерархия целостных системных объектов, которые обладают собственными механизмами поддержания целостности, развития, взаимодействия с другими системами, а также определенной длительностью (временем) своего существования.

Непреходящее значение государственной власти состоит именно в обеспечении самосохранения конкретного социума, удержания его от распада и разложения, от превращения в то, что социумом (социокультурной общностью) уже не является. В этом качестве государственную власть нельзя противопоставлять процессам самоорганизации. Осуществление реального объединения людей на основе их подчинения общепринятым нормам также является проявлением социальной самоорганизации, которая характеризуется тем,

что во имя обеспечения совместной жизни людей был создан (возник) специальный властный институт – государство.

Возникновение государства стало не только одной из важнейших форм самоорганизации социума, ее основополагающим политическим механизмом, но и необходимым эволюционным этапом социальной самоорганизации. Известные противоречия между деятельностью государства, его властно-управленческих структур и самопроизвольными процессами в обществе вполне естественны, в полной мере соответствуют закономерностям сосуществования (соразвития) системы и среды любой природы.

В настоящее время динамика исторического процесса привела к тому, что общество (глобальное сообщество) вынуждено постоянно искать новые формы обеспечения эффективной взаимосвязи между бурно эволюционирующей системой деятельности людей, творческой активностью членов общества, организациями и структурами гражданского общества, с одной стороны, и государственно-властными структурами с другой. Речь идет о новых формах реального сотрудничества правительственных и неправительственных организаций, гражданских инициативах, общественной экспертизе административных решений, публичных расследованиях эффективности принятых решений с участием заинтересованных сторон, формировании общественных сетевых структур и др.²⁶². Подобная практика способствует укреплению демократии, повышению прогрессивности развития общественной системы. Данное качество общественной самоорганизации «обязывает» государство управлять мягкими, точными, целенаправленными воздействиями, усиливающими собственные тенденции социальной среды.

Можно сказать, что развитую демократию, свободную борьбу политических сил и рынок сегодня принято считать главными формами самоорганизации социума. Однако и здесь имеются серьезные проблемы. Например, нынешняя стадия социетального развития, вырабатывая сетевые структуры, требует от человека способности на добровольной основе идти на компромисс и искать

²⁶² Гомеров И.Н. Государство и государственная власть / И.Н. Гомеров. – М., 2002. С. 68.

согласия: «люди в сетях помогают друг другу», «в сетевой среде награда добывается помощью другим». Однако хорошо известно, что ни рынок, ни политическая демократия возникали отнюдь не для помощи другим, а исключительно ради «помощи» самому себе. «Свобода как политический институт, – писал Ф.А. Хайек, – возникла не из «стремления людей к свободе», ... но из их стремления отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни»²⁶³.

Механизмы рынка, участие в политике, в деятельности политических (а в большинстве случаев, и неполитических) организаций гражданского общества – усредняют человека, ведут к его поглощению социальным целым на его различных уровнях, сводят многообразие индивидуальных потребностей, способностей и интересов, всего богатства мира человеческой личности – к некоей обобщенной форме и суммарно-общей воле. Чаще всего в социуме превалирует активность не человеческих личностей, а неких агрегатов социальных атомов, что свидетельствует об искаженном выражении человеческой сущности. Но кооперативный эффект от соединения «частичных», «одномерных» человеческих индивидов может дать лишь столь же несовершенный, ограниченный в своем развитии социум и как следствие государство. «Служение себе» ведет к восприятию других либо в качестве средства, либо в качестве помехи для достижения своих целей. Бесконечный рост притязаний и требований подрывает все временные коалиции, отсутствие оснований солидарности (пусть даже искусственных) разрушает общество.

Между тем, кооперативный эффект в обществе связан именно с человеческой деятельностью. Причем последняя не сводится лишь к своим эмпирическим формам осознанных и целенаправленных действий по достижению внешних предметов и целей. Напротив, в основе этих действий лежит присущая людям способность к самопреобразованию и развитию, которые служат главными источниками и необходимым фундаментом для творчества в окружающем мире.

²⁶³ Могилевский В. Система власти и власть системы / В. Могилевский // Информационно-аналитический журнал ВОПД «Духовное наследие». – 2001. – № 1 (96). С. 34.

В творчестве человек способен раздвигать границы своего существования, преодолевать притяжение окружающего материального мира и создавать на этой основе новую надприродную, социокультурную и духовную реальность. Человек созидает общество и государство, часть воссоздает целое. Государство и власть становятся такими, какими их делает человек. Если же человек сам воздвигает себе ограничения в своем самопреобразовании и саморазвитии – сосредоточен на себе, не видит новых целей, довольствуется достигнутым, коснеет в самодовольстве и стремится любыми путями сохранить существующее в неизменном виде – это становится причиной саморазрушения и человека, и общества, и государственной власти²⁶⁴.

Перед мировым сообществом, стоит масштабная и комплексная задача перехода к новому этапу формообразования социальной самоорганизации, с принципиально новыми возможностями, но и более высокими требованиями к каждому человеку, к государственным и общественным институтам. С одной стороны, система власти и управления, как сущностное свойство государственной организации общества, должна конструироваться таким образом, чтобы не подавлять имеющееся социальное многообразие интересов, потребностей, взглядов, позиций, а также предлагаемых мер по решению тех или иных проблем. Указанное разнообразие и творческий потенциал являются важнейшим ресурсом для управления общественной системой на основе стимулирования ее самоорганизации. С другой стороны, инициативность, стремление к согласию и общественная солидарность должны стать доминирующей чертой личности каждого человека. Достижение новых высот общественного развития, как банально бы это не звучало, станет реальностью, если люди в своем подавляющем большинстве научатся искать блага и справедливости не только для себя, но и для окружающих, что на самом деле требует от каждого человека колоссальной самоотдачи, самодисциплины и ответственности. Именно нравственная, духовная и интеллектуальная общность людей создает общество, власть и государство, закладывая прочные основы их единства. В свою очередь, в функциональный,

²⁶⁴ Хайтун С.Д. Указ. раб. С. 99.

авторитетный центр политического единения государственную власть превращает только служение общему, ценностному интересу народа и гражданина.

Таким образом, формулируя общий вывод, можно сказать, что государственная власть, как сущностное свойство государства, системный принцип организации общества, являясь фундаментальной категорией государствоведения, представляет собой многогранный предмет научного изучения, выработка понимания, раскрытие свойств и функций, которого представляется целесообразным посредством системно-синергетической методологии, социосинергетического подхода, который, акцентируя внимание на эволюционных свойствах социальных явлений, подчиняющих свои внутренние процессы определенным регулировочным параметрам развития, способен стать основой современной крталогии, с позиции постнеклассической рациональности исследующей властеотношения, их субъектно-объектные связи, такие аспекты власти как социальная воля и государственный механизм, кризисы (энтропийные воздействия), и возможности стратегического прогнозирования в рамках определенного исторического времени. Анализ целеполагания властного воздействия направленный на избежание движения по тупиковому паттерну социального развития, преодолевая монопричинный холизм, должен включать в себя такие соотносимые с государственной властью явления как демократия, человеческая культура, борьба политических сил, творческая активность членов общества, их духовный потенциал и др. Это, в конечном счете, будет способствовать формированию реального, объективного представления о сущности государственной власти и условиях ее эффективного функционирования (посредством специальной подсистемы государственного управления).

3.2. Самоорганизационный подход к исследованию системы государственного управления

Вхождение человечества в очередное тысячелетие истории соотносится с реалиями нарастающего осложнения отношений в системе человек – общество – государство – мировое сообщество. Хотя обозначенная цивилизационная проблема находит себя и в глубине веков, однако она актуализируется тем, что в современных условиях, связанных с увеличением масштаба и скорости коммуникации, традиционно сложившиеся гомеостаты социальной жизни оказываются не в состоянии фильтровать содержание потоков разноречивой информации и ориентировать людей на конструктивный диалог друг с другом, с обществом, с государством и природой. Будучи открытым для всех форм внешних воздействий, человек испытывает нагрузки на свои адаптационные механизмы, переходит в состояние неустойчивого бытия и ищет защиты своей жизни в индивидуальном и/или групповом обособлении. Обострение конкурентных взаимоотношений порождает неравномерность распределения ресурсов и средств жизнеустройства, создает напряженность социальных настроений, которая, переходя критическую границу, становится фактором разрыва социально значимых связей, их замены отношениями одностороннего политического или экономического давления.

Государство, сдерживаемое исторически сложившимися формами взаимоотношений с гражданским обществом, теряет способность контролировать социальные процессы, особенно самоорганизационного типа. Все более отчуждаясь в связи с этим от общества (субъективируясь), оно замыкается в себе и становится ареной борьбы за власть, которая из средства социального упорядочения превращается в самоцель или средство защиты интересов экономически доминирующего тонкого социального слоя. Становится очевидным, что сложившиеся традиционно формы и методы правления, особенно в части, касающейся отношений государства и гражданского общества, не

выдерживают стремительно нарастающей нагрузки кризисными событиями и находятся в состоянии, угрожающем далеко не локальными социальными катастрофами²⁶⁵.

Анализ происходящих процессов и поиск решения этой сложной проблемы до последнего времени осуществлялись и продолжают, в преобладающей своей части, осуществляться в рамках классической детерминистской парадигмы, базирующейся на представлении о мире как принципиально равновесной системе, где линейное измерение природных и социальных процессов создает иллюзию возможности целенаправленного проектирования будущего от наличного и получения запланированных результатов. На этой основе формировалась практика жесткого, ограниченного в выборе приемов и средств, управления, в том числе государственного.

Следуя заявленной цели научного поиска, рассмотрим эволюцию методологических подходов к познанию закономерностей системно-организационных процессов окружающей действительности, соотносимых с интересующей нас проблемой системы государственного управления, ее формообразования и функционирования.

Так, можно сказать, что кризис управления сложными динамическими системами в середине XX века явился стимулом к формированию кибернетической теории управления, базирующейся на моделях авторегулирования живых организмов. Два ключевых принципа кибернетики – гомеостатичности и иерархичности составили фундаментальную основу новых взглядов на управление как деятельность, направленную на обеспечение реализации естественных или специально создаваемых программ сохранения целостности и стабильного функционирования саморегулируемых систем. Такой подход к управлению, названный «органическим», внес существенный вклад и в теорию управления, указав место субъекта управления (в нашем случае, органов государственной власти) не за пределами управляемого объекта («над ним»), а

²⁶⁵ Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность / В.Л. Романов. – М., 2003. С. 91.

внутри его в качестве специальной подсистемы, функционирующей в интересах целостного образования и, соответственно, всех его компонентов.

Дальнейшие исследования показали, что кибернетический подход к управлению ограничен временными рамками фазы нахождения систем в состоянии статического порядка, стабильного их функционирования. Как уже отмечалось, в жизненном цикле систем эта фаза является частным случаем процесса непрерывных внутренних и внешних изменений. Она неизбежно сменяется фазой трансформации, обновления системы, переживания ею последовательно процессов разупорядочения (гибели старого порядка), испытаний альтернатив и, наконец, рождения нового порядка. Этим процессам свойственны нелинейность, неустойчивость, незамкнутость (открытость), динамическая иерархичность и наблюдаемость, признанные общими принципами синергетики как общей теории самоорганизации.

Теория самоорганизации положила начало новой парадигме, которая радикально изменяет классическое представление картины мира, взаимосвязи материального и идеального, сущности эволюции, креативности, взаимодополнительности и т.д. Глубокие изменения вносит синергетика и в теорию управления. Дезорганизации, кризисы и даже хаос, которые в рамках классической парадигмы признавались как антиподы порядка, сегодня рассматриваются как условие выхода систем на новый, более высокий уровень развития²⁶⁶.

Надо сказать, что в общественном сознании теория самоорганизации находится в стадии методологического становления. Проникнув в эти сферы на высоком мировоззренческом уровне, синергетика осторожно внедряется в теорию государства. Эта осторожность объяснима. Не может сформировавшееся в русле классической парадигмы мышление легко принять феномен дезорганизации как необходимый процесс социального творчества. И все же, стремительно

²⁶⁶ Астафьева О.Н. Синергетика как мировоззренческая и методологическая парадигма системного взаимодействия / О.Н. Астафьева // Анализ систем на рубеже тысячелетия: Теория и практика. – М., 1999. С. 67.

развертывающаяся панорама стохастически развивающихся государственных процессов в жизни России и других стран, переживающих кризисы различной природы, а также наличествующая тенденция погружения мирового сообщества в состояние неустойчивого равновесия – одной его части, и устойчивого неравновесия – другой, свидетельствуют об актуальности анализа уже начавшегося процесса формирования теории самоорганизации государства и права. Есть все основания полагать, что развитие исследований в этом направлении не только позволит углубить теоретические представления о самоорганизации общественной жизни, но и представит возможность определить подходы к формированию в социально-политической практике таких отношений между государством как институтом социальной организации и обществом как самоорганизующейся системой, которые отвечали бы наиболее полно интересам настоящей и будущей жизни человечества.

Как уже отмечалось, первая научная заявка на раскрытие законов самоорганизации была сделана в начале XX века нашим соотечественником А. А. Богдановым в его уникальном не только для того времени труде «Тектология. Всеобщая организационная наука». Основная идея тектологии – всеобщность организации как процесса самообразования комплексов (систем). Надо сказать, что проблема, актуализирующая эту идею, связана с неупорядоченностью социальной жизни и осмыслением опыта ее организации, в условиях кризиса, постигшего Россию на переломе между XIX – XX столетиями. Хотя А. А. Богданов и указывает неоднократно на то, что тектологической практике важно знать условия порядка и способы его сохранения, он в то же время однозначно подчеркивает, что тектология выражает организационно-динамическую точку зрения. Эта точка зрения, по утверждению автора, «есть и наиболее общая: равновесие всегда только частный случай движения». Соответственно этому, раскрытие основных положений тектологии идет по определенной схеме – от формирования систем, к механизмам динамического равновесия до кризисов и выхода из них.

Так, процесс образования и становления государственной системы управления, в рамках определенной формы правления, теоретически раскрывается в положениях о конъюгации, ингрессии и дезингрессии. В предельно кратком представлении их смысл заключается в следующем. Конъюгация (соединение элементов) – первичный момент, порождающий возникновение, изменение, развитие и разрушение организационных форм, то есть, по сути – первооснова самоорганизации. Процесс конъюгации обеспечивается связью элементов по принципам однородности, сходства, однонаправленности движения, дополнительности и др., а также в результате их комбинаций, образующих «цепную связь». Ингрессия (движение внутрь) – способ соединения элементов системы посредством вводных комплексов, когда эти элементы непосредственно соединиться не могут, несмотря на повторяющиеся контакты. Соединение наступает с помощью посредника, способного конъюгировать как с одной, так и с другой стороной. Процесс, противоположный по значению ингрессии, тектологией определяется понятием «дезингрессия». С помощью этого понятия описывается процесс дезорганизации, без которого не бывает организационного движения: одно организуется за счет дезорганизации другого.

В общем представлении, дезингрессия: это нейтрализация соединений, разрушение связей между частями комплекса (системы). Однако разрыв связей не всегда ведет к дезорганизации. Есть части, которые по разным причинам не нужны целому и даже ослабляют его, снижают его организованность и управляемость. Разрыв связей с ними и удаление их из комплекса не есть дезорганизация, а соответственно не является и дезингрессией. Дезингрессия – это разрушение таких связей, которые ответственны за эффект целостности – синергию частей. Процесс формирования систем и поведение (взаимодействие) их частей способно находится под организационным контролем, управлением. Закономерное сохранение или уничтожение – это есть первая схема универсального регулирующего механизма, соотносимого с интересующим нас механизмом государства. В тектологии этот механизм обозначается как «подбор».

Универсальность схемы подбора определяется тем, что она применима ко всякому комплексу и ко всякой его части во всякий момент. Подбор подразделяется на два вида – консервативный и прогрессивный.

Консервативный подбор – это сохранение нужных частей, связей, процессов, необходимых для сохранения целого, удержания его в равновесии. Однако точного сохранения не существует, а сохранение приблизительное означает лишь малые изменения. Эта схема действует в условно равновесных или деградирующих системах и ее трудно отнести к развивающимся системам.

Прогрессивный подбор действует в двух направлениях. Одни системы в условиях внешних изменений стремятся к повышению своей устойчивости за счет активизации, т.е. подбора и присоединения дополнительных активностей, дополнительных функций управления – положительный подбор. Другие, наоборот, достигают устойчивости путем освобождения от активностей, которые, дестабилизируют их. Здесь проявляется отрицательный подбор. В «чистом» виде указанные виды и типы подбора действуют только в конкретных моментах. В целом же и в отношениях систем с внешней средой, и во внутренних регуляциях, они, как правило, включены все в различных соотношениях и комбинациях²⁶⁷.

Вершиной тектологии, поднимающейся в современные постнеклассические высоты общей теории самоорганизации, является учение о кризисах, раскрывающих по существу самоорганизационный процесс в существенно неравновесных (далеких от равновесия) условиях. И это не предвосхищение синергетики, а в буквальном смысле – введение в ее предмет.

Проблема исследования кризиса (кризис (др.-греч. κρίσις – решение; поворотный пункт) – переворот, пора переходного состояния, период поиска ситуативно адекватных средств для достижения цели), как предметной области государственного управления, заявляет о себе в многократно приводимом положении о неизбежности трансформации любых комплексов и систем и о связи перехода систем из одного состояния в другое с процессами

²⁶⁷ Богданов А.А. Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2-х кн. Книга 1 / А.А. Богданов. – М., 1989. С. 184.

«неуравновешивания». Определение кризиса формируется в связи с такими понятиями как «резкий переход», «нарушение непрерывности», «перемены в строении», «появление нового» и т.д. Общее тектологическое определение кризиса – «смена организационной формы комплекса» (полная или частичная смена формы (элементов формы) государства).

Кризис постоянно включен во все организационные процессы, он повсеместно: на макроуровне может быть равновесие, но оно сопряжено и обеспечивается множеством кризисов на других уровнях, и чем ниже уровень, тем больше кризисов. Развитие кризиса связывается с разрушением или образованием тектологической границы между элементами и/или системами. Разрыв тектологической границы, равно как и ее образование – это выражение нарушенного «паритета» отношений системы со средой. Этот процесс равно касается как самой системы, так и ее частей, поскольку по отношению к одной части целого, другие являются средой. Внутренние и внешние дезингрессии приводят систему в крайне неустойчивое, уязвимое для внешних воздействий состояние. Среда как бы врывается в такую систему, и ее дезорганизация принимает лавинообразный характер. Активности, которые «освобождаются», т.е. из замкнутых переходят в незамкнутые, сами «освобождают» такие же активности в смежных частях системы. «Освобожденная» энергия раньше «скрывавшаяся» в виде внутренних напряжений влияет на группировки соседних частей, порождая и в них конъюгационные (соединительные) процессы. Элементы, ранее колебавшиеся около одного среднего положения, начинают двигаться по сложным траекториям, образуя новые структуры.

Таким образом, тектология решила четыре основные научные задачи: 1) доказала необходимость выхода науки на междисциплинарный уровень и раскрыла доминирующую роль в достижении этой цели организационной науки; 2) заложила основы системного подхода к исследованию состояний организованности и процессов организации; 3) определила универсальные механизмы саморегуляции процессов упорядочения и управления этими процессами; 4) установила необходимую роль предельно неравновесных

состояний (кризисов) в трансформациях систем. Решение этих задач, в рамках порядка организации государственной власти и характер ее взаимоотношений с населением страны, определило вектор развития общей теории самоорганизации направленный на выявление, анализ механизма государства и его соответствия мере обеспечения прав и интересов граждан²⁶⁸.

Далее эстафету интеграции разделившихся в результате дифференцирования научных направлений приняла общая теория систем. После опубликования в середине XX века трудов Л. Бергаланфи началось бурное развитие этого научного направления практически во всех областях науки. Общая теория систем продвинула научную методологию, оторвав ее от редуccionного способа познания и вооружив методом системного анализа. Исследование реальности как системы систем, как целого, состоящего из взаимосвязанных целостностей, позволило и в науке и в практике определять структурность сложных явлений и процессов, обусловленную кооперационными отношениями составляющих систему элементов (компонентов), осуществлять научное прогнозирование процессов развития систем, диагностику и решение возникающих при этом проблем.

Со второй половины XX века проблемами самоорганизации занимается брюссельская школа И. Пригожина, разработавшая теорию неравновесной термодинамики, которая описывает необратимый процесс перехода от одного неравновесного состояния к другому с понижением энтропии и повышением уровня организации. Образующиеся при этом структуры названы диссипативными. Отсюда наименование нового научного направления, связанного с именем И. Пригожина – «теория диссипативных структур».

Одновременно в Германии Г. Хакеном обращено внимание на то, что при повышении энергии в определенный момент хаотические вначале колебания элементов материи сменяются более упорядоченными и когерентными. Такого рода взаимодействия, приводящие к кооперативному поведению элементов системы, Г.Хакен назвал синергетическими, то есть согласованными,

²⁶⁸ Романов В.Л. Указ. раб. С. 111.

совместными. Итог дальнейших его исследований в этом направлении, как уже говорилось, выразился в науке, которую автор назвал синергетикой.

Как теория диссипативных структур, так и синергетика исследуют процессы формирования структур «вдали от равновесия» и составляют основание современной общей теории самоорганизации. В связи с тем, что понятие «синергетика» емко выражает сущность самоорганизации, понятия «общая теория самоорганизации» и «синергетика» многими употребляются как синонимы.

Так, сторонниками синергетической методологии утверждается, что процесс самоорганизации – это движение только в одном направлении – вперед. Это не значит, что вновь сформировавшаяся система будет в «лучшем», состоянии, по сравнению с прежним. Она становится тем, чем она может быть, переживая определенное событие или серию возникающих во времени событий. В этом смысл самоорганизации как процесса становления.

Как уже отмечалось, классическое представление об устройстве и процессе упорядочения мира ориентировано на то, что все сущее упорядочено, а возникающие беспорядки являются частыми случаями порядка и устранимы действиями его законов. Синергетическая картина мира представляет иное. Все в природе, в том числе в человеке, обществе, следовательно, и системе публичной власти неравновесно. В самом бытии, где бы оно ни проявлялось, постоянно включены состояния хаоса, которые являются источниками движения и самоорганизации.

Наука и практика управления долгое время формировались в рамках детерминистской парадигмы, базирующейся на представлении о государстве как уравновешенной системе. Линейное измерение общественных процессов создавало иллюзию возможности целенаправленного проектирования будущего сложных «объектов управления» и получения необходимых «субъекту управления» результатов в соответствии с однозначно предусмотренными проектом параметрами. На этой основе складывалась практика жесткого социального управления – «управления обществом». Задача такого управления – сохранение установившегося (установленного) порядка и его восстановление при нарушениях

– решалась просто. Для этого достаточно, например, порционировать энергию из расчета обеспечения движения до обозначенного предела или поставить на пути самодвижения потенциальные и реальные ограничители. Порядок в такой системе на каком-то отрезке времени сохранится, но ее прогрессивное развитие затормаживается или даже исключается²⁶⁹. Общество и государство, в котором порядок навязывается подобным «механическим» образом, является закрытым со всеми свойственными этому состоянию последствиями.

Неклассический этап развития науки выдвинул новые парадигмальные основания управления. Новая система познавательных идеалов и норм обеспечила значительное расширение поля управляемых объектов, открывая пути к освоению сложных саморегулирующихся систем. Такие объекты характеризуются многоуровневой организацией, наличием относительно автономных и переменных в движении подсистем, массовым стохастическим взаимодействием их элементов, существованием управляющего уровня и обратных связей, обеспечивающих целостность системы. Определяется, что сложная динамическая система (государство) способна обеспечивать постоянство своего внутреннего устройства (механизма) при определенных (запоминаемых ею) изменениях среды (общества). Главную роль в этом играет информация об отклонениях и способах их возвращения к норме. Отбор и накопление этой информации в памяти системы и ее движения по замкнутому контуру обратной связи образует механизм саморегулирования. Основанный на неклассических представлениях кибернетический подход в управлении социальными системами вывел парадигму управления за рамки механистической, однако пределы «сохраняющей» управленческой стратегии и тактики не были преодолены. «Линейность», «следование установленному порядку», «закрытость», «возвращение к норме», «постоянство», «сохранение» – все это из словарного запаса равновесной динамики.

²⁶⁹ Князева Е.Н. Антропный принцип в синергетике / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1997. – № 3. С. 64.

Постнеклассическая наука выводит на первый план понятийной аппарат синергетики: «незамкнутость», «неравновесность», «нелинейность», «становление» и т.д. Управленческая мысль в представлениях об обществе и государстве выходит из плена машинных, домостроительных метафор. Сегодняшняя метафора общества, как среды, которая формирует функциональную систему государства – это бурный поток с неожиданными во времени и месте водоворотами, хаотичный, но в то же время детерминированный в каждом своем завихрении. Можно найти и более удачную метафору, но суть сводится к одному: управление – это не успокоение движения жизни, а организация жизнедеятельности в неравновесной среде²⁷⁰. На первом плане этого процесса – проблема понятия государственного управления как процесса протекающего в определенной форме.

В широко распространенном понимании государственное управление определяется как осознанное, систематическое, специально организованное воздействие властных органов на общество по упорядочению и совершенствованию его социально-деятельностной структуры в процессе выработки и достижения цели. Однако, это определение четко соответствует классическим позициям обществоведения. Обществу и всем происходящим в нем процессам отводится роль объектов управления. Целью управления выдвигается их упорядочение «в процессе выработки и достижения цели». При этом предполагается, что эта цель определяется неким субъектом, который знает, каким должно быть общество, и в состоянии воздействовать на него в процессе достижения этой «верной» цели. Таким образом, субъект государственного управления оказывается поставленным над обществом и призван решать его судьбы. Трагические результаты практической реализации такого подхода к управлению история, в том числе новейшая не только знает, но и, к сожалению, предуготовливает.

Постнеклассическая парадигма определяет место субъекта управления в структуре общества. Непосредственно включенный в социальную жизнь, он

²⁷⁰ Князева Е.Н. Указ. раб. С. 68.

живет этой жизнью, ее проблемами, организуется в процессе социальной самоорганизации и реализуется в деле организации среды, в которую он включен. Социальные изменения вносят коррективы в структурные и качественные характеристики субъектов и объектов управления, не противопоставляя при этом, а синергизируя субъектно-объектные отношения.

В этом контексте процесс государственного управления раскрывается в новом представлении. Объективно он берет начало не из одной, какой-то высшей точки социального пространства, а зарождается во множестве микроуровневых локусов социальной самоорганизации. Спонтанно возникающие в процессе преодоления кризисной ситуации или при прохождении индивидами (группами индивидов) точки бифуркации параметры порядка согласовывают частные и общие интересы в конкретной общности и приобретают значение устраивающих (организующих) или направляющих и регулирующих движение (управляющих) факторов. Так в сопряжении самоорганизации, организации и управления формируется самоуправляемая система государственной организации.

В процессе взаимодействия локальных социальных образований происходит отбор параметров порядка, согласующих отношения и поведение компонентов системы (органов государства) следующего организационного уровня и т.д., вплоть до высших органов государственного аппарата. В самом общем понимании, государственное управление – сознательное воздействие на общественные процессы с целью изменения или поддержания их состояния или динамики в рамках определенной системной формы (формы государства).

В новом парадигмальном контексте цель управления определяется, исходя из потребностей и возможностей самоорганизующейся системы, осуществлять собственное становление и развитие, необходимости содействия в раскрытии соответствующего ее потенциала и согласования интенсивности и направления динамики саморазвивающихся локальных процессов с изменениями в среде ее функционирования. Высшая цель государственного управления – обеспечение прав и свобод, условий жизнеутверждающего становления человека как вида. На эту цель должны быть ориентированы все системы управления, независимо от их

организационного уровня. Таким образом, государственное управление должно решать четыре базисные задачи. Первая – обеспечение свободы (содействие раскрытию) человека – индивида, как главного условия самореализации его жизненного потенциала и креативной социальной деятельности. Вторая – обеспечение свободы движения информации и других обменных ресурсов по каналам межкомпонентной социальной связи. Третья – содействие качественному отбору потребителями обменных ресурсов. Четвертая – согласование темпа и ритма локальных социальных действий. Кредо становления современного государственного управления: от принуждения к побуждению²⁷¹.

Представляется важным, еще раз подчеркнуть, что существенное место в предметной области государственного управления занимают экстремальные (кризисные) процессы социальной жизни. Так, понятие экстремальности предполагает крайность, необычность происходящего. Основные характеристики экстремальности – внезапность события, его новизна, неопределенность состояния и развития. В синергетическом представлении экстремальность – необходимый фактор самоорганизации, перехода системы и/или процесса в новое качество либо направление развития. Экстремальность – это момент крайней неустойчивости, когда включение в процесс малой переменной побуждает систему к выбору – скатываться ли ей по линии меньшего сопротивления (свобода следования) или обрести новые качества, обеспечивающие устойчивость и способность использования встречного сопротивления как подъемную силу.

Государственное управление должно учитывать как первый, так и второй варианты выбора: поддержка (введение дополнительных переменных) процессов прорыва на новый, более высокий уровень жизнеустройства и использование их в качестве базовых параметров порядка, за которыми будут следовать остальные процессы.

Надо отметить, что для государственного управления важны не только реально происходящие экстремальные процессы. Вместе с ними подлежат

²⁷¹ Делокаров К.Х. Синергетика и управление: Методол. замечания / К.Х. Делокаров // Самоорганизация, организация, управление. – М., 1995. С. 129.

исследованию экстремальности прошлого и экстремальность будущего, как имманентное свойство бытия.

Классической истории присуще хронологическое описание происходивших в социальной жизни процессов и стремление к переносу в настоящее форм и методов жизнеустройства, показавших себя в былое время с конструктивной стороны²⁷². Но стрела времени необратима. Ничего, кроме того, что само «перенеслось», встроилось в настоящее, из прошлого взять невозможно. Равно, как бесполезно и даже вредно ретушировать прошлое из конъюнктурных соображений. Ценность истории как науки (исторического подхода в науке) – в ее социогенетическом аспекте. Геном – производное эволюционного процесса, результат отбора и закрепления новых признаков вида, укрепляющих его жизнеспособность. И социальная эволюция отбирает не то, что кому-то в ретроспективе представляется «хорошим». Наоборот, она отобрала из того, что, с классической точки зрения, субъективно отрицается или, в лучшем случае, воспринимается как неопределенное. Надо сказать, что люди куда острее реагируют (рефлексируют) на неприятное и неожиданное, чем на приятное и возникающее постепенно (– «отрицательный опыт тоже опыт» (возможно даже более ценный)). Но люди не просто «реагируют» на такие ситуации, они интерпретируют, отбирают те или иные факторы и действуют, вырабатывая на их основе формы и методы жизнеустройства – образцы организационной культуры. Наиболее остро пережитые выходы из экстремальности фиксируются в социальной памяти как параметры порядка, которые встраиваются в социальной геном.

В практике государственного управления социальной геном имеет несколько взаимосвязанных значений. Во-первых, он обеспечивает сохранность жизненно важных составляющих государственной системы в кризисных ситуациях, предупреждая тем самым ее катастрофный выход из кризиса. Во-вторых, генетически устойчивые элементы системы составляют ее структурный

²⁷² Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: (Синергетика, психология и футурология) /А.П. Назаретян. – М.: PerSe, 2001. С. 97.

потенциал, информация о котором позволяет предполагать возможные векторы ее трансформации.

Новая парадигма процесса государственного управления и его формы ориентирует на сложнейший путь построения отношений субъекта с самоорганизующейся средой, жизнедеятельность которой «соткана» из экстремальных состояний и процессов. Концепция управления должна учитывать альтернативность социальной эволюции и особенности поведения в критической области значений параметров системы, налагающих существенные ограничения на внешние управляющие воздействия. Как было указано выше, не может быть таких внешних воздействий, которые могли бы «навязать» способ поведения, не предусмотренный потенциальной структурой государственной системы²⁷³.

Далее, анализируя вопрос о сущностно-функциональных характеристиках и соотношении понятий государственной организации, государственного управления и самоорганизации отметим следующее.

Самоорганизация и организация имеют в определениях общее начало – упорядочение. В современном представлении понятие «организация» раскрывается в двух его основных значениях. В первом значении организация определяется как внутренняя упорядоченность, согласованность взаимодействия частей, структура целого, механизм. Второе значение организации представляется в ее динамическом понимании – как совокупность согласующих процессов или действий. Состояние упорядоченности или движение к этому состоянию может быть результатом стохастических процессов, а может быть следствием целенаправленных сознательных действий человека. В первом случае мы имеем дело с самоорганизацией, во втором, по традиционному представлению, – с организацией.

Понятие «управление» имеет множество определений. Но все они в своей основе сводятся к тому, что движение или поведение одного объекта обуславливается воздействием на него другого, называемого в теории управления фактором, управляющим параметром, субъектом управления и т.д. Для выделения

²⁷³ Романов В.Л. Указ. раб. С. 120.

понятия «управления» из множества представлений о нем необходимо отдельно рассмотреть процессы, происходящие объективно, т.е. без прямого намерения человека, и те, которые производятся человеком в связи с решаемыми им задачами. Соответственно, в контексте задач нашего исследования, примем за основу понимание управления, как целенаправленного сознательного воздействия человека или созданных им структур (организаций) на какие-либо объекты, процессы, явления для реализации частных или общих интересов.

Рассмотрение вопроса отношений самоорганизации, организации и управления в общественных процессах, исходя из приведенных здесь определений, казалось бы, не представляет особой сложности. Как показано раньше, государственная самоорганизация противоречива в своих проявлениях относительно индивидов и их сообществ, поскольку имманентно включает в себя как организацию, так и дезорганизацию. Самоорганизация системы связана с выведением энтропии в окружающую среду, т.е. с ее разупорядочением. Получается, что за порядок и восходящее развитие одних систем «расплачиваются» другие утратой порядка и деградацией. Цена этого процесса для внешних, по отношению к самоорганизующейся системе, социальных организаций может быть очень высокой, вплоть до социальной патологии, кризисов и катастроф. Кроме того, и самоорганизующейся системе свойственны внутренние деструкции и связанные с ними функциональные отклонения. Субъект, заинтересованный в общем порядке в зоне своих интересов, в этой ситуации выравнивает отклонения.

Таким образом, организация и управление фактически оказываются направленными против самоорганизации, поскольку введение рамок поведения и деятельности закрывает систему, что можно интерпретировать как сдерживание или прекращение самоорганизации. Но опять же, такое представление об отношениях самоорганизации, организации и управления является продуктом классической управленческой парадигмы.

В контексте постнеклассической науки, рассматривающей социальные системы с позиций их открытости и динамической организованности,

самоорганизация, организация и управление соотносятся значительно сложнее, чем представлено выше. Эта сложность обусловлена, прежде всего, участием человека во всех социальных, социально-политических процессах. Самоорганизация в социуме не свободна от субъективного фактора, включающего в ней процессы и организации, и управления. Кроме того, организация включена в процесс управления как функция управленческого цикла. Очевидно, что при таком взаимопроникновении спонтанных и произвольных социальных процессов их соотношение не может рассматриваться только с позиций их однозначности при всех состояниях социальных систем²⁷⁴.

Для исследования характера и динамики соотношения самоорганизации, организации и управления проведем сравнительный анализ их проявления в процессах различных фаз жизни государственной системы, используя два типа моделей. Тип А – это «модель организма», которая демонстрирует последовательно сменяющиеся процессные фазы жизни государственного образования, имеющего пределы своего становления и бытия в масштабах реального времени. Назовем ее здесь «финальной» моделью. Тип Б – «модель становления», открытая для движения в будущее.

Спонтанное зарождение, как первого, так и второго типа процессов происходит одинаково – в хаосе разнонаправленных движений социальных сил, самодетерминированных частно-групповым интересами. Имеющиеся в этом хаосе «островки порядка» обусловлены долгоживущими и дальнедействующими социальными факторами (архетипы, верования, традиции, ментальность и т.д.). Кооперация начинается в момент критического напряжения («системного неравновесия»), созданного возрастающей неопределенностью в удовлетворяющем жизнеустройстве. Вектор согласованного (когерентного) движения формируется в точках бифуркации в результате возникновения аттрактора – неустойчивых мод, вовлекающих разрозненные элементы в общий поток целеполагания. Организация и управление в этом процессе включены в

²⁷⁴ Самоорганизация, организация, управление: сб. статей / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – М., 1995. С. 177.

самоорганизацию в качестве частных случаев, проявляющихся в момент производимого индивидом выбора.

В становлении системы процесс формирования ее качественной характеристики (содержания формы правления), определяющий ее специфичность, конечность по отношению к другим государственным образованиям, происходит в рассматриваемых моделях также схожим образом. В этом процессе образуются коммуникативные русла движения компонентов и устойчиво действующие параметры порядка, являющиеся организационным началом системы государства и основой формирующейся подсистемы управления.

По мере продвижения процесса становления к фазе зрелости системы происходит возрастание значения организации и управления. Зрелость системы наступает по окончании формирования ее организационной структуры, которая включает в себя управляющую подсистему (механизм государства). Далее направления государственных процессов в исследуемых моделях начинают расходиться. В первой модели их конфигурация приобретает закрывающийся характер, во второй – продолжается движение в восходящем направлении. Каковы же механизмы, ответственные за эти различия?

Сформировавшаяся система (модель первого типа) характеризуется граничностью по отношению к окружающей социальной среде, жесткой детерминированностью межкомпонентных связей, определенностью отношений линейного развития процессов и их обратимостью. Сложившаяся организация поддерживается формируемой ею системой управления, предметом которой становятся отклонения от фиксированных в структуре параметров порядка и возникающие дисфункции, которые определяются как патология и угроза целостности. С позиций классического подхода в теории управления, эта фаза жизни системы признается оптимальной и задачей управления устанавливается сохранение организации. Такая постановка задачи выводит организацию и управление в ранг доминирующих в системе процессов, противопоставляя их

самоорганизации, поскольку именно она является продуцентом отклонений от рамок сохраняемого порядка²⁷⁵.

Реальная социально-политическая практика опровергает такое соотношение, поскольку процесс самоорганизации ни сдержать, ни тем более остановить невозможно. В ситуации закрытости системы самоорганизация проявляется внутренней максимизацией энтропии. Возникающие при этом флуктуации «расшатывают» консервативные составляющие организации и управления, препятствующие трансформации системы. Если консервативность организации (структура иерархических связей) устойчиво поддерживается системой управления, процессы самоорганизации проявляют себя ее дезорганизацией. Теряющая управление государственная система (теряющий эффективность государственно-политический режим) переходит в фазу функционирования в режиме деградации. Если же и в этой фазе продолжаются попытки субъекта управления сохранить изживающие себя параметры порядка, система переживает предкризисную ситуацию. Восстановлением прежнего порядка эта ситуация разрешиться не может в связи с уже полной несостоятельностью прежних гомеостатов и вхождением системы в состояние существенного неравновесия. Сильная флуктуация завершается кризисом, распадом системы.

Во второй модели соотношение самоорганизации, организации и управления иное. Целью управления определяется поддержание не состоявшегося статического порядка, а самоорганизации, проявляющейся длящимся процессом государственного становления, т.е. динамической организованностью (динамической устойчивостью). Напомним, что согласно антропному принципу, главным ресурсом восходящего продвижения государства и общества признается свободно развивающийся в духовно-познавательном и деятельном отношении человек. Если в первой модели свобода человека связана жесткими рамками условий функционирования определенного государственно-правового режима, то во втором варианте управление направлено на расширение жизнеутверждающей

²⁷⁵ Атаманчук Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук – М., 1997. С. 98.

свободы человека за счет упреждающей реструктуризации, отказа от избыточно стагнирующих параметров порядка, а также преодоление девиаций индивидов и их групп (ассоциаций), препятствующих свободной самоорганизации социально плодотворных личностей²⁷⁶.

Таким образом, обе модели демонстрируют значение самоорганизации как основы процесса возникновения и становления динамической государственной системы. Качество формы государства проявляет себя как частный случай самоорганизации, момент фиксирования параметров порядка на промежуточных этапах становления, означающих достижение системой новых качественных свойств. Управление выступает как инструмент поддержания динамической организованности. Если управление произвольно, т.е. по воле субъекта направляется на закрепление организации на одном из достигнутых уровней становления государственной системы, самоорганизация преодолевает консерватизм организации путем дезорганизации, и система или ее компоненты вновь (нередко через кризис и катастрофу) включаются в процесс дрящегося становления общества. Надо сказать, что представленная здесь модель относится, в целом, к становлению человечества и человеческих сообществ в масштабе исторического времени.

Вместе с тем, надо отметить, что на микроуровне процессы жизнеустройства все же больше соответствуют характеристикам финальной модели социальных систем. Однако финальность этих систем обусловлена жесткостью организации не только произвольного генезиса, но и зависимостью их ресурсного потенциала либо от генетической программы. Цель управления этими сравнительно коротко живущими системами все та же – обеспечение свободы их эффективного становления и развития и в то же время – максимально возможного инновационного вклада в социальный ресурс становящейся государственной макросистемы выраженной в виде определенной формы политических отношений.

²⁷⁶ Романов В.Л. Указ. раб. С. 148.

Основным фактором самоорганизующегося движения, обеспечивающего длящийся характер государственного становления, представляется способ деятельности людей, обновляющийся в процессе смены поколений или компонентного состава системы. Прогрессивную направленность этого движения обеспечивает эволюция научного знания, духовно-нравственная ориентация его практического применения, возвышающиеся потребности человека, свободное движение информации о возможностях реализации частных и общественных интересов.

Так, экономическая составляющая способа деятельности представляет в процессе длящегося социального становления его продукт, обеспечивающее средство, а не фундаментальная самоцель. Бесконечность самоорганизации природного мира, его открытость для столь же бесконечного познания, соответственно, обуславливают безграничность эволюции разума и в его континууме – становления человека в становящемся обществе. Свойственная самоорганизации непредсказуемость конкретных результатов этого процесса в будущем определяет стратегической целью жизнедеятельности не сомнительные в реальном претворении проекты государственного устройства и жесткое обеспечение движения к ним, а свободу процесса становления. Общество и государство станут не тем, чем они «должны быть» согласно мудрому проектированию, а тем, чем они могут быть, в результате продвижения способа деятельности²⁷⁷.

Континуум длящегося государственного становления проявляет себя дискретной, нелинейной конфигурацией. Это связано с отклонениями в восходящем движении в результате как инновационных «всплесков» (ускорение), так и социально-патологических девиаций (торможение). В рамках настоящей работы установлено, что всевозможные отклонения в «нормальном» движении, включая кризисы, имманентно присущи самоорганизации и являются основанием в генезисе организации и управления, которые органически включены в процесс самоорганизации. Фиксирование в структурах вновь возникающих параметров

²⁷⁷ Атаманчук Г.В. Указ. раб. С. 104.

порядка и «состоявшихся» качеств, реструктурирование при необходимости освобождения компонентов от устаревших структур, сдерживающих инновационную активность – базисные задачи организации как сознательной формы общественного упорядочения.

Так, управление выступает средством реализации этих и других задач организационной поддержки самоорганизующегося процесса государственного становления. В этом контексте теория и практика государственного управления преодолевают рамки классического представления о нем как «управлении обществом», основанном на властно-силовом предупреждении и устранении отклонений и кризисов в социальных процессах с ориентацией на интересы субъекта управления. Высшей целью государственного управления с позиции формирующейся новой парадигмы является обеспечение условий жизнеутверждающего становления человека как вида и общества – как среды его жизнеустройства. Сущностное содержание процесса становления такого подхода к государственному управлению в продвижении от принуждения к побуждению, к аттракции индивидов и их ассоциаций в русла, формирующие общее движение в восходящем векторе государственного развития²⁷⁸.

Далее, следуя дедуктивной логике изложения, важно отметить следующий объект анализа, связанный с актуальной проблемой стратегии и тактики государственного управления в его отношении к экстремальным состояниям и процессам. По сути, речь пойдет об антикризисном управлении в широком его представлении.

Можно сказать, что идея антикризисности парадоксальна по своей природе. Если, как уже отмечалось, кризис – это разрядка экстремального состояния и момент самоорганизации, то антикризисное управление предполагает нейтрализацию этой разрядки, а, соответственно, и погашения процесса самоорганизации. В то же время экстремальное состояние государственной системы – это тяжелое испытание для людей, оказавшихся в критической зоне, и

²⁷⁸ Шалаев В.П. Социосинергетика: Истоки, теория и практика в современном мире / В.П. Шалаев. – Йошкар-Ола, 1999. С. 208.

предоставить собственные судьбы во власть случая едва ли кто признает целесообразным даже во имя самого светлого будущего. Решая эту дилемму, очевидно, следует выделить две основные задачи управления: 1) предупреждение экстремальной (кризисной) ситуации произвольного генезиса и при угрозе ее перехода в катастрофу (собственно антикризисное управление); 2) содействие системе, переживающей кризис, в ее выходе из экстремального состояния в оптимальном векторе, или хотя бы с меньшими организационными и человеческими потерями (экстремальное управление). Исходные положения такого подхода: можно предупреждать экстремальности, связанные с социально-патологическим поведением людей, ошибками в деятельности или бездеятельностью; можно ослабить разрушительную силу кризиса, сознательно поддерживая адаптационные возможности системы; можно способствовать государственной системе в сохранении и раскрытии «генетического» потенциала и на этой основе выйти из кризиса в вектор прогрессивного становления; можно стимулировать восстановительный процесс в период выхода системы из кризиса; можно, наконец, осуществить идею использования энергии кризиса в социально конструктивных целях²⁷⁹. Таким образом, тактика государственного управления строится в зависимости от фазности движения системы в процессе ее становления и развития, в котором проявляются различные соотношения самоорганизации, организации и управления.

Тема кризиса для современных ученых и практиков управления принципиально нова, возникла внезапно и зазвучала сразу же на высоте актуальности. Кризис политики, кризис экономики, кризис культуры, кризис образования, кризис науки, кризис здравоохранения, кризис духовности – это далеко не полный перечень локально-сферных кризисов, производящих системный социальный кризис и являющихся его следствием. Исследователи социальных процессов с тревогой высказываются и пишут о кризисе правопорядка, традиционных систем его обеспечения; государственного управления в целом; кризисе международных отношений, экологическом кризисе;

²⁷⁹ Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю.В. Яковец. – М., 1999. С. 307.

миграционном кризисе; угрозе глобального кризиса и т.д. и т.д. Все настоятельнее пробивает себе дорогу идея антикризисного управления, обеспечения на этой основе «устойчивого» развития общества и государства. Есть и некоторые результаты. Но они не эквивалентны реальным масштабам кризисных явлений.

Создается впечатление, что проблема кризиса надежно защищена природой от вторжения разума. Практики государственного управления, принимая в условиях кризиса, казалось бы, оптимальные, проверенные жизнью решения, имеют результатом парадоксальный ответ системы, нередко усугубляющий кризисный процесс. Становится все более очевидным, что продвижение в исследовании кризиса разрушает ту систему знаний, которая как будто устойчиво сложилась в отношении теории управления. Все меньше остается сомнения в том, что погружающаяся сама в кризис рационалистическая парадигма обществоведения и государственоведения не решит проблему социального и государственного кризиса.

Кризис – сфера непредсказуемости, нелинейных процессов и, соответственно, предметная область наращающей свое значение синергетической методологии. В этом контексте кризис рассматривается не только как апогей дезорганизации, но одновременно как появление новой организации, борющейся с возникшей дезорганизацией. Здесь уже появляется важная составляющая понимания сущности кризиса – единство в его значении деструктивного и конструктивного движений.

Практически все работы по теме кризиса и антикризисного управления, так или иначе, фокусируют внимания на кризисах конкретных организаций (организационных форм) в контексте их функционирования и развития. Соответственно «апогей дезорганизации», «хаос» – это состояние изучаемых организаций. Но как быть в отношении случаев, когда кризисы тех же организаций возникают не только в глубине их дезорганизации, но и на высоте организации. Например, государство может дестабилизироваться в кризисном варианте именно тогда, когда его организационная форма дает ему возможность тотального контроля общественных процессов.

Очевидно, что кризис должен рассматриваться не с позиции состояния отдельно взятой организации, а в системе ее отношений с другими организациями, как например, государство в отношении общества (мирового сообщества). Именно в этом пространстве, на том его участке, где связаны межсистемные отношения, зарождается хаос этих отношений, причем кризисом он не обязательно сразу откликается в интересующей нас организации.

В этом же контексте является актуальной проблема соотношения хаоса, как научной категории – теоретической конструкции синергетических исследований, и кризиса. Нередко встречающееся в литературе их отождествления не случайно. До фундаментальных открытий современной нелинейной динамики понятие «хаос» имело по преимуществу значение абсолютного беспорядка. Этой же характеристикой обозначается и кризис («апогей дезорганизации»). Современное синергетическое представление хаоса является в ряде определений возрождением древнего его понимания как конструктивного начала. При этом существенно, что динамический хаос не характеризуется как абсолютное отсутствие всякого порядка. Верно, скорее, обратное – динамический хаос является в потенции носителем целостной иерархии уровней порядка²⁸⁰.

Представляя, таким образом, хаос как потенциал порядка, кризис следует рассматривать не как «апогей дезорганизации», а как момент реализации потенции динамического хаоса, проявляющийся внезапным спонтанным образованием структур (самоорганизацией). В этом процессе и раскрывается смысл сформулированного определения кризиса как «частного случая особого хаотического режима». Отсюда следует, что кризис вторичен по отношению к хаосу. Хаос – состояние, кризис – момент, когда из хаоса рождается новый порядок. Если принять эту гипотезу, то она сталкивает нас с очередной, кардинального значения проблемой: зачем же противостоять кризису, когда он является продуцентом порядка? Скажем более определенно: какой смысл тогда имеет антикризисное управление?

²⁸⁰ Потатурин И.О. – Методологический подход к исследованию проблемы политического хаоса / И.О. Потатурин // «Новые» и «вечные» проблемы философии. – Новосибирск, 2000. С. 63.

Обратимся к тому, что двойственная вероятность выхода из хаоса относится к любому кризису, в какой бы сфере он не происходил. Для исследования явления этой двойственности необходимо вникнуть глубже в понятие хаоса. Как уже отмечалось, хаос – не абсолютное отсутствие порядка. Это значит, что в хаосе мы наблюдаем как порядок, так и беспорядок. Соответственно можно полагать, что в хаосе заложен потенциал не только упорядочения, но и разрушения. Предметная область антикризисного управления, по упрощенному представлению, могла бы относиться к предупреждению кризисов распада. Но такое представление было бы слишком простым. Видимо, речь должна идти о включении в хаос каких-то переменных, которые бы синергизировали разнонаправленные процессы в интересах конструктивного выхода. Соответственно предложенной концепции, объектом воздействия в антикризисном управлении следует считать не собственно кризис, а ситуацию, в которой кризис «вызревает» и свершается.

Основная, интересующая нас, арена развития кризисной ситуации – пространственно-временные (соотносимые с формой правления, формой государственного устройства) и функциональные (соотносимые с государственно-политическим режимом) границы системы государственного управления. В динамическом представлении граница является процессом уравнивающего взаимодействия дезорганизационных и организационных факторов. Устойчивое противостояние сил активностей с одной стороны и сопротивлений – с другой образует жесткую границу системы. Для самоорганизации это частный случай – закрытие системы в состоянии устойчивого равновесия с порождением закономерной для закрытых систем кризисной ситуации, связанной с внутрисистемным нарастанием энтропии²⁸¹.

Реальное состояние системы государства – колебательная подвижность процессов дезорганизации и организации в определенных параметрах. Выходить за их пределы активности системы препятствуют организационно обусловленные ограничения реализации ее экспансивного потенциала, специфику которых

²⁸¹ Назаретян А.П. Указ. раб. С. 109.

обуславливают экономические, политические, научно-технические и идеологические ресурсы. Воздействие на систему дезорганизационных внешних факторов также контролируется указанными параметрами, дозирующими это воздействие в пределах необходимости и достаточности для конструирования и поддержания в рабочем состоянии защитных механизмов.

Форма государства, система государственного управления – границы гомеостаза, обеспечиваемые параметрами внутреннего порядка. При спонтанных сбоях механизмов защиты (флуктуации) и/или преодолении их сопротивления агентами внешней среды происходит прорыв границ гомеостаза, что создает локальные (в слабых звеньях) или общие для системы (при внутреннем отрицательном резонансе) кризисные ситуации. Устойчиво повторяющиеся нарушения параметров внутреннего порядка вызывает гомеостатический кризис, в процессе которого система либо погибает, либо «оздоравливается» за счет реорганизации структур и процессов гомеостазиса, их замены новыми, способными нейтрализовать или ассимилировать необычные для прежней гомеостатической системы возмущения. Такие трансформации гомеостаза, являющиеся реакциями адаптации, могут повторяться, пока не будет исчерпан адаптационный резерв системы.

Размах отклонений в функционировании системы, выходящий за пределы ее адаптационных возможностей, означает системную кризисную ситуацию. Нарастающие при этом неравновесие сопровождается разрушением связей между компонентами системы. Их функционирование становится рассогласованным. В апогее дезорганизации система либо распадается (кризис распада), либо ее элементы и сохранившиеся компоненты в стохастическом взаимодействии образуют новые параметры порядка типа диссипативных структур, т.е. рождается принципиально новое в качественном отношении образование, организационная форма.

Предел порядка в самоорганизующейся системе обусловлен двумя основными информационными девиациями: 1) невозможностью адекватного ответа на обычный для системы сигнал; 2) необычностью принимаемого системой

сигнала. В первом случае нарушены структуры и механизмы системы, ответственные за восприятие, переработку, запоминания и воспроизводство информации, ее продвижение по каналам связи. Эти нарушения могут возникать одновременно на всех этапах движения информации (депрессия системы) или на каком-либо из его участков (патология компонентов системы). Необычность сигнала может быть связана как с нарушением в системе функции памяти (памяти формы), так и с действительной новизной требований среды к объекту в их количественном (сила сигнала) или качественном (содержание сигнала) выражении. Такое состояние развивается, как правило, при ригидности отношений системы со средой, а также в результате избыточной консервативности управляющей подсистемы, что объективно связано с отставанием ее перестройки от общих в системе процессов самоорганизации.

Результатом любого из названных и других вариантов нарушения процесса является состояние неопределенности, при котором саморегулирование и самоуправление в системе невозможны. Выходы из кризисной ситуации возможны в трех основных направлениях: 1) система «закрывается» от необычно возмущающих ее сигналов и, соответственно, останавливается в развитии; 2) компоненты системы, утратившие информативные связи, «самоопределяются» в независимости от общесистемных целей; 3) система формирует новую подсистему управления²⁸².

Общество и государство – сложнейшие самоорганизующиеся системы. Они возникли в кризисные моменты самоорганизации социальной материи и вся их жизнедеятельность – непрерывный кризисный процесс, развивающийся в соответствии с естеством кризиса, но с особенностями, обусловленными спецификой формы организации. Такого рода отношения формируются на всех уровнях иерархии социальных систем – от малых групп до межнациональных объединений. В этом заключается смысл государственного гомеостата – побуждение к внешней плодотворности.

²⁸² Романов В.Л. Указ. раб. С. 170.

Определение государственного управления как средства общественной упорядоченности предполагает, во-первых, адекватность его целей интересам народа, во-вторых – высокую организованность его субъектов, направленную на достижение этих целей. Однако в процессе радикальных политических и социально-экономических преобразований общества трансформируется в первую очередь система государственного управления, переживая, как правило, системный кризис, продуцирующий кризис в национальном сообществе. Утрачивая при этом свои организационные качества, система государственного управления включается в общий процесс социальной самоорганизации и становится чувствительной к аномалиям, присущим социальным кризисам. Так, растущее взаимоотрешение народа и государственной власти является основной причиной потери управляемости происходящими в обществе процессами. В структурном представлении место указанного разрыва следует искать в той компонентной части системы государственного управления, которая является организационно ключевой в отношениях между государством и обществом. Такой частью определяется аппарат государственного управления, о сущности и функциях (дисфункциях), которого, в рамках соответствующего механизма государства, далее пойдет речь.

Организационное значение государственного аппарата заключается, прежде всего, в том, что он является специально организованным институтом, обеспечивающим функционирование системы государственного управления в контурах обратной связи – от восприятия и обработки информации о социальных процессах, формирования на этой основе управленческих решений и до непосредственной реализации социально-организационных программ. Вполне очевидно, что существенное расстройство этого механизма продуцирует кризис всей государственной системы.

Нормальное состояние системы – это, прежде всего ее реальное соответствие своему предназначению, что обеспечивается рациональной организацией, активностью и согласованностью компонентных функций, подчиненных общей цели. Под воздействием внешних факторов или внутренних

дисфункций возникают аномалии – отклонения от нормальных параметров функционирования. Крайним выражением аномалии является состояние аномии, которое проявляется генерализованной деструкцией, рассогласованием функций, утратой целесообразности системы²⁸³.

Если говорить более детально, государственный аппарат предназначен для реализации функций государства, направленных на обеспечение целостности и условий эффективной жизнедеятельности национального сообщества (страны). Предметом его практики является предупреждение и преодоление патологических отклонений социального развития, с которыми гражданское общество путем самоуправления справиться не может.

Решение этих задач осуществляется посредством следующих функций. Информационно-аналитическая функция имеет целью диагностику происходящих в обществе процессов: выявляются факты социально-патологических отклонений или признаки их формирования, исследуются причины и условия их генезиса, изучаются спонтанно образующиеся факторы противодействия социальным дисфункциям. Проектно-нормативная функция реализует задачу разработки проектов решений государственных органов по профилактике, социально-экономическому регулированию или властной нейтрализации социально-патологических отклонений. Особое значение в этом процессе имеет прогнозирование возможных повреждающих последствий реализации проектов, как немедленных, так и отставленных в своем проявлении. Нормативно-постановляющая функция осуществляется в процессе принятия законодательных, постановляющих и распорядительных актов на уровне полномочных в этом отношении органов государственной власти. Организационно-исполнительная функция имеет целью организацию исполнения решений органов государственной власти. Она включает в себя постановку конкретных служебных задач, расчет необходимых для их решения сил и средств, активизацию и координацию деятельности исполнителей, обеспечение управленческих коммуникаций и т.д. Контрольная функция – осуществление контроля

²⁸³ Самоорганизация, организация, управление. Указ. раб. С. 180.

исполнения гражданскими структурами государственных нормативных и распорядительных актов, оценка происходящих в обществе изменений в связи с исполнением решений государственных органов и общей динамики состояния социального организма.

Указанные функции реализуются в специализированных структурах органов государственной власти. Главным условием нормальности структурирования государственного механизма является соответствие структур социально-организационным (упорядочивающим) функциям государства в необходимом и достаточном их определении. Нормальность процесса государственной деятельности в целом определяется по качественным критериям отношений государства и общества, структурно-функциональному состоянию системы государственной власти и характеру поведения (деятельности) индивидов и групп. Соответственно указанным уровням рассматриваются приведенные ниже аномальные проявления²⁸⁴.

Метасистемные аномалии – отклонения, происходящие в отношениях между гражданским обществом и государством. Базовым критерием дезорганизаций на этом уровне следует признать отрицательную динамику процессов социальной самоорганизации. Основным признаком такого состояния – существенная дезорганизация процесса воспроизводства ресурсов жизнеобеспечения – материальных (питание, вещи, жилье), человеческих (отрицательная диспропорция рождаемости и смертности) и идеальных (наука, образование, культура, нравственное здоровье). Интегральным индикатором социально неблагоприятных последствий указанных дезорганизаций является устойчивое снижение и длительная задержка в состоянии предельного спада уровня и качества жизни основной части населения. Контрольный критерий национальной опасности этого состояния – неготовность национального сообщества к выживанию в условиях экономической блокады страны или крупной военной агрессии.

²⁸⁴ Романов В.Л. Указ. раб. С. 172.

Системные аномалии – структурно-функциональные расстройства государственного механизма. Проявлениями этих аномалий являются: смещение цели государственного аппарата, когда она переключается на обслуживание социально непродуктивной элиты в политической и экономической сферах, обеспечивая ее жизнеспособность и благополучие в ущерб интересам общества; неадекватность структуры государственных органов задачам и функциям социально-организационной практики; нарушение субординационных и координационных внутривидовых связей, рассогласование деятельности ветвей и уровней государственной власти; социальная агнозия – расстройство информационно-аналитической функции государственной аппаратуры, проявляющееся в неспособности сбора и анализа информации о социальных процессах или избирательном, социально непродуктивном ее использовании; нормотворческая дисфункция, проявляющаяся неоперативностью и несовершенством разрабатываемых проектов государственных решений или расхождением между социально обоснованными предложениями и политическими установками; правореализационная (правоприменительная) несостоятельность – неспособность обеспечения исполнения принимаемых органами государственной власти решений, проявляющаяся в распространенности правонарушений в управленческой деятельности и жизни общества. Интегральными проявлениями указанных деструкций и дисфункций в социально бесплодном и опасном их выражении являются профессиональная некомпетентность, бюрократизация и коррумпированность государственной службы. Социальное значение системных аномалий – ненадежность государственного механизма как социально-организационной системы вследствие ее низкого иммунитета к поражающему влиянию социально деструктивных факторов.

Перечисленные разноуровневые аномалии являются взаимопроизводными. Так, общие организационно-управленческие расстройства государственно-общественных отношений могут быть обусловлены аномалиями на системном и

локальном уровнях и, наоборот, метасистемные деструкции и дисфункции продуцируют соответствующее качество внутрисистемных отношений.

Социально продуктивно то, что обеспечивает самореализацию человека и гражданина, помогает ему раскрыть свой потенциал, развить его и осуществить в общественной жизни. Понимание миссии государственного механизма в контексте такой цели и участие в ее реализации – базисный фактор эффективной государственной деятельности²⁸⁵. Осуществление этой миссии требует открытости отношений государства и общества, что означает наличие двухсторонней обратной связи, когда стороны являются в процессе взаимодействия одновременно и субъектами, и объектами социального управления. Это является основным принципом демократического общества.

Аномалии государственного механизма начинаются с нарушения открытости государственно-общественных отношений. Это происходит, когда: а) государство пытается всеильно и тотально контролировать социальные и экономические процессы, навязывая гражданскому обществу свои проекты его деятельности, что приводит фактически к ликвидации гражданской свободы и инициативы, власть служит себе и ставит на службу государству все общество; б) государство подчиняется воле конъюнктурно доминирующей части гражданского общества и обслуживает ее интересы; в) государство бессильно повлиять на общество. В этой ситуации государство дистанцируется от общества, закрывается от него и обслуживает само себя, оставляя для своего оправдания лишь имитацию организационно-управленческой деятельности.

Смещение цели государства в сторону самообслуживания, как аномальное явление, проявляется, прежде всего, в технологии государственного строительства. Структуры органов власти формируются не как средство реализации функций, продуцируемых проблемами общества, а как опорные образования государственной системы, определяющей те функции, которые необходимы для ее самосохранения. Господство структуры над функцией, когда организационные системы, будучи созданными, для решения одних задач,

²⁸⁵ Матузов Н.И. Указ. раб. С. 312.

решают другие и стремятся к самодовлеющему поведению, превращая цель в средство, а средство в цель, создает основу организационной патологии.

Доминирующее значение структуры избыточно усиливает естественно ей присущие и необходимые для нормального функционирования системы свойства. Так, будучи необходимо консервативно-устойчивой, она становится фактором, сдерживающим любые изменения организации. Испытывая давление факта смещения государственных целей и бюрократизации управления, функции государственного аппарата становятся также аномальными. Информационно-аналитическая функция или превращается в средство тотального контроля социальных процессов в интересах власти, или становится самоцелью в процессе имитации социального управления. Проектно-нормативная деятельность приобретает характер нормативного оформления воли «верхов». Организационно-исполнительная и контрольная функции или концентрируются во внутрискруктурном управленческом пространстве, или также превращаются в средство тотального социального контроля²⁸⁶.

Выход из аномальной ситуации определяется в двух направлениях реформаторской деятельности. Первое – оптимальное, когда идея общественных трансформаций исходит из потребностей общества, выражаемой его организованным слоем, способным увлечь народ страны в русло преобразований. Реализация этого направления чрезвычайно сложна. Она требует многолетней кропотливой работы в предшествующий реформации период с целью исследования на профессиональной основе процесса вызревания в обществе перемен, организации партии сторонников преобразований, расширения их социальной базы, определение момента готовности общества к трансформации. Этот путь к реально легитимной власти и социально-продуктивному государственному управлению, по сути, базируется на синергично-информационном положении о единстве социальной самоорганизации, организации и управления.

²⁸⁶ Романов В.Л. Указ. раб. С. 187.

Второе направление «традиционное» – силовое утверждение новой власти (вектора власти) и проводимой политики в обществе собственно властно-доминирующим аппаратом государственного управления. Как правило, это направление реализуется в случае смены (удержания) власти на популистской (пропагандистской) основе, когда используется фактор недовольства населения существующим политическим строем, либо синтезируется образ враждебных сил нации, без предложения конкретных (практико-ориентированных) программ общественного переустройства, направленного на повышение уровня и качества жизни народа. Как показывает практика, этот путь потенциально ненадежен для власти и опасен для страны в целом.

Проблема в том, что механизм государства как функциональная основа политической власти сам по себе консервативен. Сформировавшийся в рамках сменяемой политики, он не может быстро переориентироваться на новые методы управления и утрачивает свою пригодность. Попытки новой власти организовать аппарат управления путем его реструктурирования, а также кадровых перестановок и замен не приводит к успеху, поскольку новые структуры создаются не столько в связи с решением проблем общества, сколько в целях реализации идеи реформ и сохранения у власти заинтересованных в этих реформах лиц. Вместе с тем, профессиональная некомпетентность аппарата управления (продуцируемая вызреванием кадров в безинициативной среде) является мощным фактором девальвации политической линии, даже если политика приобретает в кризисе или имела изначально действительно социальную ориентацию. Будучи неспособной к квалифицированной диагностике дезорганизационных процессов в обществе, разработке адекватных ситуации управленческих решений и творческой исполнительской деятельности, государственная власть отчуждается как от политической системы, так и от граждан. В лучшем случае она становится рутинным инструментом трансляции воли «элиты» общества, обставляя свою деятельность стандартными рамками и согласованиями, способствующими уходу от персональной ответственности. В

худшем – пропитывается духом обособленной корпорации, решающей собственные проблемы за счет ресурсов, политических структур и общества.

Далее, резюмируя все вышеизложенное в данном параграфе, хотелось бы сказать следующее. Изменение, усложнение политического и экономического ландшафта общества требует принципиально нового подхода к организации и функционированию системы государственного управления, практический поиск которого осуществляется крайне тяжело, со значительными потерями. Становится все более очевидно, что в современном государственном управлении необходимо исходить из принципиально новых парадигмальных оснований, в которых формы и методы управления не являлись бы продуктом субъективных воззрений и настроений власть имущих, а образовывались, исходя из реального процесса эволюционно обусловленных общественных трансформаций. Здесь, явившийся следствием развития идей кибернетики, тектологии, теории систем и теории диссипативных структур синергетический подход, развиваемый как синергийно-информационный, представляет иной тип отношений самоорганизации, организации и управления государственными процессами.

Так, представляется, что процесс организации направлен на выявление новых социально-конструктивных качеств становящейся системной формы и обеспечивает фиксирование и достраивание соответствующих самоорганизующихся структур государственного механизма. Самоорганизация включается в организационный процесс, обеспечивая гибкость и ею обусловленную адаптивную способность целенаправленно создаваемых структур. Одновременно организация формирует подсистему управления, предназначенную для поддержки процесса дрящегося государственного становления, обеспечения его направленности на удовлетворение социальных потребностей составляющих сообщество граждан. Однако в этом процессе одновременно возникают устойчивые структуры статического значения, формирующие подсистемы социального управления, предназначенные для сохранения статики формы, независимо от их социальной ценности. Консерватизм этих образований тормозит креативное обновление способа деятельности социальных индивидов, замыкая

тем самым процесс становления общества в целом и превращая его в систему финального типа²⁸⁷.

Государство традиционно рассматривается как механизм властного закрепления порядка в обществе и сохранения соответствующего режима власти как средства доминантного управления национальным сообществом. Самоорганизация в этом случае проявляет себя противостоящей такому государству стороной и в историческом масштабе времени разрушает косные структуры государственного управления, с присущими им аномалиями государственного аппарата. В синергично-информационном понимании смысла государства его управленческое предназначение заключается в обеспечении условий для динамического становления общества способного преодолевать экстремальные, кризисные процессы.

Таким образом, сформулировано положение о единстве форм общественной упорядоченности – самоорганизации, организации и средства их обеспечения – государственного управления. Последнее рассматривается не только как функция организации и проявление самоорганизации, а как средство реализации общественной упорядоченности в обеих формах. Это предполагает преодоление в государственной политике рассогласования интересов-целей народа и системы власти, характерного для замкнутых обществ. Поскольку становление такой политики государства связано с переходом от силовой основы регулирования общественных связей к информационной, этот процесс приобретает объективное значение и не может не лежать в основе разработки стратегии социально-экономического и социально-политического развития страны, всех общественно значимых управленческих проектов. Такое представление соотношения социальной самоорганизации и государственного управления обогащает государствоведение, в том числе, новым содержанием, связанным с достижениями постнеклассической науки, в контексте исследования процесса становления постиндустриального информационного общества.

²⁸⁷ Самоорганизация, организация, управление. Указ. раб. С. 182.

3.3. Синергетический подход к исследованию механизма правового регулирования

Важно отметить, что синергетический подход к анализу механизма правового регулирования, его действия, в рамках настоящего исследования, осуществляется в контексте теоретической установки, предполагающей учет понимания взаимосвязи категорий: общество, власть и право, посредством их соответствия корреляции фундаментальных понятий: материя, энергия и информация, где материя (общество) – носитель движения, энергия (власть) – количество движения, информация (право) – качество движения.

В свою очередь, описание качества связи государства с правом, при котором право представляется условием согласованности воли, функцией (нелинейной функцией) системы государственной организации общества, можно математически выразить следующей формулой: $y = f(x)$ (y – государственное регулирование; f – право; x – общественные отношения), где под f мы понимаем правило, по которому заданному значению x приводится в соответствие определенное значение y ; f есть символ некоторого преобразования, которому нужно подвергнуть величину x , чтобы получить y . При этом, норму права можно определить, как параметр порядка в общественной среде отличный от нуля в упорядоченной фазе развития и равный нулю в неупорядоченной фазе.

Далее, в силу сказанного, предпримем попытку умозрительного погружения на соответствующий уровень, собственно существования права, направленную на то, чтобы дать представление о системных свойствах данного функционального явления, специфики его синергетического развития, механизме взаимодействия с обществом и государством – «механизме» правового регулирования (современный тип государствовопонимания, соотносимый с соответствующей спецификой понимания права, предполагает употребление понятия «механизм», относительно содержания процесса правового регулирования, неметафорично, условно – в кавычках).

В настоящее время, в значительной степени, синергетика в праве представляется в качестве абстракции, которая может описывать лишь родовой предмет исследования, а именно процессы самоорганизации и роль хаоса в развитии. Однако все же следует отметить, что ведется научная работа по уяснению значения синергетики для права и конкретизации ее проявлений, в т.ч., в качестве инструментария факторного анализа и моделирования развития системы законодательства.

Так, А. Б. Венгеров в своих исследованиях от общих описаний применения синергетики в праве перешел к теоретическому ее освоению в качестве одного из методов, продолжающих диалектику на качественно ином уровне²⁸⁸. В состав предмета теории права А. Б. Венгеров в своих исследованиях включает случайное, непредсказуемое и вероятностное. В данном случае дело обстоит намного сложнее, чем с закономерными и последовательными процессами. Однако случайностные явления и процессы «не только могут, но и должны быть такой же областью научных интересов, как и закономерности», – приходит к выводу ученый.

В ряде публикаций также указывается на мировоззренческо-методологический потенциал синергетики при изучении сложных объектов и процессов правовой реальности. В частности, Г. А. Туманов полагает, что теория государственного управления обогатится, если использует идеи и положения синергетики; А. Б. Венгеров конкретизирует практическое значение методологических положений синергетики для юридической науки, а именно необходимость учитывать в исследованиях уровни (иерархию) объектов управления; Ю. Ю. Ветютнев указывает на всеобъемлющую парадигмальность синергетики, обосновывает ее прикладной характер в исследовании процессов и институтов правоправедения; А. И. Бойко также говорит о перспективности включения синергетики в систему методов права; Е. А. Чичнева рассматривает

²⁸⁸ См.: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1986. – № 10; Теория государства и права: Учебник. – М., 1998. С. 318-331.

необходимость нового правопонимания, которое диктуется использованием синергетического подхода к оценке социальной действительности²⁸⁹.

Однако, зачастую, существование метода синергетики в гуманитарных исследованиях, в том числе в теории права, освещается как бы в «фоновом» режиме, выступая вопросом производного характера. При этом основное внимание уделялось несистемному объяснению с точки зрения синергетики разного рода единичных социальных явлений. Так, А. А. Зелепукин в своих исследованиях эффективности системы законодательства упоминает о присутствии синергетического эффекта, отражающего обеспечение совокупного регулятивного результата от реализации многочисленных правовых норм²⁹⁰. З. С. Байниязова, раскрывая механизм согласованной реализации принципов федерализма, юридической иерархичности, правовой системности и ряда других принципов, аргументирует тезис о том, что необходим синергетический подход к действию принципов правовой системы²⁹¹.

Определенно, для правопонимания важно признать, что дезорганизационные процессы в обществе по-своему естественны, объективны и составляют необходимый элемент социального развития, а потому необходимо дать человеку правовые ценностные ориентиры для жизни в состоянии неопределенности, нестабильности, альтернативности. В рамках такого подхода должна быть преодолена теория жесткого следования традиционно сложившимся правилам, ошибочно идеализируемым моделям общественных отношений, нормативно

²⁸⁹ См.: Туманов Г.А. Организация как функция государственного управления / Г.А. Туманов // Советское государство и право. – 1986. – № 1. С. 40-41; Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1986. – № 10. С. 39; Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве / Ю.Ю. Ветютнев // Государство и право. – 2002. – № 4. С. 64; Бойко А.И. Прогноз научных исканий в области уголовного права / А.И. Бойко // Уголовное право в XXI веке: Материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. – М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. – М., 2002. С. 106; Чичнева Е.А. Актуальные проблемы современного права, или новое правовое мышление (Взгляд философа) / Е.А. Чичнева // Вестник Московского университета. – Выпуск 7: Философия. – 2001. – № 2. С. 109.

²⁹⁰ См.: Зелепукин А.А. Проблемы эффективности Российского законодательства: автореф. дис. ... к.ю.н. / А.А. Зелепукин - Саратов, 2000. С. 12.

²⁹¹ См.: Байниязова З.С. Основные принципы российской правовой системы: автореф. дис. ... к.ю.н. / З.С. Байниязова - Саратов, 2004. С. 8.

определенным, но фактически устаревающим²⁹². Так же, по мнению К. В. Шундикова, «применение синергетического подхода в правоведении, помимо решения ряда фундаментальных теоретических проблем, потенциально может содействовать изменению подходов к практике правового регулирования»²⁹³.

Синергетика (теория сложных систем) как новый способ познания позволяет переосмыслить природу возникновения и развития права, где право, как условие общественных отношений, конструируемое посредством рефлексии сознания, объективно (совместно с человеческим обществом и государством) возникает и развивается в качестве самоорганизационного системного явления.

Так, для научного познания любой системы социального порядка, права, в том числе, необходимо знать и понимать собственно системные принципы существования и функционирования организационных явлений и процессов.

В современной правовой науке тезис о том, что право обладает системным качеством, никем не оспаривается. «Возможности познания остаются крайне ограниченными, если оно не поднимается выше уровня единичности и непосредственности бытия предмета, если за отдельными явлениями оно не стремится отыскать системы явлений...»²⁹⁴. Системность права – это одна из проблем, которая постоянно находится в центре внимания правоведов. В юридической литературе отмечается существование теории системы права²⁹⁵, наличие у логической абстракции «система права» собственного понятийного

²⁹² См., напр.: Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1955. – № 5. С. 13-14; Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. / М.И. Байтин – М., 2005. С. 420; Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. / В.В. Борисов - Саратов, 1977. С. 231; Казаков В.Н. Правопорядок: некоторые аспекты / В.Н. Казаков // Право и образование. – 2002. – № 4. С. 91; Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. / С.Ф. Кечекьян М. – 1958. С. 30; Котляревский Г.С. Правопорядок в советском социалистическом обществе: автореф. дис. ... к.ю.н. / Г.С. Котляревский – М., 1966. С. 6.

²⁹³ Шундиков К.В. Синергетика как перспективный метод правовой науки / К.В. Шундиков // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 1. С. 21.

²⁹⁴ Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. / В.П. Кузьмин – М., 1976. С. 46-47.

²⁹⁵ См.: Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. / Б.Л. Назаров – М., 1976. С. 182.

аппарата²⁹⁶. Пожалуй, наиболее разработаны на сегодняшний день аспекты проблемы, затрагивающие количественную сторону (множество, совокупность элементов) системы права, которая традиционно привлекала и привлекает внимание представителей, как теории права, так и отраслевых наук²⁹⁷. Обстоятельное освещение вопросы системности получили в рамках проблем соотношения системы права, предмета и метода правового регулирования²⁹⁸. В определенный период особенно интенсивно исследовалось соотношение системы права и системы законодательства²⁹⁹.

Однако, несмотря на приемлемость научным сообществом трактовки права в качестве системного явления, уделяется мало внимания познанию истинных, в данном случае, собственно системных, принципов его становления и развития, что и является основанием привлечения в качестве методологической основы, таких специальных теорий, как теория систем и синергетика, способных объективизировать и актуализировать исследования в данной области знания.

В связи с этим, исходя, в том числе, из результата анализа философской и теоретической литературы, представляется важным выработка, относительно категории права, соответствующей системологической позиции, в рамках которой представление о праве, его природе, соотносимой заявленным образом с

²⁹⁶ См.: Васильев А.М. Правовые категории. / А.М. Васильев – М., 1976. С. 166-167.

²⁹⁷ См.: Алексеев С.С. Общетеоретические проблемы системы советского права / С.С. Алексеев. – М., 1961; Он же. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М., 1975. С. 112.; Лукьянов А.И. Система права в Советском союзном государстве / А.И. Лукьянов, А.Ф. Шебанов // Советское государство и право. – 1976. – № 9. С. 35-43; Ушаков А.А. О социалистическом общенародном праве как мере государственного регулирования общественных отношений развитого социализма и федеративной структуре советской системы права и законодательства / А.А. Ушаков // Государство, право, законность. – Пермь, 1976. С. 30-50; Реутов В.П. О системе советского социалистического права / В.П. Реутов // Теоретические вопросы государства и права развитого социализма. – Пермь, 1980. С. 109-127.

²⁹⁸ См.: Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. / С.Н. Братусь – М., 1963. С. 160-196; Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой «метод регулирования» общественных отношений. / В.Ф. Яковлев Свердловск, 1972. С. 14-17; Сорокин В.Д. Метод правового регулирования (теоретические проблемы). / В.Д. Сорокин – М., 1976. С. 65-69; и др.

²⁹⁹ См.: Красавчиков О.А. Система права и система законодательства / О.А. Красавчиков // Правоведение. – 1975. – № 2. С. 62-71; Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. / С.В. Поленина – М., 1979; Евграфов П.Б. Соотношение структуры советского права и структуры советского законодательства: автореф. дис.. к.ю.н. / П.Б. Евграфов – Харьков, 1981. С. 121 и др.

природой государственной организации общества, целесообразно соотносить со следующими, присущими ему, системными свойствами.

Так, право представляет собой сложное, полиструктурное системное образование, обладающее всеми основными свойствами, присущими системам вообще. Одним из важнейших признаков правовой системы является организованность, которая зависит от различного рода факторов, в частности, от состояния связей и отношений, складывающихся, как внутри системы, так и на межсистемном уровне.

Высокий уровень специализации компонентов, целесообразность и устойчивость связей придают системе качество саморегулирующейся, самонастраивающейся. Компоненты правовой системы как объекты изучения характеризуются как высокоорганизованные подсистемы с присущими им элементами частичной саморегуляции, «самоуправления».

Право – открытая система регулятивного функционирования государства, где постоянно происходит ввод и вывод необходимой информации, регулятивной энергии, юридических способов и средств упорядочения и охраны общественных отношений, в результате чего рождается множество потенциальных путей развития права.

Право – сложноорганизованная система. Состав системы права образуется совокупностью основных элементов его содержания (нормативных правовых предписаний, институтов и отраслей права) и форм (нормативных актов, договоров и т. п.). Здесь, как и в любой системе, прослеживается зависимость каждого элемента (его части, свойства и т. п.) от места, роли и функции этого элемента внутри государственно-правовой системы в целом. Все отмеченные элементы содержания и формы взаимодействуют между собой (структурированы), образуют единую структурно-функциональную целостность – право.

Право, как и любая другая система, не может функционировать в идеальном состоянии. Этому объективно противостоят возмущения как внутренние, так и внешние – макросистемные – общественно-государственно-организационные. В

праве разновидностью внутренних возмущений (несогласованностей) выступают пробелы и коллизии. Право не безразлично к возмущениям, поэтому в нем имеются системосохраняющие факторы. В правовой системе одним из них выступает механизм преодоления коллизионно-правовых состояний, призванный разрешать такие возмущения. Данный механизм как системосохраняющий фактор присущ только высокоорганизованной системе, обладающей элементами частичного саморегулирования. Он является необходимым (эволюционно приобретенным) компонентом правовой системы.

Право – это функциональная подсистема социальной системы более высокого порядка, возникновение, развитие, существование и функционирование права тесным образом связано с системой государственной организации общества, с экономической, религиозной и др. подсистемами.

Критерием становления и развития права объективно выступает правотворческая и интерпретационная, правосистематизирующая и право-реализационная юридическая практика, которая аккумулирует накопленный опыт и является оценочной категорией права в целом³⁰⁰.

Интенсивность развития и изменения общественных отношений влияет на следующее свойство права – его динамизм. Это, в действительности имманентное, свойство права наиболее наглядно проявляется в период социально-экономических и политических преобразований. Именно тогда интенсивно изменяются и отменяются устаревшие нормативные правовые акты, активно разрабатываются и применяются новые.

Право – функциональная система, что предполагает обстоятельный анализ не только основных и неосновных направлений его действия на разнообразные сферы общественной жизни, но и исследование функций отраслей, институтов и нормативных предписаний. Спускаясь по функциональной лестнице элементов системы, производится анализ данных элементов и, соответственно, познание правовой материи.

³⁰⁰ См.: Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993. С. 388.

Несмотря на относительную состоятельность содержания и формы, право в целом обладает объективно-субъективными качествами. Нормативные правовые предписания и закрепляющие их нормативные акты объективны в силу обусловленности их реально существующими общественными отношениями. Но поскольку нормы, институты и отрасли права, а также выражающие их юридические источники являются результатом сознательно волевой деятельности, правотворчества, то система права в этом плане субъективна. В ней находят отражение общее и индивидуальное, научное и обыденное, правовое и нравственное, профессиональное и иные формы сознания³⁰¹.

Системе права свойственны не только единство, но и дифференциация. Каждый компонент права (норма, институт, отрасль) может рассматриваться в качестве самостоятельной системы (подсистемы), обладающей определенной цельностью, единством, расчлененностью, структурой и т. п. Однако это не означает, что свойства права сводятся к простой сумме свойств составляющих его элементов. Пространственно-временная органичность права как целого, системного образования обусловлена наличием системообразующих факторов, а также его неразрывной связью с экономикой, политикой, культурой и другими социальными явлениями. Благодаря системному действию достигается основной результат правового регулирования – упорядочение не только отдельных ситуаций, но целого вида и рода, системы общественных отношений. В этом проявляется синергетический эффект права и механизма правового регулирования, когда в результате согласованного действия элементов системы возникает новое качество, недостижимое на уровне отдельных ее элементов.

Существенной чертой права является накопление, хранение и передача с его помощью (через принципы, нормы, акты и т. д.) соответствующей информации. В этом плане система права выступает в качестве особой разновидности социально-правовой памяти, обеспечивающей организационную связь поколений граждан.

³⁰¹ Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: дис. ... к.ю.н. / Шишкин В.В. – Нижний Новгород, 2007. С. 117.

Характеризуя систему права с точки зрения организованности, следует отметить, что именно это свойство принимается во внимание, когда говорят о системе права как о высоко- или низкоорганизованной, например, сравнивая развитые правовые системы современности с правовыми системами прошлого. Слабовыраженное предметное и функциональное «разделение труда» между нормами права, нечеткость связей между ними выступает причиной слабой сбалансированности и согласованности правовой системы³⁰².

Далее отметим, что в современной идентификации науки, как постнеклассической, отдельное внимание уделяется развитию постмодернистской методологии науки. В этой связи, обращает на себя внимание синергетический аспект развития права как одного из важнейших элементов жизнедеятельности государства, общества и человека. В западноевропейском правоведении, в частности, проявляется активное развитие постмодернистской теории права, которая оказывает огромное влияние на правосудие и законодательство. Активными представителями данного направления в правоведении являются Дж. Балкин, Дж. Бойл, А. Бозо де Кармона, М. Брэйтуэт, Г. Гудрич, П. Шлаг и др.³⁰³

Так, онтологическим условием применения метода синергетики в любой области науки определенно является наличие системных признаков или предпосылок к образованию системы. Плодотворной почвой для саморазвития выступают трансцендентные (сложные) системные образования, которые вплетают собственную материю в окружающую их среду и ведут непрерывную ассимиляцию в новых условиях развития, каковым, собственно, и является право.

³⁰⁰ В этом плане, ссылаясь на правовые документы прошлого, С.С. Алексеев пишет: «Неразвитая правовая система представляет собой только более или менее организованное неорганическое целое» (Алексеев С.С. Структура советского права. – М., 1988. С. 12).

³⁰³ Balkin Jack. What is Postmodern Constitutionalism? – Michigan , Michigan Law Review, 1992. – Pp. 1966-1990; Boyle James. Is subjectivity possible? The postmodern subject in Legal Theory. – 62 U. Colo. L. Rev., 1991. P. 489-531; The politics of Reason: Critical Legal Theory and Local Social Thought. – 133 U. PA. L. Review. – 1985. – Pp. 685-697; Bozo de Car- mona Ana Julia. Toward a Postmodern Theory of Law. Annuals. Twentieth World Congress of Philosophy. – Boston,. – 1998. – Pp. 120-132; Braithwaite Murray James. Prolegomena to a Postmodern Theory of Law. USB Law Theses and Dissertation Abstracts Bulletin. Annual. – 1993. – N. Y., 2013. P. 349; Goodrich P., Carlson D. Law and Postmodern Mind. – Univ. of Michigan Press., 1998; Schlag Pierre. normative and nowhere tu Go. – 43. Stenford L. Rev., 1990. – Pp. 167-195.

Одна из основных идей синергетики – идея открытых систем – является принципиальной для понимания самоорганизации правовой системы общества.

Содержание синергетического подхода образуют основные законы и категории синергетики. Используя их при анализе правовой системы, можно проникнуть в сущность права, выяснить его природу, особенности, механизм правотворчества и правоприменения.

Как уже отмечалось ранее, к основным принципам синергетики относят принципы «фазы бытия» и «фазы становления»³⁰⁴.

Два принципа бытия: 1) гомеостатичность и 2) иерархичность. Они характеризуют фазу стабильного функционирования системы, ее жесткую онтологию, прозрачность и простоту описания, принцип иерархического подчинения, наличие устойчивых диссипативных структур-аттракторов, на которых функционирует система права (долгоживущие правовые отношения, факты и нормы подчиняют себе короткоживущие).

Пять принципов становления: 1) нелинейность; 2) неустойчивость; 3) незамкнутость (те три «не», которых пытается избежать классическая методология); 4) динамическая иерархичность (в отличие от фазы бытия параметры порядка в системе права сами являются динамическими неустойчивыми переменными); 5) наблюдаемость (относительная наблюдаемость становления системы права в зависимости от уровня и глубины познания).

Каждый из этих принципов проявляет себя в любом из юридических явлений, процессов. Так любая юридическая норма, и прежде всего вновь принятая, находясь на иерархической ступени законодательства, стремится к упорядочению (стабилизации, фиксации) общественных отношений. Новые общественные отношения (их объект, содержание) сменяют прежние, а вновь принятая юридическая норма является динамическим параметром порядка,

³⁰⁴ Аршинов В.И. Принципы процессов становления в синергетике / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.И. Войцехович // Труды XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». Секция 8. – Методологические проблемы синергетики. – М. – Обнинск. – 1995. – Т. VII. С. 3-7; Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование и принципы синергетики / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. – Многообразие поисков и подходов / Под ред. В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.Э. Войцеховича. – М., 2000. С. 122.

который может быть изменен в зависимости от складывающихся социальных потребностей, и будет обладать определенной степенью неустойчивости в зависимости от иерархического положения.

Предметом познания синергетики в области теории права являются закономерности происхождения, развития и действия элементов правовой системы, в частности системы права, противоречия в ее развитии под воздействием изменяющихся потребностей правового регулирования в обществе.

При изучении права синергетический подход позволяет представить его как системное явление, которое, во-первых, как всякое сложноорганизованное образование содержит стохастичность в своем развитии, что отвечает открытой природе путей развития общества и государства. Во-вторых, праву бесперспективно навязывать путь развития, не связанный с потребностями социальной реальности, в противном случае это приведет к тотализации либо излишней либерализации, как следствие деструкции, дисфункции права. В-третьих, синергетика демонстрирует, что явление хаотической деструкции может выступать механизмом самоорганизации и самодотраивания права, удаления лишнего, механизмом выхода на относительно простые структуры-аттракторы правовой эволюции. В-четвертых, в пореформенный период под влиянием внешних воздействий субъектов права, а также из-за случайных отклонений, флуктуаций перестраиваемое право как система переходит в неустойчивое состояние, в результате чего возникает порядок на уровне макросостояния. В постреформаторский период, когда достигнуто равновесие, с традиционной точки зрения, в социально-правовой жизнедеятельности, малое воздействие нормативного характера может способствовать переходу на качественно новый уровень правосознания и придает новый смысл интерпретации социальных потребностей в правовом регулировании³⁰⁵.

Так, синергетический подход в теории права – это особое направление воздействия на правоведение в междисциплинарном формате познавательной деятельности, основанное на идеях открытости, нелинейности, возможности

³⁰⁵ Шишкин В. В. Указ. раб. С. 121.

использования социального многообразия в целях самоорганизации и самодостраивания правовых структур.

Надо отметить, что в последних работах Пригожина и Хакена активно обсуждались идеи саморедукции системы, самопорождения смыслов, саморазвития материи. Так в несводимых динамических системах акт редукции происходит непрерывным образом, система как бы постоянно измеряет саму себя, рождая новую информацию, и с возникновением иерархии времени в большей части системы долгоживущие переменные становятся параметрами порядка нового гомеостаза, подчиняющими себе систему посредством совокупности отрицательных обратных связей.

Указанная саморедукция в праве – не что иное, как системообразующий механизм, детерминированный таким комплексом внутренних и внешних факторов, форм (способов), уровней, этапов и пр., который обеспечивает единство, органическую целостность и тесное взаимодействие всех компонентов права (нормативных предписаний, институтов, субинститутов, отраслей, иных нормативных правовых общностей и массивов), его традиционное обособление в качестве относительно самостоятельной подсистемы в правовой системе общества.

Все структурные компоненты и элементы права и каждый из них в отдельности соединены сложнейшей и разветвленной сетью связей, придающих ему органическую целостность, устойчивость и эффективность, позволяя достигать праву синергетического результата воздействия на многообразные общественные отношения.

Функционально синергетический подход, в силу своего мировоззренческого потенциала, расширяет границы традиционного правопонимания и обращает к другим познавательным формам, средствам, инструментам, присущим тенденциям постнеклассической науки, что способствует получению целостного

знания. Данный подход имеет особенную значимость для права, что остро ощущается как западными, так и отечественными учеными³⁰⁶.

Здесь крайне важна констатация того, что «правовая система общества носит характер открытой системы, поскольку генетически, функционально, информационно и посредством иных взаимосвязей органично «вплетена» в более сложную систему социальной практики, государственно-общественных отношений»³⁰⁷, детерминирована ими.

По всей видимости, никогда не существовало, и не будет существовать логико-гносеологической, морально-психологической либо организационно-научно-ведческой предопределенности в процессе познания права. Относительно данного принципа В. А. Грунина справедливо замечает, что «понимание нелинейности развития способствует более глубокому анализу и пониманию ценности таких феноменов, как демократия, права и свободы человека, либерализм»³⁰⁸.

Система правовых законов в обществе, положения конституций должны быть достаточно гибким инструментом регулирующего воздействия, способного с наименьшими издержками направлять процессы в обществе, правовые акции различного уровня, направленности и формы реализации. В правовой теории и практике современного общества все больше значение в ближайшем будущем будет играть факт столкновения правовых норм (имеющих в значительной степени статикоориентированный характер) и все более динамичной, все более многоформной и кризисной практики общественной жизни. Именно в этом смысле все большую роль приобретает учет таких синергетических смыслов нашего времени, как нелинейность, случайность, диалог хаоса и порядка, направленная флуктуация (воздействие), открытые и закрытые системы, самоорганизация и другие, необходимость овладения которыми во все большей степени

³⁰⁶ Воротшипа Т.П. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: автореф. дис. ... к.ю.н. / Т.П. Воротшипа – Н. Новгород, 2002. С. 1.

³⁰⁷ Шундикова К.В. Синергетика как перспективный метод правовой науки / К.В. Шундикова // Вестник Саратовской государственной академии права. – № 1. – 2007. С. 18.

³⁰⁸ Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. ... к.ю.н. / В.А. Грунина – Владимир, 2006. С. 12.

становится вопросом адекватности права (в его теоретической и практической формах) реальной жизни³⁰⁹.

Следует отметить, что синергетический подход относится как к уровню общенаучных принципов и процедур общетеоретического исследования, так и к уровню конкретно-научной методологии, при анализе правовых феноменов.

В отличие от традиционной юридической абстракции при введенных определениях система права представляется вполне реальным системным образованием. Она имеет реальное социальное содержание – совокупность общественных отношений, и реальную юридическую форму – совокупность норм права как конкретных государственных предписаний. Реальная система права (включая, как конституционные законы, так и локальные правовые акты) самоорганизуется и является связующей материей (юридическим посредником) между обществом и государством – функцией государства (однако не в юспозитивистском ключе, а в контексте заявленного современного типа государствовопимания)).

При таком подходе законодательство выступает не формой системы права, а описанием ее формы посредством нормативных правовых предписаний. Во введенных выше модельных представлениях система права – это юридическая модель совокупности общественных отношений, а законодательство – описание данной модели. Отсюда следует принципиальное отличие системы законодательства от системы права.

С точки зрения синергетики, при общетеоретическом анализе у системы права появляется признак диссипативности. Диссипативность системы права – это фундаментальное свойство формирующейся в результате процесса самоорганизации системы права, для осуществления которого необходим противоположный – дезорганизирующий (диссипативный) фактор. Из диссипативности вытекает свойство нелинейности системы права, т. е.

³⁰⁹ См.: Шалаев В.П. Синергетика управления и права: теоретический задел и практические возможности / Теория государства и права. Философия права: Материалы конференции / Марийский государственный университет. / В.П. Шалаев – Йошкар-Ола, 1999. С. 50-51.

способность системы права эволюционировать различными путями, как теоретически, так и практически, что таит в себе правовые бифуркации – моментальные состояния, при которых возникают ветвления возможных путей эволюции системы права. Указанные понятия в теории права отражают методологическое содержание синергетического подхода для понятия «система права».

Обращая здесь внимание на временной критерий, стоит сказать, что поступательная, а значит, необратимая динамика развития общества и его институтов (а, следовательно, государственно-правовых явлений) представляется очевидным.

Надо сказать, что к сложным открытым системам относятся не только те государственно-правовые явления, которые современная теория права характеризует как системы (например, правовая система, включающая в себя наряду с другими компонентами систему права и систему законодательства, и являющаяся наиболее наглядным примером сложной и открытой системы). Это и те явления, которые могут быть рассмотрены в качестве компонентов (подсистем) более сложных (не обязательно государственно-правовых) объединений, жизнь которых также протекает по законам саморегуляции. К примеру, политическая, правовая, экономическая системы являются элементами системы отношений общества (мирового сообщества) в целом, как совокупности всех существующих связей.

Синергетический подход делает акцент на имманентном характере противоречий между системой права, системой законодательства и средой, временная стабилизация отношений между которыми, обеспечивается, прежде всего, балансом параметров культурного развития и систематически нарушается активностью самого общества.

Вместе с тем, синергетический подход в теории права ставит задачи изучения правового статуса личности в социальной среде и культивирования, передачи другим опыта синергетической самоорганизации правовых системных образований. В этом месте в качестве сопряженного предмета исследования появляется ключевая идея «правового синергизма».

Понятие правового синергизма в теории права означает критерий соотношения в регулировании материальных и духовных, частных и публичных потребностей общества и его членов, находящих свое отражение, как в научных теориях, так и в законодательстве. Правовой синергизм определяется степенью отклонения от гармоничных стандартов, правил поведения социального общежития и характеризуется как высокий, средний, низкий.

Для осмысления самой идеи правового синергизма существенно, что, формируясь в междисциплинарном контексте юридических и неюридических наук, она осознается как непосредственно ориентированная на кризисные проблемы развития гражданского общества.

В силу сказанного, синергетический подход в теории права позволяет раскрыть следующие научно обоснованные тенденции: с позиций синергетики существует универсальная общность образцов саморазвития и самоорганизации сложных систем права и систем законодательства, а также взаиморедукция правовой среды и эволюции национальной культуры; случайность в развитии системы права и системы законодательства, хотя и имеет место, но только в ограниченных тенденциях. Предполагается, что в системах имеется некоторое потенциально выделенное преимущественное направление развертывания событий, которое их организует; система права и система законодательства тем устойчивее, чем выше их разнообразие. Ибо в наличном разнообразии элементов потенциально содержатся формы приспособления к различным вариантам будущего³¹⁰.

Так, при анализе эффективности функционально-правового уравнивания государственной системы и организации общества ($y = f(x)$) в сферу внимания попадают преимущественно антропогенные кризисы, наиболее продуктивные с эволюционной точки зрения и достаточно многочисленные в наше время. Здесь, синергетическая модель, будучи дополнительной к равновесным моделям системы права и системы законодательства, способна служить связующим звеном между ними и «диалектической» концепцией (ориентированной на социальные

³¹⁰ Шишкин В. В. Указ. раб. С. 127.

конфликты как движущую силу развития) либо основой для органичного синтеза изначально конкурирующих традиций правоведения.

Синергетика нацелена на изучение правовой системы в ее саморазвитии, детерминированном позитивной необходимостью, поскольку динамика развития правовой среды постоянно меняет свою интенсивность. Проводимые исследования по теме синергичности, т. е. феномена совокупности действующих правовых норм, породили анализ, который позволяет отнести систему права к сложным динамическим управляемым системам, однако способным к процессам самостабилизации, самоорганизации и морфогенеза³¹¹.

Далее, продолжая исследование собственных системных свойств функции (нелинейной функции) системы государственной организации общества – права, обратимся к предметному анализу интересующего нас вопроса, касающегося динамического процесса правового воздействия, рассматриваемого в рамках теории права, в качестве категории механизма правового регулирования, в котором отражается накопленный позитивный опыт применения системы правовых средств, направленных на регулирование общественных отношений.

Для всестороннего теоретического описания и понимания полиморфной природы механизма правового регулирования, постижения взаимообусловленности его элементов (норм права, юридических фактов, правоотношений, актов реализации права), как представляется, может быть привлечен заявленный концептуальный арсенал синергетического подхода, соотносимый с перспективами методологии современной правовой науки.

Так, во все времена особую актуальность приобретали проблемы укрепления и совершенствования механизма правового регулирования. Но выявить и применить действенные методы можно только путем познания, основанном как на теоретическом, так и на эмпирическом опыте. Любые объективированные связи образуются на основе интеграции социальных институтов и зависят лишь от того, в какой степени эти социальные структуры востребованы обществом. По

³¹¹ См.: Костылев В.М. Проблемы системного и формально-логического анализа права: автореф. дис. ... к.ю.н. / В.М. Костылев – Уфа, 2002. С. 12.

сути дела, понимание интегративной сущности синергетики и ее востребованности немислимо без ее практической значимости. При этом важно отметить, что интеграция – «процесс взаимопроникновения, уплотнения, унификации знания, проявляющийся через единство с противоположным ему процессом расчленения, размежевания, дифференциации; процесс, который объективно детерминирован взаимопроникновением различных видов и компонентов материально-производственной и общественно-политической деятельности людей, а в своих наиболее глубоких основаниях – материальным единством мира, всеобщей связью, изоморфизмом структур в качественно разных объектах»³¹².

Напомним, что процессы самоорганизации присущи лишь системным объектам с открытыми связями и нелинейной перспективой развития. Действительно, общетеоретический анализ расположения основных элементов и связей, которые обеспечивают механизму правового регулирования целостность, сохранение объективно необходимых свойств и функций при воздействии на него разнообразных факторов среды, дает все основания считать механизм правового регулирования открытой нелинейной системой.

Для правовой науки в целом характерно, что вопросы, связанные с формированием механизма правового регулирования, всегда были в центре внимания отраслевых юридических дисциплин. Анализ закона и практики его применения, иначе говоря, должного и сущего, выявление расхождений между ними, рекомендации по совершенствованию законодательства и форм его реализации – все это почти обязательные атрибуты отраслевых исследований.

Правоприменительная практика косвенно выражает все виды юридической деятельности, в том числе и процесс правового регулирования. Она неразрывно связана с правом – средством социалиной инженерии и с правоотношениями, которые складываются в связи с реальной деятельностью их участников. Кроме того, в орбиту применения права попадают наиболее сложные, конфликтные правовые ситуации, и практика их разрешения обладает наибольшей ценностью

³¹² Шишкин В. В. Указ. раб.. С. 131.

для дальнейшего совершенствования механизма правового регулирования. И еще очень важное качество: процесс правового регулирования, в особенности в своей правоприменительной практике, существует не только в виде специальной деятельности соответствующих государственных органов, но и имеет объективированные формы закрепления положительного опыта³¹³.

Синергетика занимается изучением систем, состоящих из большого числа частей, подсистем, одним словом, элементов, сложным образом взаимодействующих между собой. Слово «синергетика» и означает «совместное действие», подчеркивая согласованность функционирования частей, отражающуюся в поведении системы как целого.

Накопление в теории права знаний о механизме правового регулирования – это сознательный исследовательский процесс, ведущий к конструированию такой системы правовых средств, которая продуцирует наибольшее соотношение между результатом и начальной целью правового регулирования. Именно здесь прослеживается синергизм знаний о механизме правового регулирования при исследовании перехода от развивающихся общественных отношений (источника права в материальном смысле) к определенной форме выражения (источника права в юридическом смысле), когда результат правового регулирования максимально приближается к государственному целеполаганию.

Процесс правового регулирования является целенаправленной деятельностью, отдельные стадии которой достаточно полно исследованы. Однако регламентация данного процесса носит не абсолютный, а относительный или, что более верно, частичный характер. Исходя из этого, наряду с характерными особенностями, которые сопровождают процесс урегулирования общественных отношений, можно выделить неопределенность, вероятность, отсутствие предрешенности и неизбежности, риск. Наличие данных специфических черт выступает в качестве детерминанты возникновения разного рода случайностей, воздействие которых на сам механизм правового

³¹³ Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. / В.И. Леушин – Красноярск, 1987. С. 4.

регулируемости нельзя оценить однозначно. В целом их влияние может быть положительно, отрицательно либо вообще нейтрально по отношению к качеству полученных результатов.

В рамках настоящего исследования механизм правового регулирования рассматривается как открытая сложноорганизованная система, которая характеризуется наличием состояний бифуркаций, неоднородных по своему содержанию и разнообразных по форме, демонстрирующих правовое регулирование в различных плоскостях. Творческий, адаптационный характер правового регулирования, а также необходимость «предвидения будущего», чтобы выходить на качественные правовые схемы, обеспечивающие стабильность регулируемых общественных отношений, выступают в качестве одного из источников неопределенности и неустойчивости механизма правового регулирования.

Следует отметить, что социальные противоречия и кризисы неизбежны, и связаны с самой природой общества, в котором существует чрезвычайно большое разнообразие интересов и ценностей субъектов общественных отношений. Одним из условий сознательного структурно-организационного сосуществования людей выступает такой регулятор общественных отношений, как право. Во многом благодаря именно механизму правового регулирования становится возможным положительное функционирование общественных институтов, государства.

В теоретических рассуждениях о механизме правового регулирования изначально подтверждается положение синергетики о том, что процессы самоорганизации суть всегда результат взаимодействия микросистем, проявляющийся на макроуровне. Речь идет о практической адаптации элементов процесса правового регулирования в процессе их применения, а также о том, что незначительные флуктуации (коллизии) в праве ведут к значительным изменениям правовой концепции, рождению новых идей. Однако здесь необходимо учитывать и имманентное присутствие противоположного процесса.

В соответствии с общетеоретической моделью формирования синергетических структур в результате конкуренции нескольких факторов (на-

рацивания неоднородностей поведения в сплошной среде и их рассеивания) можно предположить, что рост экономического, культурного уровня, увеличение связей, контактов, обменов между людьми как аналог диссипативного фактора в правовой среде в некотором смысле приводит к активизации механизма правового регулирования, а также к увеличению нормативной базы³¹⁴.

Интерпретация бифуркаций как различного рода социальных кризисов и социальных противоречий ориентирует на понимание социальной ценности механизма правового регулирования. Так, социальные противоречия различной степени напряженности выступают в качестве социальных бифуркаций. Результат процесса правового регулирования – создание правовых условий – установление общеобязательных масштабов возможного и должного поведения, снижает остроту социальных противоречий, не позволяя локальным бифуркациям приобрести глобальный характер, разрушительный дисбаланс для общества и государства.

Вместе с тем, процесс правового регулирования не носит линейный характер, т. е. принимаемые меры могут способствовать не только снижению остроты социальных бифуркаций, но и, напротив, их обострению. В случаях применения неадекватных (неприменения адекватных) качественному состоянию общественно-государственной системы мер регулирования механизм правового регулирования сам выступает в качестве признака дисфункции государственной организации, источника бифуркаций.

Понимание правового регулирования как источника бифуркаций в большей степени производно от неустойчивости, коренящейся в самой сущности, первопричине механизма правового регулирования. Вместе с тем, неустойчивость применительно к правовому регулированию, с одной стороны, подчеркивает его нестабильность с точки зрения качества итогового результата, а с другой – характеризует процесс самого регулирования общественных отношений. В

³¹⁴ Князева Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб., 2002. С. 165; Новое в синергетике. Новая реальность. Новые проблемы. Новое поколение / Отв. ред. Г.Г. – Малинецкий. – М., 2007. С. 45.

последнем случае неустойчивость правового регулирования проявляется в отсутствии предрешенности по отношению к тому, чей интерес в большей степени будет в конечном счете соблюден, а также в том, что не каждый механизм, который планируется использовать, будет автоматически работать, при этом вполне возможно считать, что неустойчивость применения механизма является элементом самоорганизации общественных отношений.

Поскольку каждый человек индивидуален, а разные правовые системы развиваются разными путями, постольку встает проблема совместного развития, проблема коэволюции теорий и практик правового регулирования. При этом деструктивно навязывать субъективное видение правопорядка и путей его установления носителям других мировоззрений и цивилизационных ценностей. В соответствии с общими закономерностями самоорганизации сложноорганизованным правовым системам нельзя навязывать пути их развития. Скорее, в рамках теоретического познания необходимо понять, как способствовать их собственным тенденциям, как выводить системы на эти пути.

Научно-исследовательская деятельность юристов позволяет влиять на развитие методов правового регулирования, что целесообразно спроецировать на теорию механизма правового регулирования с точки зрения синергетического подхода. Малое возмущение в теории правовых отношений может разрастаться в макроструктуру (институт права, отрасль права), если налицо условия для образования нелинейной положительной обратной связи теории с практикой. В соответствующие моменты – моменты неустойчивости правоотношений – действия каждого отдельного человека (тем более ученого, законодателя, правоприменителя) могут влиять на макросоциальные процессы, на макросоциальные образцы правового поведения, в том числе приводить к уточнению предмета и способа правового регулирования. Отсюда вытекает необходимость осознания огромной ответственности каждого отдельного человека за состояние всей правовой системы.

Исходя из изложенного, теория механизма правового регулирования процессуально выступает инструментом нового уровня осмысления динамики

правовой системы, самоорганизации права в качестве функции эволюционирующей системы государственной организации общества.

Следует отметить, что правовое регулирование может быть эффективным лишь в случае принятия субъектами права требований, содержащихся в юридических нормах, поэтому право неизбежно оказывает воздействие на волю и сознание людей. При этом объективная невозможность жестко и однозначно регламентировать логико-волевые процессы порождает феномен самоорганизации субъектов в условиях той или иной правовой ситуации.

Самоорганизация всегда происходит в сфере правового регулирования. Как правило, спонтанный, непредсказуемый характер процессов самоорганизации указывает на то, что они подчиняются вероятностно-статистическим законам.

Процесс самоорганизации протекает на основе и в строгом соответствии с интересом субъекта, реализующего право, либо с общим целеполаганием той системы, элементом которой выступает данный субъект. Подобных систем существует неограниченное количество, в данном случае аналогом поведения элемента данной системы – субъекта, реализующего право – являются социальные роли, которые выполняют люди в своей повседневной деятельности.

В результате самоорганизации возникает некоторый порядок в общественных отношениях, который характеризуется специфическим распределением прав, обязанностей, а также реальных возможностей в отношении обладателя конкретных благ. При этом складывающийся в процессе самоорганизации порядок может способствовать как укреплению (устойчивости) правового порядка, так и, наоборот, его ослаблению.

В соответствии с выделенными признаками, процесс самоформирования в правовом поведении определяется как происходящее в сфере правового регулирования и подчиняющееся действию вероятностно-статистических закономерностей упорядочение общественных отношений на основе личного интереса субъекта (элемента системы) либо общего целеполагания системы, в которую оказывается включенным данный субъект, выражающееся в совершении либо отказе от совершения активных действий, имеющих юридическое значение.

Таким образом, содержание процессов самоорганизации субъектов права во многом производно от характера правового предписания и формы правореализующих действий.

Надо сказать, что новое время диктует новую постановку задачи развития практики правового регулирования, что определяет направления деятельности системы государственных органов и учреждений.

Связь между компонентами целостной системы механизма правового регулирования существенна. Изменение одного из них с необходимостью вызывает то или иное изменение других, а нередко и системы в целом. Наличие столь тесного взаимодействия, синергетической связи компонентов объясняет феномен, когда в различного рода процессах, во взаимодействии со средой целостная система государственно-правовых институтов выступает как нечто единое – качественно отличное от суммы функциональности отдельных (всех) элементов. Естественно то, что жизнеспособность компонентов целостной системы значительно выше, чем отдельно взятого ее компонента.

Целостная система механизма правового регулирования активно воздействует на свои компоненты (юридические нормы, правоотношения, правовую культуру и т. д.), преобразует их соответственно собственным задачам. В результате этого действия исходные компоненты претерпевают заметные изменения: они теряют некоторые свойства, присущие им до вхождения в систему, и приобретают новые свойства; количественным и качественным преобразованиям подвергаются также и сохраняемые ими свойства. Скажем, нормы права, входящие в некую формирующуюся отрасль, при определенных условиях, представляют собой нечто иное, нежели в автономном состоянии. При условии соблюдения законных прав граждан может образоваться гражданское общество.

В современных условиях, когда социальная действительность непрерывно меняется, а законодательная база постоянно усложняется, увеличивается проблемное поле между объектом (социальной действительностью) и «субъектом» правового регулирования, стоит задача выработки новой,

инновационной теории механизма правового регулирования, способной адекватно отвечать вызовам стоящим перед государством и обществом.

Важно отметить, что в механизме правового регулирования проявляют себя кооперативные, или когерентные, – синергетические – эффекты, подобные формированию коллективного мнения в группе. Так, во всех социально-организационных ситуациях прослеживаются общие закономерности – закономерности становления когерентности, связности событий, возникновения общепринятых образцов поведения.

На первичном этапе могут оказаться существенными даже «малые флуктуации», незначительный разброс во мнениях, устремлениях, притязаниях законодательства и социальной действительности. Далее имеет место конкуренция «коллективных мод», т. е. типов движения, индивидуальных или узкогрупповых способов (образцов) мышления и принятия решений. В результате этого «выживает» лишь один из типов поведения (мышления). Возникает эффект «подчинения» (принцип подчинения введен в синергетику Г. Хакеном) иных образцов (паттернов) поведения преобладающими, парадигмальными образцами мышления и соответственного регулирования общественных отношений.

Итак, можно выделить несколько важных особенностей системы механизма правового регулирования.

Первой, уже упоминаемой, важнейшей особенностью системы механизма правового регулирования является наличие в ней интегративных, системных качеств, не сводимых к сумме свойств образующих ее компонентов.

Другой важной особенностью системы механизма правового регулирования является присущий ей соответствующий состав, определенный набор компонентов, частей. Часть нельзя понимать в узком, механическом смысле, как результат простого дробления какого-либо предмета, без учета его внутреннего строения, закономерностей его образования, функционирования и развития.

Третья особенность системы механизма правового регулирования состоит в наличии в ней внутренней организации (подсистемных связей), представляющей

собой специфический способ взаимосвязи, взаимодействия образующих ее компонентов.

Вместе с тем, обратим внимание на следующий момент. Структура, организация, т. е. наличие определенной упорядоченности, определенных взаимосвязей и взаимодействий предметов, явлений и процессов, присуща всей материи. Нет, и не может быть бесструктурных, лишенных взаимодействия, а равно и движения предметов и явлений. Бесструктурной материи не существует, а если порой и говорится о бесструктурных образованиях, то имеется в виду не отсутствие взаимосвязей, а взаимосвязь относительно однородных элементов, так сказать, однородная, недифференцированная структурность.

Каждой конкретной целостной макросистеме, в частности политико-правовой системе общества, присуща своя специфическая структура, организация, причем с усложнением системы, повышением степени ее дифференцированности, усложняется и структура.

Вытекая из природы частей, структура, организация правового регулирования в то же время активно воздействует на части, играет огромную роль в целостной системе. Именно структура интегрирует, связывает части (уровни), подчас с различными и противоречивыми тенденциями, придает им некую общность, целостность, вызывает возникновение новых системных качеств.

Важное место в структуре механизма правового регулирования занимают пространственные отношения. Как сам механизм правового регулирования, так и его части обладают определенными «объемами». Одни компоненты могут быть шире, разветвленнее, объемнее по содержанию, другие меньше, но все они занимают определенное место в структуре механизма правового регулирования, а главное, соответствующим образом, в определенном порядке расположены относительно друг друга (например: правовая культура – законодательство – правореализация). Характерно, что от этого порядка, от пространственного положения частей и связей между ними в немалой степени зависит прочность, устойчивость системы. Система механизма правового регулирования будет сохраняться целостной и сохранять устойчивость не при всяких, а лишь при

определенном, так называемом оптимальном, содержании, которое далеко не всегда является максимально возможным.

Вместе с тем, важной чертой структуры целостной системы процесса правового регулирования является время, временной фактор существования. Всякое конкретное целое существует конечный промежуток времени; нередко в целом имеет место множество собственных темпоральных частей; строение и состав индивидуальных временных характеристик частей и времени самого целого зачастую характеризуются определенной периодичностью, ритмичностью; в функционировании частей целого имеется согласованность во времени; всякое целое (что было описано ранее в работе) проходит в своем движении, развитии известные этапы, стадии, сменяющиеся во времени. Эти особенности организации целостного процесса правового регулирования, т. е. его подвижный, динамический характер, и выражаются во временной структуре. Она с необходимостью предполагает устойчивость, однако, не статическую, застывшую, а подвижную, динамическую устойчивость целостного процесса правового регулирования. Структура поэтому есть и способ функционирования данной системы как ставшей, качественно определенной, и форма, в рамках которой протекают изменения, зреют предпосылки для перехода системы правового регулирования в новое качество, сообразно собственному функциональному предназначению.

Вместе с тем, целостной системе механизма правового регулирования свойственны свои специфические отношения. Наиболее характерными из них являются отношения координации и субординации.

Координация – это определенная согласованность компонентов целого друг с другом, тот особый характер их взаимной зависимости, который обеспечивает динамическое равновесие системы. Координация выражает пространственную упорядоченность компонентов системы правового регулирования, упорядоченность по горизонтали. Здесь речь идет о взаимодействии компонентов одного уровня организации правового регулирования.

Свое наиболее полное развитие отношения координации получили в социальных целостных образованиях. Поскольку при наличии ярко выраженных отношений координации имеет место сложное переплетение причин и следствий, многообразие причин одного и того же следствия или множество следствий при той же самой причине. Понимая, что в отношениях компонентов целого всегда присутствует элемент случайности, важен учет того, что в механизме правового регулирования правовая культура строится на основе принципов, которые также ложатся в основу юридических норм. Связь этих элементов гармонична и ведет к сбалансированному применению друг друга.

Наряду с отношениями координации в механизме правового регулирования имеет место и субординация частей, т. е. подчиненность и соподчиненность, указывающая на особое место и неодинаковое значение каждой из них в системе. Субординация есть вертикальная упорядоченность (иерархичность), подчинение и соподчинение уровней и подуровней. Здесь речь идет уже о взаимодействии субъектов и объектов правового регулирования различных уровней. Одни части (в определенный период времени) играют решающую роль в функционировании целого, определяют деятельность других частей и отношения между ними, другие играют второстепенную (производную) роль.

Как видно, структура, организация составляет одну из фундаментальных характеристик системы механизма правового регулирования. Так, структура целостной системы, регулятивной в первую очередь, характеризуется тремя типами отношений компонентов: отношениями координации и субординации; отношениями детерминации, как правило, нелинейной, вероятностной; отношениями совместимости³¹⁵. Эти отношения являются важным, если не важнейшим фактором устойчивости, целостности системы. Характерно, что она обеспечивает не только динамическое равновесие механизма правового регулирования, выделяет его как нечто отграниченное, целостное от внешней среды, но и коммуникации, функциональное взаимодействие с внешними условиями, с другими целостными образованиями. Здесь, однако, мы подошли к

³¹⁵ См.: Афанасьев В.Г. Системность и общество. / В.Г. Афанасьев – М., 1980. С. 121.

еще одной важной особенностью механизма правового регулирования – специфическому характеру его взаимодействия со средой – обществом; – мировым сообществом.

Внешние по отношению к данному целостному механизму правового регулирования процессы и явления, с которыми механизм, так или иначе, взаимодействует, изменяя их и изменяясь при этом сам, составляют его среду.

Объекты системные или несистемные, образующие среду, в которой функционирует механизм правового регулирования, имеют различное значение для его функционирования. Одни из них не играют заметной роли, другие оказывают на него заметное влияние, а без третьих он не может существовать. Условия среды, без которых данный механизм не может функционировать, являются необходимыми. Так, необходимым условием существования механизма правового регулирования является, во-первых, наличие объекта регулирования (соответствующих общественных отношений) и, во-вторых, существование правовой базы, которая устанавливает параметры полномочий по регулированию во времени и пространстве.

В связи с тем, что внешняя среда имеет большое значение для функционирования и развития механизма правового регулирования, в познании и на практике следует учитывать зависимость свойств механизма как от внутренних факторов – состава и структуры – так и от процессов, протекающих в окружающих его условиях.

Итак, существенными характеристиками механизма правового регулирования являются его системные качества, состав, т. е. набор специфических частей, динамическая структура и характер взаимодействия с внешними условиями микро- и макроуровня.

Исходя из того, что объектом правового регулирования выступает общественная среда, представляющая собой сложное динамическое явление, которая имеет свою иерархию, открыта, неустойчива, нелинейна, в процессе эволюции характеризуется состояниями хаоса и порядка, к ней применимы

основные принципы синергетики: кооперативность, иерархичность, незамкнутость, нелинейность, открытость, когерентность.

По-видимому, организационные формы, поиск которых в области эффективного правового регулирования ведет теория государства и права, связаны с социально-экономической и общегосударственной потребностью получения синергетического эффекта. Более передовые организационные формы саморегулирования должны дать эффект (в сфере утверждения социальной справедливости, повышения эффективности правового регулирования, развитие человеческого потенциала и т. п.) больший, чем до сих пор в этих и других сферах давали разрозненные элементы механизма правового регулирования, значение которых, разумеется, сохраняется.

Для применения синергетического подхода в теории правового регулирования необходимо перейти от идеи количественности к расширенной постановке задачи, чтобы регулирующие воздействия на общественные отношения, стали внутренними взаимодействиями сложных систем, учитывая при этом вероятностный момент в регулировании и процессы их диссипации.

В связи с этим два утверждения синергетики имеют для теории правового регулирования особое методологическое значение. Первое утверждение заключается в том, что большое число переменных можно свести к одной и выразить через нее другие. Это значительно упрощает задачи регулирования (саморегулирования) правоотношений, соответственно, требует минимальных сил и средств, ведет к сокращению масштабов правового регулирования. В основе такого подхода к «самоорганизации» механизма правового регулирования лежит синергетический принцип подчинения многих переменных одной (или нескольким), а переменная, которой подчинены все другие, называется параметром порядка³¹⁶.

Второе утверждение синергетики отличается более сложной природой. Существуют три основных пути «самоорганизации» механизма правового

³¹⁶ См.: Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1986. – № 10. С. 42-43.

регулирования: можно изменить общее воздействие на систему правовых отношений (описываемое регулируемыми параметрами); «самоорганизацию» механизма правового регулирования может вызвать и одно лишь увеличение числа «переменных» (общественных отношений) – новый тип поведения элементов системы права может возникнуть на макроскопическом уровне; причиной «самоорганизации» механизма правового регулирования может стать внезапное изменение качества его элементов, происходящее в то время, когда система права переходит в новое состояние при новых условиях (например, ослабевают структурные связи между отраслями права).

В сущности своей процесс-функция правового регулирования является антиподом процессам дезорганизации, позволяющий стабилизировать систему общественных отношений, сохранить ее качественную определенность, поддержать ее динамическое равновесие, обеспечить совершенствование системы государственной организации и достижение того или иного полезного эффекта. Так, правовое регулирование есть урегулирование сложных динамических систем общественных отношений, где поддержание динамического равновесия усложняется тем обстоятельством, что функционирование этого рода систем осуществляется в условиях непрерывных изменений внутренней и внешней социальной среды. Отсюда задача правового регулирования состоит в том, чтобы возможно целесообразнее отвечать на эти изменения, что обеспечивается своевременной и эффективной перестройкой структуры самого механизма соответственно изменившимся условиям.

Процесс правового регулирования есть не что иное, как упорядочение системы общественных отношений. При этом, поскольку одной из основных задач регулирования является сохранение качественной определенности системы общественных отношений посредством перевода ее из одного состояния в другое, регулирующее воздействие выступает, как приведение системы в соответствие с присущими ей объективными закономерностями и тенденциями системы государственной организации общества, характеризующими эту качественную определенность.

Важно подчеркнуть, что регулирование общественных отношений, противодействие влияющим на них факторам, силам дезорганизации осуществляется не какими-то сверхъестественными силами, а естественными, самому механизму правового регулирования присущими органами, способами, средствами. Процессы регулирования есть свойство, атрибут, имманентно присущий самоорганизуемой правовой системе. Правовое регулирование выступает, поэтому, как саморегулирование.

Каждому уровню организации общественных отношений соответствует специфический уровень правового регулирования.

Механизму правового регулирования присущ ступенчатый характер, что обеспечивает надежность и экономичность системы регулирования. Каждый уровень системы права осуществляет правовое регулирование объектом, т. е. общественными отношениями (публичными, частными) соответствующего уровня. В то же время он коммуникативно связан с вышестоящим уровнем, пользуясь при этом не всем объемом полномочий, используемым им при регулировании собственных объектов, а уже меньшим, но более специальным. И это оправдано, поскольку на родовом уровне законодательства происходит сублимация целей регулирования общественных отношений и накопление значимой для этого информации. Естественно, что задача вышестоящего уровня правового регулирования облегчается, поскольку решения принимаются на основе уже обобщенной информации³¹⁷.

Динамичный характер связей между элементами механизма правового регулирования является тем фактором, который обуславливает самосовершенствование, как самих связей, так и самого механизма в целом. Именно динамика позволяет наладить процесс упорядочивания общественных отношений. С точки зрения синергетического подхода данная концепция в теории правового регулирования обосновывается, как вполне закономерная, гармонично сочетающаяся с методологией теории права.

³¹⁷ Шишкин В. В. Указ. раб. С. 137.

Так, познаваемость динамических самоорганизующихся правовых процессов зависит от методологических приемов, применяемых прилагаемым научным подходом. Динамика, как суть процесса развития обладает степенью флуктуативности, что подразумевает нелинейность того процесса, который сопровождает данная динамика. Синергетика в процессе своего развития выработала к таким сложным системам, как механизм правового регулирования, методологический подход, который обуславливает глубинное изучение процессов, происходящих в них, а также прослеживание динамичных связей в открытой нелинейной системе общественных отношений функционально соотносимой с системой государственной организации.

Главная практическая трудность применения наработанного синергетикой подхода, касающегося стратегического прогнозирования оптимизации качества праворегулятивной функции государственной организации, носит технический характер и заключается в выборе соответствующих переменных. Приходится вводить такие нечетко определенные параметры, как «качество правового регулирования». Естественно, что количественный анализ с подобными характеристиками весьма затруднен (но не невозможен). Причина этого, прежде всего, в самом алгоритме нелинейных исследований самоорганизующихся процессов общественной природы. Чисто количественное их описание (фиксируемое в параметрах) всегда будет страдать важным недостатком – упущенной спецификой качества правового регулирования и правомерности. Иными словами, специфика правовых явлений (и явлений социентального характера), как объектов исследований входит в противоречие с требованием четкости в нелинейных математических моделях, использующих при исчислении однородные элементы системы, тогда как элементы системы правового регулирования индивидуализированы. Другая трудность в том, что «в сложных системах дефиниция самих сущностей и взаимодействия между ними в процессе эволюции могут претерпевать изменения. Не только каждое состояние системы,

но и само определение системы в том виде, в каком ее описывает модель, обычно нестабильно или, по крайней мере, метастабильно»³¹⁸.

Но, осознавая трудность применения математических синергетических методов к исследованию правового регулирования общественных отношений, необходимо подчеркнуть, что здесь вполне применима научная методология синергетического подхода, который характеризует наиболее общие законы и принципы развития мира и общества. В целом мы не можем не видеть, с одной стороны, что проблема применимости нелинейной математики (заключающей в себе прикладную основу синергетической методологии) носит относительный характер, но с другой, что она в этом направлении неразрешима в принципе, особенно в области конкретно-научного исследования, имеющего перед собой локальную область бытия, конкретный объект научного исследования. Но и здесь у синергетического подхода все же есть своя определенная «полоса свободы».

Здесь может быть выработана общая концепция правового регулирования, как на каждом уровне, так и всей системой правовых отношений в целом. Нецелесообразно говорить о каком-то определенном количестве уровней правового регулирования, поскольку сегодня правовое регулирование общественных отношений может включать одно количество классификаций общественных отношений, а завтра другое.

Регулирование не ограничивается конкретным (исключительным) количеством правоотношений, поскольку развитие правоотношений будет происходить в соответствии с развитием общества и государства. Скорее нужно говорить о качественном состоянии механизма правового регулирования, ориентированного на самоорганизующие начала самих правовых отношений.

Чем шире по социальной значимости правовые отношения, тем структурированной, сложнее сам механизм (фрактально соотносимый со структурой государственной организации), применяемый при регулировании данного типа правоотношений, поскольку он призван обеспечить целостность, структурно-функциональное и эволюционное единство большего количества

³¹⁸ Пригожин И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 1986. С. 267.

социальных компонентов. В такой сложной структуре, возможно, любое проявление сбоя, конфликта правовых норм, что непременно ведет к флуктуациям, и как следствие, к эволюции механизма или его частей.

Общество представляется сложной совокупностью общественных отношений, каждое из которых, будучи детерминированным совокупностью индивидуальных волеизъявлений отдельных личностей, обладает своими специфическими особенностями, условиями функционирования и развития, своими особыми задачами, своеобразными путями и средствами решения этих задач. Эти общественные отношения обладают своими масштабами, специфической совокупностью «входов» – регулятивных механизмов, задаваемых для них соответствующими сегментами законодательства, и «выходов» – результатов функционирования, воспринимаемых государственной системой.

Так, развитие государства, системы государственного управления функционально связано с правовой базой, которая, специфицируя качество управления общественными отношениями, делится на уровни соответственно уровням управления, функционирования. Система законодательства, подобно системе управления, имеет свои координацию, субординацию – иерархию законодательства.

Отметим, что изложенные выше сущностные аспекты действия механизма правового регулирования способны фундаментализировать, в том числе, следующие практикоориентированные измышления.

Так, (в контексте междисциплинарного дискурса) можно спрогнозировать перспективу развития правоведения в направлении актуализации методов компьютерного программирования на основе деонтической логики. Новый подход к рационализации правовой реальности будет связан с выработкой универсального – символического – математического (программного) языка права, способного обеспечить унифицированность системы законодательства и оптимизировать правоприменительную практику.

Представляется, что содержание правовой нормы допустимо семантически выразить языком программирования в силу наличия в мировой юридической

практике ограниченного количества применяемых в правотворчестве понятий – символов языка программы, отличие же одной правовой программы – закона (системы законодательства), от другой состоит в разности их комбинаций. Здесь, с практической точки зрения, относительно конкретного правового акта, потребуются, во-первых: создание реестра символического выражения элементов правоотношения: субъектов права, объектов права, правомочий, обязанностей и юридических фактов, во-вторых: преобразование правовых статусов в программные инструкции, в-третьих: изложение правового текста (отдельных статей закона) в виде программных комбинаций.

Решение указанной задачи позволит представить правовую норму в программном виде, что будет способствовать эффективному устранению существующих внутренне противоречивых положений, повышению уровня аргументированности формулировок. Дальнейшее соотношение одной нормы-программы с, совпадающими объектно, другими нормами-программами, с учетом заданного алгоритма иерархического непротиворечия, позволит создать программу целой отрасли законодательства, а соотношение программ отдельных отраслей позволит представить в виде программы всю систему законодательства.

Следующим шагом будет являться процесс декодирования – решение обратной задачи – преобразования программного кода в юридически воспринимаемый текст правовой нормы. Результатом реализации данного проекта станет создание единой программируемой системы национального законодательства, что явится залогом ее действительного единства, логичности, непротиворечивости и прогнозируемости.

Можно предположить достижение такого качества практики правового программирования, при котором в автоматическом режиме путем задания одной или нескольких переменных – изменяемых, дополняемых или отменяемых условий правоотношений, программа соответствующим образом переформулирует текст закона, комплекса взаимосвязанных законов и подзаконных актов, и/или укажет на существование системных ошибок, требующих законодательной детализации, либо

определил законодательную инициативу, как принципиально недопустимую – несоответствующую системным требованиям.

Подводя итог изложенного в данном параграфе, отметим принципиальное значение применения синергетического подхода к исследованию права (правовой системы) в интересующем нас контексте разрабатываемой концепции государствовопонимания, где право (посредством норм, выступающих параметрами порядка) определяется в качестве функции государственной организации общества, имеющей собственные системные свойства, соотносимые с принципами синергетического развития, действительно проявляя себя в виде механизма правового регулирования, выступающего в качестве связующего (синтезирующего) компонента (принципа) самоорганизации, коэволюции человека, общества и государства.

Глава 4. Синергетический подход к эволюционному моделированию системы государства

4.1. Переходное состояние государства в концепции Универсального эволюционизма

Более 30 лет назад Д. Кристиан³¹⁹ ввел в научный и философский оборот новый термин Big History (Большая история), который в России широко известен как Универсальная история, или Универсальный эволюционизм. Идея об эволюционном процессе, который, охватывая всю Вселенную, определяет эволюционность включенных в нее подсистем, составляет содержание Универсального эволюционизма, утвердившегося в современной науке. Эволюция мироздания во всех ее проявлениях и является предметом исследования Большой истории. Поэтому Big History – междисциплинарное знание.

Термин «эволюция» можно представить, как последовательные изменения исходного состояния во времени, ведущие к возникновению чего-то нового, причем эволюция представляет собой не только процесс, но и результат. Универсальный эволюционизм предполагает изменение любой природной и человекомерной системы (системы государственной организации общества, в т. ч.) во взаимосвязи с другими системами, что предопределяет совместную их эволюцию – коэволюцию.

Работа в области универсального эволюционизма родилась из стремления обеспечить лучшее и углубленное понимание глобальных процессов и проблем. При этом речь идет о едином эволюционном процессе космического масштаба, охватывающем события от «Большого взрыва» до современной цивилизации.

Название «Универсальный эволюционизм» выросло из термина «глобальный эволюционизм», который родился в Институте философии РАН, и

³¹⁹ Christian D. The case for "Big History" // Journal of World Histori., – 1991. P.65.

многие именитые авторы предпочитают работать в этой терминологической традиции, задающей соответствующий базовый словарь.

Глобальная эволюция – единый процесс последовательного порождения объектов известных структурных уровней бытия.

Глобальный эволюционизм – исследовательское направление, ориентированное на реконструкцию и изучение глобальной эволюции.

Важно иметь в виду, что в настоящее время происходит надстройка данной традиции, развиваются и синтезируются модели универсальной эволюции, которые основаны на противоположностях.

Модель эмерджентной универсальной эволюции – т.е. такой, в которой рождение нового структурного уровня бытия является качественным скачком, характеризующимся возникновением каких-то принципиально новых свойств, не существовавших прежде.

Модель однородной Универсальной эволюции – т.е. такой, в ходе которой основной набор субстратных, структурных, функциональных и эволюционных характеристик не изменяется.

На возможность и необходимость именно такого моделирования Универсальной эволюции указывает стихийное рождение целого семейства трансдисциплинарных исследований. Зачастую этот тренд фиксируется с помощью синергетической модели, в связи, с чем повышается методологическая значимость «Универсального эволюционизма».

За последние годы обозначились два основных подхода к развитию глобальных и универсальных эволюционных представлений. Первый (имеющий в контексте нашего исследования первостепенное значение) – предпочитающий опору на наработки синергетики, второй – ориентированный на обобщение, универсализацию биологического эволюционизма.

Можно сказать, что проблема Универсального эволюционизма (Большой истории) становится одной из центральных в науке XXI века, которую принято называть постнеклассической.

Рассмотрим эпистемологические аспекты универсального эволюционизма. Цель исследований в этой области – построение сценария (веера сценариев), которые охватывали бы на теоретическом уровне знания всю совокупность эволюционных процессов в мире – материальных и духовных, природных (физических, биологических) и социальных, психических и когнитивных, как некую целостность. Это – одна из самых необычных и сложных проблем науки; она является междисциплинарной и глубоко вплетена в социокультурный контекст: «Понятие «Универсальный эволюционизм» вполне возможно считать одной из универсалий культуры»³²⁰.

Определить смысл понятия Универсального эволюционизма достаточно не просто хотя бы потому, что названное понятие возникло сравнительно недавно и находится в процессе становления.

Н. Н. Моисеев считал возможным употреблять в качестве синонимов термины «Универсальный эволюционизм» и «самоорганизация». По его мнению, эти понятия пересекаются, но не совпадают. Наиболее общим выступает понимание эволюции, как необратимого изменения структуры объекта, в котором выделяются ветви восходящие (рост упорядоченности), нисходящие (уменьшение упорядоченности) и изменения как бы «в одной плоскости», то есть без изменения уровня организации. Необратимые процессы включают в себя моменты цикличности.

Субъектно-объектные отношения в сфере исследования Универсального эволюционизма крайне своеобразны. Особая сложность реконструкции этих процессов определяется тем, что человек, субъект познания является в то же время их объектом, а также огромным многообразием субъектно-объектных отношений в мега-, мезо- и микромирах.

Структура современных знаний об универсальном эволюционизме крайне гетерогенна.

³²⁰ Казютинский В.В. Универсальный эволюционизм: эпистемологические аспекты / В.В. Казютинский // Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Том 1. – М., 24 – 28 мая 2005. С. 454.

Особую роль в качестве критерия обоснованности разных типов знания о процессах Универсального эволюционизма играют их когерентность, взаимосогласованность, но, в конечном счете, теории и модели этих процессов должны сопоставляться с понимаемой, так или иначе, реальностью посредством многоступенчатых процедур обоснования.

Представляется, что, идея коэволюции является сутью Универсальной истории. Коэволюция пронизывает всю иерархию материальных систем, от субэлементарных частиц до человеческого общества, включая системы, изобретенные и созданные человеческим разумом, в том числе, системы государства и права.

У истоков Большой истории лежали работы И. Пригожина в области неравновесной термодинамики. Он впервые показал, что, если в сложную и достаточно разнообразную систему закачивать энергию, там начинается образование новых структур, то есть идут процессы системного усложнения материи. Например, энергия гравитационного сжатия из облака газа создает звезды и планеты, а энергия солнца – жизнь на этих планетах.

И. Пригожин характеризует эволюцию как ряд переходов: «...хаос – порядок – хаос – порядок...», регулируемых энтропийным принципом. Д. Г. Егоров, ссылаясь на то, что для образования структур необходимым условием является не поток энтропии, а поток энергии, предлагает заменить схему И. Пригожина на: «...порядок ± хаос – порядок ± хаос – порядок...»³²¹.

Здесь, с точки зрения универсальной иерархии сложных систем, понятие хаоса не является абсолютным. Ведь само понятие «порядок», выражающее противоположность «хаоса-беспорядка» прямо зависит от человеческих представлений о нормативах «порядка»: все, что не соответствует этим нормативам, есть беспорядок, который обычно следует «исправлять», т.е. приводить обратно к «порядку». Понятие «хаоса» более глубокое и абсолютное; оно включает в себя субъективное представление о возможности восстановления «порядка» из «беспорядка»: если человек (ученый, практик) убежден, что это

³²¹ Там же. С. 367.

невозможно обычными средствами, то такой «беспорядок» следует считать «хаосом». Однако вероятно, что абсолютного хаоса не существует: любое возникновение чего-либо обусловлено «порядком» (законами) низшего уровня существования. Поэтому в природе непрерывно происходит увеличение разнообразия и сложности.

С понятием эволюции тесно связано понятие времени, как возраста существования систем. В рамках эволюционной концепции для любого объекта становится естественным описание, учитывающее неразрывное единство трех стадий: рождения, развития и гибели. Неизменная последовательность этих стадий задает стрелу времени. Каждому иерархическому уровню организации материи соответствует свой характерный масштаб шкалы времени. Направленность стрелы времени едина и определяется сутью процессов эволюции в природе – развитием всех природных структур в направлении увеличения разнообразия и сложности. Эволюционные процессы необратимы, как необратимо и время, течение которого связано с Универсальным эволюционным процессом.

Процессы, проходящие в Универсуме дискретны в пространстве и времени, в любой момент времени в разных частях Вселенной происходят изменения (движения), принадлежащие к разным структурным уровням развития материи, справедливо и то, что в одном пространстве Вселенной могут происходить разнопорядковые явления. «Исторически ткань Универсума концентрируется во все более организованных формах материи»³²². Направление этого процесса определяется фундаментальным наблюдаемым фактом нестационарности Вселенной. По мере расширения Вселенной и ее «остывания» происходит последовательный рост разнообразия и сложности форм материи. Единый Универсальный процесс эволюции состоит из локальных, частных процессов коэволюции³²³.

³²² П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. С. 49. П. Тейяр де Шарден. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. С. 50.

³²³ Кимстач В. Н. Коэволюция технической и гуманитарной культур в контексте универсальной истории: дис. ... к.филос.н. / В.Н. Кимстач. – Ростов-на-Дону, 2006. С. 18.

Изменения происходят на всех уровнях организации материальных структур, очевидно, и само существование этих уровней есть результат эволюционных процессов.

Далее, разделяя сходную позицию других ученых, попытаемся обосновать, что человек, как разумный субъект, не эпифеномен природных процессов, а их естественный продукт – воплощение и носитель концентрированного опыта метagalacticкой коэволюции, а государствообразная организация человеческого общества, переходность ее состояния (трансформация и развитие), есть структурный элемент и результат (продолжение) имманентного процесса эволюции Универсума.

Так, социокультурная эволюция, история становления и развития человеческой цивилизации, государства и права, в полной мере отвечают указанным глобальным закономерностям.

В последней четверти XX века к новой ветви научного знания – синергетике отнесены законы, обуславливающие самоорганизацию и саморазвитие материи. По мнению К. А. Адамова: «К синергетическим законам относятся все законы физики, механики, электроники, химии, биохимии и жизни, а также законы мышления»³²⁴. Он считает: «Человек на основе познанных законов синергетики с помощью разума, посредством мышления изобретает или формулирует новые законы развития материи – законы интеллектики, которые действуют только по его программам и под его управлением. Законы интеллектики – это законы общественных отношений, организации государств, формирования эпохи ноосферы»³²⁵.

Термин «Универсальная эволюция» отражает явление эволюции Вселенной, как целостной системы, которая представляет собой многоуровневое материальное образование, где проблема космической эволюции может и должна

³²⁴ Адамов А.К. Философские аспекты развития гипотезы В.И. Вернадского о ноосфере / А.К. Адамов // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16 – 20 сентября 2002 г.) в 3 т. – Ростов н/Д, 2002. – Т. 2. С. 60.

³²⁵ Там же. С. 62.

быть поставлена применительно к каждому из уровней ее организации. Целесообразно рассматривать любую материальную систему не метафизично, а через механизмы ее взаимодействия с одно- и разнопорядковыми объектами организации материи, и говорить не столько об эволюции, сколько о совместном развитии – коэволюции подструктур Универсума, включающих, в том числе, предметно интересующие нас уровни социокультурного бытия: мировое человеческое сообщество; межгосударственные организации; отдельные государственные образования; социальные общности; коллективы; человеческая личность.

Термин «коэволюция» ввел Н. Н. Моисеев в начале 1970-х годов, осмысливая содержание концепции ноосферы. По мнению автора, он не совсем удачен: лучше было бы говорить «соразвитие»³²⁶. Развитие системы, в контексте ее качественно-количественного переходного состояния, подразумевает такое ее изменение, в результате которого нарастают разнообразие элементов системы и сложность организации, в первую очередь сложность и многообразие связей между элементами, и сложность самих элементов. Но каждый элемент системы, также является некоторой системой. Отсюда, коэволюцией (соразвитием) элемента и системы Н. Н. Моисеев называет такое развитие элемента, которое не нарушает процесса развития системы в целом. Добавим к этому, для отдельных элементов системы результат коэволюции может быть и роковым, приводящим к гибели коэволюционирующего звена-партнера.

В обществе и государстве имманентное коэволюционное становление и сохранение систем осуществляется, как объективный процесс социогуманитарного творения в рамках Универсального отбора, который из всех возможных трансформаций тех или иных компонентов оставляет лишь взаимно совместимые. Развитие цивилизации представляет собой процесс коэволюции человека и природы, общества и биосферы, человека и создаваемой им второй природы в виде техники, идеальных систем, выполняющих функцию

³²⁶ Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. / Н.Н. Моисеев – М., 2001. С. 60.

социокультурных регулятивов своего поведения, основанных на ценностных представлениях.

Вместе с тем, синергетическая интерпретация эволюции смещается к представлению о необратимых процессах, причем, именно необратимость задает векторную направленность событиям, которую принято называть «стрелой времени». Различные потоки событий являются не только необратимыми, но и взаимосвязанными. Поэтому при рассмотрении сосуществующих систем следует учитывать их коэволюцию – взаимообусловленность необратимых процессов. Причем, коэволюционный подход охватывает, как уже отмечалось, и одноуровневые, рядоположенные системы и системы «вложенные», относящиеся к разным структурным уровням материи (организации), более того, коэволюционные зависимости существуют также между объективными и субъективными реальностями, которые составляют цельную реальность бытия.

Система верхнего уровня может отбраковать тот элемент, развитие которого нарушает возможность развития системы более высокого порядка. В теории синергетики кризисы, предшествующие перестройкам любых систем, в том числе и живых, и социальных называют словом «бифуркация». Используя данный термин, можно сказать, что кризис любой системы, в т. ч. государственной организации, общества в целом, является в конечном итоге нарушением баланса энтропийно-информационных взаимодействий различных систем между собой. Но здесь важно заметить, что данное явление можно считать и результатом коэволюции.

Коэволюция человека с системами окружающего мира происходит при сохранении генетических констант вида *Homo sapiens* и реализуется через взаимосвязанные процессы развития социальных структур, общественного сознания, производственных систем, науки и техники, материальной и духовной культуры. Научно-технический прогресс необходимо детерминирует совершенствование социогуманитарных механизмов (этика, экономика, экология, политика, традиции, обычаи, всевозможные правила и нормы), обеспечивающих

сдерживание (не отрицая их присутствия) агрессивных устремлений у обладателей техническими и технологическими преимуществами³²⁷.

Современная философия имеет немало научно обоснованных концепций доказывающих, что эволюционно-синергетические трансформации материальных объектов природы от Метагалактики до общественных и технических систем осуществляются в соответствии с едиными фундаментальными принципами и механизмами. Интерсинергетические способы взаимодействия всех природных и созданных человеком систем обуславливаются коэволюционно-стохастическими, системообразующими и ноосферными механизмами коэволюции (Пригожин И., Моисеев Н.Н., Режабек Е.Я., Жданов Ю.А., Казначеев В.П., Лукичев Н.Н., Поликарпов В.С., Гетманов И.П. и др.).

Несмотря на то, что действительная эволюция Универсума еще мало изучена, с достаточной степенью достоверности можно утверждать, что она включает в себя множество разнонаправленных процессов: прогресс, регресс, циклы, круговороты и т.д., которые оказываются определенным образом упорядоченными, взаимосвязанными, являясь моментами, ступенями единого Универсального процесса. Причем такого процесса, где «каждое последующее состояние Вселенной включает в себя итоги предшествующего развития и некоторое новое качество, новую форму материи и движения»³²⁸.

Сознательную человеческую деятельность невозможно вместить в ложе строгой детерминации, поэтому динамика ноосферогенеза в целом и государствогенеза, в частности, скорее всего, представляет процесс, не имеющий однозначных причинных оснований. Трудно согласиться полностью с «однозначностью» качественных связей, так как синергетическое понятие аттрактора означает некоторую совокупность условий, при которых выбор путей эволюции разных систем происходит по сходящимся траекториям, и, в конечном счете, как бы притягивается к одной точке. Векторная направленность эволюционных

³²⁷ Кимстач В. Н. Указ. раб. С. 39.

³²⁸ Коблов А.Н. Проблема направленности космической эволюции и ее философские аспекты // Развитие материи как закономерный процесс. / А.Н. Коблов – Пермь, 1978. С. 60.

процессов обуславливается аттрактивными зависимостями, что подтверждает и объясняет нестрогую детерминацию эволюционных шагов, но все же задает генеральное направление сменам качеств движения (изменения) и покоя (сохранения).

Заметим, что в Универсальном эволюционизме, сменяющиеся качества материи, обладают равноправным статусом. И если по каким-либо параметрам происходит их усложнение, то по другим – может наблюдаться совсем иная картина. Это обусловлено относительностью самого понятия сложности.

Возникновение и уничтожение необходимо рассматривать в их диалектической взаимосвязи и взаимозависимости. Тогда они выступают не как различия разных сущностей, а как различия в единой сущности единого процесса закономерного развития материи. Диалектику возникновения и уничтожения в общем процессе развития субстанции по-своему выразил Гегель: «Переводя возможное в действительность с ее содержанием, субстанция обнаруживает себя, как созидательную мощь, а, возвращая действительное в возможность, она обнаруживает себя, как разрушительную мощь. Но то и другое тождественно: созидание разрушает, разрушение созидает, ибо отрицательное и положительное, возможность и действительность абсолютно соединены в субстанциальной необходимости»³²⁹.

Возникновение и уничтожение переходят друг в друга, каждое содержит в себе «свое другое», раскрывая себя через другое. Взаимовыражение оказывается возможным в силу единства сторон возникновения и уничтожения: сохранения и начала, сохранения и конца. «Здесь сохранение означает устойчивость, тождественность, постоянство. Начало всегда содержит в себе конец и наоборот. Однако это тождество диалектично, ибо несет в себе различие»³³⁰.

³²⁹ Гетманов И.П. Принципы коэволюции: дисс. ... д.филос. н. / И.П. Гетманов – Ростов н/Д, 2005. – 303 с.

³³⁰ Коломойцев А.Ф. Диалектика возникновения и уничтожения в закономерном развитии материи // Развитие материи как закономерный процесс. / А.Ф. Коломойцев – Пермь, 1978. С. 118.

Однако, возникновение и уничтожение для человека, в ценностном аспекте неравноправны. Созидание – это самоценность, т.к. только оно само по себе удовлетворяет потребности человека. Разрушение, как следствие агрессивности или деградивности – это антиценность само по себе, т.к. оно уничтожает все, в частности, средства удовлетворения потребностей человека. Оно может стать ценностью для человека, если он решит, что оно может быть средством или условием созидания. Но такое решение может быть ошибочным, как и любое другое, – «человеку свойственно ошибаться».

Конкретная система, представляющая одно из звеньев Универсальной эволюции, не только сама себя отрицает собственным развитием: движется к своему концу, разрушению; но и на определенном этапе начинает подвергаться вытесняющему воздействию со стороны возникающих в ней протоэлементов другой системы, что ускоряет процесс ее деградации. Поэтому, когда рассматриваются конкретные системы в Универсальной эволюции, то необходимо говорить об их возникновении и уничтожении, как присущих чертах. В этой связи, государствоведческий анализ должен быть направлен не только на переходное состояние государственной организации в стадии возникновения ее новых прогрессивных качеств, но и, что не менее (а может и более (в связи с реализацией прогностической функцией науки)) важно, на переходное состояние, предопределяющее разрушительные (саморазрушительные) процессы.

Так, универсальная эволюция, относительно системной формы организации государства, представляется в виде последовательности закономерно сменяющихся качеств материи политических отношений в обществе, выступающей ее содержанием. В процессе этой эволюции каждое последующее качество указанной материи зарождается в недрах предыдущего и в своем развитии проходит три, отчасти уже упоминаемых в настоящей работе, основные фазы.

Первая фаза представляет собой возникновение (зарождение) определенного качества материи политических отношений – появление его носителей (протоэлементов), обуславливающих и появление пространства

каждого из них, как форм их бытия. Качественная определенность вначале появляется, как аспект (рефлексия) другой качественной определенности. Потом происходит установление определенных отношений между протоэлементами существующего, ставшего и протоэлементами возникающего (в ставшем) качества материи. В данном случае, ставшее качество материи является для возникающего внешней средой и воздействует на его становление.

Вторая фаза характеризуется развертыванием потенциала возникшего качества политических отношений, его становлением, происходит количественное изменение пространства и изменение структуры локальной зоны его существования. Противоречие между возникшим (становящимся) и ставшим качествами завершается разрушением последнего и его локальной зоны существования, смещением эволюционирующей материи в данную локальную зону.

Третья фаза заключается в стабилизации возникшего, теперь уже ставшего качества материи политических отношений в обществе, его устойчивом существовании. Пространственная протяженность, зона существования качества материи в этой фазе остается практически постоянной. (Здесь, обращает на себя внимание факт вторичности, производности территориального признака государства от качества его организации). Происходит зарождение в ставшем качестве материи протоэлементов последующего качества материи. Теперь ставшее качество выступает внешней средой для возникающего, и процесс (цикл) повторяется вновь.

Анализируя последовательность ступеней всякого развития вообще и основных форм материи (в т.ч. материи политических отношений в обществе, формы государства), в частности, следует указать на его закономерный характер. Таким образом, последовательность основных форм материи имеет обязательный характер, т.е. содержание каждой последующей ступени развития детерминировано содержанием предшествующей. Необходимость последовательности основных ступеней развития материи означает однозначную и определенную связь качеств или сущностей этих ступеней, однако нужно

отметить, что не всей совокупности частных свойств и событий, происходящих в рамках данных ступеней. Этот процесс самоорганизации и усложнения задает направленность космологической «стрелы времени», которая связана с необратимостью последовательных переходов от одних бифуркаций к другим.

Так, на протяжении всей истории существования человечество сталкивалось с кризисными ситуациями, которые становились определяющими для его дальнейшего развития и появления различных видов государственного строя. Как уже отмечалось, любой государственный строй уже в момент зарождения несет зачатки, те качественные характеристики, которые впоследствии служат причиной его крушения (самоуничтожения). Переходный период (в контексте Универсальной эволюции – перманентное состояние переходности), подготавливаемый фазой кризиса, представляет собой момент саморазвития – смену устаревшей формы развития новой, более функционально соответствующей моменту времени.

Действительно, анализ переходных стадий общества и государства исследовался представителями социально-философской и политико-правовой мысли на разных этапах ее формирования, синтезируясь, в том числе, посредством естественнонаучных концепций.

Английский философ, родоначальник английского материализма и методологии опытной науки Ф. Бэкон подчеркивал, что материя «претерпевает удивительные превращения, принимая различные образы, переходя от одного изменения к другому»³³¹. Между тем нидерландский философ-материалист Б. Спиноза писал: «Под изменением мы разумеем здесь всякую переменную, которая может произойти в предмете... тогда, как его сущность сохраняет свою целостность. Обычно значение этого слова шире и обнимает также порчу вещей, но не безусловную, а включающую одновременно следующее за порчей зарождение... философы пользуются для обозначения этого процесса словом превращение»³³².

³²⁷ Бэкон Ф. Соч.: в 2 т./Ф. Бэкон-М., 1971-1972. – Т. 2. С. 258.

³³² Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. / Б. Спиноза. – М., 1957. С. 275.

Важно обратить внимание, что по типу и качеству общественно-государственные изменения делятся на два сосуществующих типа: революция и эволюция, революция и реформа.

Революция – глубокое качественное изменение в общественных процессах, выражающее переход количественных изменений в качественные, перерыв постепенности, качественный скачок в развитии. Это крупнейший общественный поворот, переворот, переделка мира и бытия, его обновление.

Существует множество типов революции: промышленный, индустриальный, научный, научно-технический, управленческий, информационный, социальный, политический, культурный, интеллектуальный, духовный, нравственный. Все они охватывают и общество в целом, как целостный общественный организм, и различные сферы общественной жизни.

Эволюция представляет собой преимущественно постепенные количественные изменения, в результате приводящие и к определенным качественным видоизменениям. Это плавное накопление изменений, повышающее уровень развития общественного организма и тем самым выражающее прогресс, прогрессивную эволюцию. Однако же ход эволюции может вести и к понижению уровня развития общества, к регрессу, к спаду.

Крупнейший русский, советский ученый – естествоиспытатель Н. И. Вавилов отмечал, что «эволюционный процесс, будучи непрерывным в смысле постоянного движения, изменения, возникновения и уничтожения, имеет узлы в бесконечной цепи, которые составляют виды, как системы наследственных форм».

Известный русский философ, теоретик марксизма, Г. В. Плеханов писал: «Диалектику многие смешивают с учением о развитии, и она, в самом деле, есть такое учение. Но диалектика существенно отличается от вульгарной теории эволюции, которая целиком построена на том принципе, что ни природа, ни история не делают скачков, и что все изменения совершаются в мире лишь постепенно...».

«Переходы, приводящие к нарушению симметрии, являются одним из ключевых свойств жизни», – считал И. Пригожин³³³. В обществе же подобные процессы «порождаются активностью множества отдельных людей, их стремлениями и желаниями, их свободной волей»³³⁴.

Так, ряд крупнейших исторических событий может объясняться, в частности, исследованиями в рамках теории этногенеза, развитой Л. Н. Гумилевым. В соответствии с этой теорией, развитие этноса в большей степени предопределено внутренними причинами, его саморазвитием.

В определенные моменты времени общество сталкивается с серией задач, которые решает наиболее приемлемым для себя образом. Каждая такая проблема – это вызов истории. Под действием этих испытаний члены общества все более и более дифференцируются: одни находят удачное решение, другие не могут этого сделать. К тому же не все из найденных решений впоследствии оказываются действительно правильными. Испытания повторяются во времени. В результате некоторые из членов общества утрачивают оригинальность и поглощаются основной массой, другие не сдаются и продолжают борьбу, третьи, достаточно умеренные, достигают определенных высот, строя жизнь по новым стандартам. Индивидуальное поведение в данном случае можно понять, только сравнив его с поведением других в условиях нескольких подобных вызовов, как последовательных ситуаций в жизни общества в целом.

Социальный раскол, сигнализирующий переходный период в государстве, есть внешний критерий дезорганизуемого общества. Деструкция общественной жизни является проявлением разнонаправленности ценностно-целевых установок членов определенного общества. В переходный период государства каждый вызов рождает в сознании людей достаточно противоречивый отзыв – от абсолютной пассивности до крайних форм

³³³ Пригожин И. *Время, хаос, квант* : пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М., 1994. С. 47.

³³⁴ Костюк В. Н. *Изменяющиеся системы* / В. Н. Костюк. – М., 1993. С. 129.

активности. По мере усиления социального распада общества альтернативные решения становятся все более полярными и значимыми по последствиям³³⁵.

Вызов является стимулом к росту. Отвечая на вызов, общество и государство решает вставшую перед ним определенную задачу и таким образом переходит в более высокое и более совершенное, с точки зрения усложнения структуры, состояние. Отсутствие вызовов означает отсутствие стимулов к развитию. Так, А. Тойнби стимулы роста разделяет на два основных вида: стимулы природной среды и стимулы человеческого окружения. К первым относятся стимулы «бесплодной земли» и «новой земли». Стимул человеческого окружения находит выражение в форме постоянного давления, которое может принимать форму социального ущемления. Социальная группа, слой, класс, ущемленные в чем-либо собственными действиями или действиями других людей, так же, как и просто, по воле случая, утратив какие-то жизненно важные основы, направляют свою энергию на выработку свойства, возмещающего им потерю, в чем обычно достигают немалых успехов.

Источником (первоисточником) социального действия в переходный период является не само общество, а только отдельный индивид или группа индивидов, что в полной мере соотносится с синергетическим принципом влияния малой переменной на макропроцесс вблизи точки бифуркации. В результате взаимодействия одного или более лиц возникает определенная общая для них основа, которая служит одновременно и так называемым полем их действия. По мнению А. Тойнби, общество само по себе не может играть активной роли в жизни людей, а является лишь посредником, необходимым для взаимодействия отдельных индивидов между собой.

Внутренне развиваясь как личность, индивид становится способным совершать социально значимые действия, которые обуславливают развитие и структурализацию всего общества. Таким образом, развитие общества является следствием социально значимых действий, совершаемых развивающимися

³³⁵ Голованов А. В. Социальная напряженность общества переходного периода: дис. ... к. филос. н. / А.В. Голованов. - Саранск, 2009. С. 27.

личностями, составляющими это общество. Процессы генезиса социума и индивида, как правило, очень взаимосвязаны, взаимозависимы и практически неотделимы друг от друга. Итак, общество – это совокупность отношений между индивидами, подразумевающих совпадение индивидуальных полей действия и свидетельствующих о наличии общей основы – целеполагания. Учитывая, что индивидуальное поле действия является определенной частью самой личности, в некотором смысле каждый отдельный индивид тождественен всей целостности общества. Совершаемые им общественные действия, несмотря на свою индивидуальность и неповторимость, в целом лишь незначительно противоречат однородности общества, так как члены данного общества живут в одинаковой социальной атмосфере и являются его потенциальными творцами³³⁶.

Согласно О. Шпенглеру, выдающиеся личности, оказывающие существенное влияние не только на жизнь своего общества, но и на ход истории в целом, подчиняются безусловному фактору судьбы, то есть выполняют лишь роль лидера в череде событий, которые неизбежно должны были свершиться³³⁷.

По мнению К. Ясперса, явление перехода является основной чертой истории. Она есть постоянное движение. «Все великое есть явление на стадии перехода. Если в истории открывается бытие, то истина всегда присутствует в истории, но никогда в ней не завершается, всегда находится в движении. Там, где истина рассматривается как нечто, чем уже полностью владеют, она утеряна. Чем радикальнее движение, тем глубже открывающиеся пласты истины. Поэтому величайшие духовные творения возникают в переходные периоды на границе разных эпох»³³⁸.

По словам В. И. Ленина, «жизнь и развитие в природе включают в себя и медленную эволюцию, и быстрые скачки, перерывы постепенности»³³⁹.

³³⁶ Голованов А. В. Указ. раб. С. 29.

³³⁷ Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. С. 21 б.

³³⁸ Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер с нем. / К. Ясперс. – 2-е изд. – М.: Республика., – 1994. С. 151.

³³⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч.: Разногласия в европейском рабочем движении / В. И. Ленин – 5-е изд. – М.: Полит.литер.,1973. С. 66.

Революция и эволюция тесно взаимосвязаны, дополняют друг друга, влияют друг на друга, продолжают друг друга.

Реформа в общественной жизни представляет количественное или качественное нововведение, изменение к лучшему (или к худшему), прогрессивное (или регрессивное) преобразование, не меняющее в то же время основ, природы и существа данного общества.

По природе революция и реформа различны. Однако в то же время они взаимосвязаны, переплетаются, дополняют и продолжают друг друга, как революция и эволюция.

Ни революцию, ни реформу абсолютизировать нельзя. В. И. Ленин писал: «Понятие реформы, несомненно, противоположно понятию революции; забвение этой противоположности, забвение той грани, которая разделяет оба понятия, постоянно приводит к самым серьезным ошибкам... Но эта противоположность не абсолютна, эта грань не мертвая, а живая, подвижная грань, которую надо уметь определить в каждом отдельном конкретном случае»³⁴⁰.

Политико-правовые преобразования, социальные скачки, социальные революции – главный деятельный двигатель истории. С возникновением государства и всей политической системы общества, средством коренных социальных преобразований и поворотов становятся политические сдвиги, политические изменения, политические революции. Как отмечал К. Маркс, «каждая революция разрушает старое общество, постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, постольку она имеет политический характер»³⁴¹.

Обстоятельное научное исследование роли в общественно-государственном развитии человечества в разные эпохи революции и модернизации представил в книге «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций» (1978, российское издание 1999 г.) Ш. Н. Эйзенштадт. Его главный вывод из длительных исследований заключается в том, что революции, особенно

³⁴⁰ Ленин В. И. Указ. раб. С. 167.

³⁴¹ Там же. – Т. 1. С. 448.

великие социальные революции, сыграли самую прогрессивную и обновляющую мир роль в истории человечества. «Великие революции, ознаменовавшие наступление Нового времени, – Великий мятеж (1640-1660 гг.) и Славная революция (1688 г.) в Англии, Американская революция (1761-1776 гг.) и Французская революция (1787-1799 гг.), а также события, давшие революционный импульс всему миру, – европейские революции 1848 г., Парижская Коммуна (1870-1871 гг.) и прежде всего революции в России (1917-1918 гг.) и Китае (1911-1948 гг.) – глубоко повлияли на самосознание современных обществ. Они сформировали особую, революционную символику и эстетику и одновременно сделались составной частью политико-идеологического символизма и образа мышления всего современного мира... Этот революционный опыт, воспринятый важнейшими идейными течениями современного общества, породил ряд основополагающих постулатов современной общественно-политической мысли вообще, и социологического анализа в частности, о природе общества и в первую очередь о социальных изменениях и преобразовании обществ»³⁴².

В последние десятилетия в западной научной литературе широкое распространение и разработку получила концепция модернизации. Дословно это означает осовременивание, то есть осуществление изменений в направлении современных объективных требований общественного развития.

Согласно Ш. Эйзенштадту, модернизация представляет собой своеобразный «вызов», на который каждое общество дает «ответ» в соответствии с принципами, структурами и символами, заложенными в его достоянии в результате длительного развития. По его словам, социальные преобразования по-разному осуществляются в современных обществах, равно, как и во всех обществах, вступающих когда-либо на путь модернизации. Эти «преобразования отличаются значительным переплетением между переменами в тех или иных основополагающих нормах социального взаимодействия (принципы

³⁴² Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М., 1999. С. 43.

справедливого распределения, смысл институциональной деятельности, легитимизация социального порядка, установление границ общностей и символов принадлежности к ним), а также соединением этих перемен с изменением структуры доступа к власти, центру, его символам и формам легитимизации... Толчок к модернизации, совместно с изменениями в основополагающих нормах социального взаимодействия и в политической сфере, производит... глубокие преобразования в символической и институциональной структурах общества...»³⁴³.

В последние годы многие обществоведы подхватили и продолжили исследование теоретических и практических проблем переходных состояний общества и государства, как сложных самоорганизующихся систем применяя соответствующую постнеклассическую, синергетическую методологию.

Следует отметить, что российская синергетическая школа является одной из ведущих в мире. Ее представители В. А. Белавин, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, Г. Г. Малинецкий, В. Г. Буданов, Л. В. Лесков, В. Л. Романов, В. В. Василькова и другие, не только дополнили синергетику новыми результатами, но и активно применяют их в моделировании исторических процессов, демографического кризиса, системы образования, глобальных проблем человечества и др.

По мнению В. В. Васильковой, «влияние синергетического подхода определяется, в первую очередь, тем, что он позволяет создать универсальные объяснительные модели, которые обнаруживают глубинную общность социальных процессов самой разной природы, как процессов социальной самоорганизации сопрягаемых с общеэволюционной логикой мироупорядочивания»³⁴⁴.

Как уже отмечалось, предмет синергетики охватывает все этапы универсального процесса самоорганизации, как процесса эволюции порядка – его возникновения, развития и разрушения. Иными словами, синергетику можно

³⁴³ Эйзенштадт Ш. Указ. раб. 1999. С. 261.

³⁴⁴ Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – Спб., 1999. С. 6.

считать интегральной теорией, изучающей закономерности возникновения порядка из хаоса, описание причин и механизмов относительно устойчивого существования возникающих структур и их распада.

Синергетическая модель самоорганизации является на сегодняшний день наиболее обобщающей и эвристически плодотворной объяснительной моделью, описывающей взаимный переход порядка и хаоса в эволюцию систем, в том числе социально-политических.

Так, можно сказать, что А. Тойнби, анализируя исторические судьбы различных цивилизаций, обращал внимание на точки бифуркации, где выбор пути (флуктуации) на несколько веков определял ход развития огромных государств. Ему принадлежит и термин «альтернативная история» для нетрадиционного анализа, имеющего дело не с одной реализовавшейся траекторией цивилизации, государства или этноса, а с полем возможностей.

Именно переходное состояние дает начало процессу раскрытия потенциального специфического содержания эволюционно-исторических предпосылок, составивших природную основу возникновения общественно-исторических закономерностей развития. Методологическая основа теории переходного периода общества в полной мере соотносится с синергетическими принципами, раскрывающими механизмы эволюции сложных систем. Данные процессы и их модели достаточно успешно проецируются на государство, которое также является сложноорганизованной (имеющей различные уровни дифференциации и интеграции) системой.

Так, согласно концепции Универсального эволюционизма, каждая сложноорганизованная открытая, т. е. находящаяся в постоянном взаимодействии с окружающей средой, система на определенном этапе функционирования в результате этой взаимосвязи начинает приобретать ранее не присущие ей качества. Постепенно новые качества вытесняют старые, происходят их изменение и реорганизация. Наступает иной этап эволюции системы и ее становление на более сложном уровне.

Как уже отмечалось, государство является открытой системой, развитие которой определяется множеством внутренних и внешних факторов, и системные процессы, происходящие в нем, подчиняются законам эволюции сложноорганизованной социально-политической материи. Таким образом, государство, как система обладает способностью к переключению между различными типами режимного существования при изменении внешних условий, может деградировать, либо гибко приспособливаться к ним делая выбор между имеющимися возможностями. На этом этапе большую роль играет случайность, лежащая в основе дальнейшего выбора системы. При всей вариативности возможных состояний одно из них является наиболее оптимальным для существования системы. Оно определяется преимущественно посредством динамики внутренних процессов. Система проходит точку бифуркации, после чего выходит на качественно иной уровень. Ее дальнейшая эволюция зависит от сделанного выбора, – теперь система будет стремиться к самоорганизации уже на новой стадии развития, определенной этим выбором.

По мнению И. Пригожина, под самоорганизацией следует понимать такое существование динамических систем, которое сопровождается восхождением на более высокий уровень упорядоченности, организации. Однако его достигают только составляющие и компоненты системы, соответствующие новым условиям, в которых она будет существовать. Таким образом, происходит своего рода естественный отбор наиболее высокоорганизованных (высокоадаптивных) элементов, впоследствии либо усовершенствованных, либо элиминированных.

Так, возникнув на основе старой, новая государственная система сначала приобретает лишь некоторые собственные системные качества, которые в процессе функционирования и развития укрепляются и расширяются, вовлекая в систему новые компоненты и связи. С точки зрения В. Костюка, «новая система создает, формирует и новые, теперь уже свои, компоненты, которых ей недостает для осуществления собственных функций, достижения собственных целей. В развитии систем существует, таким образом, историческая преемственность. Система с присущими ей внутренними взаимосвязями и функциями формирует

попавшие в ее орбиту феномены по собственному образу и подобию»³⁴⁵. Теперь уже она генерирует свое поведение.

Следует также иметь в виду, что очень важным является момент, когда система только начинает свое функционирование на новом витке эволюции. Если в какой-то точке времени в нее вводится новый вид деятельности, то в дальнейшем он будет расширяться и стабилизироваться. В случае удачно выбранного места последующие аналогичные попытки, совершенные как бы поблизости, могут быть безуспешными. При внедрении того же вида деятельности в какое-либо другое время успех наблюдается далеко не всегда – инновация может полностью регрессировать и стать избыточной. Этот результат представляет собой опасность в социальном познании краткосрочного планирования, основанном на непосредственной экстраполяции прошлого опыта, без учета изменений, происходящих в окружающей действительности³⁴⁶. Подобные статистические неперспективные методы грозят государству застою и через определенный период – катастрофой. С другой стороны, главный вывод состоит в том, что основным источником, позволяющим государственной организации существовать длительное время, обновляться и находить самобытные пути развития, являются его адаптивные возможности. Именно они проходят апробацию на устойчивость и могут совершенствоваться на переходном этапе.

Из вышесказанного следует, что государство, как система переходит на новый этап развития, выбирая один из вариантов, находящихся вблизи этого выбора. Однако последний не представляет собой лучший вариант возможного, не может учитывать дальнейшую перспективу развития, он просто совершается в силу, в основном, внутренних процессов. Система отбора непрерывно развивается, правила отбора усложняются, умножаются и сами эволюционируют. Таким образом, переходные состояния сложноорганизованных систем есть объективный процесс, характеризующийся противоречивым взаимодействием

³⁴⁵ Костюк В. Н. Указ. раб. С. 191.

³⁴⁶ Голованов А. В. Указ. раб. С. 52.

предыдущей и новой появляющейся стадии их эволюции, что закономерно вызывает неопределенность в векторе развития этих систем. Однако данная неопределенность не исключает тезиса о том, что любая система в ходе эволюции не может стать тем, чем она в принципе (по сути, «генетически») не может стать, в противном случае речь будет идти уже о качественно иной системе.

Другая сторона эволюции общества и государства связана с включением в ее механизм человеческого разума, который вносит новый элемент непредсказуемости – свободу выбора. Н. Н. Моисеев считает, что в этом случае, возможно предвидеть отдельные фрагменты будущего развития, его тенденции, оценить некоторые последствия отбора или предсказать возможные сценарии развития социума, тем самым повлияв на характер отбора. «Включение разума, таким образом, позволяет усовершенствовать структуру обратных связей и выбрать из имеющихся возможностей лучшую, перспективную для дальнейшего развития в целом, сохраняя при этом основную особенность (эволюции сложного) – замену менее совершенных элементов более совершенными. Эволюция в перспективе останется непредсказуемой в принципе»³⁴⁷.

В настоящее время синергетика занимается вопросом о возможном расчете точек бифуркации и, следовательно, предполагаемом расчете определенного варианта выбора, который сделает система. Исследования в этой области интенсивны и в значительной степени эвристичны.

Процесс объединения элементов в системы непрерывен и происходит на всех уровнях – в неживой материи, в живом веществе, в обществе. Основу мирового движения составляет непрерывная перестройка организации систем и их объединение в новые структуры. Данный процесс универсален, поэтому непротиворечивой является гипотеза о том, что возникновение новых форм организации материй определяется такими же фундаментальными законами, как законы сохранения вещества и энергии. Их системологическое изучение представляется одним из важнейших направлений не только естествознания, но и философских и общественных наук.

³⁴⁷ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М., 2000. С. 36.

Так, среди возможных форм организации системы кооперативного сообщества, т. е. согласованных с системой взаимодействия, наблюдаются лишь те, которым соответствует минимум рассеивания энергии. Этот принцип является чисто эмпирическим, так как высокий уровень рассеивания требует большего закачивания энергии извне. Срок жизни таких систем непродолжительный.

Принцип диссипации (рассеивания энергии) для неживой материи имеет весьма важные аналоги в теории конфликтов. Принцип же устойчивости компромисса может рассматриваться в качестве далеко идущих обобщений принципа минимума диссипации. Резонансное воздействие порождает такие организационные структуры, которые действительно соответствуют принципу минимума диссипации и являются долгоживущими.

Подчиняясь законам эволюции Универсума, пройдя стадию зарождения и развития, система государственной организации вступает в зрелое состояние и в дальнейшем – в стадию нисходящего развития и отмирания в результате появления нового, вытесняющего и замещающего старое.

Так, например, в теории Л. Н. Гумилева прохождение этих стадий этносом описано с помощью лозунгов момента: рождение этноса – «Надо исправить мир, ибо он плох»; подъем – «Будь тем, кем ты должен быть»; вершина – «Будь самим собой»; надлом – «Только не так, как было»; переход в инерционную фазу – «Дайте же жить, гады!»; обскурация – «Да когда же это кончится»; возможное продолжение падения – императив – «А ведь не все еще погибло!»; мемориальная – «Вспомним, как было прекрасно»; вырождение – «А нам ничего не надо»³⁴⁸. Здесь прекрасно представлены все этапы эволюции политического сообщества: стадии зарождения, развития, становления и гибели.

Вместе с тем, переходные состояния возникают в обществе циклически. При этом появление новых общественных связей, элементов, отношений происходит вместе с исчезновением старых.

В переходном государстве стадии зарождения, становления и отмирания существуют параллельно. Процессы, одновременно протекающие в их рамках

³⁴⁸ Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Л., 1990. С. 168.

имеют тесную взаимообусловленность и причинно-следственную связь. Все это позволяет понять переходное государство, как систему, находящееся в особом состоянии между двумя формами (качествами) развития.

Любая государственная организация представляет собой сложноорганизованную открытую функциональную систему, постоянно контактирующую с окружающей средой. Государству, как системе свойственны процессы, вызванные противоречивым взаимодействием качественных состояний (организация власти, управленческая структура, режимные установки) предыдущей стадии эволюции и появляющейся, т. е. постепенно новые качества начинают вытеснять старые, происходят их изменение и реорганизация.

Социальные процессы, протекающие между двумя формами, качествами развития государства, имеют ряд характерных черт: неустойчивость, неравномерность; историчность; вариативность развития, трансформативный динамизм; смешанность и противоречивость общественных отношений; необратимость изменений.

Так, переход потенциальной структуры в актуальную инициирует социальный процесс, в свою очередь, обусловленный нарастанием напряжения в цепи элементов обладающих организационно-управленческой функцией, нарушением адекватности систем взаимодействия новым условиям и другими факторами нестабильности. С разрушения устойчивости набирает силу социальный процесс, предполагающий многовариантность последующей реализации.

Переходное состояние государства характеризуется следующим: 1) социальные изменения охватывают основные сферы общества; 2) институциональные преобразования сопряжены с глубокими изменениями социальной стратификации и типов взаимодействия; 3) в результате модернизаций нарушается равновесность социальных подсистем, политической системы, наступают условия ее дестабилизации (воспринимаемой членами общества как анемия, кризис и порой даже катастрофа), а затем, в порядке «обмена устойчивостью», формируется новая упорядоченность социума.

С точки зрения социального времени, переходное состояние – это протяженное и структурированное настоящее, находящееся между прошлым и будущим: нечто, детерминированное потенциальным бытием и чреватое актуальным. Оно отличается не только своими внутренними свойствами, но и местом в нерасчлененном историческом потоке³⁴⁹. Стабильные, инерционные состояния государственной системы характеризуют свершившийся исторический процесс, где уже не видны отсеченные, несостоявшиеся альтернативы потенциального бытия. Переходные состояния наоборот наполнены избыточными и хаотическими социальными процессами, разнонаправленными по отношению к складывающейся тенденции.

В этом смысле переходный период показатель принадлежности государства к самоорганизующимся системам, в которых хаотические состояния выступают, как протоупорядоченная сложность, рано или поздно завершающаяся новой пространственно-временной организацией. Он может не иметь очевидного человеческого смысла, социальных функций и исторического будущего, поэтому его трудно понять рядовому участнику событий. Период до условного окончания дестабилизации, т. е. до выхода государства на новый уровень устойчивого экономического, социального и культурного роста, стабилизации социальных институтов и политических структур, носит название переходного состояния, сопровождающегося социальной напряженностью.

Важно отметить, что в контексте идеи Универсальной эволюции, факт цикличной сменяемости качественных состояний стабильной свершенности и динамичной преобразуемости системы определяет единый континуум становления – перманентный «переходный» процесс ее организационного развития в глобальном смысле.

Таким образом, переходное состояние государства – такая форма самоосуществления социального бытия, которая служит средством актуализации потенциальной политической структуры и представляет собой смену одного типа

³⁴⁹ Голованов А. В. Указ. раб. С. 58.

упорядоченности и равновесности другим типом устойчивости социума в процессе выбора одной из альтернатив, ведущих к морфогенезу, есть пространство развертывания потенциального бытия, конструирования или воссоздания организационных форм, обеспечивающих жизнеспособность социальной системы.

Переходные – трансформационные процессы в жизни общества возникают тогда, когда противоречия и напряженность между его элементами и институтами не могут быть больше сбалансированными существующей системой государственной организации. Она теряет способность к саморегуляции. Подобные процессы происходят не только под действием внешних факторов, приводящих к изменению системы, но и в том случае, если эти обстоятельства превосходят по силе внутренние противодействующие факторы самой системы и тем самым преодолевают ее инерцию. При осуществлении любого влияния на систему возможна различная реакция ее элементов и подсистем. Значительно повлиять на систему они могут лишь тогда, когда большая часть ее элементов будет сочетаться, резонироваться с возмущением, производимым внешним воздействием. Сила воздействия при этом может быть не столь значительна. «Под возмущением будем понимать всякое не соответствующее процессам обычной жизнедеятельности системы воздействие на нее или на ее отдельные элементы, приводящее хотя бы к временным отклонениям от обычных (функционально обусловленных) результатов жизнедеятельности»³⁵⁰.

Причины возмущений, возникающих внутри системы и приводящих впоследствии к ее изменению, достаточно специфичны. Рассмотрим механизм появления внутрисистемных возмущений, соотносимый с практической проблемой стратегирования государственного развития.

Дестабилизация системы государства изнутри происходит особенно быстро при накоплении большого числа свободных потенциалов, не имеющих внутрисистемных связей с другими элементами системы. В любой системе это

³⁵⁰ Костюк В. Н. Указ. раб. С. 24.

может быть вызвано ее усложнением и несовершенством существующих внутрисистемных связей. Подобные процессы могут происходить и в управляемой системе (в государственной системе управления в т. ч.) и возникать в следующих случаях:

1) регулирующий орган получает информацию от одного элемента, но не передает ее другому, нарушая информационную связь;

2) регулирующий орган получает информацию от одного элемента не в полном или в искаженном виде, но передает ее другому элементу;

3) информация передается от одного элемента к другому в неправильном или неполном виде и при этом дополнительно искажается в процессе передачи.

Накопление в системе свободных потенциалов может происходить также вследствие ослабления свойств, присущих взаимодействующим элементам и неизбежно приводит к определенному воздействию на нее, первым следствием которого является разбалансировка системы – образование в некоторых ее местах излишков свободных потенциалов, в других – наоборот, их дефицита и вследствие этого усиление диспропорций в использовании ресурсов. В дальнейшем свободные потенциалы, накопившиеся с избытком, начинают формировать собственные связи, которые не входят в основную структуру, а затем – собственные структуры, служащие впоследствии причиной наиболее серьезных внутренних возмущений. До определенного времени эти образования не учитываются существующей системой и не включаются в ее информационный обмен, – поэтому они организуют свои институциональные, информационные подсистемы³⁵¹.

Ситуация значительно усложняется, когда подобные «несистемные» потенциалы появляются в системе не только в результате искажения информационного обмена, но также из-за чрезвычайной жесткости существующей структуры, не допускающей возможности образования между элементами новых внутрисистемных связей, таким образом сильно ограничивая степень их свободы. Возникающие параллельные общественные подсистемы при

³⁵¹ Голованов А. В. Указ. раб. С. 69.

этом начинают вступать в конкурентные отношения с государственной системой, доводя ее до дестабилизации (а возможно и разрушения) и способствуя возникновению новой структуры.

Надо сказать, что к внутренним напряжениям в государственной системе добавляются внешние, возникающие в результате воздействия на нее других структур, а также иных, более высокоорганизованных, динамичных, ресурсоемких государственно-политических систем.

Различия во внутренних и внешних возмущениях весьма существенны и заключаются в том, что первые накапливаются постепенно и в принципе их можно рассчитать и попытаться предотвратить последствия, вторые – практически непредсказуемы и массивны.

Чтобы система была устойчива к внутренним возмущениям, она должна соответствовать следующим условиям:

1. Наличие в системе надежной информационной связи, ее развитие и укрепление (с целью максимального включения в ее структуру системы свободных потенциалов, так как именно их накопление ведет к возникновению внутренних возмущений).

2. Максимальная гибкость системы, выражаемая степенью адаптивности элементов. Последняя зависит непосредственно от наличия степени свободы, которой обладает элемент для вступления в различные внутрисистемные отношения с другими элементами, быстрого переключения с одного вида отношений, уже не соответствующих условиям функционирования системы, на другие, более подходящие в данной ситуации. При этом вступать в подобные отношения могут не только отдельные элементы, но и образовавшие внутрисистемные множества таких элементов.

Государство является относительно управляемой (линейно регулируемой) системой. Следует отметить, что сами управляющие, регулирующие органы могут вносить в систему дисбаланс, поэтому информационный обмен здесь должен находиться на очень высоком уровне, особенно это касается развития обратных связей между элементами и регулирующими органами. Если система, даже

хорошо организованная, больше ориентирована на одностороннее поступление информации только от регулирующих органов, она не может считаться устойчивой. По этой причине регулирующий орган должен содействовать максимально действенному функционированию внутрисистемных элементов (институтов гражданского общества, отдельных его членов), получению лучших, исходя из потребностей системы, результатов их деятельности, помогать им в различных ситуациях, предотвращая возможный кризис.

Одна из главных причин возникновения нарушений информационного обмена в системах с доминантным регулирующим органом – слабая чувствительность последнего. Следующая причина может заключаться в том, что многие процессы и отношения в системе не поддаются прямому регулированию.

Особое внимание следует обратить на специфику функционирования отдельных социальных элементов системы общества. В их функционировании существуют серьезные проблемы в процессе смены государственного строя среди которых, одной из главных является адаптация населения к новым условиям жизни, к новой системе управления. Адаптация означает успешное приспособление к нормам общественного устройства, изменение стереотипа своего поведения в соответствии с ними, причисление себя к определенной социальной группе. В результате переходного процесса качество структуры населения может ухудшаться, происходит массовое обеднение (материальное, моральное), которое влечет повышение уровня социальной напряженности и возникновение криминогенной обстановки в обществе. Неадаптированность населения к новым условиям приводит к разрыву многих прежних отношений. Оно становится все более отрешенным от государственной системы управления, увеличивается количество неинтегрированных – асоциальных, аполитичных, аморальных элементов.

Вместе с тем, в переходные периоды происходит смена государственной идеологии, так как старая идеология, прежние мировоззренческие установки уже не соответствуют требованиям организационной оптимизации. Возникает необходимость в новых стандартах поведения и образа жизни.

Как говорилось ранее, не нашедшие применение в структуре системы элементы начинают объединяться. В экономике появляются параллельные структуры, называемые теневой экономикой. В политической жизни общества это выражается в возникновении различных (внесистемных) объединений, оппозиционных групп. Следует отметить, что такие объединившиеся в подобного рода связи элементы намного более восприимчивы к новшествам и конъюнктуре, чем элементы основной структуры. Какое-то время они могут существовать в рамках действующей системы, пока структура достаточно прочна и обладает гибкостью, но как только она начинает утрачивать эти качества, происходит рост неструктурных элементов и их объединений. Все больше усилий система затрачивает на их подавление, а не на собственное развитие, и входит, таким образом, в предкризисное состояние. В экономике это выражается в снижении темпов роста производительности труда, отсутствии стимулов профессионального роста у работников, смещении ценностных ориентаций в обществе в целом. Идеология, существующая в социуме и являющаяся фундаментом любого стабильного, процветающего общества, перестает удовлетворять его интересам, не соответствует происходящим в нем процессам, максимально не учитывает интересы различных социальных групп. В результате возрастают неудовлетворенность социальных групп своим положением в обществе, и недовольство существующей системой управления. Возникает необходимость в создании новых форм идеологии, наиболее адекватно отвечающих современной реальности.

Однако обратим в очередной раз внимание на то, что развитию любой социальной системы присуща цикличность.

На характер цикличности в неравновесных системах влияют ее открытость, способность к самоорганизации, фундаментальная роль случайности, что определяет нелинейный характер ее развития.

В теоретическом плане идея нелинейности может быть описана, как идея многовариантности, альтернативности социального развития; идея выбора из

данных альтернатив; идея темпа, скорости процессов в среде; как возможность неожиданных, эмерджентных изменений направления течения процессов.

В трудах Л. П. Карсавина и И. Пригожина, как отмечалось выше, отрицается наличие причинности в историческом процессе; для них неуместен термин «развитие», несущий в себе обозначение исключительно прогрессивных изменений.

Смена одного типа упорядоченности и равновесности другим типом устойчивости социума, где промежуточной стадией является переходное состояние государственной организации, подготавливаемое кризисом социальной системы, можно описать следующей схемой, являющей собой цикл развития государственной системы: упорядоченность – кризис и переходный период – упорядоченность.

При крупных поворотах истории состояния нарушения равновесности, воспринимаемые обыденным сознанием как катастрофа, неизбежны. Теория катастроф, у истоков которой стояли математики Пуанкаре, Понтрягин, Андронов, Гилмор и другие, установила, что «крутые повороты» – где бы они ни происходили: в технике, технологии, природе или обществе – связаны с переходом системы из одного качественного состояния в другое, что на языке этой теории и означает катастрофу. Многие процессы могут быть описаны с помощью теории катастроф, согласно которой переход разных систем из одного равновесного состояния в другое, обмен устойчивостью имеют общие, универсальные черты.

Первая особенность кризисного состояния относительно государственной системы состоит в том, что если резко перевести ее из одного качественного состояния в другое, то дальше она будет развиваться уже самостоятельно в рамках новой структуры. Вторая – заключается в снижении активности в рамках старых структур при переходе системы из одного качественного состояния в другое. Еще одной своеобразной чертой кризисного развития являются увеличение скорости снижения активности в рамках старых структур по мере перехода к новым и постепенное нарастание сил инерции, препятствующих этому

процессу. Чем медленнее будет продолжаться спад, тем дальше во времени отодвигается момент окончания «спада» и начала «подъема».

Характеризуя социальные процессы, наиболее важные для успешного прохождения обществом и государством переходного состояния, можно сказать следующее.

Активизация социального поведения носит массовый характер, если формируются и развиваются мотивы социально-экономической деятельности, необходимые в условиях модернизации. Следует отметить, что путь мобилизации социального процесса в сфере активности населения эффективен только в том случае, если имеется национальное согласие. Особое значение может приобретать роль культурных и национальных традиций, как долгоживущих параметров порядка.

Однако для решения задач гражданского согласия решающую роль играет развитие политической культуры, «культуры гражданственности», активное участие масс в политических и экономических решениях.

Предполагается, что политическая культура не тождественна политической системе и является, как бы схемой восприятия и познания индивидом социально-политического мира (своеобразная «информационная карта» для оценок этого мира). Для переходных состояний общества характерна смешанная, неоднородная политическая культура – как по содержанию, так и по структуре, т. е. по соотношению познавательного и оценочного элемента. Политическая система при этом окружена атмосферой непредсказуемости и взрывоопасности, в частности, из-за слабой дифференциации политических ролей.

Государственное управление в переходных состояниях должно учитывать, что такие социальные системы очень динамичны и неустойчивы. Если управление не справляется с нестабильностью, не находит компромисса для постоянно меняющихся и сталкивающихся интересов различных групп, не контролирует ситуацию, возникает социальный кризис, основные проявления которого – недоверие к государственным институтам, рост преступности и насилия. Наряду с этим характерен иррациональный рост доверия к отдельным социальным

институтам и лидерам, надежда на их непосредственное вмешательство и помощь. «Кризисное» насилие является следствием нестабильности, неустойчивости переходных структур, что может привести к возникновению авторитарного режима. Эта возможность заложена не только в психологической реакции людей на кризисную ситуацию, но и в их стремлении к социальной упорядоченности, предсказуемости любой ценой.

Переходное состояние – форма актуализации потенциального бытия (и заложенного в нем широкого спектра альтернатив), «запущенного» социальным процессом, есть дистанция движения в пространстве и во времени социума от одной упорядоченности к другой.

Таким образом, переходное состояние государства, возникающее в результате кризиса, когда существующая система уже не может сглаживать противоречия и напряженность между его элементами и подсистемами – это такая форма самоосуществления социального бытия, которая служит способом актуализации потенциальной структуры и представляет собой смену одного типа упорядоченности и равновесности другим – устойчивости социума в процессе выбора им одного из альтернативных путей, форм развития, предполагающих переход к неопределенной структуре общества, это пространство развертывания потенциального бытия, конструирования или воссоздания государственных форм, обеспечивающих жизнеспособность социальной системы.

Далее, подводя итог изложенному в данном параграфе, определим переходное состояние государства, как имманентный процесс (принцип его системного развития), как форму самоосуществления социального бытия, которая служит средством актуализации потенциальной политической структуры и представляет собой смену одного типа упорядоченности и равновесности другим типом устойчивости социума в процессе выбора одной из альтернатив, ведущих к конструированию или воссозданию организационных форм, обеспечивающих жизнеспособность общества.

Надо отметить, что наше время характеризуется множеством мировоззренческих установок, в науке происходит непрерывный пересмотр

традиционных представлений об отдельных явлениях, и о картине мира в целом. Это ведет к выработке конструктивных идей, способных лечь в основу новых футурологических концепций. В связи с этим, следует отметить ведущиеся в последние годы в русле синергетического подхода активные поиски описания таких алгоритмов развития, опираясь на которые можно было бы построить адекватную мировым реалиям теорию Универсального эволюционизма. Представляется, что теория Универсального эволюционизма и осознание перспектив человеческой цивилизации и государственности должны опираться на синергетическое описание системы мироздания.

Синергетическое мировидение позволяет по-новому подойти к проблеме эффективного управления развитием сложных систем. Управление цивилизационным развитием возможно лишь только на основе глубокого понимания коэволюционно-стохастических закономерностей становления и развития социальных систем.

Понятие «Универсальная история» в современной науке обозначает интегральную модель прошлого и настоящего, включающую историю человечества в единый контекст истории цивилизации, ноосферы, биосферы, Земли и Вселенной. Такой подход помогает не только продемонстрировать системное единство современного научного знания, но также выявить фундаментальное единство человеческой истории и, наконец, коэволюционное происхождение и исторические закономерности становления и преобразования культуры, права и государства.

4.2. Принципы моделирования государственно-политической системы и ее самоорганизационного развития

Сегодня фундаментальная наука все больше внимания уделяет сверх-сложным системам, живым, человекомерным, социальным. Естественно,

возникает проблема рефлексии науки по поводу пересмотра своих идеалов, норм и ценностей, технологий научного познания и взаимодействия с обществом.

Синергетика человекомерных систем сегодня, в эпоху постиндустриального развития, формирует особый метауровень культуры, рефлексивный инструментальный анализа ее развития – синергетическую методологию, методологию междисциплинарной коммуникации и моделирования реальности. Методологию открытую, адаптивную.

Синергетика сегодня стоит не только перед проблемой создания своей дисциплинарной онтологии, которая выражается в соответствующих принципах, но и перед проблемой включения этих принципов в научную картину мира. В этом состоит один из важных аспектов оснований ее междисциплинарного и трансдисциплинарного статуса. Именно вокруг этой проблематики по существу и разворачиваются дискуссии относительно места синергетики в системе научного знания. Ее неприятие некоторыми критиками относится не к ее конкретным моделям, а к программе включения ее принципов в общенаучную картину в качестве системообразующего ядра³⁵².

Трудности в реализации этой программы связаны с переосмыслением оснований многих наук, в т.ч. юриспруденции. В частности, важно представить изучаемые ей объекты в качестве открытых процессуальных систем.

Представляется, что все эти проблемы, в первую очередь, будут решаться, обостряться и обновляться в междисциплинарной проектно-модельной деятельности, в которой синергетика должна будет развивать свои универсалистские подходы, усовершенствовать трансдисциплинарный метаязык.

Осознавая существенность данного контекста относительно научных изысканий в области теории государства и права, перспективно будет проанализировать системно-функциональный подход в процессах

³⁵² Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании: дис. ... д. филос. н. / В.Г. Буданов. – М., 2007. С. 118.

синергетического моделирования системы государственной организации общества и ее самоорганизационного развития.

«Модель государства, как самостоятельное средство познания политико-правовой действительности позволяет в рамках единой методологии выделить общее и особенное в его организации и функционировании, определиться с потребностями в специфике научного знания для проведения практико-ориентированных исследований относительно реальной организации публичной власти»³⁵³.

В действительности, аутентичная синергетика рождается в результате профессионального взаимодействия трех областей интеллектуальной деятельности: предметных практик, философии и математики, причем сегодня это взаимодействие, все в большей степени, осуществляется в командной работе дисциплинариев, математиков и философов-методологов в рамках междисциплинарных проектов³⁵⁴.

Существует широко известное мнение³⁵⁵, что философия и математика в процессе своего развития, опережают потребности общества, создают мысленные конструкции, которые затем востребуются в периоды культурных мутаций, социальных и научных революций. Сам процесс синергетического моделирования можно соотнести с культурной мутацией, создающей ранее отсутствующие в дисциплинарных культурах образы реальности. Поэтому, мотивов сотрудничества философии, теории и практики становится все больше, и по мере возрастания сложности проектов и исследуемых систем социосинергетическая методология становится одним из неперенных слагаемых успеха моделирования государственно-правовой реальности.

³⁵³ Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д. ю. н. / В.С. Плетников. – Екатеринбург., 2022. С. 5.

³⁵⁴ Чернавский Д.С., Стариков Н.Н., Щербаков А.В. Проблемы физической экономики / Д.С. Чернавский // Успехи физ. наук. - 2002. - Т. 172. - № 9. С. 1045-1067; Коротаяев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. – Математическое моделирование исторических макропроцессов: демография, экономика, войны. / А.В. Коротаяев – М., 2005. С. 66.

³⁵⁵ Степин В.С. Теоретическое знание./ В.С. Степин – М., 2000. С. 35.

Далее, взяв за основу концепцию В. Г. Буданова, остановимся подробнее на видении процесса полноформатного синергетического моделирования в гуманитарной (государственно-правовой) сфере и междисциплинарном проектировании, выделив следующие этапы:

1. Постановка задачи в дисциплинарных терминах, включая междисциплинарную экспертизу.
2. Перевод дисциплинарных понятий и эмпирических данных в синергетическую терминологию.
3. Усмотрение базовых процессов, обратных связей, принципов синергетики в эмпирическом материале
4. Согласование, сборка принципов синергетики на эмпирическом материале, в результате чего возникает логический квадрат.
5. Построение структурно-функциональной когнитивной модели.
6. Конструирование формальной динамической модели.
7. Построение «реальной» модели, т.е. уточнение свободных параметров и коэффициентов из опыта.
8. Математическое решение модели (математической, компьютерное моделирование).
9. Сравнение с экспериментом, интерпретация результатов. (Здесь в первую очередь проверяется прогностическая ценность модели, однако, не только во временной динамике модели, но и в детерминации ею ранее не верифицированных свойств системы).
10. Принятие решений, корректировка модели.

Важно отметить, что в процессе синергетического моделирования каждый обозначенный этап имеет свои стадии. Первой реализуется стадия культурно-семиотическая, знаковая стадия, затем формируются образы пространства и времени, затем реляционная (причинно-следственные категории), затем системноструктурная, последняя – формализованная стадия. Причем на каждом этапе моделирования доминирует одна из таких стадий.

Можно сказать, что, двигаясь по этапам моделирования, мы предъявляем расширенный принцип наблюдаемости в синергетике, однако социально-коммуникативные функции этого принципа мы находим уже в онтологиях неклассической науки начала XX века, еще задолго до эпохи междисциплинарных исследований.

Кризис классической рациональности в начале XX века привел к развенчанию идей абсолютного детерминизма, абсолютного наблюдателя, абсолютной полноты классической онтологии реальности. Были разрушены многие очевидные представления и способы рассуждения о реальности. Теория относительности населила каждую точку пространства-времени бесконечным числом движущихся различным образом наблюдателей, задала правила коммуникации между ними, о чем ранее особенно не задумывались, и реализовала, тем самым, социогуманитарный взгляд на простейший процесс наблюдения элементарных событий, которые теперь были нераздельны с конкретной позицией наблюдателя, системой отсчета.

Единое описание явлений и процессов проводится в бесконечномерных комплексных пространствах на операторном языке функционального анализа, а не на языке представимых образов – форм, исторически унаследованном государствоведением с древних времен.

Комплексные междисциплинарные задачи современной проектно-исследовательской деятельности используют методы постнеклассической науки.

Напомним, что в постнеклассике познавательно-деятельностная цепочка «субъект-средство-объект» замыкается в пространствах культуры и личностной рефлексии субъекта, превращаясь в кольцевой процесс понимания и преобразования мира и себя.

Синергетика – это, пожалуй, уникальный научный социальный мегапроект, в котором происходит рефлексия по поводу его собственного влияния на научное мировоззрение. Увлечения гуманитариев социальным физикализмом в XVIII веке, социал-дарвинизмом в XIX, релятивизмом, структурализмом в XX веке являлись, помимо прочего, мощными мировоззренческими прорывами, пополнениями

картины мира нашей цивилизации. Например, двести лет назад социальный физикализм привил в гуманитарной культуре представления о детерминизме в истории, единственности законов общественного развития, образе общества, как механизма, которым можно манипулировать, что и сейчас привлекает многих³⁵⁶.

Для создания синергетической методологии необходимо не только разбираться в синергетике как науке, но и понимать, чувствовать, как она воспринимается, выстраивается в картине мира, в сознании, в культуре эпохи. Методология, позволяющая эффективно применять синергетику в юридическом знании, перевести энергию восторгов в конструктивное русло, сейчас создается постепенно, с учетом проявившихся коммуникативных разрывов в научной культуре.

Так, исходная идея заключается в том, что человек, социум, культура появились на определенном этапе эволюции природы и несут в своих основах базовые природные законы развития, которые еще недостаточно хорошо изучены. Для сложных гуманитарных феноменов таких, как государство и право, законы проявляются, в первую очередь в информационной сфере, хотя за этим стоят тонкие естественнонаучные и синергетические механизмы в многокомпонентных системах.

Обратимся к известной метафоре о «лаборатории природы», в которой творится и меняется мир, а наука, расшифровывает природные законы развития. Напомним, что только с эпохи Возрождения человек стал в этой лаборатории деятельным сотрудником, осознанно ставя активный эксперимент. В гуманитарной сфере эта метафора может быть представлена, как «лаборатория цивилизации», в которой совместно с живой, неживой природой, человек творит антропную сферу. Он творит свой мир самореферентно и самокреативно в режиме коммуникации и самоорганизации, поэтому применение идей синергетики здесь представляется актуальным.

³⁵⁶ Буданов В. Г. Указ. раб. С. 124.

Особенность лаборатории цивилизации заключается в том, что она абсолютно постнеклассична: сознательно или бессознательно, человек является и творцом, и средством, и объектом деятельности. Техническая и духовная сфера культуры могут быть представлены, как поле эксперимента, как правило, бессознательного. Идея экспериментов возникает и, когда мы начинаем моделировать государственно-правовые феномены, искать и реконструировать их цели и смыслы, пути их изменения, связанные с оптимизацией жизнедеятельности социума; а исторически сложившиеся практики (образцы, системные формы) политико-правовой организации общества, могут рассматриваться, как результаты данных экспериментов. Тем самым, меняется стратегия получения эмпирического знания: не надо ставить активный (зачастую малоуправляемый) социальный эксперимент, достаточно создать полные информационные базы данных антропной сферы, выявив определенные параметры порядка, соответствующие закономерности развития. Представляется, что, перспектива дальнейшей теоретизации здесь будет связана с решением в т.ч. некорректных обратных задач моделирования и компьютерной проверкой гипотез.

Однако, основной проблемой, затрудняющей продвижение естественногуманитарных проектов, по-прежнему остается согласование дисциплинарных критериев: целей и смыслов моделирования, строгости и надежности получаемых результатов, готовности делать междисциплинарные обобщения и гипотезы в других дисциплинарных областях, менять онтологический базис. Дело в том, что зачастую культура и социогуманитарные феномены рассматриваются в отрыве от их генетической природной основы, а именно здесь лежит область междисциплинарного сотрудничества, совместной экспертизы естественников (имеющих мощнейший методологический арсенал моделирования реальности) и гуманитариев.

Применение синергетики не ограничивается метафорой в гуманитарных исследованиях, но моделирование возможно, как минимум, на когнитивном уровне, а во многом, и на уровне формализованных этапов.

Гуманитарные синергетические модели могут возникать, как за счет применения метода аналогии, архитектурного переноса естественнонаучных моделей в антропную сферу (при этом часто навязывается новая онтология), так и в результате мягкой редукции, точнее, выводимости государственно-правовых феноменов из естественнонаучных механизмов развития антропной сферы.

Приведем ниже некоторые контраргументы противникам применения естественнонаучных подходов в гуманитарных науках, подробно изложенные в работе В. А. Лекторского³⁵⁷.

Так, представляется, что если мы имеем объяснение какого-то факта, мы легко можем предсказать будущие факты (известный тезис о симметрии между объяснением и предсказанием). Это мнение соответствует популярной модели объяснения, как подведения фактов под общий закон. При этом предполагается, что формулирование предсказаний будущих событий – это отличительная черта естественных наук. Однако в действительности предсказание природных явлений – непростая задача. Синергетика убедительно показывает, что будущее сложных систем не определено однозначно, возникает эволюционное дерево возможных сценариев, и на развилках, в точках бифуркаций роль случая или личности в истории, играет решающее значение. Тем самым можно проводить сценарный прогноз и в гуманитарной сфере. Аналогично, имея синергетическую модель реконструкции прошлого, мы можем понять ключевые события и поступки, которые привели к настоящему, т.е. решить задачу понимания в истории.

Человеческие действия не только производят и воспроизводят социальные структуры, но в свою очередь сами обусловлены последними. Исследователь, работающий в науках о человеке, не только описывает действия, но также пытается анализировать социальные и культурные структуры, включая политико-правовые институты и их взаимоотношения. Фактически это круговая причинность, возникающая в явлениях самоорганизации между массовыми переменными и социальными параметрами порядка. Если применять социальную

³⁵⁷ Лекторский В.А. Трансформация научного знания в современной культуре / В.А. Лекторский // Синергетическая парадигма / Под ред. В.Г.Буданова. – М., 2006. С. 103-113.

синергетику, то многие загадочные социальные феномены могут приобрести строгую теоретическую основу. Причем эти социальные параметры порядка проявлены, как изменяющиеся во времени законы исторического развития.

Далее, вслед за В. С. Степиным и В. Г. Будановым мы можем повторить, что современная наука находится в стадии диалога и синтеза наук о человеке и наук о природе. Причем, в постнеклассической парадигме каждая из них проходит свой участок пути, открывая в противоположной стороне все больше своих собственных черт и особенностей. Синергетика видится наиболее естественным посредником в этом процессе междисциплинарного и межкультурного синтеза.

В. А. Лекторский подчеркивает, что «происходящие изменения в науках о природе и в науках о человеке позволяют понять их отношения в новом свете и выявить их сущностное единство. Они дают возможность также по новому понять цели научного мышления в целом. Это не только предсказание и контроль. В тех случаях, когда исследование не ведёт к осуществлению этих целей, оно не обязательно перестаёт быть научным, ибо может иметь ценность уникального способа реализации человеческой потребности в объяснении и понимании реальности. Ведь жить в неосмысленном мире человек просто не может»³⁵⁸.

Далее, приближаясь к практической стороне вопроса касающегося моделирования самоорганизационного развития собственно системы государственной организации общества, обратимся, в очередной раз, к анализу ее, в действительности, имманентного свойства и условия – динамического хаоса, являющегося источником, как самоорганизации, так и кризисных процессов, составляющих, вместе с тем, предметную область синергетических исследований, область синергетического моделирования, соотносимую с прогнозированием качественного состояния (в т. ч. степени устойчивости развития) системы в зависимости от внешних и внутренних факторов.

Хаос древнейшая гуманитарная категория мифологии и философии, которая в XIX веке дополнилась естественнонаучным пониманием статистического (теплого) хаоса, а в XX веке еще и динамического хаоса в детерминированных

³⁵⁸ Лекторский В.А. Указ. раб. С. 109.

системах и когнитивного хаоса в теории сложности. В социальных системах он выступает сразу в двух ипостасях: тот хаос, что «у нас в головах» (в сознательной и бессознательной сфере) – детерминируемый приходящей бифуркационностью взаимосвязанных, предопределяющих волевою установку понятий: потребность, возможность, цель, ценность, обязанность и др., и тот динамический хаос, что во вне – являющийся выражением закономерностей развития Вселенной, включающей в себя всю человеческую культуру, цивилизацию, государство и каждого отдельного человека, отражающего данные явления в своем сознании. Сложность в том, что человек не просто наблюдатель, но и участник социально-политических процессов и его внутренние пространства так же входят в систему наряду с материальными и информационными пространствами.

Надо отметить, что сам факт диалога, наблюдения за системой может существенно, неустранимо влиять на нее. Этот феномен хорошо известный в квантовой теории микрообъектов, ярко проявляется в социальной сфере и вообще в человекомерных системах. Например: социальный опрос сам искажает мнения реципиентов; опубликование принятой законодателем правовой нормы информационно изменяет качество общественных отношений, которые становятся уже не теми, на которые была направлена норма; процесс непрерывной рефлексии в творческом поиске, подглядывание за мышлением, блокирует интуитивный канал, навязывает определенность суждения. Таким образом, мониторинг кризисных систем становится делом весьма деликатным, фактически одним из инструментов управления, иногда неосознанного, а иногда манипулятивного управления. В связи с этим существует большая проблема с адекватным пониманием роли средств информации, которые и проводят сегодня основное управление хаотическим процессом формирования информационных аттракторов – моделей государственно-политического развития.

Далее, обозначим методологические ориентиры к пониманию специфики антикризисного управления (реакции направленной на преодоление негативных процессов самоорганизационного, хаотического развития), в данном случае, с учетом влияния субъективно-волевого фактора участников системы (здесь мы

находимся умозрительно на уровне масштаба системы в рамках, которого еще различимы значения функционирования ее структурных компонентов), определим альтернативные модели их реагирования на различные условия окружающей действительности.

Так, можно определить несколько основных сценариев-моделей, практикующих стратегий поведения участников социально-политической системы при прохождении ей кризисной ситуации. Существуют вполне конструктивные формы диалога с социальным хаосом, позволяющие избегать его или адаптироваться к нему³⁵⁹. Так, возможны следующие сценарии прохождения кризисов.

Мобилизационный сценарий – система может проходить кризис в быстром, силовом режиме, когда горизонт предсказуемости соизмерим со временем пребывания в кризисе. Иногда такую ситуацию можно создать искусственно: используя «инерцию», за счет разгона системы в направлении нужной альтернативы, особенно с учетом ритмов исторического развития системы.

Сценарий выживания – медленное прохождение кризиса, когда горизонт предсказуемости много меньше времени пребывания в зоне кризиса. Здесь возникает описание на языке вероятностей возможных будущих альтернатив, однако кризисом теперь можно управлять посредством малых систематических усилий, меняя синергетическую среду за счет постепенного изменения правил поведения, стратегий, стилей (подвижки во внутренней и внешней политике, экономике, идеологии, образовании, общественном мнении, избыток или недостаток информации и т.д.). Каждая стратегия будет давать свою относительную вероятность посткризисных альтернатив, которые обычно при взгляде из кризиса не ясны, аттракторы еще не проявлены, не сформировались. Например, когда сверхусилия, свойственные предыдущему мобилизационному сценарию, преждевременны и вредны, являются бессмысленной тратой ресурса,

³⁵⁹ Буданов В. Г. Принципы синергетики и управление кризисом. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности / под ред. О.Н.Астафьевой./ В.Г. Буданов – М., 2003. С. 86-99.

тогда каждому приходится выбирать оптимальную, долговременную стратегию выживания, исходя из соображений, как поддержания ресурса, так и реализации минимального набора целей и ценностей, которые у каждого свои.

Сценарий приближения выбора – наиболее сложный, промежуточный между двумя предыдущими сценариями. Здесь горизонт предсказуемости постепенно приближается ко времени жизни в кризисе. Таким образом, возникает реальная возможность и насущная потребность переключиться из режима выживания в силовой режим окончательного выбора. При этом с одной стороны надо экономить ресурс для силового инерционного броска, с другой стороны «игровая» стратегия может помочь правильно перераспределить вероятности и в момент окончания кризиса оказаться в бассейне притяжения новорожденного желаемого аттрактора. В последнем случае ресурс так же может понадобиться для удержания системы вблизи еще слабого аттрактора. Возможно и точечное воздействие в точках неустойчивости, решающие проблему выбора, так проявлена роль случая, роль личности в истории и т.д. Вместе с тем, надо учитывать, что хаосные процессы дают «энергию» для реструктуризации, и задача поиска выхода из кризиса – не пропустить момент.

Важно отметить, что динамический хаос систем государственной организации категория в действительности амбивалентная, зависит, как от свойств системы, так и целей и ценностей субъектов. Поэтому управление социальным хаосом и с помощью хаоса, о котором много говорят в последнее время в связи с чередой оранжевых революций, тлеющих гражданских войн, распространяющегося нацизма и терроризма проще всего осуществлять через ценностные пространства, которые в нашем мире постмодерна становятся все менее инерционными.

Здесь, актуальным будет обратить внимание на проблему моделирования социальных волнений, изложенную в классической работе Постола и Стюарта

«Теория катастроф и ее приложения»³⁶⁰, где с помощью теории катастроф исследуется динамика нарушений определенного дисциплинарного режима.

Применив метод аналогии, переноса данной модели на общество в целом, рассмотрим модель взаимосвязи следующих трех социально-психологических факторов: социальная атомизация (разобщенность людей), недовольство жизненными обстоятельствами (напряженность), сила социального протеста. Здесь предлагается модель социальной катастрофы, в которой сила протеста есть функция отклика от двух других характеристик – атомизации и недовольства.

В первом сценарии ярко проявлен факт увеличения «хрупкости» или катастрофичности общественной жизни, т.е. плохо предсказуемого резкого взрыва протестной социальной энергии, который происходит при увеличении недовольства в условиях высокой атомизации членов общества. До зоны катастрофы атомизированное общество мало чувствительно в своих проявлениях к уровню недовольства людей и это «усыпляет» государственную власть, делая факт катастрофы неожиданным. Кроме того, атомизация общества может быть и привлекательна для государственной власти, в силу возможности создания иллюзии благополучия.

Во втором сценарии неатомизированного, когерентного общества, коллективные эффекты реакции протеста по мере увеличения недовольства начинают проявляться раньше и в более адекватной пропорциональной степени, этот режим ближе к возможностям управляемой демократии, когда поведение социума предсказуемо и не катастрофично, обратные связи успевают сбалансировать ситуацию, т.е. власть может успеть принять адекватные меры.

Фактически, второй сценарий соотносится с функциональной моделью гражданского общества с высокоразвитыми, гибкими обратными связями и эффективными институтами демократии на всех уровнях социума, своего рода когерентный соборный социокультурный организм. В первом же сценарии, речь идет скорее о либертарианском обществе – машине, в котором абстрактные права

³⁶⁰ Постон Т., Стюарт И. Теория катастроф и ее приложения. Изд-во «Мир». М., 1980. - 607 с.

человека уже заформализовали и уничтожили общинные начала жизни и культуры народа, атомизировав, разобщив его членов.

Вместе с тем, обращая внимание на факт перманентной включенности определенной степени недовольства (напряженности) в сферу жизнедеятельности социума и отдельных его членов, можно усмотреть в данном положении дел позитивную сторону, соотносимую с динамикой развития гражданского общества и государства посредством осуществления людьми выбора форм и средств своего существования, а также реализации права на свободу этого выбора, что, в свою очередь, имеет собственную методологическую трактовку.

Так, при модерировании в рамках классического рационализма не принято рассуждать о множественности причин или следствий – для любого события (А) есть ровно одна причина и одно следствие, т.е. событийная диада –А–, тогда выстраивая последовательность всех событий в причинно-следственную цепь ... – А–В–С– ... получаем либо бесконечный однозначный линейный ряд событий, либо столь же однозначный круговой процесс, где первая причина становится последним следствием. Такие когнитивные линейные схемы реальности не оставляют человеку свободы воли и творчества в мире, именно они порождают уверенность в непогрешимости догм и авторитетов, существование единственно правильных теорий, они порождают порочные логические круги, для разрыва которых необходим отказ от однозначности посылок хоть в одном звене. Это замкнутые системы мышления, не способные развиваться, способствующие деградации³⁶¹.

В связи с этим, представляется актуальным, что в качестве мировоззренческого ориентира, необходимо иметь альтернативный метод моделирования, способный умозрительно воспроизвести содержательную, развивающуюся, эволюционирующую Вселенную, сохраняющий за человеком свободу воли, как условие имманентности становления и трансформации государственно-политической материи. Так, для возможности построения причинной ткани реальности необходимо допустить множественность причин и

³⁶¹ Буданов В. Г. Указ. раб. С. 129.

следствий событий, где минимальная возможность и есть креативная триада для любого события. Здесь события образуют узлы сетки (в узле два входа один выход, или два выхода один вход), по которой можно теперь двигаться неоднозначно, и приходить к одному и тому же результату разными путями, или наоборот. Это генерирует множество сценариев развития событий, плюрализм мнений и многообразие нашего мира, его неоднозначного будущего и возможного прошлого.

Предвосхищая дальнейшее изложение, надо сказать, что моделирование истории, безусловно, занятие деликатное, ведь история не терпит сослагательного наклонения, но именно это мы многократно проделываем, создавая модель, подбирая ее параметры, сверяясь с ходом реального прошлого. Исторические модели автоматически являются и футурологическими, момент «сейчас» в них не выделен. Их предсказания в будущем тем надежнее, чем больше ретросказаний – совпадений с предсказаниями модели в прошлом, поэтому желательно иметь доказательное совпадение модели с историей на десятилетия, лучше на века. Здесь верификация модели через активный, физический, планируемый, воспроизводимый эксперимент невозможна, модельные гипотезы проверяются за счет «экспериментов» самой истории, за счет богатства неповторимого событийного материала. Причем, концептуальная модель проверяется на моделях историй многих обществ.

Современная теория сложных систем, или синергетика, располагает наиболее адекватными подходами: нелинейное моделирование и фрактальный анализ. Актуализируется и развивается теоретическая история, математическое моделирование истории, основанное на синергетическом, целостном описании государства и общества, как нелинейной развивающейся системы (С. Курдюмов, С. Капица, Г. Малинецкий, Д. Чернавский, В. Белавин, С. Малков, А. Малков, В. Коротеев, Д. Халтурина, В. Буданов). Именно этот подход, на наш взгляд, сегодня наиболее перспективен.

Так, процесс возникновения и развития идей общественной и государственной самоорганизации, их теоретического обоснования и

постепенного вхождения в практику государственного строительства является собой пример становления (в контексте принципов синергетики) новой отрасли научного знания. Кризис классической парадигмы в понимании сверхсложных нелинейно развивающихся систем привел в неустойчивое состояние традиционные представления о явлениях и процессах социального мира. Догматические положения, утрачивая свою определенность, оказались открытыми для их критического переосмысления и трансформации.

Правильность выбора русла, в которое вовлекается юридическая наука общей теорией самоорганизации, проверяется традиционно – запросом практики. Открытость практики, ее креативность в ответ на изменения включенного в нее способа деятельности и обратное ее влияние на состояние системы государственной организации, условия и качество жизни человека, поливариантность результатов этих ответов, малопредсказуемость их последствий в общественной жизни, требуют научного исследования развивающихся в ней процессов именно в контексте теории самоорганизации.

Актуализируя идею применения синергетического подхода в исследовании системы государственной организации общества (СГОО), как явления социальной действительности обладающего свойствами сложной, открытой, нелинейной системы, представляется важным решение вопроса связанного с выработкой соответствующей модели самоорганизационного развития, с учетом определения принципов и условий ее генезиса, жизнеспособности, устойчивости, эволюции и коэволюции.

В связи с этим (переходя на меньший, нежели рассмотренный ранее, масштаб моделирования), в первую очередь, необходимо определить специальные аналитические (качественные) показатели данной системы.

Они представляются следующими.

Первая группа показателей СГОО:

А – эффективность права

В – политическая лояльность

С – функциональность государственного механизма

D – эффективность государственного управления

Вторая группа показателей СГОО:

E – кризис стратегии развития

F – деструкция формы государства

G – дезинтеграция общества

H – внешнее вмешательство

В свою очередь, каждый показатель (параметр порядка) имеет свои условия (параметры состояния) положительной динамики (повышения качества):

Условия показателя А – эффективности права:

- 1) a1 – ясность представления о цели регулирования;
- 2) a2 – адекватность при выборе правовых средств;
- 3) a3 – достаточность средств для реализации нормы;
- 4) a4 – учет условий в которых право будет функционировать.

Условия показателя В – политической лояльности:

- 1) b1 – верховенство закона;
- 2) b2 – общность ценностно-целевых установок;
- 3) b3 – сознание включенности в единый исторический процесс;
- 4) b4 – наличие краткосрочных и долгосрочных перспектив развития.

Условия показателя С – функциональности государственного механизма:

- 1) c1 – внешняя и внутренняя адаптивность;
- 2) c2 – оперативность обработки (восприятия, переработки, передачи) информации;
- 3) c3 – оптимальность количества и качества структурных элементов;
- 4) c4 – программность, программируемость функционирования.

Условия показателя D – эффективности государственного управления:

- 1) d1 – соответствие управляющего воздействия государственного органа (системы государственных органов) целям своего существования;
- 2) d2 – соответствие получаемых результатов объективным потребностям;
- 3) d3 – повышение результативности при экономии ресурсов;

4) d4 – достижение плановых показателей.

Условия показателя E – кризиса стратегии развития:

- 1) e1 – ошибочность оценки условий внешней среды;
- 2) e2 – ошибочность оценки ресурсов;
- 3) e3 – дефективность программы конкурентоспособности;
- 4) e4 – консервативность организационной структуры.

Условия показателя F – деструкция формы государства:

- 1) f1 – деградация контингента носителей политической власти;
- 2) f2 – нефункциональность политических институтов;
- 3) f3 – социальное неравенство;
- 4) f4 – замкнутость, самоцельность верховной власти.

Условия показателя G – дезинтеграции общества:

- 1) g1 – разрушение самосознания;
- 2) g2 – конфликт труда и капитала;
- 3) g3 – падение авторитета государственной власти;
- 4) g4 – утрата культурных ценностей.

Условия показателя H – внешнего вмешательства:

- 1) h1 – неэффективность экономики ;
- 2) h2 – коалиционная зависимость;
- 3) h3 – противоборство элит;
- 4) h4 – кризис методов господства государственной власти.

Наличие указанных признаков (показателей) с соответствующими условиями и возможность их анализа относительно определенной социальной общности свидетельствует, как о факте существования, так и возможности объективного исследования, моделирования, конкретной, всегда специфичной, СГОО. Государствогенез, обусловленный достижением определенного уровня сложности системой отношений, здесь представляется тенденцией негентропийного развития организации общественного бытия.

Говоря о внутрисистемной функциональной детерминации, укажем следующее.

Показатели А, В, С, D (первая группа показателей) – прямо пропорциональны между собой.

Показатели Е, F, G, H (вторая группа показателей) – прямо пропорциональны между собой.

Показатели А, В, С, D обратно пропорциональны показателям Е, F, G, H.

Показатели находятся во внутренней взаимосвязи, изменение величины или значения одного обуславливает соответствующее изменение всех показателей.

Положительные значения (положительная динамика) показателей А, В, С, D свидетельствуют о позитивном развитии, стабилизации, увеличении срока существования, распространения влияния СГОО, и наоборот, соответственно.

Условия всех показателей взаимосвязаны и имеют взаимную обусловленность.

Условия отдельного показателя взаимосвязаны и прямо пропорциональны друг другу.

Уровень качества каждого условия одногрупповых показателей прямо пропорционален уровню качества каждого из условий показателей той же группы и обратно пропорционален уровню качества показателей другой группы. Повышение уровня качества отдельного условия свидетельствует о положительной динамике соответствующего показателя, как следствие всех показателей соответствующей группы.

Каждый показатель может рассматриваться в качестве условия других одногрупповых показателей.

Обозначенную динамическую модель соотношения качественных характеристик (способных иметь в качестве общего знаменателя процентное выражение) системы государственной организации общества можно выразить следующей общей формулой (где « x » – величина изменений): S (состояние СГОО) = $(A(xa_1 + xa_2 + xa_3 + xa_4) + B(xb_1 + xb_2 + xb_3 + xb_4) + C(xc_1 + xc_2 + xc_3 + xc_4) + D(xd_1 + xd_2 + xd_3 + xd_4)) - (E(e_1/x + e_2/x + e_3/x + e_4/x) + F(f_1/x + f_2/x + f_3/x + f_4/x) + G(g_1/x + g_2/x + g_3/x + g_4/x) + H(h_1/x + h_2/x + h_3/x + h_4/x))$. Здесь, тенденция увеличения положительного значения (повышающийся процент) S будет

свидетельствовать о прогрессивном развитии СГОО, S равное или близкое к нулю будет свидетельствовать о стагнации СГОО, отрицательное значение (тенденция к отрицательному значению) S будет свидетельствовать о деградации СГОО.

Вместе с тем, надо отметить, что каждое условие показателей СГОО может иметь собственные условия, при этом конкретное условие, приобретая качество относительного показателя, взаимосвязано со своими условиями, с условиями других условий-показателей, ранее описанным образом. Можно сказать, что подобная система связей приобретает фрактальные свойства, простираясь до уровня подверженной фактору случайности воли отдельного индивида.

Указанная формула имеет потенциал, будучи положенной в основу специальной компьютерной программы, которая способна отразить и визуализировать динамику развития каждой S_1 относительно каждой последующей S_2 , демонстрируя качество состояния, уровень устойчивости и эффективность условий существования СГОО.

Так, программа, рассчитывающая состояние СГОО, созданная на платформе PascalABC, имеет следующий вид:

```

Program A
VAR A; B; C; D; E; F; G; H;S1 ;S2: real;
var a1 ,a2 ,a3 ,a4 ,b1 ,b2 ,b3 ,b4 ,c1 ,c2 ,c3 ,c4 ,d1 ,d2 ,d3 ,d4 ,e1 ,e2 ,e3 ,e4 ,f1 ,f2 ,f3 ,f4 ,g1
,g2 ,g3 ,g4 ,h1 ,h2 ,h3 ,h4 ,x: real;
Begin
  Readln(a1 ,a2 ,a3 ,a4);
  Readln(b1 ,b2 ,b3 ,b4);
  Readln(c1 ,c2 ,c3 ,c4);
  Readln(d1 ,d2 ,d3 ,d4);
  Readln(e1 ,e2 ,e3 ,e4);
  Readln(f1 ,f2 ,f3 ,f4);
  Readln(g1 ,g2 ,g3 ,g4);
  Readln(h1 ,h2 ,h3 ,g4);

```

$$S_1 := \frac{A(a_1+a_2+a_3+a_4)+B(b_1+b_2+b_3+b_4)+C(c_1+c_2+c_3+c_4)+D(d_1+d_2+d_3+d_4)}{E(e_1+e_2+e_3+e_4)+F(f_1+f_2+f_3+f_4)+G(g_1+g_2+g_3+g_4)+H(h_1+h_2+h_3+h_4)}$$

Writeln(состояние СГОО в какой-то момент времени'=S₁');

Readln(x);

$$S_2 := (A(xa_1+xa_2+xa_3+xa_4)+B(xb_1+xb_2+xb_3+xb_4)+C(xc_1+xc_2+xc_3+xc_4)+D(xd_1+xd_2+xd_3+xd_4)) - (E(\frac{e_1}{x}+\frac{e_2}{x}+\frac{e_3}{x}+\frac{e_4}{x})+F(\frac{f_1}{x}+\frac{f_2}{x}+\frac{f_3}{x}+\frac{f_4}{x})+G(\frac{g_1}{x}+\frac{g_2}{x}+\frac{g_3}{x}+\frac{g_4}{x})+H(\frac{h_1}{x}+\frac{h_2}{x}+\frac{h_3}{x}+\frac{h_4}{x}));$$

Writeln(состояние СГОО'=S₂');

end.

Далее, обратим внимание на возможности нелинейного (поливариативного, альтернативного, эволюционно-бифуркационного) развития СГОО в условиях неравновесности.

Полное отсутствие (прекращение действия) условия определяется отсутствием минимального значения характеристики условия, стремлением его к нулю.

Отсутствие всех или большинства условий показателя одной группы соответствует приобретению этими условиями отрицательных значений, как следствие отрицательное значение приобретает соответствующий показатель, при этом он становится показателем другой группы, тем самым запуская бифуркационные механизмы.

Изменение значения, на противоположное, одного одногруппного показателя определяет тенденцию фазового перехода с сопутствующим изменением значений остальных показателей данной группы.

Качественное изменение (превращение) значений всех или большинства показателей первой группы и включение их в качестве показателей второй группы, свидетельствует о деградации, нефункциональности, как следствие нежизнеспособности СГОО, что приводит к ее самоуничтожению (рассеиванию) и/или поглощению другой СГОО.

Качественное изменение (превращение) значений всех или большинства показателей второй группы и включение их в качестве показателей первой группы свидетельствует о функциональности, эффективности, интенсивности и

адаптивности системы, которая, демонстрируя динамическую устойчивость, находит свое развитие во взаимодействии с окружающей средой путем оказания влияния на другие СГОО (самонастраивая адаптивные структуры препятствующие созданию условий показателей первой группы, и способствующие созданию условий показателей второй группы) в виде их поглощения, путем слияния образуя системную организацию иного уровня и качества.

В свою очередь, данная системная организация в силу масштабности и иерархической сложности (множественности подсистем), в силу открытости обеспечивающей на определенном этапе ее ресурсную потребность, становится восприимчивой к флуктуациям, которые способны оказать влияние на структурную трансформацию, либо, запустив кризисно-хаосомные процессы, стать причиной разрушения системы и создания на ее основе (структурирования) систем иного порядка.

Вместе с тем, система государственной организации общества оказывая доминирование, встраивая другие системы (СГОО) реструктурирует количество и качество своих показателей и их условий путем взаимодействия (обмена энергией, веществом и информацией) с показателями и условиями встраиваемой или поглощаемой системы, при этом отсутствие или малозначительность определенного показателя (показателя первой группы) у поглощаемой системы способно, при недостаточности ресурсов, вызвать дефект или уничтожение аналогичного показателя поглощающей системы, что может привести ее к деградации, как следствие сама сделать объектом поглощения.

В условиях указанного процесса поглощаемая система, при определенных структурных возможностях, диссипируя, сама может приобрести или изменить уровень своих показателей (увеличить качество показателей первой группы, уменьшить качество показателей второй группы) за счет показателей (достаточности их условий) поглощающей системы, и, повысив уровень жизнеспособности, выйти из под ее влияния претерпев качественную и количественную трансформацию.

Обратим внимание на то, что все описанные процессы, как относительно одной, так и определенной совокупности СГОО, могут происходить одновременно. При этом структурная организация СГОО будет содержать в себе признаки пульсации связанные со сменой режимов централизации, где ход процессов в центре (параметр порядка) является индикатором прошлого развития всей структуры, а ход процессов на периферии (параметр состояния) индикатором будущего развития, и децентрализации, где информация о будущем развитии содержится в центре, а о прошлом на периферии.

Форма СГОО (формальное выражение организации социально-политического бытия общества), определяемая спецификой иерархических связей элементов в конкретный промежуток времени, имея потенциал прогрессирования в виде оптимизации функционирования системы, постоянно претерпевает эволюционную или революционную (в зависимости от описанных выше объективных условий) трансформацию, оказывая, со своей стороны, регуляционное влияние на характер внутренних связей.

Устойчивость, устойчивое (внекризисное) развитие СГОО представляется возможным в рамках исторического периода, который определяется движением к аттрактору целеполагания. Начало данного движения берется в точке бифуркации альтернатив развития, прекращается при достижении цели либо при утрате (изначальном отсутствии, недостаточности) системой функциональных механизмов (ресурсной основы) ее достижения, далее следуют кризисные, хаосомные и очередные бифуркационные процессы, роль случайности в которых максимально возрастает.

Устойчивое развитие СГОО способна поддержать практика положительных обратных связей для подсистемы показателей первой группы (А, В, С, D) и отсутствие данного характера связей в подсистеме показателей второй группы (Е, F, G, H). Продолжительность периода устойчивого развития (ветви эволюции в которую вовлекается система) зависит от устойчивости аттрактора, его ценностно-целевого масштаба, соразмерности данному масштабу ресурса системы, а также, от адаптационных возможностей системной организации

(способности преодолевать флуктуационные процессы) основанных на рефлексии общественного сознания.

Переходя к более высокому уровню абстракции в вопросе теоретического познания сущности и принципов развития системы государственной организации общества, в контексте практики происходящих глобализационных процессов, допуская, в данном случае, применимость положений концепции Универсального эволюционизма, можно прийти к следующим умозаключениям. В настоящее время «выбор» в пользу цивилизационного существования в виде государствообразной формы развития человеческого общества сделан, система государственно-политических систем, пройдя длительный период становления, приобрела качество общепланетарного паттерна, завершив тем самым первую стадию своего темпорального развития. Представляется, что следующий, уже начавшийся, этап развития системы данного масштаба будет связан с процессом глобальной синхронизации, унификации, интеграции подсистем (государственных формообразований) и их структурных элементов, безусловно, с учетом присутствия всех сопутствующих синергетических процессов – условий динамического хаоса, в некую мировую организационную (самоорганизационную) систему – качественно новую государственно-политическую сущность, но, вместе с тем, к данной системе будут применимы практически все описанные ранее положения системного функционирования и организационного развития.

Подводя итог выше сказанному, необходимо подчеркнуть актуальность темы исследования связанную с научным поиском новой методологии государствоведения, формированием концепции государствоведения соотносимой с современной постнеклассической парадигмой научного знания, призванной обеспечить адекватное современной реальности, пропитанной кризисными явлениями и процессами, представление о сущности организационного развития государственно-политической системы, принципах ее устойчивости, обеспечивая тем самым возможность повышения эффективности

стратегического планирования государственной политики и практики ее реализации.

Стратегическое и историческое прогнозирование и моделирование, проектирование будущего развития любого государства, его национальных интересов и политики прочно связано с необходимостью формирования образа будущего. Вместе с тем, существует ограниченный набор возможностей организационного развития, спектр эволюционных центров притяжения, определяемый в свою очередь собственными свойствами государственной системы, как на макроскопическом, так и на элементарном уровне. Так, идеи синергетической футурологии способны положительно повлиять, усилить прогностическую функцию теории государства и права связанную с изучением направлений государственного развития.

Вместе с тем, разрабатываемая в рамках синергетического подхода идея создания универсальной модели эволюционного развития системы государственной организации общества способна стать элементом предметной области исследования, как гуманитарных, так и математических наук (теоретическая конструкция может быть описана математическим уравнением, воспроизведена в виде компьютерной модели), основой междисциплинарных связей, способных обогатить и повысить эффективность юридической науки.

В этой связи, можно предположить, что изложенная в настоящей работе концепция, способна стать основой рефлексии научного знания, открывающей перспективу дальнейших государство- и правоведческих изысканий, соотносимых с выходом к середине XXI века на следующий – программно-алгоритмический (неоклассический) тип государствопонимания, с соответствующим теоретико-методологическим содержанием.

Заключение

Основными итогами проведенного исследования могут служить следующие положения.

Категория «государствопонимание», вводимая в качестве предмета исследования теории государства, видится в качестве системообразующего элемента государственоведения, места приложения сил связанных с онтологическими, гносеологическими, методологическими и типологическими изысканиями. Государствопонимание – это определяемая типом научной рациональности, сложившаяся в юридической и политической теории совокупность концептуальных взглядов на сущность государства, причины и пути его возникновения и развития, форму организации, устройства и функционирования государственной власти, роль в жизни общества, связь с правом.

Выделяются, обосновываются, следующие, имеющие собственную мировоззренческо-методологическую специфику, типы государствопонимания:

- 1) Теологико-статический (период – до XVI в. н.; типичные концепции: Платона, Конфуция, Фомы Аквинского);
- 2) Антропоцентристско-механистический (период – XVI в. – сер. XIX в.; типичные концепции: Гоббса, Локка, Руссо);
- 3) Позитивистско-исторический (период - 2-я пол. XIX – сер. XX в.; типичные концепции: Спенсера, Маркса, Тойнби);
- 4) Системологико-альтернативистский (период - 2-я пол. XX – 1-я пол. XXI в.).

Характеристика указанных типов соотносится с типологией, хронологией парадигм научной рациональности (классической, неклассической, постнеклассической). Заявленная синергетическая концепция разрабатывается в рамках системологико-альтернативистского типа государствопонимания, соответствующего, в свою очередь, современной постнеклассической парадигме научной рациональности.

Государство здесь понимается, как негэнтропийное явление социальной действительности, самоорганизационная система политических отношений направленная на обеспечение жизнеспособности, устойчивости целеполагаемого развития пространственно определенной социальной общности, характеризующаяся нелинейной (альтернативной) эволюционной динамикой своей функциональной структуры и формы обусловленной внешними и внутренними параметрами порядка, которые взаимосвязаны с волевыми установками индивидов и их групп посредством субъектно-объектной рефлексии сознания.

Социосинергетика, ее концептуальные основания (принципы самоорганизации сложных систем: гомеостатичность, иерархичность, открытость, нелинейность, случайность, неустойчивость, эмерджентность, необратимость, универсальность и др.) открывают новые возможности в исследовании проблем общественного развития, демонстрируют нетривиальные междисциплинарные научные результаты, методологически применимые в процессе исследования социально-политических систем, государственной организации.

Синергетическая мировоззренческая установка и соответствующая ей методология социального познания ведут к формированию теоретической модели социально-политического развития, понимающей общество и государство, как эволюционирующую целостность, которой свойственны детерминизм и случайность, устойчивость и неустойчивость, организация и дезорганизация, взаимопереходы динамического хаоса и динамической устойчивости на микро- и макроуровнях.

Говоря о развитии государства во времени важно учесть, что «время», как мера исторического развития, представляется условной единицей системной трансформации энергии.

В свою очередь, воля отдельного человека усматривается в качестве первоисточника энергии государственно-правовой материи – первичного элемента – частицы «квантового поля» общественных отношений. Суммируясь (актуализируясь) энергия индивидуальных волей (в полном соответствии с законом сохранения энергии)

оказывает на материю синергетический (самоорганизационный) эффект, проявляющийся в ее системно-структурном упорядочивании и преобразовании – государственном-правовом становлении и реформировании. Далее и далее, фиксируясь информационно, одна (достигнутая) система отношений, становясь объектом рефлексивно-волевых процессов, порождающих движение материи, сменяется другой, демонстрируя, тем самым, глобальный принцип развития.

Познание процесса государствообразования предполагает исследование не только условий становления древнейших систем государствообразной организации общества – первичных образцов организационной культуры, фиксируемых памятью поколений в виде «генома» отвечающего за форму коллективного сосуществования, но и исследование общих закономерностей возникновения всех, когда-либо существующих в прошлом и настоящем государств.

Применительно к проблеме государствогенеза, является эвристичным использование идеи самосохранения (динамической устойчивости), как системообразующего фактора в котором отражена сущность, определяющая механизмы и закономерности возникновения, становления системы (системогенеза). Рассмотренный механизм (соотносимый с принципом иерархичности Вселенной) лежит в основе государственной организации общества, как на заре человечества, так и в современный период, и составляет суть его системного развития.

Государство здесь, представляется универсальной самоорганизационной политической системой, продуктом социальной эволюции, возникшим (продуцируемым) в качестве института, который способен обеспечить самосохранение определенному контингенту людей – носителям воли аттрактивного целеполагания, и развивающийся в виде умозрительно-организационной формы системной устойчивости, периодически претерпевающей адаптивно-ситуационные преобразования.

Закономерности развития государственного строя можно сгруппировать в две основные структурообразующие тенденции, соответствующие процессам

рождения нового социально-политического порядка и процессам сохранения этого порядка, соответствующие двум различным типам поведения социальных систем (основы типологии государств): первый – открытый, динамичный, далекий от равновесия, порождающий усложненную структуру; второй – самоизолирующийся, ориентированный на статичность, близкий к равновесности, порождающий упрощенную структуру.

Эти две базовые циклодинамические тенденции обусловлены различными типами реакции социально-политических систем на внешне- и внутрисистемные тренды и способами переработки этих трендов (адаптации к ним). Смена указанных форм поведения социальных систем на разных этапах их эволюционного развития, где тенденция общественной диссипации соответствует тенденции централизации власти, демонстрирует скрытый пульсирующий механизм волнового развития общества в контексте соответствующего государственного строя, которому свойственна цикличность процессов возникновения (самозарождения), относительно устойчивого существования (сохранения) и распада (переструктурирования).

Власть понимается в качестве системного феномена, рассматривается как свойство социальной системы, как волепродуцирование деятельностного порядка, она воплощается в структуризации отношений между людьми, координации и направлению их действий в единое русло результирующего, целеполагающего волевого вектора (аттрактора), который, формируя систему ценностей, определяет порядок иерархического соотношения элементов в зависимости от их функционального предназначения, а само функциональное значение определяется в зависимости от занимаемого в данной системе места.

Государственная власть выступает основой процессов эволюции социокультурной реальности, свидетельством их необратимости. Именно она задает вектор исторического развития социума, в основе которого лежит генезис механизма власти. Процесс самоорганизации в обществе идет посредством накопления, отбора и преобразования информации, её структуризации. На базе этого процесса осуществляется зарождение новых структур, т.е. организации

дисциплинарных пространств предусматривающих определенный порядок мышления и поведения. Власть, таким образом, оказывается связанной с внутренней самоорганизацией системы. Результатом обмена деятельностью, информацией, энергией становится дифференцированная и иерархическим образом организованная структура государственно-общественных связей, а также производимый порядок отношений через который, каким бы ни был его специфический облик (демократия, монархия, олигархия, тирания и т.д.), человеческое общество конституируется, как ассоциация объединяющихся индивидов.

В синергетическом контексте государственное управление представляется процессом самоорганизации, берущим свое начало во множестве микроуровневых образований социального пространства. Спонтанно возникающие в процессе преодоления кризисной ситуации или в момент выбора альтернативы развития параметры порядка согласовывают частные и общие интересы в конкретной общности и приобретают значение устраивающего (организующего) или направляющего и регулирующего (управляющего) движения, которое, в свою очередь, определяет характер связи, вид деятельности компонентов государственной системы, следующего и следующего организационных уровней, оптимизируя процесс решения базовых государственных задач. Социальные изменения вносят коррективы в структурные и качественные характеристики субъектов и объектов управления, не противопоставляя при этом, а синергизируя субъект – объектные отношения. Целью управления определяется поддержание не состоявшегося статического порядка, а самоорганизации, проявляющейся длящимся процессом государственного становления, т.е. динамической организованностью.

Системный государственный кризис рассматривается не только, как апогей дезорганизации, но одновременно, как появление новой организации борющейся с возникшей дезорганизацией, в единстве значений деструктивного и конструктивного движения. Данная концепция управления учитывает альтернативность социальной эволюции и особенности поведения в критической

области значений параметров системы, налагающих существенные ограничения на внешние управляющие воздействия. Говоря о проблеме стратегий и тактик государственного управления, его отношении к кризисным (переходным) состояниям и процессам, подчеркивается, что не может быть таких внешних воздействий, которые могли бы «навязать» способ поведения не свойственный потенциальной структуре системы государства.

Синергетический подход к анализу механизма правового регулирования, его действия, осуществляется в контексте теоретической установки, предполагающей учет понимания взаимосвязи категорий: общество, власть и право, посредством их соответствия корреляции фундаментальных понятий: материя, энергия и информация, где материя (общество) – носитель движения, энергия (власть) – количество движения, информация (право) – качество движения.

В свою очередь, описание качества связи государства с правом, при котором право представляется условием согласованности воли, функцией (нелинейной функцией) системы государственной организации общества, можно математически выразить следующей формулой: $y = f(x)$ (y – государственное регулирование; f – право; x – общественные отношения), где под f мы понимаем правило, по которому заданному значению x приводится в соответствие определенное значение y ; f есть символ некоторого преобразования, которому нужно подвергнуть величину x , чтобы получить y . При этом, норму права можно определить, как параметр порядка в общественной среде отличный от нуля в упорядоченной фазе развития и равный нулю в неупорядоченной фазе. При умозрительном погружении на соответствующий уровень, собственно существования права, синергетика позволяет переосмыслить природу его возникновения и развития, где право, как условие общественных отношений, конструируемое посредством рефлексии сознания, объективно (совместно с человеческим обществом и государством) возникает и развивается в качестве самоорганизационного системного явления. Право – открытая нелинейная система, где постоянно происходит ввод и вывод необходимой информации,

регулятивной энергии, юридических способов и средств упорядочения и охраны общественных отношений, в результате чего рождается множество потенциальных путей его развития.

Динамичный характер связей между элементами механизма правового регулирования является тем фактором, который обуславливает самосовершенствование, как самих связей, так и самого механизма в целом, который выступая синтезирующим компонентом коэволюции человека, общества и государства, подтверждает положения синергетики о том, что процессы самоорганизации суть всегда результат взаимодействия микросистем, проявляющийся на макроуровне.

Человек, как разумный субъект, не эпифеномен природных процессов, а их сложный продукт – воплощение и носитель концентрированного опыта метagalacticкой коэволюции, а государствообразная организация человеческого общества, переходность ее состояния (трансформация и развитие), есть структурный элемент и результат (продолжение) имманентного процесса эволюции Универсума.

Так, универсальная эволюция, относительно системной формы организации государства, представляется в виде последовательности закономерно сменяющихся качеств материи политических отношений в обществе, выступающей ее содержанием. В процессе этой эволюции каждое последующее качество указанной материи зарождается в недрах предыдущего и в своем развитии проходит определенные фазы. Любой государственный строй уже в момент зарождения несет зачатки, те качественные характеристики, которые впоследствии служат причиной его крушения (деградации, самоуничтожения). Переходный период, подготавливаемый фазой кризиса, представляет собой момент саморазвития – смену устаревшей формы развития новой, более функционально соответствующей моменту времени, способной обеспечить здесь и сейчас жизнеспособность социальной системы.

Государство, как система переходит на новый этап развития, выбирая один из вариантов, находящихся вблизи этого выбора. Однако последний не

представляет собой «лучший» вариант возможного, не может учитывать дальнейшую перспективу развития, он совершается в силу, в основном, внутренних процессов. Система отбора непрерывно развивается, правила отбора усложняются, умножаются и сами эволюционируют, что закономерно вызывает неопределенность в векторе системного развития.

Переходное состояние государства – такая форма самоосуществления социального бытия, которая служит средством актуализации потенциальной политической структуры и представляет собой смену одного типа упорядоченности и равновесности другим типом устойчивости социума в процессе выбора одной из альтернатив, ведущих к морфогенезу, есть пространство развертывания потенциального бытия, конструирования или воссоздания организационных форм, обеспечивающих жизнеспособность социальной системы.

Представляется актуальным, что в качестве мировоззренческого ориентира, необходимо иметь альтернативистский метод моделирования, способный умозрительно воспроизвести содержательную, развивающуюся, эволюционирующую Вселенную, сохраняющий за человеком свободу воли, как условие имманентности становления и трансформации государственно-политической материи. Так, для возможности построения причинной ткани реальности необходимо допустить множественность причин и следствий событий, где минимальная возможность и есть креативная триада для любого события. Здесь события образуют узлы сетки (в узле два входа один выход, или два выхода один вход), по которой можно двигаться неоднозначно, и приходить к одному и тому же результату разными путями, или наоборот. Это генерирует множество сценариев развития событий, плюрализм мнений и многообразие нашего мира, его неоднозначного будущего и возможного прошлого.

Переводя в практическое русло идею применения синергетического подхода в исследовании государства, представляется важным решение вопроса связанного с выработкой соответствующей динамической модели

самоорганизационного развития системы государственной организации общества (СГОО).

В связи с этим, в первую очередь, определяются специальные аналитические (качественные) показатели данной системы.

Первая группа показателей СГОО:

А – эффективность права

В – политическая лояльность

С – функциональность государственного механизма

Д – эффективность государственного управления

Вторая группа показателей СГОО:

Е – кризис стратегии развития

Ф – деструкция формы государства

Г – дезинтеграция общества

Н – внешнее вмешательство

В свою очередь, каждый показатель (параметр порядка) имеет свои, описанные в работе, условия (параметры состояния: a_1 – ясность представления о цели регулирования; a_2 – адекватность при выборе правовых средств; a_3 – достаточность средств для реализации нормы; a_4 – учет условий в которых право будет функционировать; b_1, b_2, b_3, b_4 ; и т. д.) положительной динамики (повышения качества).

Вместе с тем, надо отметить, что каждое условие показателей СГОО может иметь собственные условия, при этом конкретное условие, приобретая качество относительного показателя, взаимосвязано со своими условиями, с условиями других условий-показателей. Можно сказать, что подобная система связей приобретает фрактальные свойства, простираясь до уровня подверженной фактору случайности воли отдельного индивида.

Указанные показатели с соответствующими условиями обладают внутрисистемной функциональной детерминацией, определяющей качественные характеристики (или их отсутствие), конкретной, всегда специфичной СГОО и

перспективы ее нелинейного (поливариативного, альтернативного, эволюционно-бифуркационного) развития, соразвития в условиях неравновесности.

Обозначенную динамическую модель соотношения качественных характеристик (способных иметь в качестве общего знаменателя процентное выражение) системы государственной организации общества можно выразить следующей общей формулой (где « x » – величина изменений): S (состояние СГОО) = $(A(xa_1 + xa_2 + xa_3 + xa_4) + B(xb_1 + xb_2 + xb_3 + xb_4) + C(xc_1 + xc_2 + xc_3 + xc_4) + D(xd_1 + xd_2 + xd_3 + xd_4)) - (E(e_1/x + e_2/x + e_3/x + e_4/x) + F(f_1/x + f_2/x + f_3/x + f_4/x) + G(g_1/x + g_2/x + g_3/x + g_4/x) + H(h_1/x + h_2/x + h_3/x + h_4/x))$. Здесь, тенденция увеличения положительного значения (повышающийся процент) S будет свидетельствовать о прогрессивном развитии СГОО, S равное или близкое к нулю будет свидетельствовать о стагнации СГОО, отрицательное значение (тенденция к отрицательному значению) S будет свидетельствовать о деградации СГОО.

Так, разрабатываемая в рамках синергетического подхода идея создания универсальной модели эволюционного развития государственно-политической системы, которая допускает возможность своего описания посредством математического уравнения, закладывает основу междисциплинарных связей, способных обогатить и повысить эффективность юридической науки.

Подводя итоги исследования, можно сказать, что основная цель диссертационного исследования – научная разработка и обоснование синергетической концепции государствопонимания, достигнута. Представляются решенными определяемые целью задачи исследования: определение категории «государствопонимание», установление типов государствопонимания, выявление соотносимости синергетической концепции с современным типом государствопонимания; определение концептуальных оснований синергетической парадигмы обществознания; раскрытие методологического потенциала теории самоорганизации в исследовании социально-политических систем; выработка социосинергетического подхода к проблеме государствогенеза; выработка синергетического подхода к закономерностям развития государственного строя; обоснование применимости системно-синергетического подхода к исследованию

сущности государственной власти; обоснование применимости самоорганизационного подхода к исследованию системы государственного управления; обоснование применимости синергетического подхода к исследованию механизм правового регулирования; раскрытие переходного состояния государства в концепции Универсального эволюционизма; раскрытие принципов моделирование системы государственной организации общества и ее самоорганизационного развития.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что содержащиеся в работе оценки, положения и выводы дополняют и развивают теорию государства в части, касающейся системологии, методологии, понятия сущности государства, вопросов его генезиса, развития и функционирования. Осуществленное в рамках диссертационной работы, на основе синергетического подхода, исследование проблем познания и понимания государства, его признаков, форм и механизмов раскрывает важный аспект современной теоретической науки, предлагает новое осмысление места и роли государства в общественных отношениях.

Практическая значимость исследования состоит в том, что собранный и обобщенный материал и сделанные на его основе выводы могут быть учтены в процессе оптимизации системы организации государственной власти и управления, а также в процессе выработки стратегии национального развития. Положения работы также могут быть использованы при подготовке дополнительных прогностических рекомендаций при разработке федеральных программ по различным направлениям деятельности государства.

Результаты исследования могут быть использованы в лекционных курсах, спецкурсах, при проведении семинарских занятий по дисциплинам «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права» «История и методология юридической науки», «Философия права», «История политических и правовых учений».

Таким образом, сформулированные в работе положения способны явится основой теории государствоведения, ее синергетической концепции, призванной обогатить государствоведение современным методологическим арсеналом,

предопределяющим перспективные возможности исследования государства, выявление закономерностей его генезиса и функционирования, как в контексте онтологических изысканий, так и в практической плоскости стратегического прогнозирования системного развития, с выходом на междисциплинарный уровень математического моделирования соответствующих явлений и процессов.

Библиографический список

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира / А.Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 344 с.
2. Аврелий Марк. Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий. – М.:Юрлитиздат, 1914. – 514 с.
3. Адамов А.К. Философские аспекты развития гипотезы В.И. Вернадского о ноосфере / А.К. Адамов // Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса (16 – 20 сентября 2002 г.) в 3 т. – Ростов н/Д, 2002. – Т. 2. – 280 с.
4. Азроянц Э.А. Новая мировоззренческая парадигма: ориентиры будущего / Э.А. Азроянц // Формирование новой парадигмы. – М.: Буква, 1997. – 118 с.
5. Александров Н.Г. Законность и правопорядок в социалистическом обществе / Н.Г. Александров // Советское государство и право. – 1955. – № 5. – С. 13–14.
6. Алексеев Н.Н. Философия права / Н.Н. Алексеев. – СПб.: Санкт-Петербург, 1998. – 318 с.
7. Алексеев С.С. Общетеоретические проблемы системы советского права / С.С. Алексеев. – М.: Юрлитиздат, 1961. – 244 с.
8. Алексеев С.С. Структура советского права / С.С. Алексеев. – М.: Проспект, 1975. – 645 с.
9. Алексеев С.С. Структура советского права. – М.: Знание, 1988. – 419 с.
10. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем / П.К. Анохин. – М.: Наука, 1975. – С. 24.
11. Аристотель. Политика / Аристотель. – Соч.: В 4 т. – Т. 4. – М.: Мысль, 1984. – 198 с.
12. Аршинов В.И. Принципы процессов становления в синергетике / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.И. Войцехович // Труды XI Международной конференции «Логика, методология, философия науки». Секция 8. –

Методологические проблемы синергетики. – М. – Обнинск,. – 1995. – Т. VII. – С. 3–7.

13. Аршинов В.И. Синергетика / В.И. Аршинов // Современная научная картина мира. Словарь. – М.: Наука. – 1997. – 164 с.

14. Аршинов В.И. Синергетика как феномен постпеклассической науки / В.И. Аршинов. – М.: Мысль, 1999. – 92 с.

15. Астафьева О.Н. Синергетика как мировоззренческая и методологическая парадигма системного взаимодействия / О.Н. Астафьева // Анализ систем на рубеже тысячелетия: Теория и практика. – М.: Изд-во МГИДА, 1999. – 198 с.

16. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления / Г.В. Атаманчук – М. Юридическая литература, 1997. – 314 с.

17. Афанасьев В.Г. Системность и общество. / В.Г. Афанасьев. – М.: Политизд., 1980. – 227 с.

18. Ахромеева Т.С., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г., Самарский А.А. Нестационарные структуры и диффузионный хаос / Т.С. Ахромеева. – М.: Наук. – 1992. – 221 с.

19. Байниязова З.С. Основные принципы российской правовой системы: автореф. дис. ... к.ю.н. / З.С. Байниязова - Саратов, 2004. – 22 с.

20. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное понимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. / М.И. Байтин – М.: Наука, 2005. – 690 с.

21. Барышников О.В. Синергетика и теория государства и права / О.В. Барышников // Законность. – 2001. – № 7. – С. 29–32.

22. Белков П.Л. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? / П.Л. Белков // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Инфра-М 1995. – 299 с.

23. Бергсон А. Два источника морали и религии / А. Бергсон. – М.: Проспект, 1994. – 319 с.

24. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев. – М.: Москва, 1918. – 219 с.

25. Берёзкин Ю. Е. Варианты политогенеза в догосударственную эпоху и подходы к их изучению // Антропологический форум. 2014. № 20. С. 187-217.
26. Бирюков Б.В. Кибернетика и методология науки / Б.В. Бирюков. – М.:Наука,1974. – С. 14.
27. Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука) / А.А. Богданов. – М.:Экономика, 1989. – 455 с.
28. Бойко А.И. Прогноз научных исканий в области уголовного права / А.И. Бойко // Уголовное право в XXI веке: Материалы международной научной конференции на юридическом факультете МГУ им. – М.В. Ломоносова 31 мая – 1 июня 2001 г. – М., 2002. – С. 106–118.
29. Болл Т. Власть / Т. Болл // Полис. – 1993. – № 5. – С. 36–43.
30. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. / В.В. Борисов – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1977. – 330 с.
31. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 117–127.
32. Бранский В.П. Искусство и философия / В.П. Бранский. – Калининград: Янтарный сказ, 1999. – 117 с.
33. Бранский В.П. Социальная синергетика как новая "философия" истории / В.П. Бранский // Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса. Санкт-Петербург. – 1997. – Т.5. – С.15–17.
34. Бранский В.П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории / В.П. Бранский // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. - С. 117–127.
35. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В. Бранский // Вопросы философии. – 2000. – № 4. – С 12–22.
36. Бранский В.П. Теоретические основания социальной синергетики / В.П. Бранский // Петербургская социология. – 1997. – № 1. – С. 148–179.
37. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. / С.Н. Братусь – М.: Юрлитиздат, 1963. – 298 с.

38. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и образовании: дис. ... д. филос. н. / В.Г. Буданов. – М., 2007. – 212 с.
39. Буданов В. Г. Принципы синергетики и управление кризисом. Синергетическая парадигма: Человек и общество в условиях нестабильности / под ред. О.Н.Астафьевой / В.Г. Буданов – М.: РАГС, 2003. – 254 с.
40. Буданов В.Г. – Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании / В.Г. Буданов. ИФ РАН, М.: УРСС, 2007. – 199 с.
41. Буданов В.Г. О методологии синергетики / В.Г. Буданов // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 87–99.
42. Буданов В.Г. Синергетическая методология в постнеклассической науке и образовании / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. Синергетика в образовании / ред. В.Г. Буданов. – М.: Дашков и Ко, 2006. – 435 с.
43. Буданов В.Г. Трансдисциплинарное образование и принципы синергетики / В.Г. Буданов // Синергетическая парадигма. – Многообразие поисков и подходов / Под ред. В.И. Аршинова, В.Г. Буданова, В.Э. Войцеховича. – М.: Дашков и Ко, 2000. – 251 с.
44. Буданов В.Г., Мелехова О.П. Концепции современного естествознания / В.Г. Буданов. – М.: Инфра-М, 1999. – С. 82–88.
45. Бэкон Ф. Соч.: в 2 т./ Ф. Бэкон. – М.: Юридическая литература, 1971 – 1972. – Т. 2. – 556 с.
46. Вагнер Е. Этюды о симметрии / Е. Вагнер. – М.: Знание, 1971. – 211 с.
47. Васильев А.М. Правовые категории. / А.М. Васильев – М.: Политиздат, 1976. – 439 с.
48. Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайского государства / Л.С. Васильев. – М.: ИРИСЭН, 1983. – 288 с.
49. Васильев Л.С. Протогосударство-чифдом как политическая структура / Л.С. Васильев // Народы Азии и Африки. – 1980. – № 6. – С.157–175.
50. Василькова В. В. Порядок и хаос в развитии социальных систем: (Синергетика и теория социальной самоорганизации) / В. В. Василькова. – Спб.: Лань, 1999. – 276 с.

51. Василькова В. В. Синергетика и теория социальной самоорганизации: дис. ... д. филос. н. / В.В. Василькова. – СПб.: Санкт-Петербург, 1999. – 188 с.
52. Вебер М. Основные понятия стратификации / М. Вебер // Социологические исследования. – 1994. – № 5. – С. 147–156.
53. Везен Ф. Философия французская и философия немецкая. Федье Ф. Воображаемое. Власть / Ф. Везен. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 298 с.
54. Венгеров А.Б. Синергетика, юридическая наука, право / А.Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1986. – № 10. – С. 42–47.
55. Ветютнев Ю.Ю. Синергетика в праве / Ю.Ю. Ветютнев // Государство и право. – 2002. – № 4. – С. 64–73.
56. Водопьянова Е.В. Система научной деятельности: инварианты функционирования / Е.В. Водопьянова // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Материалы междунар. конф. – В 4 т. – М.: Интеллект, 1996. – Т. 2. – С. 73–79.
57. Воротшипа Т.П. Постнеклассические тенденции в западной и российской традициях правопонимания: автореф. дис. ... к.ю.н. / Т.П. Воротшипа – Н. Новгород, 2002. – 29 с.
58. Гаджиев К.С., Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.В. Философия власти / К.С. Гаджиев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1993. – 412 с.
59. Гаевой В.С. Основы политологии: Реф. Академич. Пособия «Наука о политике»/ Под. Ред. А. Боднара. Варшава, 1988 / В.С. Гаевой. – М., 1990. – 298 с.
60. Гегель Г. Феноменология духа. Сочинения / Г. Гегель. – Т. IV – М.: Кн. дом «Университет», 1959. – 412 с.
61. Герович В.А. Проблема самоорганизации в исследованиях по кибернетике и искусственному интеллекту / В.А. Герович // Концепция самоорганизации в исторической ретроспективе. – М.: Мысль, 1994. – 377 с.
62. Гетманов И.П. Принципы коэволюции: дисс. ... д.филос. н. / И.П. Гетманов – Ростов н/Д, 2005. – 303 с.
63. Гоббс Т. Левиафан. раб. в 2 т. – Т. 2 / Т. Гоббс – М.: Мысль, 1991. – 654 с.

64. Голованов А. В. Социальная напряженность общества переходного периода: дис. ... к. филос. н. / А.В. Голованов. – Саранск, 2009. – 188 с.
65. Гольбах П. А. Избранные произведения: В 2-х т / П.А. Гольбах. – М.: Наука, 1963. – 471 с.
66. Гомеров И.Н. Государство и государственная власть / И.Н. Гомеров. – М.: Юрлитиздат, 2002. – 318 с.
67. Грунина В.А. Синергетические основы правового регулирования: автореф. дис. ... к.ю.н. / В.А. Грунина – Владимир, 2006. – 32 с.
68. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Л.: Гидрометеиздат, 1990. – 441 с.
69. Давидович В.Е. Теория идеала / В.Е. Давидович. – Ростов на-Дону: РГУ, 1983. – 221 с.
70. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – М.: Междунар. отношения, 1991. – 187 с.
71. Данилова Л.В. Сельская община в средневековой Руси / Л.В. Данилова. – М.: Наука, 1994. – 221 с.
72. Данилов-Данийлян В.И. Проблемы устойчивого развития человечества / В.И. Данилов-Данийлян, К.С. Лосев // Россия в окружающем мире. – М.: Система, 1998. – 380 с.
73. Дебердеева Т.Х. Синергетический подход в познании социально-исторических явлений. автореф. дисс.. к. филос.н / Т.Х. Дебердеева. – М., 2005. – 21 с.
74. Делокаров К.Х. Рационализм и социосинергетика / К.Х. Делокаров // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1. – С. 120–129.
75. Делокаров К.Х. Синергетика и управление: Методол. замечания / К.Х. Делокаров // Самоорганизация, организация, управление. – М.: РАГС, 1995. – 387 с.
76. Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы / К.Х. Делокаров. – М.: РАГС, 1999. – 267 с.

77. Делокаров К.Х., Демидов Ф.Д. В поисках новой парадигмы: Синергетика. Философия. Научная реальность / К.Х. Делокаров. – М.: Наука, 1999. – 551 с.
78. Демидов А.И. Власть в единстве и многообразии её измерений / А.И. Демидов // Государство и право. – 1995. – № 11. – С. 6–18.
79. Демидов А.И. Учение о политике: философские основания / А.И. Демидов. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – 387 с.
80. Денбиг К. К вопросу об энтропии, беспорядке и дезорганизации / К. Денбиг // Знание – сила. – 1995. – № 9. – С. 48–49.
81. Дробышевский С.А. Политическая организация общества и право как явления социальной эволюции / С.А. Дробышевский. – Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1995. – 190 с.
82. Евграфов П.Б. Соотношение структуры советского права и структуры советского законодательства: автореф. дис.. к.ю.н. / П.Б. Евграфов – Харьков, 1981. – 251 с.
83. Егоров В.С. Философский реализм / В.С. Егоров. – М.: КомКнига, 1994. – 511 с.
84. Загорулько А.В., Крадин Н.Н // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 6. – С. 159–166.
85. Зальцман Л.И. Модель пятимерного мира. Формирование новой парадигмы / Л.И. Зальцман. – М.: Зерцало, 1997. – 190 с.
86. Зелепукин А.А. Проблемы эффективности Российского законодательства: автореф. дис. ... к.ю.н. / А.А. Зелепукин - Саратов, 2000. – 34 с.
87. Зиммель Г. Избранное. Философия культуры / Г. Зиммель. – Т. 1. – М.: Юрист, 1996. – 217 с.
88. Иванов А.В. Синергетика в юридических и политических науках: (Тез. и дискуссии) / А.В. Иванов // Фил. дескрипторы. – Барнаул, 2001. – С. 84–90.
89. Итс Р.Ф. Введение в этнографию . – Л.: Изд-во ЛГУ, 1991. – 376 с.
90. Казаков В.Н. Правопорядок: некоторые аспекты / В.Н. Казаков // Право и образование. – 2002. – № 4. – С. 91–99.

91. Казютинский В.В. Универсальный эволюционизм: эпистемологические аспекты / В.В. Казютинский // *Философия и будущее цивилизации. Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. Том 1.* – М., 24 – 28 мая 2005. – С. 454–451.
92. Калиниченко Л.А. Социальная организация государственной службы / Л.А. Калиниченко. – М.: Издательство ЛКИ, 2000. – 335 с.
93. Камшилов М.М. Эволюция биосферы / М.М. Камшилов. – М.: Наука, 1979. – 314 с.
94. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г. Г. Синергетика и прогнозы будущего / С.П. Капица. – М. Эдиториал УРСС, 1997. – 187 с.
95. Кастельс М. Информационная эпоха / М. Кастельс. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 312 с.
96. Касти Дж. Большие системы: Связность, сложность, катастрофы / Дж. Касти. – М.: Мир, 1982. – 176 с.
97. Керимов Д.А. Философские основания политико-правовых исследований / Д.А. Керимов. – М.: Метод, 1986. – 112 с.
98. Кечекьян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. / С.Ф. Кечекьян. – М.: Мысль, 1958. – 411 с.
99. Кимстач В. Н. Козволюция технической и гуманитарной культур в контексте универсальной истории: дис. ... к.филос.н. / В.Н. Кимстач. – Ростов-на-Дону, 2006. – 298 с.
100. Кирвель Ч.С., Стрельченко В.И. Рациональность, глобализация и гуманизм / Ч.С. Кирвель // *Философия человека и процессы глобализации.* – СПб: Лань, 2006. – 194 с.
101. Киселев Г.С. Доколониальная Африка. Формирование классового общества / Г.С. Киселев. – М.: История, 1985. – 198 с.
102. Князева Е.Н, Курдюмов С.П. Законы и эволюции сложных систем / Е.Н. Князева. – М.: Мысль, 1994. – 118 с.

103. Князева Е.Н. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. – СПб.: Лань, 2002. – 143 с.
104. Князева Е.Н. Случайность, которая творит мир (новые представления о самоорганизации в природе и обществе) / Е.Н. Князева // В поисках нового мировидения: И.Пригожин, Е. и Н.Рерихи. – М.: Наука, 1991. – 198 с.
105. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем / Е.Н. Князева. – М.: Наука, 1994. – 223 с.
106. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировоззрение: диалог с Пригожиным // Вопросы философии. – 1992. – № 12. – С. 43–49.
107. Князева Е., Курдюмов С. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е. Князева // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. – С. 44–50.
108. Князева Е.Н. Антропный принцип в синергетике / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 64–70.
109. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики / Е.Н. Князева. – СПб.: Алетейя, 2002. – 312 с.
110. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика как новое мировидение: диалог с Пригожиным / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 1992. – № 12. - С.4-12.
111. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: начала нелинейного мышления / Е.Н. Князева // Общественные науки и современность. – 1993. – № 2. - С.42–51.
112. Коблов А.Н. Проблема направленности космической эволюции и ее философские аспекты // Развитие материи как закономерный процесс. / А.Н. Коблов – Пермь: Изд-во ПГУ, 1978. – 290 с.
113. Ковалев А.М. Изменяющийся и самоорганизующийся мир. Т.1, 2. / А.М. Ковалев – М.: Мир, 1999. – 318 с.
114. Коломойцев А.Ф. Диалектика возникновения и уничтожения в закономерном развитии материи // Развитие материи как закономерный процесс. / А.Ф. Коломойцев. – Пермь: Изд-во ПГУ, 1978. – 176 с.

115. Конт О. Курс позитивной философии / О. Конт // Родоначальники позитивизма. – Вып. IV. – 1912. – С. 6–15.
116. Королев А.И., Мушкин А.Е. Диалектика возникновения классового общества и государства / А.И. Королев // Правоведение. 1977. – № 1. – С. 43–49.
117. Коротаев А.В., Кузьминов Я.И. Некоторые проблемы моделирования социально-экономической структуры раннеклассовых и феодальных обществ / А.В. Коротаев // Народы Азии и Африки. - 1989. – № 3. – С. 77–85.
118. Коротаев А.В., Малков А.С., Халтурина Д.А. Законы истории. – Математическое моделирование исторических макропроцессов: демография, экономика, войны. / А.В. Коротаев – М.: КомКнига, 2005. – 117 с.
119. Косолапов Н.А. – Международно-политическая организация глобализирующегося мира: модели на среднесрочную перспективу / Н.А. Косолапов // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 25–39
120. Костылев В.М. Проблемы системного и формально-логического анализа права: автореф. дис. ... к.ю.н. / В.М. Костылев – Уфа, 2002. – 23 с.
121. Костюк В. Н. Изменяющиеся системы / В. Н. Костюк. – М.: Наука, 1993. – 298 с.
122. Котельников Г.А. Теоретическая и прикладная синергетика / Г.А. Котельников. – М., 2000. – 356 с.
123. Котляревский Г.С. Правопорядок в советском социалистическом обществе: автореф. дис. ... к.ю.н. / Г.С. Котляревский. – М., 1966. – 33 с.
124. Кохановский В.П. Диалектика против софистики и эклектики / В.П. Кохановский. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1984. – 187 с.
125. Кочакова Н.Б. Размышления по поводу раннего государства / Н.Б. Кочакова // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. – М.: Юрлитиздат, 1995. – 466 с.
126. Кочакова Н.Б. Рождение африканской цивилизации / Н.Б. Кочакова. – М.: Мысль, 1986. – 341 с.

127. Кочесоков З. Х. Дискурс современного этапа социальной эволюции в постнеклассической парадигме науки: дис. ... д. филос. н. / З. Х. Кочесоков. – Краснодар, 2010. – 419 с.
128. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения / Н.Н. Крадин // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. - Ч.2. - М.: Юридический мир, 1991. – 188 с.
129. Крадин Н.Н. Политогенез / Н.Н. Крадин // Архаическое общество: узловые проблемы социологии развития. – Ч.2. – М.: Юридический мир, 1991. – 241 с.
130. Красавчиков О.А. Система права и система законодательства / О.А. Красавчиков // Правоведение. – 1975. – № 2. – С. 62–71.
131. Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии / Л.Е. Куббель. – М.: Наука, 1988. – 197 с.
132. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. / В.П. Кузьмин – М.: Инфра-М, 1976. – 319 с.
133. Курдюмов С.П., Князева Е.Н. У истоков синергетического видения мира / С.П. Курдюмов // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Наука, 1994. – 315 с.
134. Ласло Э. Основания трансдисциплинарной единой теории / Э. Ласло // Вопросы философии. – 1997. – № 2. - С. 80-98.
135. Лекторский В.А. Трансформация научного знания в современной культуре / В.А. Лекторский // Синергетическая парадигма / Под ред. В.Г.Буданова. – М.: Мысль, 2006. – 349 с.
136. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая / В.А. Лекторский. – М.: Зерцало, 2001. – 214 с.
137. Ленин В. И. Полн. собр. соч.: Разногласия в европейском рабочем движении / В. И. Ленин – 5-е изд. – М.: Полит.литер.,1973. – 445 с.
138. Лесков Л.В. Возрождение России: Синергетический подход / Л. В. Лесков // Россия и современный мир. – 1996. – № 4.(13). - С. 48-55.

139. Лесков Л.В. Знание и власть: Синергетическая кратология / Л.В. Лесков. – М.: Дашков и Ко, 2001. – 229 с.
140. Лесков Л.В. Регулируемое равновесие России: Принцип хрупкости хорошего / Л.В. Лесков // ОНС: Общество, науки и современность. – М.: Мысль, 1996. – 298 с.
141. Лесков Л.В. Чего не делать? Футуросинергетика России / Л.В. Лесков. – М.: Мысль, 1998. – 198 с.
142. Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений / В.И. Леушин – Красноярск, 1987. – 122 с.
143. Локк Д. раб. в 3т. Т.3. – М.: Мысль, 1988. – 339 с.
144. Лукьянов А.И. Система права в Советском союзном государстве / А.И. Лукьянов, А.Ф. Шебанов // Советское государство и право. – 1976. – № 9. – С. 35–43.
145. Луман Н.Л. Общество как социальная система / Н.Л. Луман – М: Логос, – 2004. – 232 с.
146. Майнцер К. Сложность и самоорганизация Возникновение новой науки и культуры на рубеже веков / К. Майнцер // Вопросы философии. – 1997. – № 2. – С. 55–62.
147. Макиавелли Н. История Флоренции / Н. Макиавелли. – Л.: Ленинград, – 1973. – 322 с.
148. Маковельский А.О. Древнегреческие атомисты / А.О. Маковельский. – Баку, 1946. – 154 с.
149. Малинецкий Г.Г. Исторические механизмы и нелинейная динамика / Г.Г. Малинецкий // Синергетика и психология. Тексты. Вып. 2. Социальные процессы. – М.: ЯНУС-К, 2000. – С. 190–209.
150. Малинецкий Г.Г. Катастрофы и бедствия глазами нелинейной динамики / Г.Г.Малинецкий, А.Б. Потапов // Знание-сила. – 1995. – № 3. – С. 27–34.
151. Маркова Л.А. От математического естествознания к науке о хаосе / Л.А. Маркова // Вопросы философии. – 2003. – № 7. – С. 18–28.
152. Марутаев М.А. Гармония как закономерность природы / М.А. Марутаев. – М.: Золотое сечение, 1990. – 166 с.

153. Массон В.М. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке / В.М. Массон // Вопросы истории. - 1967. - № 5. – С. 12–18.
154. Методологические основы социального управления. – М.: Экономика, 1995. – 211 с.
155. Могилевский В. Система власти и власть системы / В. Могилевский // Информационно-аналитический журнал ВОПД «Духовное наследие». – 2001. – № 1 (96). – С. 34–42.
156. Могилевский В.Д. Методология систем / В.Д. Могилевский. – М.: Экономика, 1999. – 184 с.
157. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М.: Наука, 1984. – 219 с.
158. Моисеев Н.Н. Оправдание единства (комментарии к учению о ноосфере) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1988. – № 4. – С. 28–33.
159. Моисеев Н.Н. Пути к созиданию / Н.Н. Моисеев. – М.: Республика, 1992. – 191 с.
160. Моисеев Н.Н. Универсальный эволюционизм (Позиция и следствия) / Н.Н. Моисеев // Вопросы философии. – 1991. – № 3. – С. 6–12.
161. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. / Н.Н. Моисеев – М.: Устойчивый мир, 2001. – 287 с.
162. Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума / Н. Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 167 с.
163. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития / Н.Н. Моисеев. – М.: Политиздат, 1987. – 113 с.
164. Моисеев П. Расставание с простотой / П.Моисеев – М.: Наука, 1998. – 218 с.
165. Монтескье Ш. Избр. произв. – М.: Инфра-М, 1955. – 176 с.
166. Мэн Г.С. Древнее право / Г.С. Мэн. – М.: Зерцало, 1982. – 115 с.
167. Назаретян А.П. Интеллект во вселенной / А.П. Назаретян. – М.: Недра, 1991. – 126 с.

168. Назаретян А.П. Синергетика в гуманитарном знании: предварительные итоги / А.П. Назаретян // *Общественные науки и современность*. – 1997. – № 2. – С. 92-99.
169. Назаретян А.П. Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории: (Синергетика, психология и футурология) / А.П. Назаретян. – М.: PerSe, 2001. – 170 с.
170. Назаров Б.Л. Социалистическое право в системе социальных связей. / Б.Л. Назаров – М.: Юридический мир, 1976. – 317 с.
171. Никифоров Н.Н. Восток и всемирная история / Н.Н. Никифоров. – М.: Мир, 1977. – 231 с.
172. Николис Г., Пригожин И. Познание сложного / Г. Николис. – М.: Мир, – 1990. – 118 с.
173. Никольский В.К. Место Эдуарда Тейлора в исследовании первобытной культуры / В.К. Никольский // Тейлор Э. Первобытная культура/ под ред. В.К. Никольского. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 180 с.
174. Новое в синергетике. Новая реальность. Новые проблемы. Новое поколение / отв. ред. Г.Г. – Малинецкий. – М.: Инфра-М, 2007. – 119 с.
175. Носков Э. Г. Онтология власти: тотальность и символический характер властеотношения: дис. ... д. филос. н. / Э.Г. Носков Самара, 2011. – 412 с.
176. Общая теория права: Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород, 1993. – 412 с.
177. Ойгенблик С.Н. К вопросу об исторических формах взаимосвязи политики и права / С.Н. Ойгенблик. – Волгоград, 1989. – 76 с.
178. Орынбеков М.С. Субстанция как внутреннее единство развивающихся целостных систем // Развитие как регулятивный принцип / М.С. Орынбеков. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1991. – 165 с.
179. Осипов Ю. Принципы хозяйственной самоорганизации / Ю. Осипов. – М.: Зерцало, 1993. – 118 с.
180. Осипова Е., Соколова Р. Кризис цивилизации и неоконсерватизм / Е. Осипова // *Общественные науки и современность*. – 1993. – № 3. – С. 45–52.

181. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития) / Ю.В. Павленко. - Киев, 1989. – 199 с.
182. Палатников Д.Е. Роль социальной синергетики в познании социально-политических явлений: дис. ... д. филос. н. / Д.Е Палатников. – Ярославль, 2009. – 410 с.
183. Панарин А.С. Стиль «ретро» в идеологии и политике: Критические очерки французского неоконсерватизма / А.С. Панарин. – М.: Новая школа, 1989. – 369 с.
184. Переходы и катастрофы. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. – 188 с.
185. Петров В.К. Устойчивость государства / В.К. Петров, С.Г. Селиванов. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2005. – 491 с.
186. Печенкин А.А. Школа Андропова как один из источников синергетики в СССР / А.А. Печенкин // Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления. – М.: Алгоритм, 1994. – 424 с.
187. Плетников В. С. Модель государства в современной отечественной юриспруденции: методология и практика применения: дис. ... д. ю. н. / В.С. Плетников. – Екатеринбург, 2022. – 397 с.
188. Поддубный Н.В. Самоорганизующиеся системы: онтологический и методологический аспекты: дис. ... д. филос. н. / Н.В Поддубный. – Ростов-на-Дону, 2000. – 551 с.
189. Поддубный Н.В. Синергетика: диалектика самоорганизующихся систем / Н.В. Поддубный. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999. – 351 с.
190. Подорога В.А. Власть и познание (археологический поиск М. Фуко). Власть: очерки современной политической философии Запада / В.А. Подорога. – М.: Наука, 1989. – 387 с.
191. Поленина С.В. Теоретические проблемы системы советского законодательства. / С.В. Поленина – М.: Наука, 1979. – 206 с.
192. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т. / К. Поппер – М.: Прогресс, 1992. – 344 с.

193. Потатурин И.О. Методологический подход к исследованию проблемы политического хаоса / И.О. Потатурин // «Новые» и «вечные» проблемы философии. – Новосибирск: Арка, 2000. – 178 с.
194. Пригожин И. Время, хаос, квант : пер. с англ. / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. – 252 с.
195. Пригожин И. Философия нестабильности / И. Пригожин // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С.49–54.
196. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
197. Проблемы генезиса китайского государства. – М., 1983. - С.3-57.
198. Протасов В.Н. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. – М.: Новый Юрист, 2001. – 240 с.
199. Пугачев Е.Г., Соловьев К.Н. Самоорганизация социально-экономических систем / Е.Г. Пугачев. – Иркутск, 2003. – 32 с.
200. Развитие как регулятивный принцип. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1981. – 117 с.
201. Разумович Н.Н. Политическая и правовая культура. Идеи и институты Древней Греции / Н.Н. Разумович. – М.: Наука, 1989. – 280 с.
202. Ребош В.А. Философско-синергетические основания концепции устойчивого развития: дис. ... д.филос.н. / В.А Ребош. – СПб., 2008. – 599 с.
203. Режабек Е.Я. Перспективы эволюционизма с позиций синергетики / Е.Я. Режабек // Научная мысль Кавказа. – 1995. – № 4. – С.47–56.
204. Режабек Е.Я. Становление понятия организации / Е.Я. Режабек. – Ростов-на-Дону: РГУ, 1991. – 117 с.
205. Реутов В.П. О системе советского социалистического права / В.П. Реутов // Теоретические вопросы государства и права развитого социализма. – Пермь, 1980. – С. 109–127.
206. Рожков В.П. Запад и Россия. Философские основания цивилизационной константы общественного сознания / В.П. Рожков. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1998. – 287 с.

207. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственное управление: дис. ... д. социолог. н. / В.Л. Романов. – М., 2001. – 518 с.
208. Романов В.Л. Социальная самоорганизация и государственность / В.Л. Романов. – М.: РАГС, 2003. – 189 с.
209. Рормозер Г., Френкин А. Консервативная революция / Г. Рормозер // Полис. – 1992. – № 1–2. – С. 22–34.
210. Рузавин Г.И. Самоорганизация и организация в развитии общества / Г.И. Рузавин // Вопросы философии. – 1995. – № 8. – С. 227–233.
211. Руссо Ж. Об общественном договоре или принципы политического права / Ж. Руссо. – Москва: Издательство Юрайт, 2018. – 146 с.
212. Самарский А.А., Галактионов В.А., Курдюмов С.П. Режим с обострением в задачах для квазилинейных параболических уравнений / А.А. Самарский. – М.: Высша школа, 1987. – 195 с.
213. Самоорганизация и наука: опыт философского осмысления / отв. ред. И.А. Ачкурин, В.И. Аршинов – М.: Наука, 1994. – 445 с.
214. Самоорганизация, организация, управление: сб. статей. – М: Изд-во Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации, 1995. – 449 с.
215. Свод этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. Этнографические субдисциплины. Школы и направления. – М.: Наука, 1998. – 166 с.
216. Синергетика и социальное управление : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; под ред. В. С. Егорова. – М. : РАГС, 1998. – 352 с.
217. Синергетика и учебный процесс: сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; под ред. В. С. Егорова. – М.: РАГС, 1999. – 142 с.
218. Синергетика, философия, культура : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ; под ред. В. С. Егорова. – М.: РАГС, 2001. – 223 с.
219. Синергетика: человек, общество : сб. ст. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – М.: РАГС, 2000. – 342 с.

220. Синергетическая парадигма – множество поисков и подходов / Отв. Ред. В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович / В.И. Аршинов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 584 с.
221. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 187 с.
222. Синюков В.Н. Российская правовая система. - Саратов, Изд-во СГАП. – 1994. - 432 с.
223. Словарь античности. – М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
224. Современная западная социология. Словарь. – М.: Политиздат, 1990. – 431 с.
225. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования (теоретические проблемы) / В.Д. Сорокин – Политиздат, 1976. – 542 с.
226. Сороко Э.М. Структурная гармония систем / Э.М. Сороко. – Минск: Наука и техника, 1984. – 433 с.
227. Спенсер Г. Основные начала / Г. Спенсер. – СПб: Лань, 1897. – 319 с.
228. Спенсер Г. Социология как предмет изучения / Г. Спенсер. – СПб.: Лань, 1896. – 556 с.
229. Спиноза Б. Избр. произв.: в 2 т. Т. 1. / Б. Спиноза. – М.: Политиздат, 1957. – 688 с.
230. Степин В.С. Становление норм и идеалов постнеклассической науки / В.С. Стёпин // Проблемы методологии постнеклассической науки. – М.: Просвещение, 1992. – 298 с.
231. Степин В.С. Теоретическое знание./ В.С. Степин – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.
232. Страхов Н.Н. Основные закономерности возникновения и развития государства в странах Древнего Востока: автореф. дисс. ... д.ю.н / Н.Н. Страхов. – Харьков, 1973. – 54 с.
233. Тейлор Э.Б. Первобытная культура / Э.Б. Тэйлор. – М.: Политиздат, 1989. – 197 с.
234. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987. – 212 с.

235. Теоретические проблемы государственного управления и государственной службы. – М.: Просвещение, 1997. – 413 с.
236. Теория государства и права: Учебник / под ред. В. Б. Исакова. – М.: Норма, 1998. – 557 с.
237. Тимонин А.Н. Исторический генезис Древнерусского государства: теоретико-методологический аспект: дис. ... д.ю.н. / А.Н. Тимонин. – М., 2007. – 515 с.
238. Тишков, В.А. Что есть Россия? (перспективы нации-строительства) / В.А. Тишков // Вопросы философии. – 1995. – № 2. – С. 6–15.
239. Туманов Г.А. Организация как функция государственного управления / Г.А. Туманов // Советское государство и право. – 1986. – № 1. – С. 40–41.
240. Тэйлор Э.Б. Антропология. Введение к изучению человека и цивилизации / Э.Б. Тэйлор. – М.: Мысль, 1924. – 399 с.
241. Урманцев Ю.А. Природа адаптации / Ю.А. Урманцев // Вопросы философии. – 1998. – № 12. – С. 26-35.
242. Урсул А.Д, Урасул Т.А. Синергетика и ноосферный подход к управлению устойчивым развитием / А.Д. Урсул // Синергетика и социальное управление. – М.: Гознак, 1998. – 334 с.
243. Устрялов Н.В. Проблема прогресса / Н.В. Устрялов. – М.: Юрлитиздат, 1998. – С. 48.
244. Ушаков А.А. О социалистическом общенародном праве как мере государственного регулирования общественных отношений развитого социализма и федеративной структуре советской системы права и законодательства. В кн.: Государство, право, законность / А.А. Ушаков. – Пермь, 1976. – С. 30–50.
245. Феномен власти-собственности. Типы общественных отношений на Востоке в средние века. – М.: Политиздат, 1982. – 344 с.
246. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
247. Хакен Г. Информация и самоорганизация: Макроскопический подход к сложным системам / Г. Хакен. – М.: Мир, 1991. – 240 с.
248. Хакен Г. Синергетика / Г. Хакен. – М.: Мир, 1980. – 404 с.

249. Хакен Г. Синергетика. Иерархии неустойчивостей в самоорганизующихся системах и устройствах / Г. Хакен. – М.: Мир, 1984. – 229 с.
250. Халипов В.Ф. Кратология как система наук о власти / В.Ф. Халипов. – М.: Республика, 1999. – 303 с.
251. Хапачев Ю.П. и др. Концепции современного естествознания / Ю.П. Хапачев. – Нальчик: Каб. – Балк. ун-т., – 1997. – 412 с.
252. Харитонов А.С. Симметрия хаоса и порядка при изменении организации / А.С. Харитонов. – М.: Норма, 1997. – 176 с.
253. Цыбенков Б.Ц. – Методологические возможности синергетики в познании социальных процессов: автореф. дисс.. к. филос. н. / Б.Ц. Цыбенков. – М., 2002. – 22 с.
254. Чернавский Д.С. О методологических аспектах синергетики. – М.: ИФ-РАН, 2002. – 218 с.
255. Чернавский Д.С., Стариков Н.Н., Щербаков А.В. Проблемы физической экономики / Д.С. Чернавский // Успехи физ. наук. – 2002. – Т. 172. – № 9. – С. 1045–1067.
256. Чистилин Д.К. Самоорганизация мировой экономики: Евразийский аспект / Д.К. Чистилин. – М.: Просвещение, 2004. – 312 с.
257. Чичерин Б.Н. История политических учений. Ч.1 / Б.Н. Чичерин. – СПб.: Издательство РХГА, 2010. – 784 с.
258. Чичнева Е.А. Актуальные проблемы современного права, или новое правовое мышление (Взгляд философа) / Е.А. Чичнева // Вестник Московского университета. – Выпуск 7: Философия. – 2001. – № 2. – С. 109–112.
259. Шаборов О. Политическое управление: проблемы стабильности развития / О. Шаборов. – М.: Наука, 1997. – 297 с.
260. Шаборов О.Ф. Политические системы: открытость, устойчивость, развитие / О.Ф. Шаборов // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Материалы междунар.конфер. – В 4 т. – М.:Интеллект,1996. – Т.1. – С.23–30.
261. Шалаев В.П. Синергетика управления и права: теоретический задел и практические возможности / Теория государства и права. Философия права:

Материалы конференции / Марийский государственный университет / В.П. Шалаев – Йошкар-Ола, 1999. – С. 50–61.

262. Шалаев В.П. Социосинергетика: Истоки, теория и практика в современном мире / В.П. Шалаев. – Йошкар-Ола, 1999. – 312 с.

263. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма / Ф. Шеллинг // Соч. в двух томах. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 177 с.

264. Шишкин В. В. Синергетический подход в теории права: дис. ... к.ю.н. / Шишкин В.В. – Нижний Новгород, 2007. – 211 с.

265. Шлезингер-младший А. М. Циклы американской истории / А.М. Шлезингер-младший. – М.: Алгоритм, 1992. – 688 с.

266. Шпенглер О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 288 с.

267. Шундилов К.В. Синергетика как перспективный метод правовой науки / К.В. Шундилов // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2007. – № 1. – С. 21–29.

268. Щедровицкий, Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого / Г.П. Щедровицкий. – Т. 4. – М.: Наука, 2000. – 266 с.

269. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Ш. Эйзенштадт. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 275 с.

270. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства / Энгельс Ф. – М.: Азбука-классика, 2009. – 256 с.

271. Энгельс Ф. Энгельс – Й. Блоху, 21 (22) сентября 1890 г. / Маркс К., Энгельс Ф. Собр. раб. 2-е изд. Т. 37. – М.: Политиздат, 1959. – 677 с.

272. Югай Г.А. Общая теория жизни / Г.А. Югай. – М.: Мысль, 1985. – 299 с.

273. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы / Ю.В. Яковец. – М.: Наука, 1999. – 352 с.

274. Яковлев В.Ф. Гражданско-правовой «метод регулирования» общественных отношений. / В.Ф. Яковлев. - Свердловск, 1972. – 562 с.

275. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер с нем. / К. Ясперс. – 2-е изд. – М.: Республика, 1994. – 527 с.
276. Arnhart L. Political Questions. Political Philosophy from Plato to Rawls. – N.Y.: Macmillan Publishers, 1987. – 66 p.
277. Austin J. Lectures on Jurisprudence or the Philosophy of Positive Law. Third Edn. In Two Vols. London: John. – Murray, 1869. – 615 p.
278. Balkin Jack. What is Postmodern Constitutionalism? – Michigan, Michigan Law Review, 1992. – 2299 p.
279. Bodin J. The Six Books of a Commonweale. Ed. with an Introduction by K.D. McRae. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. – 20 p.
280. Boyle James. Is subjectivity possible? The postmodern subject in Legal Theory. – 62 U. Colo. L. Rev., 1991. – 612 p.
281. Bozo de Carmona Ana Julia. Toward a Postmodern Theory of Law. Annuals. Twentieth World Congress of Philosophy. – Boston,. – 1998. – 211 p.
282. Braithwaite Murray James. Prolegomena to a Postmodern Theory of Law. USB Law Theses and Dissertation Abstracts Bulletin. Annual. – 1993. – N. Y., 2013. – 412 p.
283. Christian D. The case for «Big History» // Journal of World Histori., – 1991. P.65.
284. Cohen R. Introduction / R. Cohen // Ibidem. 2015. – № 1. – P.8–14.
285. Crozier M. et Friedberg E. L'acteur et le système. – Paris: Edition du Seuil, 2000. – 512 p.
286. Deutsch K. The nerves of government: Models of political communication and control. – New York: The Free Press, 1969. – 316 p.
287. Early State Economics / Ed. by. H.J. Ciaessen, P.Velde. new Brunwik. London, – 1991. P.122.
288. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: John Wiley and Sons, 1965. – 507 p.
289. Fried M.n. The Evolution of Political Society. An Essay in Political Anthropology. – N.Y.: Random House, 1967. – 312 p.

290. Fried M.H. The State, the Chicken, and the Egg: or, What Came First // *Origins of the State*. 2010. – № 12. – P. 38–46.
291. Goodrich P., Carlson D. *Law and Postmodern Mind*. – Univ. of Michigan Press, 1998. – 199 p.
292. Haas J. *The Evolution of the Prehistoric State*. – N.Y.: Columbia University Press, 1982. – 167 p.
293. Hoebel E.A. *Man in the Primitive World*. – N.Y.: McGraw Hill, 1949. P. 376.
294. *Issues in Contemporary Legal Philosophy. The Influence of H.L.A. Hart*. Ed. By Ruth Gavison / Oxford: Clarendon Press, 1987. – 65 p.
295. Koyre A. *The significance of the newtonian synthesis* / A. Koyre // *The Rise of modern Science* / Ed. G. Bassala, Mass., 1968. – P. 103–104.
296. Lewellen T.C. *Political Anthropology. An Introduction*. – South Hadley, Mass.: Bergin and Carway Publishers, 1983. – P. 10–41.
297. Oakeshott M/ *On Human Conduct*. – Oxford: Clarendon Press, 1976. – P. 116–127.
298. *Origins of the State. The Anthropology of Political Evolution*. Ed. By R. Cohen and E.R. Service. Philadelphia, 1978, 1978. – P.2–12.
299. Parsons T. *Politics and Social Structure*. – N.Y.: Macmillan-The Free Press, 1969. – 557 p.
300. Pospisil L.J. *Anthropology of Law*. – N.Y.: 1990. – 312 p.
301. Schlag Pierre. *normative and nowhere tu Go*. – 43 p.
302. Service E.R. *Classical and Modern Theories of the Origins of Govenment // Origins of the State. The Antropology of Political Evolution /Ed. Ёy R.Cohen and E.R.Service*. – Philadephia, 1978. – 155 p.
303. Stenford L. *Rev.*, 1990. – Pp. 167–195.
304. *The politics of Reason: Critical Legal Theory and Local Social Though*. – 133 *U. PA. L. Review*. – 1985. – Pp. 685–697.